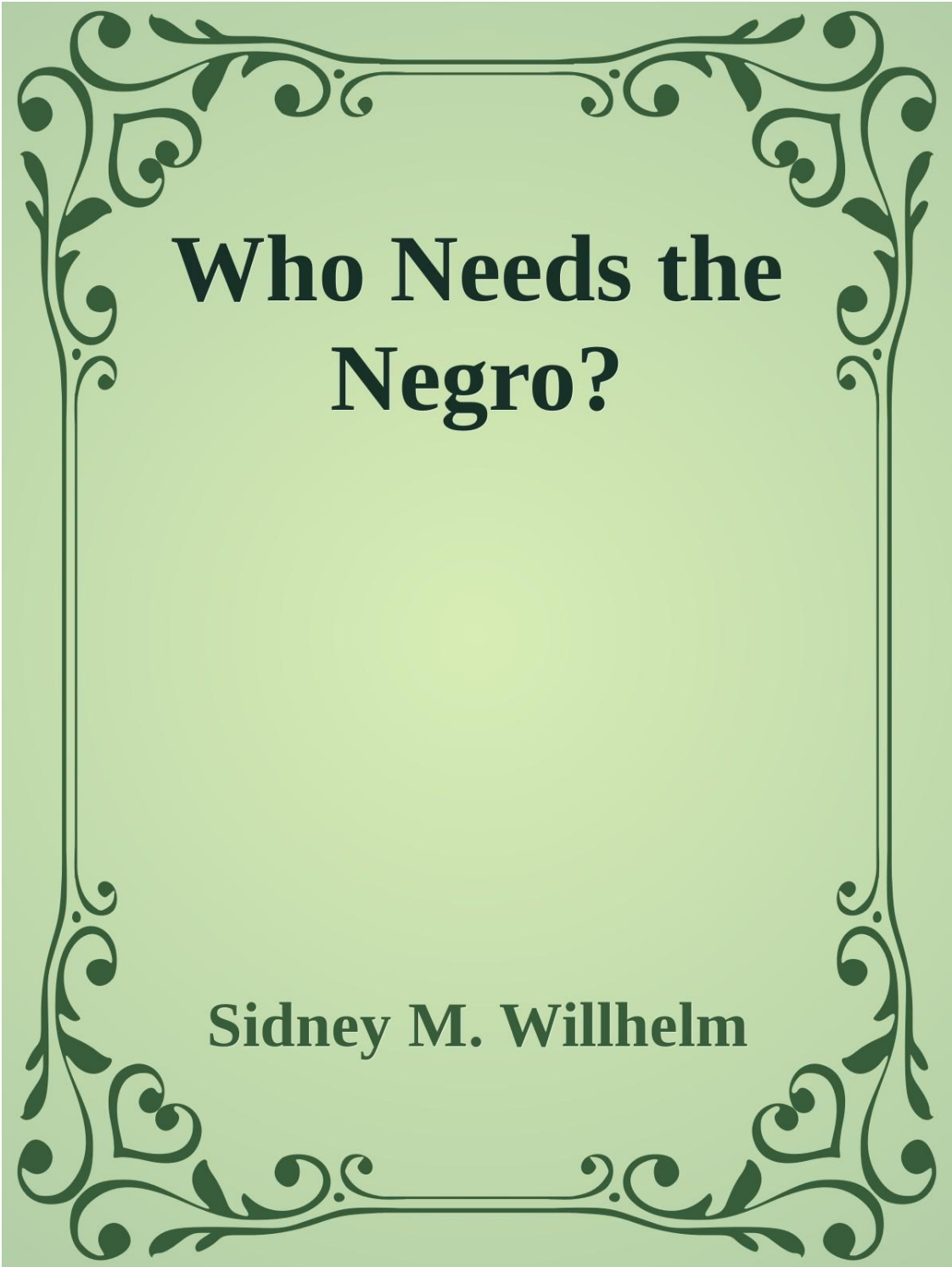

Кому нужен негр?

Сидни М. Уиллхельм

Who Needs the Negro?

Sidney M. Willhelm

Предисловие

В поколении, прошедшем после окончания Второй мировой войны, малочисленное население этой страны было главным инициатором социальных изменений. Это удивило как белых радикалов, так и белых консерваторов. Радикалы, ожидавшие после 1945г. новой экономической депрессии и продолжения мятежа ЦРУ, вместо этого столкнулись с процветанием экономики перманентной войны, относительно вялым состоянием белого рабочего класса и близостью черной революции. Консерваторы, которые видели в том самом процветании после 1945 года доказательство того, что Соединенные Штаты достигли социального государства, одновременно богатого, демократического и стабильного, которому "слаборазвитым" странам остается только подражать, были сбиты с толку взрывом посреди этой утопии черного мятежа.

После всех слов, написанных комментаторами радикальными и консервативными, белыми и черными, восстание черных остается принципиально необъяснимым. Мы живем в эпицентре социального вихря, который мы не понимаем.

Исследование профессора Вильгельма направлено именно на решение этой аналитической задачи. Его точка зрения, которую можно было бы назвать недогматичным экономическим подходом, является наиболее удовлетворительной из всех, которые я знаю.

По словам профессора Уиллхельма, американский расизм имеет экономическое происхождение. Он следует примеру Оскара Хэндлина в выводе рабства движимого имущества из эволюции подневольного состояния в Вирджинии и Мэриленде семнадцатого века. Полное объяснение могло бы также подчеркнуть такие факторы, как падение цен на табак после 1660 года, которое вынудило табачных плантаторов в Новом Свете искать более дешевую рабочую силу. Ключевым моментом является то, что рабство возникло по экономическим причинам, а расизм возник для рационализации порабощения чернокожих. (Это правда, что английские поселенцы принесли с собой определенные предубеждения против чернокожих. Это было подчеркнуто Уинтропом Джорданом в книге "Белое поверх черного", и в этом может убедиться каждый, кто читает "Отелло". Но этот предрассудок сам по себе не развился бы в институт рабства без стимулирования со стороны мощных экономических сил.)

Из этого не следует, что, поскольку расизм имеет экономическое происхождение, расизм можно легко преодолеть с помощью экономических изменений. Расизм белых американцев стал, по словам профессора Вильгельма, "доминирующей, автономной социальной ценностью". В его неоднократно высказываемой формулировке расизм выражает себя в экономических пределах, созданных потребностью белого американца в рабочей силе черного американца. Если бы белый американец больше не нуждался в рабочей силе черного американца, это не означало бы, что белый американец больше не был бы расистом. Наоборот. По мнению профессора Вильхельма, если бы белый американец больше не нуждался в рабочей силе чернокожего американца, он мог бы чувствовать себя свободным в полном проявлении своего расизма: не просто эксплуатировать чернокожего американца, как в последние 300 лет, но и убивать его.

И дело в том, что в экономике Соединенных Штатов труд чернокожего человека все чаще не нужен. Причина этого - автоматизация. Не преуменьшая влияния революций Третьей мировой

на сознание чернокожих, все же следует рассматривать технологические изменения в Соединенных Штатах как основную силу, стоящую за мятежом афроамериканцев после 11-й мировой войны. Профессор Вильгельм утверждает, что примерно с момента окончания Корейской войны влияние автоматизации более чем свело на нет существенные успехи, достигнутые чернокожими за предыдущее десятилетие. Позвольте мне процитировать слова выдающегося европейского экономиста Эрнеста Манделя, которые подтверждают анализ профессора Вильгельма:

за последние десять лет количество неквалифицированных рабочих мест в промышленности сократилось с 13 миллионов до менее чем четырех миллионов, а, вероятно, до трех миллионов Группа, которая больше всего пострадала от исчезновения неквалифицированных рабочих мест, - это, конечно, чернокожее население Соединенных Штатов Каждый день средний уровень безработицы среди чернокожего населения вдвое выше, чем среди белого населения, а средний уровень безработицы среди молодежи вдвое выше, чем среди взрослых, так что средний показатель среди чернокожей молодежи почти в четыре раза превышает общий средний показатель в сельской местности. До 20 процентов молодых чернокожих работников являются безработными: 1 его процент аналогичен проценту во время Великой депрессии.

Таким образом, автоматизация, которая, поскольку требует высококвалифицированных работников, ответственна за мультиверситет после Второй мировой войны и, косвенно, за студенческое восстание 1960-х годов, также лежит в основе другого крупного послевоенного восстания, восстания чернокожих. И депрессия, ожидаемая радикалами, в конце концов наступила, но только для молодых чернокожих рабочих.

Вооруженный центральным представлением о связи между восстанием чернокожих и автоматизацией, профессор Вильгельм опровергает частичные или псевдо-объяснения, с помощью которых академические круги объясняли черную бедность и черный радикализм.

Семейная нестабильность не поддается объяснению. Это приписывает бедность афроамериканцев афроамериканцам и не может смириться с тем фактом, что стабильная чернокожая семья также страдает от экономической дискриминации, непропорционально низкого дохода и непропорционально высокого unemployment

Урбанизация ошибочно возлагает вину за бедность чернокожего человека на это внеисторическое образование "город". Чернокожий американец беден не потому, что он живет в городе. Он был беден до того, как приехал в город, и он все еще беден в нем. На протяжении всей своей работы профессор Вильгельм справедливо стремится демифологизировать и очеловечить безличные силы, такие как "урбанизация" (или "индустриализация", "миграция" и т.д.), которые некоторые считают причиной расизма. Как он говорит: "дискриминацию проявляют люди; урбанизация и индустриализация не являются процессами, которые по своей сути порождают или разрешают различия между меньшинствами". Таким образом, урбанизация может быть расистской или гуманной, в зависимости от того, как она осуществляется. Автоматизация тоже не обязательно является расистской, но усиливает расизм, когда ее контролируют бизнесмены, заинтересованные в прибыли, а не в благосостоянии людей.

Точно так же существует ряд поверхностных обобщений относительно взаимосвязи войны и "прогресса" чернокожих. Профессор Вильгельм показывает, что (а) в то время как революционные и гражданские войны пошли на пользу чернокожим, испано-американская война усилила внутренний расизм; (б) за войнами, приносящими улучшения, следуют периоды реакции, в ходе которых многие завоевания отнимаются, например, во время послевоенных событий Первой мировой войны; и (в) особый характер войны во Вьетнаме заключается в том, что из-за автоматизации афроамериканцы не улучшают свое экономическое положение дома, как в Первой и Второй мировых войнах, но, будучи по-прежнему необходимыми как солдаты, гибнут непропорционально часто на поле боя.

Профессор Вильгельм также приводит наглядное сравнение между периодом восстановления страны после освобождения рабов и периодом в международной политике после Первой мировой войны, когда так много колониальных стран добились своей независимости. В каждом случае, утверждает он, после переходного периода, когда идеалистические лозунги были во многом на первом плане, капиталистическая эксплуатация возобновлялась.

Точно так же, как промышленники Севера, участвовавшие в гражданской войне, не смогли немедленно утвердиться на Юге и были вынуждены позволить своему союзнику-аболиционисту военного времени продвигать расовый вопрос в пользу прав негров, так и Америка не смогла немедленно утвердить свои международные экономические интересы на бывших колониальных территориях и, следовательно, должна была разрешить разжигание расового вопроса независимыми странами в интересах американских негров. ... Точно так же, как интересы Северной корпорации (в конце концов! заменив землевладельческое дворянство Юга, американцы заменили европейские экономические интересы, чтобы управлять националистически настроенными цветными людьми, которые думали, как и их чернокожие американские коллеги-реконструкторы, что они наконец-то завоевали равные права в неравном мире.

Мне кажется, что этот аргумент помогает объяснить, почему Верховный суд действовал так, как он действовал в 1954 году, и почему нация действовала (или. не действовала) так, как она действовала впоследствии.

Профессор Вильгельм также критикует объяснение черного мятежа 011 причинами относительной депривации. Это теория, известная непрофессионалам как теория "растущих ожиданий", согласно которой в странах Третьего мира люди требуют большего не потому, что их оттесняют назад, а потому, что они движутся вперед и хотят делать это быстрее. Теория не может объяснить тот факт, доказанный Комиссией Ксрпсг, что чернокожие, которые бунтуют, - это те, кто обделен, а не те, кто добился успеха. Эта теория также не учитывает тот факт, что тенденция к росту благосостояния, очевидная для чернокожих во время и сразу после Второй мировой войны, обратилась вспять в 1950-х годах. Прежде всего, эта теория неисторична: она упускает из виду то огромное обстоятельство, что чернокожие требуют сейчас того, чего они требовали на протяжении всей американской истории.

Наконец, профессор Вильгельм опровергает тезис о том, что благосостояние чернокожих напрямую коррелирует с ежегодной потребностью экономики в рабочей силе. Он показывает, что этот аргумент верен только в том смысле, в каком он составляет ядро настоящего исследования, то есть как долгосрочная проекция превращения чернокожего рабочего из сверхэксплуататора в бесполезного. Механизация сельского хозяйства Юга, совпавшая с

автоматизацией промышленности Севера, привела к тому, что это преобразование произошло едва ли более чем за десятилетие.

Очистив почву от неадекватных объяснений состояния черной Америки, профессор Вильгельм переходит к своим двум центральным выводам.

1. Достижение конституционного и правового равенства в период после Второй мировой войны было направлено не на улучшение положения чернокожего человека, а на рационализацию его затопления. Равенство перед законом заменяет рационализацию более ранних эпох. Поскольку больше нельзя успешно утверждать, что черный - низшее существо или что дарвиновская борьба за выживание требует, чтобы некоторые страдали, чтобы большинство могло прогрессировать, белая Америка теперь утверждает, что, поскольку черный человек равен перед законом, его неспособность достичь равенства в других отношениях должна быть его собственной виной. Дискриминация больше не нужна, потому что автоматизация делает невозможной конкуренцию для чернокожего человека. Следовательно, чернокожий американец достигает равенства именно потому, что социально-экономический прогресс находится за пределами его досягаемости. По словам профессора Вильгельма, "Зачем проводить дискриминацию, когда можно устранить?"

Таким образом, столь восхваляемый "прогресс" прошлого поколения - это всего лишь новейшая версия той капиталистической идеологии, которая провозглашает, как выразился Анатолий Франс, что все люди вольны спать под мостом. Стоит только признать, что цель этой страны - получение прибыли, а не самоуправление, и из этого следует вывод, что гетто, как и война во Вьетнаме, не ошибка. Гетто и война во Вьетнаме существуют не вопреки Америке, а благодаря ей. Как говорит профессор Уиллхельм, они являются "продуктами организованных усилий — реальностью преднамеренного намерения, а не какой-то эксцентричной аберрацией из-за того, что что-то пошло не так". Американское общество процветает с точки зрения своих собственных норм; равенство перед законом работает не для того, чтобы противодействовать стремлению к наживе, а для того, чтобы замаскировать его.

2. Конечной судьбой афроамериканца, вероятно, будет истребление, а не ассимиляция. Его положение меньше похоже на положение европейского иммигранта, чем на положение американского индейца. Чернокожие боевики не до конца поняли экономическую основу того, что они воспринимают, но, предсказывая геноцид, они точно уловили конец, к которому ведет логика автоматизации.

Индейцы были полезны экономически до тех пор, пока европейцам нужны были меха, а не земля для ведения сельского хозяйства, и полезны в военном отношении до тех пор, пока североамериканский континент был разделен между несколькими европейскими державами. Когда они перестали быть полезными ни в том, ни в другом отношении, их уничтожили. Какие основания у американских чернокожих ожидать иного исхода?

Гетто - это эквивалент индейской резервации. Точно так же, как белый человек периодически вторгся даже в ту резервацию, к которой его собственные договоры отнесли индейцев, когда полезные ископаемые находились под бесплодной почвой резервации, так и белый человек время от времени нарушает заповедное гетто чернокожих, чтобы использовать его землю для других целей. Точно так же, как жители одной резервации опьянели от виски, продаваемого белыми мужчинами, так и жители другой опустошены наркотиками. Как в одной резервации, так

и в другой, беспокойство среди туземцев сдерживается распределением достаточного количества материальных благ, чтобы сохранить тело и душу вместе, по крайней мере для некоторых. Однако, если чернокожий вырвется из своей резервации и начнет жечь и грабить центральные деловые районы, как он иногда делал в гетто, он будет уничтожен так же безжалостно, как и индеец, за свою "агрессию".

Такова, в общих чертах, аргументация этой книги. Излишне говорить, что, подводя итог, я не отдал должное богатству рассуждений профессора Уилклма.

Что же тогда нужно делать? Профессор Вильгельм не сводит воедино свои разрозненные наблюдения за различными черными воинствующими движениями, хотя можно предположить, что его собственная политика лежит где-то между Институтом А. Филипа Рэндольфа и "Черными пантерами". Так же поступайте и со мной; и если представитель может вывести мораль, я хотел бы предложить один вывод из того, кому нужен негр? Если профессор Вильгельм прав, а я думаю, что это так, то опасность для чернокожих в этой стране настолько серьезна, насколько предполагают самые воинственные голоса чернокожих. Однако опасность, рассматриваемая в контексте этой книги, принимает несколько иную форму, чем часто предполагает современная риторика.

Полиция (профессор Вильгельм очень четко говорит об этом) действительно играет по отношению к гетто ту же роль, что и кавалерия США в усмирении индейцев равнин. Но зло полиции в гетто заключается не столько в их жестокости, сколько в их приверженности сохранению жестокой бесчеловечной системы.

Система, а не полицейский, является врагом; и геноцид, вероятно, представляет собой не рассчитанную схему газовых камер, а неизбирательный ответ белых на насилие черных, которое, в свою очередь, является реакцией на бедность, дегуманизацию и чувство бесполезности, порождаемые системой.

Это означает, что, хотя опасность геноцида реальна — и речь действительно идет о выживании, — времени на организацию может быть больше, чем мы думаем. Возможно, у белых даже будет время организовать, не просто в поддержку чернокожих, но в белое радикальное движение, которое может добавить реальной силы воинственности чернокожих в трудную минуту.

Содержание

Предисловие Стоутон Линда	VII
Предисловие	XV
I. Перспективен для черного устаревания	1

II. Структура семьи и социальный статус	4
III. Урбанистическая мифология	12
IV. Война и расизм	37
Против. Иллюзии прогресса	80
VI. Экономический расизм	123
VII. Созидательные усилия	177
VIII. Американское обвинительное заключение	209
IX. Итог	256

Предисловие

Давайте спокойно рассмотрим обстоятельства, в которых они оказались, и, чтобы лучше это сделать, примем их Дело за наше.

Джон Вулман, аболиционист 1754 года, отец-основатель квакерского антиславянства

Лозунг “закон и порядок” охватывает нацию не для того, чтобы провозглашать справедливость, а для того, чтобы насаждать самоправедность, санкционировать неприемлемое наследие насилия по отношению к нежелательным меньшинствам и несовместимым идеям. Люди, постоянно находящиеся в поиске потрясающих решений для достижения своих целей, подвергаются осуждению и, следовательно, должны искать идеологическое оправдание своим поступкам, которые в противном случае нельзя было бы оправдать. Таким образом, мы находим объяснение международной агрессии Америки как выполнению “демократических мандатов” при поддержке ряда автократических правительств во Вьетнаме и деклараций о демократическом равенстве чернокожих внутри страны, в то время как негры подвергаются все

большим лишениям. Война и расизм - всего лишь симптомы повального пристрастия Америки к силе.

Эта книга раскрывает не только природу неприязни Америки к определенным меньшинствам, но и экономические ценности, которые усиливают презрение белых к черным. Вопреки мнению большинства, я прихожу к выводу, что жизненная ситуация американских негров ухудшается, и что растущая враждебность негров является реакцией на это ухудшение.

Испытывая постоянную антипатию к небелым людям, Белая Америка не могла отмахнуться от чернокожего человека до тех пор, пока изобретение машин не избавило ее от зависимости от рабочей силы. Теперь экономика технологий сочетается с белым расизмом, делая возможным полное исключение негров и, возможно, даже их истребление. С момента внедрения автоматизации в 1950-х годах Белая Америка смогла более полно раскрыть свой расизм и загнать нежелательных людей в гетто в качестве образа жизни. Все чаще негры сталкиваются с альтернативой пассивного принятия судьбы гетто или проявления инициативы, прибегая к конфронтации с Белой Америкой. Нация, которая навязывает такой выбор любому человеку, - это нация, которая полностью заслуживает порицания и вызова.

Ни один анализ не определяет курс действий на будущее. И я не собираюсь окончательно предсказывать, какой будет судьба чернокожего человека в Белой Америке. Надеемся, что мы, как народ, сначала прислушаемся и поймем предупреждения о возможной расовой войне, а затем будем действовать, чтобы создать нацию с живой справедливостью, приемлемой для людей разных цветов кожи и культур; мы должны отказаться от понятия "судить других независимо от цвета кожи" и научиться терпимо относиться друг к другу, потому что мы разные, и пигментация кожи является одним из таких различий. Чтобы добиться справедливости через разнообразие, мы должны избавиться от этого внутреннего расового принуждения плохо обращаться с другими людьми и мы должны создать экономическое процветание для всех людей.

Но если белая Америка будет упорствовать в создании двух далеких друг от друга обществ, основанных на цвете кожи и поддерживаемых смертельным насилием, тогда мы должны осудить белых людей, а не черное меньшинство, изо всех сил пытающееся вырвать себя из забвения.

Сюни М. Вильгельм

I. Перспективы устаревания черных

Ни один человек не свободен, если не владеет собой.

— Эпиктет

Последние два десятилетия принесли огромные перемены американскому негру. Борьба чернокожих за место в Америке усилилась после окончания Второй мировой войны, и эта активизация привлекает внимание практически всех американцев. Кто, в конце концов, может игнорировать беспорядки, насилие, эскалацию расовых беспорядков? Очевидно, что сейчас происходит существенная перестройка в отношениях между двумя расами.

Оглядываясь назад на последние 350 лет, мы обнаруживаем, что продвижение американских негров было медленным и сопровождалось серьезными неудачами. Иногда белые устанавливают препятствия, и негр уступает; в другое время негр ищет реформ, чтобы освободиться от ограничений белых; в третьи моменты он яростно восстает против угнетения белых. По-настоящему впечатляющие достижения, достигнутые только после долгой борьбы и большими затратами для обеих рас, время от времени исчезают с восстановлением превосходства белых.

Ссылаясь на нехватку рабочей силы в Тринадцати колониях, Оскар Хэндлин предлагает блестящую экономическую интерпретацию становления белого расизма.¹ Поначалу, по словам Хэндлина, первыми колонистами не двигали никакие анти-негритянские чувства. Хотя рабство широко практиковалось, оно не отражало различий по цвету кожи: белые и черные были одновременно и хозяевами, и слугами. Но по мере того, как хозяева вводили незаконные ограничения, продлевающие срок трудовой повинности, подневольное состояние становилось чрезвычайно суровым и, следовательно, теряло свою былую привлекательность как средство покрытия расходов на переход из Старого в Новый Свет. Возможность вечных обязательств перед хозяином настолько сильно обескураживала потенциального европейского мигранта, что в Колонии возникла нехватка рабочей силы. Для удовлетворения потребности в рабочей силе стало необходимым стимулировать миграцию из Европы путем устранения негативных черт бессрочного рабства. Поскольку из Африки нельзя было ожидать большего числа беженцев

отказавшись от этих злоупотреблений, негры, находящиеся в рабстве, сохранили строгие правила. Таким образом, белые в конечном итоге получили свободу, в то время как слуги-негры превратились в собственность. "Затем появился цвет, - пишет Хэндлин, - как признак рабского статуса; след цвета стал следом рабства".*

Однажды утвердившись, расизм приобрел определяющий характер сам по себе; теперь его следует рассматривать как доминирующую, автономную социальную ценность, которая, будучи связанной с экономическими соображениями, устанавливает сложную сеть социальных

отношений между белыми и черными. Экономические ценности больше не навязывают цветное различие, как в прошлом, но, скорее, из первоначального действия в качестве определяющих факторов они стали ограничивать диапазон отношений между неграми и белыми. На данный момент будет достаточно указать на то, что расизм расширяется и сокращается в рамках ограничений, установленных экономическими стимулами.

Большая часть двусмысленного отношения белых к неграм проистекает из конфликта между экономическими преимуществами заботы о неграх и расистской склонностью к жестокому обращению с ними. Как заметил Рэй Стэннард Бейкер на рубеже веков после продолжительного турне по Югу:

Одной из самых значительных вещей, которые я видел на Юге — и я видел это повсюду, — было то, как белые люди разрываются между своими расовыми предрассудками и своими прямыми экономическими потребностями. Ненавидя и боясь негров как расы (хотя часто и любя отдельных негров), они все же хотят, чтобы он работал на них; они не могут обойтись без него. В одном импульсе сообщество поднимется, чтобы собрать негров в толпу или изгнать их из страны из-за преступности негров или бродяжничества негров, или потому, что негр получает образование, приобретает собственность и “уходит со своего места”; а в следующем импульсе будут приняты законы или другие замечательные меры, чтобы удержать его на работе - потому что Юг не может обойтись без него.³

Со времен рабства и вплоть до Второй мировой войны сильные анти-негритянские ценности белой Америки не могли компенсировать экономическую зависимость от негритянского труда; несмотря на свои предрассудки, белые сталкивались с экономическими барьерами в обращении с неграми. Нация также не могла позволить себе расходы на переселение чернокожих — ни в Африку, ни в определенные места на территории Соединенных Штатов. Было бы преувеличением утверждать, что негры обеспечивали общую рабочую силу для экономического роста и процветания, но правильно будет сказать, что уничтожение негров белыми не ожидалось из-за непомерно высоких затрат. Несмотря на враждебность белых, негра все это время приходилось терпеть из экономической необходимости.

Однако сегодня начинается совершенно новый этап. Импульс перемен уводит нацию с путей интеграции на перекресток расового разделения, отмеченный ожесточенной враждой. “Мощные силы социальной и политической инерции,” осторожно предупреждает Президентская национальная консультативная комиссия по гражданским беспорядкам, - неуклонно продвигают страну в русле существующей политики к разделенной стране”. В последующих главах будет показано, что экономика автоматизации вводит этот курс расового разделения, который до сих пор считался неосуществимым. Хотя широко распространенное мнение решительно поддерживает точку зрения о том, что интеграция вероятна, многие указатели указывают на возможную изоляцию негритянского народа, изоляцию, ставшую возможной благодаря меняющимся технологиям автоматизации. Точнее, эта книга пытается продемонстрировать, что из-за сохраняющейся расистской природы своего общества белые американцы вполне могут в полной мере воспользоваться этой новой экономической возможностью, чтобы способствовать увольнению негров, точно так же, как экономические возможности и расизм объединились для уничтожения коренного индейского населения менее ста лет назад. Дело в том, что с негром вполне может случиться, что с ним будут обращаться так

же, как с американским индейцем: заключат в резервации или, возможно, даже уничтожат в результате геноцида.

Возможность превращения негра в американского индейца является для большинства поразительным и неприятным размышлением. Как правило, только самые воинственные — те, кого так часто и с такой готовностью обвиняют в экстремизме, — высказывают страх перед уничтожением чернокожих белыми. Большинство ученых и умеренных негритянских лидеров предвосхищают такие цели, как равенство, аккультурация или плюрализм; рассуждая в терминах восстания негров, они упускают из виду очень радикальный экономический сдвиг, предпринятый Белой Америкой.

Расовые тенденции, изложенные в этой книге, пока еще являются тенденциями — изменения еще не получили полного развития. Но до появления Доклада Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам в 1968 году мало кто всерьез задумывался о решительном возобновлении расового разделения со всеми обертонами геноцида. Поэтому представляется единственно правильным тщательно и беспристрастно изучить свидетельства, раскрывающие динамику недавних изменений между белыми и черными. Цель этой работы - сделать известным то, что до сих пор остается неизвестным для многих, и прояснить в ясной, точной и обоснованной форме будущее, которое предчувствуют “экстремисты”. Имея это в виду, я сначала рассмотрю и оценю различные точки зрения на межрасовые отношения, а затем выдвину тезис этой книги.

Примечание к главе I

1. Оскар Хэндлин, *Раса и национальность в американской жизни*. Гарден-Сити, Нью-Йорк: Doubleday Anchor Books, 1957.

2. Там же, стр. 17.

3. Рэй Станнард Бейкер, *Следуя Цветовой линии*. Нью-Йорк: Harper & Row, 1964, стр. 81. Первоначально опубликовано Doubleday, Page and Co., 1908.

II. Структура семьи и социальный статус

Я была кровной сестрой комку земли, кровным братом камню.

— Уильям Вон Муди

Прогресс негров, на первый взгляд, за последние два десятилетия стал необычайно быстрым. Тем не менее, несмотря на принятие важного законодательства о гражданских правах и отмену многих дискриминационных законов, недовольство негров, о чем свидетельствуют "черные волнения" 1968-69 годов в кампусах американских колледжей, кажется более распространенным, чем когда-либо. Решения кажутся сегодня более недостижимыми, чем двадцать лет назад. Почему это так? Чем объяснить неспособность Америки ассимилировать негритянское меньшинство так же, как оно ассимилировало другие этнические группы? Где находятся основные камни преткновения - в негритянском или белом сообществе?

Самым последним объяснением отсутствия прогресса негров на основных путях достижений, открытых для всех американцев, является то, что можно назвать "тезисом о нестабильности семьи". Сторонники этой точки зрения утверждают, что семейная дезорганизация в негритянском сообществе настолько распространена, настолько укоренилась и настолько всемогуща, что становится причиной исключения. Некоторые даже считают, что в случае прекращения всех форм расовой дискриминации и появления широких возможностей трудоустройства участь негров была бы ничуть не лучше. Они утверждают, что до тех пор, пока негритянская семья остается нестабильной, не может быть решения расовой розни в Америке; массированные национальные усилия по возрождению негритянской семьи являются единственным ответом.

Точка зрения о нестабильности в семье впервые была представлена в докладе, озаглавленном "негритянская семья: аргументы в пользу национальных действий". Широко известный как "Отчет Мойнихана", он был опубликован Управлением политического планирования и исследований Министерства труда США в марте 1965 года. Еще до его публичного опубликования многие правительственные чиновники, включая бывшего президента Джонсона, согласились с данными и выводами доклада. Патрик Мойнихан, в то время помощник министра труда, а затем повышенный президентом Никсоном до должности специального помощника по городским делам, является человеком, наиболее ответственным за разработку тезиса о нестабильности семьи и энергичным защитником своих собственных выводов.

В отчете Мойнихана рассказывается о тяжелом положении негритянской семьи, вернувшейся в рабство, когда большинство негров до Гражданской войны были рабами на Юге, а подавляющее большинство свободных негров, живущих на Севере и в южных городах, в какой-то момент своей жизни были рабами. Практика продажи негров по отдельности, а не семейными единицами, препятствовала созданию прочной негритянской семьи. Негритянский самец с особой вероятностью переходил от владельца к владельцу, поэтому для него было почти невозможно поддерживать длительные отношения с негритянскими самками и любыми детьми, от которых он мог стать отцом. Кроме того, и, вероятно, не менее важным, было ужасное беспокойство, вызванное этой практикой, поскольку в любой момент любой член семьи мог быть быстро и навсегда разлучен со своей семьей по прихоти белых хозяев. Следовательно,

семья, ориентированная на мать, развивалась среди негров в большей степени, чем среди белых. Матери и бабушки, как правило, растили детей и заботились о них даже в присутствии мужа-отцовства, чтобы приспособиться к возможности насильственного удаления мужчины. В этих обстоятельствах негритянские мужчины обычно не приобретали серьезных семейных обязанностей и не брали на себя обязательств, которых обычно ожидают от их белых коллег.

После уничтожения рабства негры (согласно тезису о нестабильности семьи) все еще не смогли установить семейную структуру, характерную для общества в целом. Патриархальная система никогда не была прочно укоренена в негритянском сообществе, и действительно, в последнее время число дезертиров мужского пола увеличилось. Чтобы поддержать это утверждение, Мойнихан показал, что доля небелых женщин, живущих с мужьями, снизилась с 1950 по 1960 год. Сокращение произошло во всех возрастных группах среди небелых замужних женщин, но величина варьировалась в зависимости от региона. На Северо-востоке был самый высокий показатель; 26 процентов негритянок, когда-либо состоявших в браке, были брошены, разведены или разлучены. В крупных городах цифры становятся еще выше; в Нью-Йорке, например, в 1960 году этот показатель достиг 30,2 процента. Короче говоря, почти четверть всех негритянских семей не имели отцов, и эта цифра растет. В 1960 году женщины возглавляли на одну шестую больше негритянских семей, чем в 1950 году. Лишь меньшинство негритянских детей провели свои первые восемнадцать лет с обоими родителями. Мойнихан также утверждал, что происходит значительный рост числа внебрачных рождений, причем у негров этот показатель поразительно выше, чем у белых.

Мойнихан считал, что растущая нестабильность семейной жизни препятствует адаптации негра к американскому обществу. Взросление в матриархальной семье серьезно препятствует чернокожему ребенку. Имеющиеся данные указывают на то, что образовательные достижения негров со стабильным семейным прошлым превышают достижения детей из неблагополучных семей. Негритянские дети, живущие в семьях с обоими родителями, как правило, обладают превосходным интеллектом, целеустремленностью, защищенностью от расовой вражды и мотивацией к успеху. Для этой группы характерны более высокие профессиональные достижения, существенно более низкий уровень преступности и значительно меньшее отчуждение. Проанализировав социальные последствия нестабильности в семье, авторы Доклада Мойнихана пришли к выводу, что основные трудности, с которыми сталкиваются американские негры, имеют один общий источник:

... в центре клубка патологий лежит слабость структуры семьи. Однажды или дважды устраненный, он окажется основным источником большей части аберрантного, неадекватного или антиобщественного поведения, которое не установило, а теперь служит увековечиванию цикла бедности и лишений.¹

В отчете настаивалось на том, что

... национальные усилия по решению проблем негроамериканцев должны быть направлены на решение вопроса о структуре семьи. Целью должно быть укрепление негритянской семьи, с тем чтобы она могла растить и поддерживать своих членов, как это делают другие семьи. После этого то, как эта группа американцев решит вести свои дела, воспользоваться своими возможностями или не сможет этого сделать, не касается нации.*

Впоследствии ряд публикаций подтвердили отчет Мойнихана. В статье, опубликованной в журнале "Нью-Йорк Таймс" от 28 ноября 1965 г., К. Эрик Линкольн повторяет общие точки зрения доклада. Он оставляет сильное впечатление, что практически все "болезни", с которыми сейчас сталкивается негр, проистекают из ухудшения состояния негритянской семьи:

Это [рост уровня преступности, наркомании и отсева из школ] является социальной болезнью эпидемических масштабов, и она распространяется по мере неуклонного ухудшения положения негритянской семьи.

Как основная единица социализации молодежи, семья нуждается в присутствии обоих родителей, если дети хотят усвоить ценности и ожидания общества, но социализация - это непрерывный опыт, который затрагивает не только детей, но и родителей. У "семейного человека" гораздо меньше шансов впасть в преступную деятельность, чем у человека без связей и ответственности.³

В статье утверждается, что расширение возможностей трудоустройства, улучшение образования, улучшение социальных программ или жилищные реформы в том виде, в каком они существуют в настоящее время, не помогают семье Negro, поскольку распад возникает в силу исторических обстоятельств. "Фактически, - решительно заявляет Линкольн, - вина лежит на ужасах рабовладельческого общества, которое лишило негра-мужчину его мужественности и обрекло его на евнухоподобное существование в культуре, которая почитает мужское первенство". Прошлые, считает Линкольн, неподатливы современной ситуации. "В истории нет разрывов", так что "негры сегодня (как и любой другой народ) в значительной степени являются продуктом вчерашнего дня". Одним словом, негр - всего лишь беспомощная жертва исторических сил, которые удерживают его на пути к равенству. В конце концов, Линкольн обвиняет: "белый человек разрушил негритянскую семью и поддерживал ее слабость, сохраняя психологию рабства, тонко замаскированную под расовую дискриминацию и предрассудки". Поскольку Линкольн не обращает внимания на белый расизм, совсем неудивительно, что он видит разрешение проблемы только тогда, когда негр примирится с самим собой и со своей "психологией рабства". Белые могут предложить мало помощи; негр должен установить стабильность в семье, прежде чем утвердиться в белом обществе.

Выводы, предложенные сторонниками семейной ориентации, кажутся достаточно ясными. Тем не менее, обоснованно возникает ряд довольно серьезных вопросов. В частности, отчет Мойнихана страдает расплывчатостью и необоснованными несоответствиями. Изменения, внесенные после его появления, скорее запутывают, чем просвещают читателя. Мы рассмотрим некоторые ошибки и противоречия, а затем рассмотрим последующие модификации Мойниханом тезиса о нестабильности семьи.

Сразу же после публикации доклад Мойнихана вызвал бурную критическую реакцию, особенно со стороны авторитетных либеральных журналов. Уильям Райан, пишущий в the Nation, представляет сложную критику этого тезиса. Он подчеркивает отсутствие аргументации и пренебрежение важными аспектами жизни негров в Америке и критикует доклад за то, что он упускает из виду реальность расовой дискриминации и возлагает вину на предполагаемые недостатки самого негра:

Объяснения [в Отчете] почти всегда сосредоточены на предполагаемых недостатках жертвы-негра, как будто они— а не расистская структура американского общества, были причиной всех

бед, от которых страдают негры. В отчете Мойнихана, следуя этой логике, в качестве причины неравенства негров выделяется “нестабильная негритянская семья”. Но статистика ... отражает текущие последствия современной дискриминации. Это результаты, а не причины.

Новая идеология, принятая сейчас даже некоторыми либералами, создает впечатление, что безработица, низкое образование и условия в трущобах являются результатом распада семей, “культурной депривации” и отсутствия “аккультурации” сельских мигрантов с Юга. . . .

Если мы хотим верить новым идеологам [таким, как Мойнихан и Линкольн], мы должны прийти к выводу, что сегрегация и дискриминация - это не те ужасные злодеи, какими мы их считали. Скорее, нам говорят, что состояние негра обусловлено его “патологией”, его ценностями, образом его жизни, типом семьи, о которых говорят, что эти условия возникли из истории порабощения и угнетения негров несколько поколений назад*

Райан обвиняет Мойнихана в том, что, опираясь на данные переписи населения, касающиеся безработицы, нелегитимности и поддержки детей фондами "Помощь детям-иждивенцам", он искажает влияние расовой дискриминации. Показатели незаконнорожденности, например, предвзяты в отношении негров, поскольку экономические ресурсы облегчают белым сокрытие внебрачных рождений.

Данные, взятые из записей ADC, по словам Райана, также предвзяты, поскольку белые женщины могут оставить незаконнорожденного ребенка или отдать его на усыновление, в то время как у негров редко бывает выбор, потому что большинство агентств по усыновлению обслуживают только белых.

Независимо от того, интерпретируется ли это как причина или следствие, семейная нестабильность должна быть признана не эндемичной для негров. В отчете Мойнихана проигнорирован фантастический рост числа разводов среди белых, которое, по одной из оценок, увеличилось на 800 процентов за последние 100 лет, в то время как уровень нелегитимности среди белых вырос на 50 процентов за последние 25 лет. Это увеличение превышает соответствующие показатели для негров. Кроме того, степень разобщенности среди белых семей низшего класса приближается к показателю для негритянских семей низшего класса.

E.li Гинцберг и Дейл Э. Систанд в исследовании негритянской молодежи рассмотрели семейную нестабильность с несколько иной точки зрения. Как и другие исследователи, они утверждают, что гораздо больше негритянских, чем белых детей растут в “неблагоприятных семейных условиях”.⁴ но они считают, что доход семьи в значительной степени определяет, будет ли у ребенка достаточно места для кошки, достаточно пространство для сна и учебы, надлежащая медицинская помощь и так далее. Их статистика показывает очень четкую тенденцию к повышению жизнеспособности семьи с увеличением доходов. Не только родители, но и то, покидают ли молодые люди свое семейное хозяйство или остаются в нем, во многом зависит от дохода. Чем богаче родители, тем больше вероятность того, что ребенок проведет детство в своей первоначальной семье. Следовательно, утверждение о том, что семейная нестабильность характерна только для негритянских общин, безусловно, необоснованно.

Содержащиеся в отчете Мойнихана собственные заявления о значимости занятости указывают на то, что нестабильность в семье не является корнем проблемы. “Во времена, ” уточняется в

отчете, - когда рабочих мест было достаточно много ... негритянская семья становилась сильнее и стабильнее. По мере того как находить работу становилось все труднее и труднее, поддерживать стабильность семьи становилось все труднее и труднее”. В нем признается, что безработица среди негров находилась на катастрофическом уровне в течение последних 35 лет и негативно сказалась на негритянских семьях, многие из детей которых включены в списки ADC, чем белые дети. Подводя итог, в отчете говорится:

Мы показали четкую связь между занятостью мужчин, например, и количеством детей, находящихся на иждивении социального обеспечения. Занятость, в свою очередь, отражает успеваемость в образовании, которая во многом зависит от стабильности семьи.**

Мойнихан изложил свою собственную интерпретацию данных отчета в статье, в которой он предполагает, вопреки отчету, возможность того, что нестабильность в семье может быть независимой от экономических условий. Скорее всего, он так и чувствует

... что еще несколько лет назад возможность трудоустройства имела большое значение для *ililferenci* в случае зависимости негров и дезорганизации семей, но ситуация настолько ухудшилась, что проблема теперь усугубляется сама собой, — что меры, которые когда-то могли бы сработать, впредь будут работать не так хорошо или вообще не сработают.⁷

Мойнихан не объясняет свою переформулировку. Более того, после публикации Доклада Мойнихан настаивал в статье в *Washington Post*, что основной целью доклада было “... продемонстрировать влияние текущих экономических и социальных условий на негритянское сообщество” и утверждать, что эти результаты были обвинительным актом *prima facie* обществу, как оно сейчас устроено в Соединенных Штатах”.⁸ В той же статье в *Washington Post* он утверждает, что распад семьи “в основном вызван экономическим угнетением”. Подобные комментарии являются грубым искажением отчета, в котором обвиняется не американское общество, а семейная жизнь негра. Противоречия и явные упущения оставляют многие вопросы без ответа. *What* находится в центре внимания тезиса о нестабильности семьи? Где корень проблемы и как мы должны бороться с ней? Неужели история настолько ответственна за происходящее? Разговоры об “экономическом угнетении” бесплодны: кем и как угнетаются негры?

Местные мусульмане также придают большое значение созданию полноценной семейной жизни как предпосылке продвижения негров по службе, но одновременно осуждают пристрастие белой Америки к расизму. Их религиозные учения осуждают историческую модель, по которой женщины возглавляют цветное домашнее хозяйство. Если негры желают хоть в какой-то мере повысить самооценку и социальную значимость, они должны сначала установить мужское правление в своих семьях. Ожидается, что мужчина будет удовлетворять материальные и духовные потребности своей жены и детей; супружеская неверность строго осуждается. Отец, будучи твердым лидером, должен проявлять должное уважение к женщинам и детям. Мусульмане сочетают религиозные догмы с практическими экономическими заботами, чтобы способствовать позитивным достижениям, которые они связывают со стабильной семьей: лучшее образование, ведущее к лучшей работе; развитие экономических ресурсов для поддержки деловых предприятий негров; превосходная среда для воспитания детей; и ранняя социализация, которая компенсирует возможную расистскую деградацию детей. Мусульманская община также может похвастаться значительным сокращением преступности, наркомании и подростковой преступности.

Однако пророки ислама отличаются от других сторонников семейного тезиса тем, что настаивают на присущих белой Америке анти-негритянских чувствах. Они обвиняют расистскую природу американского общества (а не исторические обстоятельства) в том, что негры занимают подчиненное положение. С момента основания этой страны и по настоящее время, как утверждают мусульмане, белый расизм диктует эксплуатацию и деградацию чернокожих людей; постоянная дискриминация по признаку цвета кожи всегда обеспечивала рабочую силу, необходимую для экономики белых. Таким образом, чернокожие мусульмане сталкиваются с тем, что большинство ученых игнорируют или отрицают: реальностью враждебности белых. Их поиски семейного очага, напоминающего о героическом черном прошлом, призваны обеспечить глубоко укоренившуюся поддержку в прямой реакции на вездесущий белый расизм. Символ веры служит защитным щитом и укрепляет социальную идентичность негров друг с другом в антагонистическом мире белых.

Однако ни один из тезисов о семейной нестабильности не дает действительно удовлетворительного объяснения сегодняшним расовым беспорядкам. Научная критика слишком узко фокусируется на неграх как на чисто негритянской проблеме. Но проблема не настолько изолирована, и при ее решении необходимо изучить всю модель расовых отношений, чтобы охватить выводы, которые явно противоречат концепции нестабильной семьи. Тяжелое положение богатой, стабильной негритянской семьи должно, согласно версии Мойнихана, кануть в лету, но это, конечно, не так. Негритянская семья с высоким доходом страдает, в отличие от белых, от чрезвычайно высокого уровня безработицы. Негр, проучившийся несколько лет в колледже, будет получать за всю жизнь меньше дохода, чем белый человек с восьмиклассным образованием. Хорошо известно, что дискриминация способствует расхождению в занятости и способности зарабатывать. И очевидно, что негры, которые никогда не испытывали распада семейной жизни, переносят в своей повседневной жизни и как часть общества, в котором они живут, “вирус расизма”.

Негра не успокаивает тот факт, что большая преемственность в семье немедленно приводит к полному принятию без какого-либо клейма цвета кожи. Декларация может только утешить и доставить удовольствие расистским наклонностям нации и еще больше побудить белых не обращать внимания на негров. Просто невозможно принять значение тезиса о нестабильной семье о том, что дискриминация и предрассудки прекратились с провозглашением эмансипации, что с того момента, как Авраам Линкольн объявил о невольничьем статусе негров, расизм приобрел лишь историческое, а не современное значение.

Сторонники тезиса о нестабильной семье допускают свою самую фундаментальную ошибку, ограничивая свои исследования только социальными характеристиками негров. Это приводит к выводу, что привычки негров сами по себе являются причиной деградации чернокожих в американском обществе. Освободив белых от ответственности, остается винить только одного человека: самого негра. Настаивать на том, что расовой проблемы не существует, настаивать на том, что решение бедственного положения негров лежит исключительно внутри негритянского сообщества, само по себе является расистским аргументом.

Что мы знаем о причинах и последствиях нестабильной семейной жизни американского негра? Мы можем сделать один определенный общий вывод: негритянские домохозяйства просто отражают более фундаментальные процессы, которые во многих отношениях осуждают негров, а именно взаимосвязь между экономическими условиями и белым расизмом.

Примечания к главе II

1. США. Министерство труда, негритянская семья: аргументы в пользу национальных действий, Вашингтон, Округ Колумбия: США. Государственная типография, 1965, стр. 30. Выделено автором.
2. Там же, стр. 47-48. Выделено мной.
3. К. Эрик Линкольн, "Отсутствующий отец преследует негритянскую семью", журнал "Нью-Йорк Таймс" (28 ноября 1965 г.), стр. 173-174. Выделено.
4. Уильям Райан, "Дикое открытие: отчет Мойнихана", Nation, том 201 (22 ноября 1965 г.), стр. 383. Выделено.
5. F.li Гинзберг и Дейл Л. Хикстенд, "Руководство негритянской молодежи" по вопросам занятости, расы и бедности, Артур М. Росс и Герберт Хилл, ред. Нью-Йорк: Harcourt, Brace & World, 1967, стр. 435-459.
6. Министерство труда США, Указ. соч., стр. 447.
7. Дэниел Патрик Мойнихан, "Занятость, доход и испытание негритянской семьи", Дедал, том 94 (осень 1965 г.), стр. 768-769.
8. Дэниел Патрик Мойнихан, "Мойнихан относился к негритянской семье как к людям", Washington Post (28 ноября 1965 г.).

III. Мифология урбанистики

Не дома с прекрасными крышами и не камни стен, нет, не каналы и верфи создают город, а люди. . .

В 1910 году 73 процента негритянского населения страны проживало в сельских районах Америки, 91 процент - на Юге. К 1960 году 73 процента жителей Америки проживали в городских районах и только 60 процентов - на Юге. В течение полувека негр отказался от своего южного сельского прошлого ради жизни в городе, расположенном, скорее всего, на Севере.

1'эта пятидесятилетняя тенденция к городской жизни является национальным явлением. Бедняки как Севера, так и Юга все чаще живут в городах. К 1966 году на Юге 69 процентов негров и 64 процента белых проживали в городских районах. Процент городских северных негров всегда был высоким, но и этот показатель растет.

На столичных негров приходится 98 процентов всего прироста негритянского населения с 1950 по 1966 год. В Нью-Йорке самое большое городское чернокожее население, насчитывавшее в 1969 году около 1,3 миллиона человек; Чикаго, где проживало 812 637 негров, вероятно, достигнет миллионной отметки к началу семидесятых. Самый высокий процент - в Вашингтоне, округ Колумбия, где 71 процент его жителей - негры. В мегаполисах 1966 года проживало 15 миллионов (69 процентов) из 21,5 миллиона негров страны; в двенадцати крупнейших центральных городах — Нью-Йорке; Чикаго; Лос-Анджелесе; Филадельфии; Детройте; Балтиморе; Лос-Анджелесе; Кливленде; Вашингтоне, округ Колумбия; Сент-Луисе; Милуоки; Сан-Франциско — проживало более двух третей негров за пределами Юга и более одной трети всего негритянского населения. Доля негритянского населения в семи из этих двенадцати городов превышает 30 процентов. К 1985 году в центральном городе будет проживать 72 процента — 20,8 миллиона чернокожего населения страны.

Негры мигрируют с Юга в количестве, превышающем общее количество всех людей, переезжающих в южные города. Это региональное движение сохраняется с начала века. В период с 1960 по 1965 год более двух миллионов негров покинули Юг и переехали в другие части страны. К 1966 году 55 процентов из 21,5 миллиона негров страны проживали на Юге. Более того, в шестидесятые годы негры начали переселяться с Севера и Юга на Запад. В 1960 году 5,7 процента негритянского населения проживало на Западе; в 1965 году этот показатель вырос до 8,2 процента. К 1970 году большинство негров не будет жить на Юге. Отток населения достиг точки, когда негритянское население на Севере и Западе увеличивается в большей степени за счет естественного прироста, а не за счет исторической миграции с юга на Север.

Многие люди считают, что эти серьезные демографические изменения объясняют "негритянскую революцию" шестидесятых годов. Филип Хаузер, например, утверждает, что сам факт того, что огромное количество негров бежит из сельской местности в города, неизбежно порождает напряженные отношения между расами. Городам не хватает возможностей принять огромный приток негров за такой короткий промежуток времени. Тем не менее, по словам Хаузера, урбанизация открывает больше возможностей и обеспечивает интеграцию, которая вряд ли могла быть достигнута в изолированных сельских районах Юга:

... демографический фактор, внутренняя миграция, можно считать основным фактором, открывающим двери для интеграции. Освободившись от изоляции на Юге и в сельской местности, негр получил доступ к местному сообществу; это проложило путь к социальному взаимодействию и ассимиляции. Хотя региональное и городско-сельское перераспределение негров было необходимым, само по себе оно не могло привести к интеграции. Приход негров в

города и метрополии, а также на Север и Запад Соединенных Штатов проложил путь к интеграции. Но способ входа воздвиг на его пути барьеры. Эти барьеры можно рассматривать с демографической точки зрения, а именно: масштабы и темпы внутренней миграции, а также масштабы и темпы роста негритянского населения на Севере и Западе, а также в городах и агломерациях.¹

Что на самом деле принесло негру миграционное движение? Только еще большую сегрегацию. Хаузер не приводит никаких доказательств, подтверждающих его идею о том, что урбанизация инициирует расовую интеграцию. Действительно, негритянское население просто перемещается с южных плантаций и ферм в городские гетто. При описанных Хаузером миграционных процессах не наблюдалось устойчивого расселения негров. Если нынешние тенденции сохранятся, “Америка к 1985 году, - заявляет Национальная комиссия по проблемам городов в исследовании, опубликованном в июле 1968 года, - будет на пути к обществу, характеризующемуся расовым расслоением по расовому и экономическому признакам, а также географическим разделением”. * Поселения-гетто, которые когда-то были только в северных городах, теперь распространились на Юг. Расово смешанные жилые районы Юга, где белые и чернокожие жили по соседству, остались в прошлом. Белые составляли поразительные 95 процентов мегаполисов страны за пределами центральных городов в 1950 году и расширились до 96 процентов к 1966 году. Рассматривая модели миграции негров за последние пятьдесят лет, мы считаем важным подчеркнуть, что негры переходят от жизни на сельских фермах к существованию в городских гетто. У нас может даже возникнуть соблазн сказать, что здесь примечательна быстрота и эффективность, с которой белое сообщество Севера мобилизовалось, чтобы изолировать негров в полностью черных гетто.

Очевидно, что миграция как таковая не несет в себе внутренней характеристики, которая либо освобождает, либо порабощает людей, хотя Хаузер, называя ее “основным фактором” продвижения негров к интеграции, подразумевает, что это так. Многие европейцы, бежавшие из Старого Света в Новый, достигли освобождения, в то время как переселение негров из Африки в Соединенные Штаты до Гражданской войны означало переход в рабство. И наоборот, как во время Реконструкции, так и после нее, достижения могут быть достигнуты и утрачены в отсутствие какого-либо миграционного движения.

Другие социологи пытаются объяснить недовольство негров, концентрируясь на других аспектах миграционного движения. Одна из распространенных точек зрения рассматривает неудовлетворенность негров как простое напряжение, которому подвергается любое человеческое население, заменяя городскую систему ценностей своим сельским наследием; американский негр 20 века страдает от тех же тревог и лишений, которые преследуют любого сельского жителя, переезжающего в современные города. Такой взгляд на миграцию негров рассматривает нынешние повышенные требования негров о работе, жилье, образовании и политических устремлениях как требования, удовлетворяющие “классические потребности урбанизации и индустриализации”.³ Городская среда побуждает негров мечтать о новых мечтах, надеяться на новые надежды и ожидать нового завтра уже сегодня. Согласно Э. Франклину Фрейзеру,⁴ и Талкотту Парсонсу,⁵ это ответственно за появление негритянского среднего класса, который возглавляет стремление к интеграции посредством основания движений за гражданские права. Урбанизация и индустриализация сами по себе неизменно обеспечивают приход негров в американское общество на равных с белыми условиях.

Переезд негров в город, тем не менее, никак не может объяснить причину роста требований чернокожих. Негр недоволен не потому, что он мигрировал — он мигрировал из-за своего недовольства. Миграция отражает, а не создает беспокойство; она выражает глубокую неудовлетворенность. Негр осознал себя неловко не после того, как покинул Юг, а до этого. Переход никогда бы не состоялся, если бы негры не оценили влияние расовой дискриминации и экономических трудностей на свою жизнь. После тщательного обследования Юга на рубеже веков Рэй Стэннард Бейкер сообщает об ответе, данном неграми на его запрос: “Какова ваша главная причина для жалоб?”

На Юге первый ответ почти всегда касался автомобилей Джима Кроу или франчайзинга, трудностей с восстановлением справедливости в судах, отсутствия хороших школьных помещений, а в некоторых населенных пунктах и опасности реального физического насилия.⁶

Роберт Коулз описывает тревогу, которую недавно испытала негритянка, уезжая с Юга на Север:

Мы знали, что там (в Алабаме) нам было очень плохо, но, по правде говоря, мы не хотели уезжать, если бы могли. У многих из нас там были родственники (на Севере, когда мы еще были на Юге), и они говорили нам, что все по-другому - о, да, мы это точно знали, — потому что ты был в городе, и там не было шерифа, который избил бы тебя, если бы ты промедлил секунду, прежде чем подчиниться белому человеку. И вы могли бы получить больше денег на помощь, и больницы больших городов принимали вас, если вы были действительно серьезно больны, независимо от того, был у вас доллар или нет.

Но мы также слышали, что там было плохо (на Севере, когда мы еще были на Юге), даже хуже. Они [родственники-северяне] писали и говорили, что были рады уехать с Юга и оказаться там, наверху, но они тоже хотели бы уехать оттуда и вернуться домой.⁷

Тезис о миграции игнорирует тот факт, что столько же белых южан покинули землю и переехали в города, сколько и южных негров; один отчет показывает, что в 1965 году из региона в регион переезжало больше белых, чем негров. Почему же тогда городам трудно ассимилировать только негров? Если именно давление притока населения делает ассимиляцию такой утомительной, почему негры и белые не являются неассимилируемыми примерно в равных пропорциях? Если расы покинули Юг в равном количестве, и если переход из сельской местности в город сам по себе инициирует требования, почему мы не видим движений за гражданские права белых, протестов и требований белых? Если белых больше, чем негров, подвержено воздействию тех же сил, которые предположительно являются причиной ожесточения среди черных, почему белые не возмущаются так же, как черные, и в большем количестве? Требования к работе, жилью, образованию, равенству и так далее появились не недавно и встречаются не только среди городских жителей, но и не только среди негров. Как “урбанизация” без какого-либо компонента расизма могла привести к тому, что уровень безработицы среди негров в два раза превысил уровень безработицы среди белых? Более высокий уровень распада среди негритянских семей, чем среди белых? В два-три раза больше семей негров, живущих в бедности, чем семей белых? Более низкое образование, жилье, защита полиции, санитария и так далее?

Неверно утверждать, что сама природа урбанизации и индустриализации диктует требования, свойственные только чернокожим людям. Использование этих терминов для описания отношения государства к чернокожему меньшинству уводит от сути вопроса. Возложение вины

за нынешнюю ситуацию на “безличные” социальные силы вносит неопределенность.

Дискриминация - это реальность, и дискриминируют люди; урбанизация и индустриализация - это не процессы, которые по своей сути порождают или разрешают различия и разногласия между меньшинствами и большинством.

Альтернативой объяснению урбанизации и индустриализации является то, которое рассматривает переселение негров в страны, где проживают иммигранты, которые наводнили американские города на рубеже веков.¹ Точно так же, как европейские группы населения с трудом перестраивались с фермы на городскую жизнь, так и негры сегодня сталкиваются с аналогичной проблемой. Он входит как угнетенный член группы меньшинств, неквалифицированный и неподготовленный к военным действиям в условиях городского существования. Сторонники тезиса об иммигрантах считают, что прогресс негров будет идти параллельно пути признания, по которому идут другие этнические группы. То есть урбанизация проверит выносливость негров и их способность быть преобразованными силами города. Подобно иностранным группам, негритянское население со временем и решимостью в конечном итоге ассимилируется. Негры, как “новые иммигранты в большой космополитический город, - пишет Оскар И. Ландлин, - станут играть в нем такую же полезную роль, как и любой из их предшественников”. * Американскому негру приходится бороться с проблемой “аккультурации” иммигранта, которая, по словам Филиппа И. Лаузера, длится “человеческие поколения, а не годы”. * Переход от сельской народной культуры Юга к городской жизни Севера требует радикальных изменений и занимает много времени. Кажется, они говорят, что время обо всем позаботится.

Социальная нестабильность негритянского населения, заявляют сторонники тезиса об иммиграции, совпадает с первыми стадиями ассимиляции иммигрантов. “Это объясняет предполагаемую массовую социальную патологию городских негров — высокий уровень преступности, нестабильность в семьях, плохую работу, низкое образование и так далее. Сам город является дегуманизирующим агентом, поскольку превращает негра-иммигранта в полноценного американца. Поначалу городское существование является разрушительной силой для вновь прибывшего человека, независимо от расы, вероисповедания или цвета кожи. И негр не может быть исключением? он тоже должен ожидать, по крайней мере, временного перелома в своей миграции из сельской местности в городскую.

Хороша ли аналогия сама по себе? Не совсем, поскольку различия между неграми и иммигрантами настолько велики, что делают сравнение практически неуместным. Что особенно тревожит, так это оптимистичный настрой, в котором выступают его сторонники. Кажется, опасно легко игнорировать доказательства, не подтверждающие тезис. Так много внимания уделяется поиску сходства между неграми и европейскими иммигрантами, что основные различия между двумя группами признаются лишь на короткое время и остаются неисследованными. “Коренные американские негры следуют по пути к равенству, отмеченному поколениями иммигрантов”.¹¹¹ Именно такого рода триумфальная уверенность заставляет на мгновение забыть спросить, во-первых, почему следует ожидать окончательной победы, а во-вторых, наблюдается ли прогресс в направлении этой победы сейчас.

В отличие от иностранцев, негр до своего переезда в города был социализирован в Белой Америке, хотя и не в ней. Негр не новичок — отнюдь. Он известен в Америке на протяжении сотен лет занимал четко определенное место во враждебном американском обществе.

Европейский иммигрант пришел сюда со своей собственной культурой, и хотя принятие было трудным, это не было напрямую сравнимо с тем, что произошло с негром, которого, как раба, систематически лишали предыдущей культуры, чтобы лишить его личной идентичности. Именно потому, что tbc Negro в такой степени является “американским продуктом”, как говорит Дж. О. Килленс, что его нельзя законно считать иммигрантом: “... американский негр - самый уникальный американец из всех американцев, потому что он был создан здесь, в этом месте, физически, психологически, социологически, культурно, экономически. Он - американский продукт”.¹¹ Рот, негр и иммигрант, могут пытаться проникнуть в мейнстрим Америки, но дальше этого сравнение не может быть расширено. Относиться к негру как к иностранцу, когда он отождествлял себя с американским обществом, - значит избегать реальных вопросов. Почему по прошествии 350 лет негра вдруг причисляют к иммигрантам, а не к этническому меньшинству? Почему иммигрант, родившийся за тысячи миль отсюда, легче ассимилировался, чем чернокожий человек, проводивший свою жизнь на американской земле? В период с 1960 по 1966 год в страну въехало 1,8 миллиона иммигрантов, что вдвое превышает 613 000 чистых негритянских эмигрантов с Юга на Север и Запад. Если бы урбанизация и индустриализация были такими безличными, как настаивают защитники, чем объясняется предпочтение иностранца перед неграми?

Сторонники иммиграционного тезиса игнорировали не только различия между негритянскими и европейскими иммигрантами, но и значительные социальные изменения, очевидные с момента прекращения иммиграции более сорока лет назад. Тезис об иммигрантах подразумевает, что американское общество сегодня в основном такое же, каким оно было на рубеже веков. Но нынешняя ситуация, безусловно, не такая, как во времена политики открытых дверей. Масса европейских иммигрантов прибыла сюда, когда в Америке развивалась индустриальная экономика, процветали частные предприятия и отдельные лица владели множеством малых предприятий. Сегодня спрос на неквалифицированную рабочую силу ослабевает; на рубеже веков в ней была острая необходимость. Теперь негры покидают сельскохозяйственный Юг ради автоматизированного Севера и сразу же сталкиваются с определенными перспективами безработицы. Более того, автоматизированная экономика Севера находится в руках корпораций, что создает для негра гораздо большие сложности с производством, собственностью и занятостью, чем это было для европейского иммигранта. И как раз тогда, когда приезжают негры, многие деловые компании покидают город. Более 30 процентов промышленного и торгового строительства было построено за пределами центрального города в период с 1914 по 1965 год, хотя 86 процентов прироста негритянского населения приходилось на центральный город в период с 1955 по 1966 год. Напротив, 77 процентов прироста белого населения произошло в пригородах. Эти тенденции не ослабевают, а ускоряются.

Хэндлин и Хаузер сказали бы, что нужно время, но можно подумать, что трех с половиной столетий было бы достаточно для того, чтобы негры проникли в мейнстрим Америки. Это, безусловно, больше времени, необходимого для ассимиляции любой группы иммигрантов. Общее предположение заключается в том, что время означает прогресс. Так ли это? Есть свидетельства того, что с годами участь негров становилась хуже по сравнению с белыми, и, по словам Раши Фейна, даже в областях, где ранее был достигнут прогресс, уже наметились заметные изменения.¹² Например, в 1962 году шансы на то, что негритянский ребенок родится в больнице, составляли 87 из 100, а у белого ребенка - 99 из 100. Белые достигли уровня негров в 1946 году с разницей в шестнадцать лет. В 1952 году разрыв составлял всего одиннадцать лет.

Негру потребовалось десять лет (1952-1962), чтобы увеличить процент родов в больницах с 66 до 87 процентов, чего белые достигли за пять лет (1941-1946). Таким образом, разрыв скорее увеличивается, чем сокращается.

Или мы могли бы посмотреть на показатели ожидаемой продолжительности жизни. Ожидаемая продолжительность жизни всего населения увеличилась более чем на 20 лет; увеличение для небелых составило около тридцати лет. Это впечатляющий скачок. Но если мы сосредоточимся на сравнительных темпах прогресса, изменение не такое впечатляющее, как кажется на первый взгляд. В 1900 году ожидаемая продолжительность жизни белого мужчины при рождении составляла 48,2 года; к 1940 году она составила 62,8 года, увеличившись на пятнадцать лет за четыре десятилетия. Данные для негров: 47,1 года в 1920 году, 61,5 года в 1960 году. Чернокожим потребовалось на 20 лет больше времени, чтобы достичь сопоставимой продолжительности жизни.

Наконец, мы можем отметить, что “не только небелое население более низкообразовано, чем белое, но и чистый прирост небелых на более высоких уровнях образования, рассчитанный исходя из различий в уровне образования поколений отцов и сыновей, не был таким большим, как у белых”.¹⁵ Поколений могут означать, вопреки Хаузеру, неудачи, а не достижения.

Некоторые авторы утверждают, что концентрация негров в городах по всей стране обеспечивает основу для установления политической власти, необходимой для достижения расовой интеграции. Новое законодательство уже поощряет массовую регистрацию негров на Севере и Юге. В Балтиморе 27 процентов зарегистрированных лиц - негры; в 1964 году в списках Филадельфии числилось 255 000 негров; в Индианаполисе было 49 000 зарегистрированных лиц, из которых 20 000 были негритянами. Особенно на Юге, похоже, происходят изменения в ответ на такие меры, как законопроект о голосовании 1965 года и постановление Верховного суда о повторном распределении голосов. В 1940 году зарегистрировалось, возможно, только 10 процентов негров Юга; в 1961 году только четверть имела право голоса; к 1964 году 40 процентов негров Юга стали потенциальными избирателями; в 1964 году в одиннадцати южных штатах было зарегистрировано 1 480 720 чернокожих избирателей, а в 1969 году эта цифра составляла 3 250 000.

Негритянские лидеры считают ожидаемую политическую силу поводом для огромного оптимизма. Везде, где немо проживают в значительном количестве.

они говорят, что можно ожидать прекращения расовой вражды из уважения к репрессиям через голосование негров. В будущем политики смогут игнорировать чернокожий электорат только с риском собственного смещения с должности; расширение негритянского электората поощряет негритянских соискателей должностей, которые в противном случае воздержались бы от баллотирования. Подобно группам иммигрантов, американские негры будут прокладывать себе путь к полноценному гражданству, действуя как группа давления, тем самым максимизируя свою политическую силу. “Это начало неоземансипации, - говорит Сэмюэл Проктор, - продолжающее то, чему внезапно положили конец выборы 1876 года. Когда негры станут видимой и неоспоримой частью реальной политической жизни Юга, они вызовут изменения в столицах штатов и зданиях окружных судов, которые будут иметь большое значение”.¹⁴ Известный издатель-южанин Ральф Макгилл писал: “В штатах, где регистрация была широко распространена, жестокие шерифы стали мягкими, а гражданские права появились довольно быстро”.¹⁵

Не все комментаторы выражают такой оптимизм. Некоторые сомневаются в готовности белого общества допустить развитие силовой политики чернокожим меньшинством, в то время как другие утверждают, что наша современная политическая система достаточно отличается от эпохи иммигрантов на рубеже веков, чтобы помешать созданию реальной политической точки опоры. Джеймс Фармер, бывший глава Конгресса за расовое равенство (CORE), задается вопросом, "будут ли политики | стремиться | отобрать власть у центрального города"¹⁰ как раз в тот момент, когда негры получают большинство в крупнейших городах Америки. Власть находится в руках белых, и из-за структуры американской политики эта власть потенциально может быть использована для отстранения политически вдохновленных негров. Количество регистраций увеличивается, но в конечном итоге их эффективность будет зависеть от w'itcs. Разделение по округам, например, может сделать голосование чернокожих бессильным или неуместным.

То, какую власть белые позволят неграм, во многом зависит от расистского характера белой Америки; прогресс не является неизбежным. Возможные пути преодоления голосования негров все еще остаются. Уже есть требования к столичному правительству вытеснить городское правительство, которое, в случае реализации, искоренит проблему негров. И именно правило one-man-one-vote, объявленное самим Верховным судом, будет способствовать переселению негров: решение о переносе границ фронт-Сити за пределы метрополии будет приниматься перед электоральной базой, состоящей из большего количества белых, чем черных, тем самым уничтожая то, что ранее составляло городское негритянское большинство.

Усилия по формированию коалиции заинтересованных групп для продвижения дела негров дают больше надежды, чем оснований для успеха. Некоторые представители выступают за создание блоков, состоящих из белых либералов, профсоюзов и негров. Министры, профессора, толерантные политики и интеллектуалы, пишущие для либеральных журналов, составили бы четко выраженную и сильную группу. 1 профсоюз, который наверняка столкнется с какими-либо проблемами, ныне обычными для негров, мог бы предоставить организационные способности и финансовые ресурсы. Негритянские группы обеспечили бы численное превосходство и, в союзе с другими, обеспечили бы значительный блок избирателей.

Еще раз история помогает оценить современные усилия коалиционной политики, направленные на повышение благосостояния негров. Незадолго до начала века популистское движение сформировало альянс белых и черных рабочих, сочувствующих политиков и белой интеллигенции. Под девизом "белые и черные объединяются" партия попыталась погасить расовую вражду, подчеркнув экономические трудности, общие для всей рабочей силы. Оставаясь явным меньшинством, популисты сумели избрать представителей на все уровни власти, включая национальный конгресс. Но коалиция никогда не смогла бы превратиться в жизнеспособную "третью силу", достаточную, чтобы бросить вызов устоявшимся партиям, из-за хитрого политического маневрирования оппозиции, неприятия Лорном Уотсоном популизма и неспособности преодолеть белый расизм. К. Ванн Вудворд описывает, как белые политики играли на широко распространенном страхе перед неграми. Как только популистский альянс дал трещину, возникли разочарование и горечь, и белым стало слишком легко превращать негра в козла отпущения.¹⁷ Уничтожение популистского движения указывает на то, до какой степени консервативные белые готовы пойти на подавление негров и раскол союза негров и белых.

Та же участь, по-видимому, неизбежна и для современной коалиционной политики; действительно, нынешние усилия не будут столь успешными. Профсоюзы твердо придерживаются дискриминационной практики, игнорируя противоположные официальные профсоюзные правила; большое количество негров крайне скептически относятся к белым либералам; законодатели, выступающие за гражданские права, должны пойти на компромисс с делом негров, чтобы умиротворить враждебных белых избирателей, которые остаются настроенными против негров или которые считают, что на данный момент сделано достаточно в интересах негров. Это, наряду с другими различиями, предвещает все, кроме полного поражения.

Иногда высказывается мысль, что только голосование негров заслуживает похвалы за избрание определенных кандидатов на политические посты. Поскольку белые делятся между собой, как гласит аргумент, окончательный результат определяется голосами черных. Если негр развивает достаточную политическую чувствительность, то голосование его блока за кандидата, наиболее благоприятствующего делу негров, может определить должностное лицо.

Негры, хвастайтесь, избранный Джон!•". Кеннеди на пост президента; чрезвычайно высокий процент негров, проголосовавших за демократов в 1964 году, означал победу Кеннеди и поражение Никсона. Говорят, что телефонный звонок Кеннеди миссис Мартин 1.другой Кинг-младшей, чтобы справиться о благополучии доктора Кинга, находящегося в бирмингемской тюрьме, склонил негра в пользу кандидата от Демократической партии. На местном уровне Джеймс Фармер хвастается, что "республиканец Джон Линдси не был бы избран

Мэр Нью-Йорка (в 1965 году) без 43 процентов голосов негров, которые в значительной степени перешли от демократической партии к его поддержке".^{1*}

Эта ключевая позиция является, мягко говоря, чрезвычайно деликатным маневром, основанным на столь же деликатном положении дел в отношении белых избирателей. Негр должен быть проинформирован о конкретном кандидате, наиболее выгодном для него, и этот человек не всегда хорошо виден. Негры голосовали за Эйзенхауэра, а не за Стивенсона, хотя обычно признается, что последний больше беспокоился за негра, чем первый. Того факта, что 43 процента негров проголосовали за мэра Линдси, возможно, было достаточно для победы, но это все равно меньше большинства и граничит с расколом как среди негров, так и среди белых. Уместно отметить, что незначительные изменения в привычках избирателей других блоков также изменили бы результаты национальных и местных выборов. Если бы Кеннеди допустил заметную оплошность в изложении своих сельскохозяйственных взглядов, он проиграл бы выборы; если бы Кеннеди был разведенным человеком, он, возможно, не заручился бы поддержкой католиков, что привело бы к его поражению. Наконец, на президентских выборах 1968 года, как и в политике Юга, не было явного негритянского кандидата, и, несмотря на то, что 90 процентов негритянских голосов было отдано за кандидатуру демократа Хамфри Маска, победила республиканская команда Никсона-Эгню.

Если когда-нибудь наступит время, когда голосование негров станет действительно определяющим фактором из-за сохраняющегося разделения белых, и если расовый состав запугает белого избирателя, есть основания полагать, что белые разрешат свои разногласия, а не передадут выборы негритянским избирателям. Момент истины наступает, когда белые чувствуют, что негры используют в своих интересах различия между белыми. Выборы мэра Лос-Анджелеса демонстрируют этот принцип. Разделившись между собой в ходе первичного

голосования, которое дало единственному негру, Томасу Брэдли, существенное преимущество над всеми белыми кандидатами в гонке за пост мэра Первого апреля 1969 года, избиратели третьего по величине города Америки избрали белого кандидата Сэма Йорти во втором туре следующих июньских выборов. Хотя все предвыборные опросы указывали на явную победу Брэдли, белые выбрали непопулярного в остальном мэра, а не чернокожего мужчину во главе городского правительства. Расовая принадлежность стала решающим вопросом, побудившим беспрецедентные 75,61 процента из 1 127 000 избирателей Лос-Анджелеса проголосовать". Хотя негр составлял менее 15 процентов избирателей, он угрожал безопасности белых, угрозу, с которой белые избиратели отказались мириться. Единство белых против черных укрепило все предыдущие споры, чтобы избежать господства черных над белыми в Лос-Анджелесе.

Даже избрание мэра-негра не имеет большого значения, если Кливленд можно рассматривать как иллюстрацию значения цвета в мэрии. Мэр Кливленда Карл Б. Стоукс подвергнул расовый вопрос серьезному испытанию, когда 4 апреля 1968 года он вышел на улицы и успешно предотвратил пожар и разрушения в своем городе, в то время как многие другие населенные пункты, включая Вашингтон, округ Колумбия, с его негритянской головой, не смогли избежать взрывоопасного гнева. Однако менее чем через четыре месяца Кливленд стал местом, где расовый вопрос перерос из беспорядков и восстания в расовую войну. Ибо в Гленвилльском районе Кливленда с доходами ниже среднего 23 июля 1968 года "... группа вооруженных до зубов чернокожих мужчин вступила в перестрелку с полицией. Это не было беспорядками. Это была вооруженная партизанская война".¹⁰ В течение вечернего часа были убиты или ранены как минимум 22 человека. Это событие, по словам двух социологов, расследовавших перестрелку, "... создало новую тему и явную эскалацию уровня расовых конфликтов в Америке"²⁰ где

... Стоукс победил, став первым мэром-негром крупного американского города. Его победа [однако] изначально была истолкована как триумф Кливленда над расовым фанатизмом, что свидетельствует о новой открытости в расовых отношениях в Америке. Изучение данных голосования tbc показывает, что эта интерпретация оптимистична. Поддержка Стокса была сосредоточена в негритянских округах, где он получил 95 процентов голосов. В преимущественно белых приходах он получил всего 19.) процентов голосов, и его поддержка была самой низкой в трех приходах с наибольшей концентрацией белых этнических групп в городе.*'

Надежда обуздать черную ярость путем избрания чернокожих мэров испаряется; то, чего можно было бы избежать за один год путем избрания мэра-негра, просто откладывает вихрь расовой эскалации в Америке.

Политический упадок негров после замечательных успехов Реконструкции обеспечивает историческую параллель, опровергающую выдвигаемое сейчас некоторыми утверждение о том, что "негры, возможно, больше не будут лишены избирательных прав".²¹ Странно, что люди, принимающие настоящее за повторение Америки после гражданской войны, не доводят свои аргументы до конца, поскольку после нескольких лет освобождения чернокожих в результате Реконструкции последовало насильственное подавление белых. В ожидании политической победы белые договорились между собой не обращать внимания на негритянского избирателя. Посредством политических интриг войска Союза были выведены из оккупированных южных штатов, чтобы создать условия, благоприятные для избрания республиканцев. Однако вывод войск оставил негров во власти белых, а не привел к избранию южных республиканцев.

Превосходство белых возродилось, несмотря на специальные законы, защищающие права негров; законодательство не только было сопоставимо с принятыми в 1960-х годах законопроектами о гражданских правах, но и 13-я, 14-я и 15-я поправки стали частью Конституции. Тем не менее, ни закон, ни изменение конституции не предотвратили возобновления господства белых. Ибо события оказались более убедительными, чем юридические гарантии и конституционные положения. В конце концов, все уровни власти отвернулись от негров: политические партии пошли на компромисс

Права негров ради политических выгод; президентское вето отменило акты конгресса, благоприятные для негров; сам Конгресс принял анти-негритянское законодательство; и Верховный суд вынес решения, ответственные за аннулирование 14-й и 15-й поправок. Правительства штатов приняли законы Джима Кроу, отстранили от должности многих негров, добившихся огромных успехов на посту законодателей штатов, и отобрали голоса у негров. Следовательно, может быть мало утешения в том, что настаивание на том, что законные выгоды образуют непреодолимый барьер против любого нарушения гражданских прав.

Безусловно, прошлое нельзя считать доказательством того, что произойдет в будущем, но факт остается фактом: изменение действительно возможно. Вопрос в том, насколько вероятно, что история реконструкции повторится? Джером Дауд предупреждает:

... какой бы ни была пригодность негров к какому-либо испытанию, белые люди не позволили бы им голосовать, если ... их голосование означало бы возвращение к негритянскому господству. 1 история Реконструкции полностью продемонстрировала, что белые люди скорее прибегнут к любым возможным средствам и даже подвергнутся истреблению, чем подчинятся негритянскому правлению.²³

Даже сейчас К. Ванн Вудворд преуменьшает важность сегодняшнего законодательства о гражданских правах, рассматривая его почти как воспроизведение прошлого:

Великий переворот в Лос-Анджелесе ["Бунт Уоттса" 19651 года] стал суровым напоминанием о том, что законов о гражданских правах недостаточно. Успехи в доходах, образовании, признании и статусе, о которых так любили повторять оптимисты, были, в конце концов, в основном ограничены относительно небольшим городским средним классом негров. Для подавляющего большинства разрыв между расами в доходах, образовании, занятости и возможностях все еще был очень велик, а для многих он становился еще больше . . . Lvcn, даже если бы они полностью обладали гражданскими и политическими правами, они все равно столкнулись бы с безработицей, упадком городов, ухудшением состояния семей, заточением в трущобах и фактической сегрегацией в области жилья и школьного образования. Это были серьезные социальные проблемы, которые в значительной степени выходили за рамки гсасb законов о гражданских правах и требовали более широких и решительных средств правовой защиты.²⁴

Нереально верить, что Белая Америка позволит белой Америке управлять городами. Огромное богатство страны сосредоточено под юрисдикцией городских властей. Передача контроля над городом в руки негров была бы равносильна захвату богатства Америки черными. Негр был бы в состоянии продвигать деловые интересы негров через администрацию городских властей. Или же налоговой ставкой можно манипулировать, чтобы обеспечить доходы, необходимые для улучшения статуса негров; промышленность понесет увеличение налогов, в то время как

расходы пойдут на такие цели, как образование, здравоохранение, обеспечение жильем и так далее негров в пределах города. Белые, скорее всего, встревожатся из-за риска проиграть городским властям, в которых доминируют негры, и предпримут действия по искоренению надвигающейся угрозы. Как один Сан-Франциско

Как выразился Блэк из Bay Area (1968): “Негры, избранные на должности в наших городах, умирают избранными не за черных, а за белых. Таким образом, чернокожие на самом деле вообще не представлены. Чернокожие выборные должностные лица в городах слишком заняты, пытаясь удовлетворить белых людей”. Воинствующие черные смотрят на негров, находящихся у “власти” на Севере, как на “дядю Тома”. Точно так же, как “Первая реконструкция” не привела к экономическим реформам, столь важным для поддержания достижений негров, практически несомненно, что предполагаемая “Вторая реконструкция” никогда не приведет к крупному перераспределению богатства, которое могло бы произойти при принятии неграми городского политического правления. Уже происходят изменения (которые препятствуют достижению политической значимости иммигрантом). Городские власти больше не действуют так, как во времена расцвета правления босса. Экзамены на государственную службу неуклонно заменяют старую систему патронажа в практике приема на работу в городских органах власти:

По иронии судьбы, негры достигают политической власти в то время, когда многие из изначально выгодных преимуществ политической власти утрачиваются. Раньше считалось, что если ваша партия становилась политическим большинством в городе, или если вы выигрывали выборы мэра или президента округа, все политически контролируемые должности становились вашими. Но теперь, когда негр, наконец, стал президентом района манхэттен, например, выясняется, что негр, который хочет получить работу клерка, инспектора или кого-то еще, должен сдать экзамен. Государственная служба иссякла из многих прежних источников трудоустройства.*⁵

И белые, и черные были введены в заблуждение юридическим аспектом; каждый из них предположил, что быстрые юридические выгоды приводят к реальным выгодам. Неправильное судебное решение не подстрекает негров, которые осознают искажения такого рода “решений”, в то время как многие белые обращают внимание на скачок законодательства, чтобы на практике поддержать лозунги “действуй медленно”. Соответственно, многие негры начинают с недоверием относиться к отстаиванию белыми закона и порядка как основы для дальнейших завоеваний. Даже если бы все негры могли голосовать, все равно было бы мало оснований для оптимизма, столь часто выражаемого по мере того, как регистрируется все больше и больше негров. Негры представляют собой решительное меньшинство, составляющее 10 процентов от общей численности населения, и, следовательно, подвержены влиянию воли Белой Америки. Только в штате Миссисипи общее негритянское население почти бросает вызов правлению белых.

Можно даже подумать о косвенных маневрах, направленных на то, чтобы обойти избирательные права негров. Время от времени, даже в Конгрессе, звучат предложения лишить получателей социальных пособий права голоса. Обоснование для этого заключается в том, что лица, получающие пособие по безработице, не имеют никаких оснований для осуществления определенных прав, поскольку они не вносят никакого экономического вклада в общество. Другой способ убрать голосующего негра - это ужесточить законы, согласно которым любое лицо, арестованное или осужденное за преступления, больше не будет участвовать в

голосовании. Или можно изменить требования к голосованию, чтобы голосовать разрешалось только владельцам недвижимости. Такая тактика не обязательно является уголовно наказуемым актом или неотъемлемой частью местного законодательства, поскольку она применима ко всем лицам, независимо от расы. Но поскольку, например, больший процент негритянского населения арестовывается и осуждается за преступления, число голосов негров может быть сокращено, не подвергая опасности значительное число белых избирателей. Короче говоря, существует множество возможностей для лишения избирательных прав чернокожих избирателей, если негры отдадут решающий голос между белыми группами.

Итак, вот различные объяснения, фокусирующиеся на урбанизации как центральном факторе, определяющем статус негров в американском обществе. Каждая ориентация берет за отправную точку неоспоримый факт быстрой урбанизации негров; сторонники городского тезиса провозглашают неизбежные достижения для негров, поскольку процесс урбанизации, как они подразумевают, обладает неотъемлемыми благами независимо от расы. Переезд в город гарантирует принятие в американское общество и исчезновение расизма. “Из-за спроса на рабочую силу в расширяющемся индустриальном обществе, - сообщает нам Э. Франклин Фрейзер, - мужчин больше нельзя оценивать на основе их расовой принадлежности”.^{*5}

Мы уже рассмотрели конкретные ограничения для каждого городского подхода, но заметные ограничения лежат в основе всей перспективы. Начнем с того, что аналогия с иммигрантом основывается на нерелевантных исторических данных. Чтобы понять опыт американских негров, нужно обратиться к истории чернокожих как группы меньшинства в преимущественно белом обществе. Городской подход не только недооценивает историческую значимость того, чтобы быть негром, но и отрицает значимость того, чтобы быть негром в Белой Америке. Те, кто ищет объяснения миграции, урбанизации или индустриализации, отстаивают только одну сторону медали — то, что происходит с неграми, — нисколько не заботясь о другой стороне — какие изменения произошли и происходят в отношении негров белым обществом. Городской анализ концентрируется исключительно на неграх и упускает из виду социальный факт, что не может быть группы меньшинств без большинства, и не может быть объяснения поведения группы черного меньшинства без учета значимости белого большинства.

От реалий цветковых предрассудков абсолютно невозможно убежать, и все же сторонники городского тезиса продолжают сбрасывать со счетов стигматизацию. Ни один фактор не был более решающим вассимиляции любой этнической группы — внутренней или иностранной — чем пигментация кожи. “Самое поразительное различие между опытом белых и цветных иммигрантов, ” замечает Роберт Уивер, - заключается в том, что в то время как иммигрант, улучшивший себя экономически и культурно, имеет шанс переехать в другую часть города и в целом быть принятым как личность, у негра такого выхода нет. Поскольку он является членом определенной группы, приписываемая ему неполноценность, ставшая причиной его первоначальной сегрегации, остается с ним”.²⁷ Поскольку иммигрант обладает белой кожей, никакие другие различия не могут помешать принятию. Несмотря на огромное напряжение, вызванное этнической враждой из-за различий в языке, одежде, религии и этикете, белый пришелец в конечном итоге вошел и продолжает входить в мейнстрим Америки.

Негр, конечно, не единственный, кто страдает от стигматизации по признаку цвета кожи. Белые поселенцы тиранили американских индейцев, и такое обращение продолжалось до первой четверти двадцатого века. Только после того, как индейца “отправили” в резервацию, среди

белых возникло более терпимое сочувствие. Белая Америка также осуждает азиатов; протест против "желтой опасности" сыграл важную роль в продвижении принятия законодательства, запрещающего въезд азиатов в Америку. Предрассудки были настолько сильны, особенно в Калифорнии, что были уничтожены жизни и имущество. Еще во время Второй мировой войны с санкции Верховного суда лица японского происхождения были заключены в концентрационные лагеря.

Опора на урбанизм для объяснения нынешнего беспокойства негров опирается на чрезвычайно популярную социологическую школу мысли, возникшую по мере того, как сама нация переезжала из деревни в город. Тезис о городе использовался для объяснения практически любого явления: преступности; семьи; рождаемости; социальной мобильности; планирования; креативности; землепользования; власти и авторитетности; социальной дезорганизации; психических заболеваний; социальной стратификации; образования; транспорта; демографии; социальных ценностей; самоубийств; увлечений чтением; добровольных организаций; религии; технологий; правительства; потребления; досуга и так далее. "Специалист по урбанистике" настаивает на том, что практически любое общественное событие, просто происходящее в городе, уникально и поэтому заслуживает изучения как новое явление. Термин "Город" становится всеобъемлющим и в конечном итоге используется для объяснения самого явления; тот факт, что событие происходит в городе, означает для специалиста по урбанистике, что город стал причиной его возникновения.

Теперь настала очередь рассматривать негров как городское событие — больше, чем когда-либо, потому что в городах живет больше негров, чем когда-либо прежде, - а не как расу, борющуюся с белым расизмом и экономикой. Э. Франклин Фрейзер, например, уверяет нас, что городская негритянская семья страдает от острой дезорганизации, потому что сама природа городов создает дезорганизацию: "Таким образом, дезорганизация семей среди негров в городах представляется одним из неизбежных последствий воздействия городской жизни на простую семейную организацию и народную культуру, которые негры развили в сельской местности Юга".²⁸ Историк Ричард Уэйд так оценивает сдвиги в контактах между неграми и белыми в девятнадцатом веке, связанные с городом как таковым:

Городская жизнь максимизировала контакты с людьми; работа, даже в качестве домашней прислуги, часто уводила рабов от места их хозяина; "наем" еще больше ослаблял обычные ограничения рабства; а "проживание вне дома" предоставляло еще более широкую сферу независимости.²⁰ ... по мере роста городов в них создавались условия, которые сначала обостряли, а затем и подрывали режим рабства в мегаполисах Юга.⁻¹⁰

Город создал свой собственный мир с темпом, утонченностью и окружающей средой, которые отличали его от сельской жизни. В процессе она превратила негров не меньше, чем белых, рабов не меньше, чем свободных людей. Поэтому неудивительно, что рабство как городской институт сильно отличалось от своего сельского аналога и что городской раб часто был совершенно непохож на своего деревенского собрата.³¹

Из этих цитат, взятых из широко известной работы Уэйда "Рабство в городах", следует, что растущее население города подрывало систему рабства, обычно практикуемую на плантациях, а характер городской жизни препятствовал продолжению системы рабства в сельской местности Юга.

Но город как таковой не несет в себе причинно-следственной связи с человеческими событиями, и собственный анализ Уэйда содержит противоречия, присущие отстаиванию городской перспективы. Несоответствия становятся очевидными, когда собственные слова Уэйда показывают, что негр получил большую свободу и меньше ограничений не потому, что он вместе с белыми жил в городах, а скорее из-за динамики социальной жизни, установленной белыми в тот период:

Города, конечно, не могли изменить систему | рабства |, но городские хозяева в большей степени полагались на государственные учреждения в вопросах дисциплины, чем это было возможно в сельской местности. Постановления предусматривали, что мастер мог отправлять чернокожих в местную тюрьму для “исправления”. Он просто выписал квитанцию о количестве ударов плетью, отдал ее рабу для порки и отправил его в тюрьму для наказания. У плантаторов, конечно, была такая же опция, но расстояния делали ее использование непрактичным. Однако городские владельцы все чаще находили эту систему удобной. Это было легко и быстро; это избавило хозяина от мрачного опыта самостоятельного владения кнутом

Негры и сторонние наблюдатели считали, что помимо удобства были и другие причины широкого использования этой общественной системы. В городе обращение владельца со своим рабом часто не было частным делом. То, что произошло на плантации, не было общеизвестно, но в городских кварталах новости распространялись быстро. И обращение с неграми было частью этих новостей. Поэтому Мастерс предпочитал избегать репутации сурового человека, полагаясь на тюрьму или работный дом. “Общее чувство порядочности, которое должно пронизывать города, - писал Фредерик Дуглас, - многое делает для сдерживания и предотвращения ... чудовищной жестокости ... и ... темных преступлений ... открыто совершаемых на плантациях”. “Он отчаявшийся рабовладелец, ” продолжал бывший раб, “ который потрясет человечность своих соседей, не являющихся рабовладельцами, криками растерзанных рабов; и очень немногие в городе готовы навлечь на себя позор жестоких хозяев”. Джеймс Стирлинг обнаружил, что его точку зрения разделяют другие негры, которые считали, что “контроль общественного мнения, естественный для большого города”, имел тенденцию сводить к минимуму частное “исправление”.³²

Уэйд утверждает, с одной стороны, что плотность населения препятствует введению социального контроля, так что негры, живущие в городах, получили свободы, теоретически недоступные рабам;³³ город, по его словам, создал условия, которые ослабили контроль белых над рабами. С другой стороны, Уэйд настаивает на том, что социальный контроль в форме общественного мнения определенно ограничивал городского рабовладельца. Тем не менее, если плотность населения обязательно устанавливает социальный контроль над белыми, она не может одновременно быть ответственна за устранение определенного контроля над черными, поскольку он остается одинаковым для негров и белых. В концентрации населения нет какой-либо особой черты, которая проводила бы дискриминацию между расами, так что белые находятся под социальным контролем “общественного мнения, естественного для большого города”, и чувствительны к “общему чувству порядочности, которое должно пронизывать города”— но не негры. Сам Уэйд дает истинное объяснение ослаблению социального контроля над “городскими” неграми:

Основной страх, который я испытывал по отношению к обычаю найма негров-рабов, не был экономическим, хотя некоторые белые часто стремились помешать неграм посягать на их

рабочие места. 1. меня очень беспокоила степень свободы, которую я предоставил рабу, если бы ему разрешили самому заниматься своей работой. Раб не только ускользал из-под надзора своего хозяина, но и, несмотря на всевозможные общественные ограничения, имел свободу выбирать себе нанимателя, зарабатывать немного денег, самостоятельно организовывать свой рабочий день и, в некоторых случаях, обеспечивать себя собственной комнатой и питанием. До тех пор, пока он отдавал свои деньги своему хозяину и держался подальше от полиции, он пользовался широкими пределами свободы. Хотя юридически он не был меньшим рабом, на самом деле он был им в меньшей степени.³⁴

I'. даже если передача некоторых аспектов дисциплины государственным учреждениям была необходима, не все были довольны этим. 1 сам факт совместного контроля уменьшал уникальную власть хозяина над своими чернокожими, ставя под угрозу абсолютный контроль, который многие считали необходимым для института. Рабы больше не падали из-за того, что существовало единое средоточие власти, единая точка апелляции, единый источник командования.³³

Эти комментарии указывают на то, что изменение в обращении с рабами произошло не как прямой результат урбанизации; порядок изменился по экономическим причинам — когда владельцы намеренно нанимали негров и в обмен на стабильный доход предоставляли рабам больше свобод. 1 здесь не было никакой “городской” силы, вызвавшей разрушение традиционных ограничений, скорее, как ясно дает понять Уэйд, развитие нескольких мастеров с глубоко разными интересами привело к различному обращению с неграми. Это был вопрос отношений между хозяином и рабом, а не численности населения городов; экономические ценности рабовладельца вызвали резкие изменения, которые хочет объяснить Уэйд.

Эра/.айер, Уэйд и другие социологи, которые рассматривают урбанизацию негров как жизненную силу, совершают серьезную ошибку, приписывая городам человеческие качества. Уэйд, как и другие специалисты по урбанистике, превращает город в действующую сущность, когда, например, он утверждает:

подобное поведение также порождает более опасные практики. Хотя закон запрещает забивать гвозди slaws swsрі в строго ограниченных условиях, правоприменение

принес письменный запрос от своего хозяина. Если у чернокожих были какие-либо собственные садовые продукты, они могли продавать их на рынке только в определенные часы. И все же обмены происходили постоянно.^{3u}

Уэйд настаивает на том, что города “порождают” определенные “опасные практики”, но затем сразу же признает сложную взаимосвязь социальных отношений, фактически определившую судьбу негра в городе. Очевидно, что города не могут “размножаться” или “максимизировать контакты с людьми”. И описания - это не просто сокращение фразеологии с намерением косвенно ссылаться на людей. Уэйд не просто экономит, используя термин “городской”. Его идея ясна: плотность населения города порождает социальные факты. Город каким-то образом устанавливает социальные отношения, а не социальные отношения, определяющие характер города.

Специалисты по урбанистике часто признают, что то, что они принимают за городские явления, можно найти и в сельской местности, не признавая, однако, внутренней противоречивости своих наблюдений. Таким образом, Era /.ier признает широко распространенную

дезорганизацию среди негритянских семей в сельской местности, а также в городских условиях, в то время как Уэйд признает наличие проблем с социальным контролем как у плантатора, так и у городского хозяина. Я полагаю, мы должны задаться вопросом, возможно ли для города распустить негритянскую семью и подорвать традиционные методы социального контроля над рабами, когда сельская семья уже претерпела массовые разрушения до переезда в города, а плантаторы испытывали немалые трудности в удержании негров в повиновении? Поскольку эти события произошли как в стране, так и в городе, невозможно рассматривать их как особенности, объясняемые городским мифом. Очевидно, что причинные факторы следует искать в другом месте, однако Эразьер и Уэйд продолжают применять ложный общий принцип, утверждая, что город создает свой собственный состав, тем самым “выделяя себя”.

Все имеющиеся данные указывают на отсутствие качественного различия, которое требует нового объяснения отличия сельского образа жизни от городского. Тем не менее, городские социологи продолжают игнорировать реальность и неизбежно должны противоречить своему собственному тезису: поведение человека отражает его местоположение; местоположение в пределах города определяет социальное поведение.

Городские социологи, особенно специалисты по экологии человека,¹⁷ утверждают, что трущобы представляют собой районы дезорганизации, которые порождают жителей собственного типа и порождают высокий уровень преступности, проституцию, незаконный бизнес, распад семей, своеобразные психические расстройства, пьянство и так далее. Таким образом,

Именно этот резкий городской переход привел к появлению диких ирландских трущоб на северо-востоке IV века. Пьянство, преступность, коррупция, дискриминация, семейной дезорганизации, преступности несовершеннолетних были будни или.это эпоха. В наше время такой же внезапный переход породил негритянские трущобы — отличные от своих предшественников, но едва ли лучшие, и в основе своей являющиеся результатом

Город лжи - это обезличенная среда, где индивид существует как единое целое среди десятков тысяч человеческих существ, безразличных к одной матери. Недавний абитуриент не может опираться на своих собратьев-людей или на дружеские отношения и теплоту, доступные в стране. Предполагается, что общественная солидарность сельских жителей укрепляет значимые отношения с другими людьми и обеспечивает безопасность сельского населения. Но город, как нам говорят, предлагает прямо противоположное — безразличие, отчужденность, беззаботность. Следовательно, личность мигранта практически утрачивает способность к социальной идентификации; человек барахтается в море человеческих обледенений, не имея чувства направления.

Чему редко уделяют должное внимание писатели, изображающие эту живописную картину городской жизни в отличие от сельской, так это тому, что описание анонимности в равной степени применимо и к стране. Представление о сельских ТК, свободных от тревог изоляции, предположительно типичных для городского жителя, сохраняется без каких-либо проблем. Тем не менее, есть существенные свидетельства того, что жители страны отрезаны от общения с людьми, общественных дел и идентификации с сообществом. Маленький и в основном сельскохозяйственный американский городок не обязательно обращает внимание на своих жителей; незначительность человека характеризует как страну, так и город. Изоляция настолько очевидна, что некоторые социологи используют ярлык “звероподобный” при ранжировании людей по системе социальной стратификации при исследовании сельской

общины.³⁹ По словам этих авторов, люди, опрошенные в ходе исследования, называли других “звероподобными”, »eoplс", хотя предположительно сельская община более “человечна”, чем население. Исследование выявило систему ценностей сельскохозяйственной экономики, которая низводит людей до уровня животных, неприемлемого для системы ценностей индустриальной экономики.

Беспорядки, предположительно характеризующие город, сотрясают и страну. Насилие не чуждо сельскому сообществу; условия жизни в трущобах южных негров намного превосходят ветхость, характерную для многих ииіс; правоприменение, принимаемое за черту города, а не давление “сообщества”, является основой сельскохозяйственной экономики для удержания негров в повиновении. Патернализм Юга не дает настоящего чувства теплоты, но негры признают его таким, какой он есть, — системой получения самого необходимого для жизни, системой, которая ненавистна, но необходима. Короче говоря, тревога, отсутствие участия и подавленность .elf-sxpression — все это, завернутое в ярлык “отчуждение”, — описывают жизнь негров как в сельской местности, так и в городе; вопреки мнению специалистов по урбанистике, стресс преследует негров еще до прибытия в город. Ни в том, ни в другом регионе нельзя найти ничего похожего на однородную безмятежность. Будучи обычным явлением как для сельской, так и для городской жизни, историческое и современное состояние американских негров вряд ли можно рассматривать с точки зрения городского перехода.

Городское объяснение настолько хорошо зарекомендовало себя, что его поддерживают даже непрофессионалы, популярные авторы газет и журналов, социальные работники и другие лица, непосредственно не связанные с научным миром. Негритянские министры принимают беспорядки негров за “городские” беспорядки, возникающие в ответ на “городские” проблемы, с которыми сталкиваются “городские” негры. Они превращают расовые проблемы в “городские проблемы”:

Они [бунтующие негры] являются жертвами (сказал священник после беспорядков в одном из крупнейших городов Америки) либо пренебрежения, либо нашего недосмотра, либо нашей неспособности понять динамику сегодняшних городских проблем и что-то с ними сделать.⁴⁰

Другой преподобный, прибывший в город Буффало, штат Нью-Йорк

... сразу было видно, что Буффало затронули типичные проблемы города. Их (проблемы города) было легко увидеть. Они характерны для большинства городских центров. Я вижу здесь соника с теми же проблемами, которые я видел в Рочестере, включая орк].⁴¹

“Нью-Йорк Таймс” пестрит заголовками: “Трущобы и опрятные дома Кони-Айленда отражают проблемы Большого города”, и автор статьи развивает эту мысль:

Сегодняшний Кони-Айленд, населенный несколькими расовыми группами, представляет собой нечто большее, чем пришедший в упадок район развлечений. Это большой город в миниатюре, и в нем есть все недостатки большого города. Здесь есть конкурирующие расовые группы, трущобы, непростой средний класс и даже район с высокой арендной платой.⁴²

В газетном отчете о съезде Национальной ассоциации образования 1967 года приводятся цитаты из одной из резолюций, касающихся расы и образования, принятых Ассоциацией:

Среди множества серьезных проблем, от которых сейчас страдают американские города, ни одна не является более серьезной или трудноразрешимой, чем фактическая сегрегация, которая в настоящее время усиливается почти во всех крупных городах.

В прошлом школы в центре города давали качественное образование. Сегодня, несмотря на огромные усилия, многие такие школы предоставляют неадекватное образование.⁴³

Если бы город действительно нес ответственность за все обвинения, которые ему предъявляют ученые, профессионалы и непрофессионалы, очевидным решением было бы покинуть город. Но если с городами каким-то образом покончить, исчезнут ли преступность, разводы, психические заболевания, социальная дезорганизация, отчуждение, бедность, расовая вражда, беспорядки и так далее внезапно и автоматически? Конечно, ответ должен быть “нет”. Если устранение причинного элемента не в состоянии искоренить признанные социальные беды, тогда должны возникнуть серьезные сомнения в том, что городская жизнь является ответственным фактором, и мы должны продолжить поиск объяснения.

Однако при обвинении городов возникает важное следствие: возложение ответственности на неживые объекты позволяет избежать неловкости, связанной с обвинением людей ". Если кто-то из жителей испытывает трудности, то, по-видимому, это происходит из-за внутренних особенностей городской жизни, а не из-за жестокого обращения со стороны других,

говорят, ирисы делают людей:

Если многие негры остаются без работы, то это из-за дискриминации при приеме на работу в *the American city*. Если слишком много негров живет в трущобах гетто, то это потому, что американский город не смог построить для них достаточно нового, недорогого, интегрированного жилья. Если слишком много негров не умеют читать так хорошо, как следовало бы, то это потому, что их не учили этому в городских школах. Если подростковая преступность, преступность взрослых и наркомания кажутся высокими среди негров, то это потому, что город не смог дать им ни малейшего проблеска надежды на то, что для них открыты другие пути. Если слишком много негров происходит из неблагополучных семей, то это потому, что город не смог обеспечить работой мужчин-кормильцев, а городские трущобы привели к ухудшению здоровья и смерти. В то время как то, что было сделано с американским городом, причиняет боль как белым, так и черным, теперь бремя отчаяния ложится еще тяжелее на негров.⁴⁵

Это “городское” противостояние не допускает социальной ответственности. Как кто-либо может контролировать город, когда город определяет ход человеческих жизней? Профсоюзные лидеры, члены профсоюзов, правительственные чиновники, религиозные лидеры, жители пригородов, обитатели трущоб, домовладельцы, банкиры, градостроители, политики, профессора колледжей, преступники и так далее никогда, с точки зрения города, не вносят вклада в динамику человеческих отношений и никоим образом не могут быть привлечены к ответственности за то, что может произойти. Таким образом, приверженцы тезиса урбанистики избегают любой конфронтации с контролирующими интересами, чтобы не ставить под угрозу свое собственное социальное положение. Специалисты по урбанистике, отказываясь раскрывать истинные масштабы социальных процессов, в конечном итоге служат особым, корыстным и укоренившимся интересам; что бы ни происходило, это удобно объяснить в терминах безличных сил урбанизации-индустриализации. И хотя некоторые социологи иногда

выражают настороженное отношение к выдвигаемой ими фантазии, они слишком часто думают, что их беспокоят ошибочные методы. Следовательно, они начинают оспаривать “правильный” подход к изучению городов, не подозревая, что города просто не существуют каким—либо систематическим образом — кроме как как государственное подразделение - и поэтому не могут быть приняты за предмет дисциплины.

Только когда социологи полностью откажутся от городского мифа в целом и от расовых отношений в частности, можно ожидать дальнейшего прогресса в изучении социальной динамики. Ориентация на урбанизацию и индустриализацию слишком проста; она игнорирует текущие ценности, способствующие конфликтам и сотрудничеству в обществе. “Проблема промышленной панацеи, - заключает Э. М. Йодер в несколько ином контексте, - заключается в том, что она основывается на слишком простых предположениях о том, что заставляет общество работать”

Я хотел бы подробнее остановиться на наблюдениях Прольва или Вильгельма II. Николлса говорит не только как приверженец промышленного прогресса, но и как человек, который, лично ознакомившись с эффектом (или не эффектом) иностранной помощи, получил представление о косности экономики Юга. По его словам, чем больше он наблюдал за вливанием капитала в экономически “отсталые” страны, тем больше убеждался в том, что глубокие экономические перемены не приводят к социальным изменениям, а скорее наоборот. Региональный “прогресс” не произойдет до тех пор, пока Юг остается связанным “аграрными ценностями, жесткостью ... социальной структуры, слабостью социальной ответственности и конформизмом мышления и поведения” — всего лишь перечнем качеств, которые сторонники различных “Новых Югов” обычно пытались смягчить индустриализацией.⁴⁰

Мы должны прийти к мнению, что природу социальных отношений определяют ценности, а не города. Первый критерий, который белый человек использует для оценки негра, - это цвет; степень, в которой будет практиковаться цветовая дифференциация, определяется экономическими ценностями Белой Америки. Предрассудки о цвете преобладают там, где это экономически целесообразно. Эта связь между расовыми и экономическими ценностями сохранялась даже во времена рабства. Ричард Уэйд иллюстрирует связь в этом описании “городского” негритянского раба:

Ни один хозяин не мог изолировать своих рабов полностью и даже незначительно, если они хотели принести ему хоть какую-то пользу. “Найм” и “проживание вне дома” наиболее очевидно подрывали нормальный контроль. Но прислуга тоже покидала резиденцию тбс при исполнении своих обязанностей. Даже дети-рабы проводили много времени за пределами комплекса. Короче говоря, эти контакты были неизбежным компонентом городской зависимости. Для их предотвращения потребовалась бы система наблюдения, настолько обширная и дорогостоящая как с точки зрения денег, так и с точки зрения рабочей силы, что сделала бы само учреждение неосуществимым,^{ir}

Уэйд считает, что негров-рабов меньше сдерживают, потому что “городские” белые хозяева намеренно отказывались финансировать меры, необходимые для полного и адекватного регулирования. Осознавая выбор между тотальным расизмом и экономической отдачей, белые выбрали последнее. Таким образом, предпочтение белых означало большие свободы черных.

Негры бежали с Юга из-за острого недовольства постоянными злоупотреблениями белых в повседневной жизни и из-за экономических трудностей, возникших после того, как долгоносик и катастрофические наводнения уничтожили урожай хлопка 1915 года. В то же время, когда экономические условия на Юге ухудшались, отрасли промышленности Севера, возникшие в ответ на Первую мировую войну, искали негритянскую рабочую силу, чтобы восполнить нехватку белых рабочих, вызванную призывом в армию и прекращением иммиграции из Европы. А статьи, изображающие Север как страну возможностей в таких негритянских газетах, как "Чикаго Дефендер", подстегнули движение на Север.

Однако расовые барьеры рухнули лишь в той степени, в какой это было необходимо для удовлетворения экономических потребностей северных промышленников в привлечении негритянской рабочей силы. Дверь к благоприятным возможностям открылась перед негром не для того, чтобы угодить ему, а

Экономика Первой мировой войны. Надеясь на землю, свободную от расовой дискриминации, негры немедленно столкнулись со скрытой враждебностью северян вместо открытой враждебности южан, которую они оставили позади. "Большинство негров на Севере, ' согласно Э. Франклину Фрейзеру, - вели ненадежное существование, потому что они так и не смогли закрепиться в промышленности. Большая часть негритянских рабочих была [так в оригинале] сосредоточена на неквалифицированных работах и домашней прислуге".⁴¹

Оказавшись на Севере, негры продолжали игнорироваться или подавляться. Хотя это менее вероятно в форме официальных заявлений, тем не менее северный расизм процветает и напрямую влияет на повседневную жизнь негров. Видение больших горизонтов в конечном итоге тускнеет с рождением каждого поколения северных негров: "Дети этих разочарованных цветных пионеров, " сообщает нам Клод Браун, — унаследовали общую судьбу своих родителей - разочарования, гнев. Вдобавок к их несчастью, у них было мало надежды на избавление. Ибо куда бежать, если он уже в земле обетованной?"⁴² Негру не рады нигде в Соединенных Штатах; ни один регион не обладает монополией на расистский вирус. Точно так же, как Юг использовал безжалостные методы подчинения негров, точно так же Север разработал свои собственные эффективные способы игнорирования негров.

Таким образом, аргумент о урбанизации искажает прошлый и настоящий жизненный опыт американского негра. В нем беспокойство черных рассматривается как уникальное городское явление, хотя, согласно докладу Кемера 1968 года, "Белый расизм, по сути, ответственен за взрывоопасную смесь, которая накапливается в наших городах после окончания 11—й мировой войны". * ° И тезис о семье, и тезис об урбанизации пренебрегают этой "взрывоопасной смесью" - расовыми и экономическими ценностями белой Америки.

Примечания к главе III

1. Филип М. Хаузер, 'Демографические факторы интеграции негров', Дедал, том 94 (Осень, 1965), стр. 862-86). Выделено.

2. "Нью-Йорк таймс", (18 июля 1968 г.).

). Отто Файнштейн и Габриэль Бретон, "Гражданские права — анализ", New University Thought, Vol.) (Сентябрь-октябрь, 196)), стр. 4.

4. См. Ф. Франклина Фрейзера "Негр в Соединенных Штатах". Нью-Йорк: Макмиллан, 1957, 2-е изд., стр. 692-69).
- Дж. Сек Талкотт Парсонс, "Почему 'Свобода сейчас', а не вчера?" в The Negro American, Талкотт Парсонс и Кеннет Б. Кларк, ред. Бостон: Хоутон Миффлин, 1967, стр. xii.
6. Рэй Станнард Бейкер, Следуя цветовой линии. Нью-Йорк: Harper It Row, 1964, стр. 1)0. Первоначально опубликовано издательством Doubleday, Page and Co., 1908.
7. Роберт Коулз, "Когда негры-южане движутся на север", журнал "Нью-Йорк Таймс" (17 сентября 1967 г.), стр. 94.
8. Оскар Хэндлин, "Новички". Гарден-Сити, Нью-Йорк: Anchor Books, 1962, стр. 120.
9. Цитируется Хайланом Льюисом, "Культура, класс и семейная жизнь городских негров с низким доходом", в журнале "Занятость, раса и бедность", Артур М. Росс и Герберт Хилл, ред. Нью-Йорк: Харкорт, Brace It World, 1967, стр. 151.
10. Алан П. Граймс, Равенство в Америке. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1964, стр. ix.
11. Джон Оливер Килленс, "Бремя черного человека". Нью-Йорк: Trident Press, 1965, стр. 53.
12. Раши Фейн, "Экономический и социальный профиль американца-негра", Дедал, том 94 (Осень, 1965), стр. 815-846.
13. "Изменения в образовании за одно поколение, март 1962 г.", Отчеты Current Population Reports, Scies P-20, № 132, стр. 4.
14. Сэмюэл Проктор, Молодой негр в Америке, 1960-1950. Нью-Йорк: Association Press, 1966, стр. 149.
15. Ральф Макгилл, "Равенство на линии огня", книжное обозрение, New York Times Book Review (25 октября 1964 г.), стр. 6.
16. Джеймс Фармер, Свобода —когда? Нью-Йорк: Random House, 1965, стр. 184.
17. См. К. Ванн Вудворд, Том Уотсон. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1963.
18. Фамье, указ. соч., стр. 184.
19. Томас А. Джонсон, "Специальное введение" в Shoot-Ottt в Кливленде, Луис
- X. Мазотти и Джером Р. Корси. Нью-Йорк: Bantam Books, 1969, стр. viii.
20. Мазотти и Корси, указ. соч., стр. 3. К сожалению, эта работа увековечивает сильную тенденцию рассматривать сопротивление чернокожих как насилие, в то время как поведение полиции во время восстания предположительно является реакцией на провокацию чернокожих. Авторы не смогли подчеркнуть тот факт, как ясно показывают данные, что полиция Кливленда намеренно усилила преследование некоторых известных чернокожих

националистов в гетто. Обратите внимание на критику, предложенную Ролдо Бартимолком, "Плохой день в Кливленде", Nation, том 209 (14 июля 1969 г.), стр. 41-454-.

21. Мазотти и Корси, указ. соч., стр. 18.

22. Джеймс К. Уилсон, "Негр в политике", Дедал, том 94 (осень 1965 г.), стр. 951.

23. Джером Дауд, Негр в американской жизни. Нью-Йорк: The Century Co., 1926, стр. 585.

24. К. Ванн Вудворд, Странная карьера Джима Кроу. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1966, 2-е изд., стр. 190-191.

25. Дэниел Патрик Мойнихан, "Политические перспективы" в "Негре" ("Привет деловому сообществу", Эли Гинзбург, cd. Нью-Йорк: Макгроу-Хилл, 1964, стр. 78.

26. Фрейзер, указ. соч., стр. 701.

27. Роберт К. Уивер, Негритянское гетто. Нью-Йорк: Харкорт, Брейс и Компания, 1948, стр. 41-42.

28. Фрейзер, указ. соч., стр. 298. Выделено мной.

29. Ричард К. Уэйд, "Рабство в городах". Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1964, стр. 78. Выделено мной.

30. Там же, стр. 4. Выделено мной.

31. Там же, стр. 27. Выделено мной.

32. Там же, стр. 94-95. Выделено мной.

33. Там же, явно на стр. 4 и неявно через цитаты из других источников на стр. 80 и 92.

34. Там же, стр. 51. Выделено мной.

35. Там же, стр. 97. Выделено мной.

36. II/IJ., |>. 84. Выделено мной.

37. Сек. Сидни М. Уиллхельм, теория городского зонирования и л. и использования. Нью-Йорк: Издательство "Ри Пресс", 1962.

38. Министерство труда США. Негритянская семья. Вашингтон, Округ Колумбия: Типография правительства США, 1965, стр. 17. Ллвин Х. Пауэлл серьезно усомнился в обоснованности того, что "город" сеет социальную дезорганизацию. " ... в эволюции ... от сплоченного сообщества к атомизированному обществу, - пронизательно заключает он, - решающим фактором является не процесс урбанизации, а развитие экономических институтов. 1. социальный характер американского города — аномия городского образа жизни — является продуктом духа капитализма". (Выделено нами) Он справедливо замечает, что именно упорное сопротивление так называемых "городских" социологов историческому анализу препятствует появлению социологического понимания для изучения социальных процессов, которые сейчас обозначаются как "городские". См. Ллвин И. И. Пауэлл, " Эволюция американского города и

возникновение аномии: тематическое исследование Буффало, Нью-Йорк, 1810-1910", Британский журнал социологии, том 13 (июнь 1962), стр. 156-168.

39. Джеймс Уэст (Карл Уизерс), Фленвилл, США. Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1945.

40. Buffalo Courier-Express, (2 июля 1967 г.). Выделено мной.

41. Там же, (9 июля 1967 г.). Прилагается подчеркивание.

42. Пол Холманн, "Трущобы Кони-Айленда" (англ.). Аккуратные дома отражают проблемы большого города", Нью-Йорк Таймс, 24 июля 1967 г., стр. 29.

43. Associated Press, Buffalo Evening News, (7 июля 1967 г.).

44. См. Сидни М. Уиллхельм, "Элиты, ученые и социологи", Catalyst, № 2 (лето 1966 г.), стр. 1-10, Сидни М. Уиллхельм, "Научная безотчетность и моральная ответственность", в "Новой социологии", Ирвинг Луи Горовиц, изд. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1964, стр. 181-187.

45. Джеральд л.эйнванд, "Проблема и вызов", в книге "Негр в городе", Джеральд л.эйнванд, изд. Нью-Йорк: Washington Square Press, 1968, стр. 17.

46. Эдвин М. Йодер, "У. Дж. Кэш спустя четверть века", "На Юге сегодня", Вилли Моррис, изд. Нью-Йорк: Харпер-Сент-Роу, 1965, стр. 96.

47. Уэйд, указ. соч., стр. 82. Выделено мной.

48. Lrazicr, up. cit., стр. 165.

49. Клод Браун, "Мужское дитя в земле Обетованной". Нью-Йорк: Signet, 1965, стр. viii.

50. 1 Национальная консультативная комиссия по гражданским беспорядкам, Доклад Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам. Нью-Йорк: Bantam Books, 1968, стр. 10.

IV. Война и расизм

Солдаты - граждане серой земли смерти, не получающие дивидендов от завтрашнего дня.

— Зигфрид Сассун

Для американских негров военное время обычно означает лучшие времена. За несколькими заметными исключениями, во время войн в Америке у угнетенного черного меньшинства обычно появляются новые возможности и улучшения.

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Тенденцию расовой перестройки военного времени можно проследить еще со времен Войны за независимость. Дебаты среди белых о “неотъемлемых правах” и призывы к свободе, раздававшиеся по всем колониям, не могли остаться незамеченными среди чернокожих. Негры, стремящиеся к своей эмансипации, выдвигали те же требования — свободы, раскрепощенности, справедливости, — которых белые требовали от британских властей. Одна группа, например, обратилась с петицией в законодательное собрание Массачусетса с просьбой не требовать от негров уплаты налогов без представительства. Тем не менее, рабы, не являясь гражданами, не могли иметь политических прав. По сути, колонисты придерживались превосходства белых, провозглашая свою независимость; вопрос стоял не между расами, а между правами белых колонистов и суверенными притязаниями метрополии. Негры не встречались с белыми для составления нескольких документов и заявлений революционного периода. В Декларации независимости нет явных ссылок на негров; независимо от ее известности как провозглашения вирусных свобод человека, рабство человека получило лишь мимолетное внимание в обвинении в том, что Джордж 111 спровоцировал внутреннее восстание в Америке, косвенно ссылаясь на американское рабство.

Британцы, чувствуя беспокойство колонистов и противоречивые секционные интересы, стремились воспользоваться ситуацией, предложив неграм свободу и денежные выплаты. 14 ноября 177 года королевский губернатор Вирджинии издал от имени британской короны прокламацию об освобождении рабов Вирджинии. Одно это заявление побудило сотни негров перейти на сторону Великобритании.

У белых революционеров были веские причины опасаться реакции чернокожих, когда вспыхивали военные действия; благонадежность негров оставалась под вопросом. Вряд ли можно было ожидать чего-то другого, поскольку белые целенаправленно лишали негров “неотъемлемых прав”. Теории свободы человека и свободомыслия, оправдывающие разрыв с Англией, вряд ли могли оставить институциональное рабство нетронутым, поскольку они представляли собой наиболее эффективный вызов рабовладельческой системе Колониальной Америки. Признание неотъемлемых противоречий между правами человека и человеческим рабством побудило даже белых северян публично выступить против рабства. Многие квакеры и некоторые революционные деятели, такие как Томас Пейн, поддерживали стремление негров к свободе.

В начале войны ни один негр не служил в континентальной армии. Рабовладельцы неохотно расставались со своей человеческой собственностью по экономическим причинам; рабы представляли собой товарный вид и служили источником рабочей силы в то время, когда белые были менее доступны из-за службы в военное время. Даже свободные чернокожие, желающие поступить на службу, были исключены. Вооружать любого негра представляло опасную угрозу для белых; чернокожий солдат мог действовать в интересах освобождения рабов, а не нации. С другой стороны, непринятие негров побуждало рабов оказывать помощь и утешение наступающим британским войскам, предполагая вполне определенную возможность формирования неграми пятой колонны за линией фронта.

Война за независимость предоставила рабам ряд возможностей сбежать от белых хозяев. Хотя бегство не было редкостью в годы ISO, предшествовавшие войне за независимость, оно быстро усилилось, поскольку негры воспользовались более слабым социальным контролем, поскольку белые были озабочены войной. Беспорядки усилили привлекательность бегства, когда рабовладельцы разделились: одни встали на сторону революционеров, другие - на сторону лоялистов. Не всегда благожелательно относившийся к решению своего хозяина, негр в неволе просто уходил. Однако беглый негр был больше заинтересован в обретении свободы, чем в выборе между спорщиками; он склонялся к той стороне, которая, по его мнению, с наибольшей вероятностью могла предоставить ему свободу. Негры, дезертировавшие к британцам, "не испытывали особой любви к Англии, но они верили, что английские офицеры дадут им свободу".¹

Война продолжалась третий год, прежде чем трудности с поддержанием воинских частей в условиях растущих британских операций взяли верх над колониальными предрассудками. Белые революционеры часто не желали служить в континентальной армии из-за своего желания вести нормальную гражданскую жизнь. Хроническая нехватка рабочей силы делала все более трудным игнорирование требований цветного народа о праве на борьбу. Аргументы в пользу принятия чернокожих рекрутов начали одерживать верх над сопротивлением белых. В то время как треть регулярных белых войск покинула свои посты, немногие негры сделали бы это; белым приходилось сопротивляться искушению руководствоваться личными экономическими интересами, просьбами жены и глубоко ощущаемыми муками тоски по дому, в то время как у негров было мало причин для дезертирства. Негры стремились служить, поскольку их зачисление гарантировало немедленную свободу от рабства. Более того, богатые непокорные белые могли приобрести услуги заменителя негра, чтобы избежать призыва в армию, и эта практика еще больше поощряла прием негров.

В свете растущей нехватки белых рекрутов необходимость, а не гуманитарные соображения, критикующие рабство негров, побудили к изменению военной политики. "Когда остро ощущалась потребность в рабочей силе, будь то в добровольческих войсках, ополчении или континентальных войсках, [белые] колебания и страхи отодвигались на задний план и привлекались негры".² Тем не менее, две из тринадцати колоний, Южная Каролина и Джорджия, упорно отказывались набирать рабов; даже падение Саванны в 1778 году не смогло убедить их изменить свою расистскую политику.

Принятие в континентальную армию частично оправдало оптимистические ожидания негров. Хотя большинство из них служили в низших званиях, жесткой сегрегации, как это было бы в последующих войнах, никогда не возникало. Негры, сражавшиеся бок о бок с белыми,

сталкивались с расовыми контактами в масштабах, неизвестных до войны. Рабы также обеспечили себе свободу, получили денежные выплаты, а некоторые приобрели земельные наделы. Но, несмотря на призывы, только пять тысяч негров, в отличие от полумиллиона, находившихся в рабстве, служили в континентальной армии, в то время как десятки тысяч бежали к роялистским войскам.

Антиславянские настроения охватили нацию сразу после войны. Общества аболиционистов быстро расширялись; некоторые северные штаты либо отменили рабство, либо сократили работорговлю; рабы, принадлежащие тори, получили свободу. Такие достижения отражали идеализм настроений военного времени. Но поражение британских войск, добившихся свобод для белых, одновременно лишило стимула, необходимого для продвижения прав чернокожих. Атмосфера войны уступила место консерватизму конституционной эпохи, и чернокожие, хотя и наслаждались уже достигнутыми успехами, не могли рассчитывать на дальнейшие шаги по избавлению от порабощения.

Мысли об отмене рабства на Юге быстро развеялись с изобретением хлопкоочистительной машины; рабство людей стало неотделимым от экономики Юга. Экономические стимулы плантаторов к получению прибыли и окупаемости инвестиций в рабовладельческие хозяйства активизировались с тех пор, как хлопкоочистительный завод снизил затраты на переработку урожая. С другой стороны, на Севере свободное негритянское население стало еще более возмущенным расовыми условиями на Юге, и белые организовались, чтобы выступить против рабства. Благодаря публикациям, давлению на представителей конгресса, созданию Подземной железной дороги и, что особенно важно, открытой агитации, борьба против рабства продолжалась.

Но к 1850 году Белая Америка ополчилась против аболиционистов и начала собственное десятилетие. Чтобы противостоять Подземной железной дороге, Конгресс принял закон о беглых рабах; вместо того, чтобы отменить или ограничить рабство в южных штатах, нация приняла закон о Канзасе и Небраске, открывающий приграничные территории для рабства; даже если суды постановили по решению Дреда Скотта, гражданство не было доступно мужчинам с черной кожей. Ужасные времена усугубились из-за наплыва новой волны иммигрантов. Европейские мигранты, поселяющиеся в восточных городах, конкурировали с неграми за жилье и, соглашаясь на более низкую заработную плату, вытесняли негров с важных профессиональных занятий. Вспыхнули антигерманские беспорядки, в результате которых пострадали сотни чернокожих и тысячи белых были вынуждены в панике бежать из Америки.

В полном отчаянии негры нанесли ответный удар. Они обратились к пистолетам и ножам, чтобы противостоять нападениям белых. Они противостояли "правосудию", осуществляемому судами, добивающимися возвращения беглых рабов, совершая набеги на залы судебных заседаний несчастных цветных жертв. Белый человек, Джон Браун, вопреки закону возглавил группу негритянских рабов из Миссури. Полагая, что рабство никогда не может быть устранено мирным примирением, позже он организовал небольшую межрасовую армию и напал на правительственный арсенал в Харперс-Ферри, был схвачен федеральными войсками и вместе с верным последователем Шилдсом Грином встретил свой конец на виселице. Черное отчаяние того периода, превратившее Джона Брауна в революционера, сделало его легендарной фигурой среди негров, приверженных непрекращающейся борьбе за права человека. Тем не менее, ни "предательские" действия Джона Брауна, ни успех "Подземной железной дороги", ни

убедительное красноречие таких выдающихся критиков, как Фредерик Дуглас, Уильям Ллойд Гаррисон и Уэнделл Филлипс, не смогли преодолеть нарастающую волну анти-негритянских настроений, захлестнувшую нацию. Поворот Белого десятилетия вспять произошел только с началом Гражданской войны; ничто, кроме войны, не изменило тенденции к полному исчезновению американских негров.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Начало гражданской войны не принесло немедленного облегчения неграм. Точно так же, как руководство Революционной Америки полностью игнорировало права негров, оставляя рабов нетронутыми на начальных этапах как колониальных протестов, так и восстаний, Авраам Линкольн предпочел проигнорировать претензии негров на конституционные гарантии. Он намеревался осуществить план, согласно которому в течение почти четырех десятилетий негр был бы физически удален с американской земли, тем самым устранив негритянский вопрос Америки, просто пересадив самого негра на иностранную землю. Линкольн предполагал депортацию негров с денежной компенсацией рабовладельцам. Зная о колониационных идеях Линкольна, представители негров ответили безоговорочным отказом. Если бы не постоянные заграждения и словесные атаки Фредерика Дугласа и разжигание оппозиции со стороны радикальных республиканцев, взглядами негров вполне могли бы пренебречь. Тем не менее, один из самых сильных белых аболиционистов, Уильям Ллойд Гаррисон, выступил за введение моратория на расовый вопрос; Гаррисон рассуждал, что само выживание нации имеет приоритет над усилиями негров по обеспечению гражданских прав.

Линкольн отказался от колонизации, но не продвигал никакой программы изменения статуса рабства, он надеялся на примирение с Югом. Когда силы Союза вошли на южную территорию, полевые офицеры полагались на личные склонности, чтобы решить, что следует делать с чернокожими пленниками. Рабов возвращали владельцам-южанам, освобождали или отправляли в войска Союза. Однако в одном случае Линкольн отменил приказ генерала о призыве негров-рабов. Короче говоря, Линкольн, настроенный на умиротворение Юга, не допускал нарушений расового этикета; казалось, что южные взгляды будут преобладать даже при отсутствии участия Юга в федеральной системе.

Знаменитый Фредерик Дуглас сопротивлялся всем попыткам уволить негра, заявляя в своих красноречивых ораторских выступлениях из одного Северного штата в другой, а также в редакционных статьях, опубликованных в его собственной газете, что гражданская война была войной за освобождение рабов с целью сохранения Союза. Несмотря на идущее на убыль движение за отмену смертной казни, терпящее серьезные неудачи из-за призывов к национальному патриотизму, а не к свободе человека. Дуглас не уступил бы в своем личном стремлении убедить Линкольна и нацию в неоспоримой связи между свободой негров и государственностью.

По мере того, как война прогрессировала и силы Союза терпели поражение за поражением, в Конгрессе росла поддержка аболиционистов. Радикалы перехватили инициативу в начале 1862 года и одобрили законы, направленные на отмену, в некоторой степени, рабовладельческого строя. Они успешно ввели в действие меры, запрещающие возвращение беглых рабов южным владельцам; само рабство было объявлено незаконным на всех территориях и в Вашингтоне, округ Колумбия; и была дана санкция, посредством того, что стало известно как “Закон о конфискации”, на освобождение рабов, бежавших из-под контроля повстанцев. “Освободите

рабов и вооружите рабов” стало лозунгом радикальных республиканцев, осуждающих политику, не позволяющую неграм носить военную форму. Короче говоря, национальные силы двигали Линкольна больше, чем Линкольн двигал нацию *thc* к отмене смертной казни, так что в конечном итоге, на

1 Января 1963 года президент объявил о своей Декларации об освобождении. Затем Военное министерство начало привлекать негров на службу нации.

Час национальной нужды ознаменовал прибытие негра. Военные обстоятельства вынудили к этому как нацию, так и Линкольна. Чернокожие получили больше свободы не строго по настоянию аболиционистов, а скорее как мера военной экономии, необходимая для достижения национальных целей политического и экономического единства. До тех пор, пока Север не предоставлял никаких льгот рабам-южанам, все негритянское население могло только испытывать уныние по отношению к северной идеологии национальной идентичности и опасаться намерений южан сохранить человеческое рабство. После того, как Профсоюз принял негров, Дуглас призвал негров использовать новую возможность не только для того, чтобы ускорить победу Севера над злом рабства, но и для того, чтобы завоевать уважение белых людей. “Поступая на [вооруженную] службу своей стране в этот час испытаний и поддерживая Национальный флаг, - объяснял он своим подчиненным, - вы затыкаете рты предателям и добиваетесь аплодисментов даже из железных уст неблагодарности”. * Сто восемьдесят шесть тысяч негров присоединились, обеспечив перевес северян над восстанием южан.

Белые не могут позволить себе исключение негров, когда для окончательной победы требуется рабочая сила чернокожих. Этот урок был впервые усвоен во время войны за независимость, но вскоре им пренебрегли после военного успеха над лоялистами; следовательно, этот урок пришлось усвоить заново в самый разгар Гражданской войны. Озабоченность статусом негров в военное время возникает всякий раз, когда белая Америка остро нуждается в военной рабочей силе. Экономические стрессы военного времени приводят к большим уступкам белым, если негры настаивают на соблюдении цветовой границы.

Восстановление последовало за Гражданской войной. Чтобы подавить открытые выступления против негров, Север инициировал военную оккупацию побежденного Юга. Затем предоставление избирательных прав бывшим рабам продолжилось так, что количество избирателей-негров превысило количество избирателей-белых в пяти южных штатах, что позволило неграм занимать должности на всех уровнях управления: один стал губернатором, другие служили национальными представителями и сенаторами, членами государственной думы, шерифами или членами совета. Интеграция процветала благодаря твердому, решительному и, как казалось в то время, беспроегрышному импульсу Севера: двери государственных школ впервые открылись для негритянских масс; негры присоединились к ранее полностью белым городским общинам; цветовая граница исчезла в общественном транспорте; не-; гос стали клиентами и сотрудниками ранее полностью белых предприятий; и личная близость расширилась до уровня роста негро-белых браков. Эмансипация, начавшаяся как провозглашение, приобрела масштабное движение с тотальным воздействием.

В то время как негры наслаждались своими свободами, белые южане воспринимали негра не как освобожденную личность, а как угрозу распространения власти черных

аура обреченности, вселяющая ощущение тщетности среди белых. Хотя военные действия Севера положили конец убийствам тысяч недавно освобожденных чернокожих и принятию черных кодексов на Юге, южане проявляли свой фанатизм более осмотрительно, нападая на негров косвенно. Они обошли расовый вопрос, осудив северных “захватчиков”. Северяне, добивавшиеся освобождения южных негров, стали коррумпированными и беспринципными эксплуататорами невежественных чернокожих, которые при поддержке подлецов обирали южан ради корыстной выгоды. Откровенные белые сопротивлялись захвату политической власти черными на Юге, обвиняя правящий альянс *carpetbagger-scallywag-Negro* в широко распространенной коррупции.

Реконструкция внесла фундаментальные изменения для обеих рас. Политическая арена исчезла, превратившись в систему исключительно белых, а экономическая система подверглась массовым изменениям. Негры, как никогда раньше, чувствовали себя в согласии со всей Америкой. В этом восторженном состоянии он объявил как самому себе, так и другим: “В этой стране нет цветных людей”. Но симпатии нации к неграм начали ослабевать; после краткого перерыва в восстановлении вновь возникло господство белых. Чем объясняется поразительный поворот к освобождению негров, произошедший в результате Гражданской войны? Какие события объясняют преобладание белых над черными в Америке?

С белыми в Америке нужно считаться, а негров не хватало числом. Будучи решительным меньшинством, сосредоточенным на Юге, негры не могли надеяться влиять на национальную политику без устойчивой политической организации. Неуместность негра, несмотря на радикальные политические изменения эпохи Реконструкции, стала очевидной, когда на выборах 1876 года ни один кандидат не получил достаточного количества голосов для победы на президентских выборах. Выбор между республиканцем Резерфордом Б. Илайкс, а демократ Сэмюэл Дж. Тилдкн был представлен перед контролируемой демократами Палатой представителей. Сторонники Хейса понимали, что победы может добиться альянс республиканцев и белых южных демократов. Результатом стал “Компромисс 1877 года”: было дано обещание вывести все оставшиеся федеральные войска с Юга в обмен на поддержку конгресса Юга в избрании Хейса. Республиканцы I'c из окружения Хейса, полагая, что военная оккупация Юга просто побудила белых голосовать за кандидатов от Демократической партии, указывали на политическую целесообразность обмена. Источник антипухликанских настроений был бы устранен, что, в свою очередь, проложило бы путь к будущим победам республиканцев на национальных постах.⁴

Однако достижения, ожидаемые в стратегии, не оправдались. Вместо этого демократы Юга укрепили свою собственную политическую организацию после вывода войск и добились успеха в вытеснении саквояжников. Искупители, как стали называть формирующееся белое руководство Юга, захватили ов>-'

Голосование негров служило их целям, Искупители терпели и временами поощряли негритянский электорат, вместо того чтобы немедленно прибегнуть к лишению избирательных прав. В обмен на свою поддержку негры получали покровительство в виде политических назначений низкого уровня. Затем, во время беспокойных 1890-х годов, Искупители, столкнувшись с ожесточенной враждебностью белых к их экономической политике, отбросили всякое подобие честных выборов и пришли к власти путем фальсификации результатов голосования, убийства лидеров оппозиции или запугивания соперников. Враждебность между

белыми ослабла только благодаря тому, что негр стал козлом отпущения за неприязнь между белыми; вина за трудные экономические времена также пала на негра. Именно на этом этапе законодательные органы Юга ускорили процесс лишения негров гражданских прав. Мало кто из северян проявил интерес, способный помешать Искупителям, поскольку Искупители отдавали предпочтение экономическим доктринам северо-Востока, деловые интересы которого были сосредоточены в железнодорожных и промышленных корпорациях.

Экономическая революция Реконструкции, как и политическая, имела силу Севера, но влияние Юга; экономические интересы Северо-Востока оказали достаточное давление, чтобы вызвать экономическую революцию на Юге после окончания войны. Влияние Юга до Гражданской войны на национальные дела простиралось за пределы самого региона. Включив экономическую политику США в схему организации конгресса в ущерб корпоративным амбициям Северо-Востока, регион внес вклад в политическую экономику страны, намного превышающий его численное представительство. Поскольку политические дела Юга отражали экономические обязательства региона, промышленникам стало очевидно, что рабство сдерживает развитие северо-восточного капитала.

Негр в рабстве был всего лишь человеческим товаром, обменивавшим свой труд на минимальные социальные нужды, необходимые для жизни. Хотя он мог покупать и продавать в условиях денежной экономики, сам негр обменивал свой труд на номинальные блага общественного существования, такие как еда, одежда, кров, медицинские услуги и так далее. Бартерный механизм, столь жизненно важный для Юга, противоречил требованиям промышленников к тому, что Дэвид Разклон называет "бумажной экономикой".⁵ Промышленники и финансисты хотят рынка, на котором можно купить рабочую силу, а не человека. В индустриальной экономике, в отличие от экономики рабства, занятость реагирует на предложение, спрос и требования машинного производства. Более того, коммерческие предприятия вряд ли могли расширяться в бартерной экономике Юга; риски для капитала, связанные с рабством, возросли, что препятствовало предоставлению кредитов банкирами. Растениеводство, вызванное склонностью к рабству, нанесло ущерб не только плантаторам, но и денежным интересам Северо-Востока. Юг превратил рабство в образ жизни; владение рабами стало самоцелью, проявлением своеобразной южной традиции. Следуя мотиву жизни Юга, рабство стало скорее экономической обузой, чем экономическим активом; трудовая система Юга и образ жизни мелкопоместного дворянства, по словам Юджина Дженовезе, превзошли производительность региона." Поэтому для Северо-Востока в целом было жизненно важно вытеснить бартерную экономику Юга и землевладельцев с прочных политических позиций на национальной и местной арене. Поощряя расизм, пренебрегая экономическими издержками, Юг расширил свое отношение к неграм за пределы экономической осмотрительности. Ликвидация рабства людей стала национальной необходимостью, когда оно превратилось в экономическую ответственность.

В результате Гражданской войны роль негров перешла от товарного к принудительному труду, чтобы соответствовать диктату бумажной экономики. Эмансипация вывела негра на рынок как источник рабочей силы, а не как при рабстве, как предмет собственности, подлежащий продаже. Это была трансформация, задуманная Севером, чтобы перевернуть экономику Юга, оставив при этом нетронутым клеймо цвета кожи. Промышленники в погоне за экономическими выгодами могли бы освободить негров, но не имели никаких обязательств перед неграми. Таким

образом, повторное вовлечение негров Юга в экономический конфликт не вызвало возмущенных жалоб со стороны северных бизнесменов.

похоже, самым большим провалом Реконструкции был экономический. В начале кризиса как белые, так и негритянские рабочие на Юге испытывали нужду и лишения на фронте. На Севере, где их положение было значительно лучше, они еще не научились справляться с могущественными промышленниками, которые использовали политические структуры как своих самых надежных союзников и подкупали чиновников с большей регулярностью, чем платили своим служащим. В то время как белые лидеры Юга были озабочены вопросами избирательного права и гражданских прав негров, финансисты и промышленники Севера воспользовались возможностью установить свой экономический контроль над Югом, и это продолжается по сей день. Неспособность негра решить свои проблемы не была полностью его дискредитирующей. Это был всего лишь симптом сложности новой индустриальной Америки, который ставил в тупик даже самых проницательных ее граждан.⁷

Сохранение негров в рамках сельскохозяйственной экономики с точки зрения труда, а не собственности, удовлетворяло как рыночные потребности капиталистов, так и расистское презрение белых южан. Такие механизмы, как издольщина и аренда, создали систему финансовой отчетности, которая привела к долговому порабощению, достаточно эффективному, чтобы поставить негров под контроль белых на Юге и в то же время не нарушать требований денежного обмена в экономике Юга под господством Севера.

Искупители настаивали на ликвидации достижений негров, достигнутых во время Реконструкции. Признавая, что экономические интересы доминировали в заботе Севера о неграх, Юг в частности и нация в целом создали единую Белую Америку за счет негров. Дух примирения белых объединил нацию, в то время как он вынудил негров к сегрегации. Конгресс отразил призыв белых к расовой гармонии и проигнорировал тяжелое положение негров. Верховный суд вынес решения, одобряющие законодательные шаги, предпринятые правительствами южных штатов для введения сегрегации посредством законов штатов. Антигерманское законодательство и судебные решения процветали безнаказанно. Но что так важно признать, так это то, что, несмотря на всплеск расизма в Белой Америке, повторное воссоединение после Реконструкции не привело к восстановлению рабства. Экономические амбиции капиталистов не могли обеспечить полного восстановления Юга, существовавшего до Гражданской войны; границы расизма были установлены в соответствии с экономическими правилами рынка труда. Ни страх оскорбить праведные чувства аболиционистов, ни растущее стремление к спокойствию, ни уважение к свободе негров, а скорее границы, очерченные корпоративными предприятиями Севера, препятствовали полному возрождению Старого Юга.

Наивно утверждать, что экономические реформы, такие как передача земель от владельцев плантаций бывшим рабам, могли бы гарантировать южным неграм свободный статус. Даже если бы моралисты смогли воплотить в жизнь принцип “сорок акров и мул” для каждого негра, сомнительно, что это соглашение пережило бы ответные действия белых после Реконструкции. Конституционные поправки, самое основное средство для установления постоянных политических свобод и справедливости, не могли отменить политическое господство белых. Аналогичным образом, законодательство, дополнявшее конституционные положения в течение этого 50-летнего периода времени, не давало полной гарантии добросовестности по отношению к негритянскому меньшинству; судебные толкования в конечном итоге

аннулировали большую часть актов конгресса, направленных на то, чтобы приравнять негров к белым. Просто не могло быть, чтобы “земельная реформа”, как указывали Мюрдаль и другие современные ученые, “была необходимой предпосылкой для установления прочного мира”. * Расистские убеждения, достаточно укоренившиеся, чтобы отменить конституционные положения и национальные законы и добиться благоприятных судебных решений, вряд ли могли быть сдержаны земельными реформами. Перераспределение богатства в черные руки потребовало бы чрезвычайно масштабных национальных, а не только региональных последствий для искоренения белого расизма. Но тотальная расовая революция была бы слишком сильной для Белой Америки — не столько из-за расизма как такового, сколько из-за опасности для экономической системы. Достижение расовой революции потребовало бы экономической революции для всей нации; было бы невозможно осуществить революцию расового равенства, не разрушив при этом капиталистическую экономическую систему. Угроза капитализму должна была бы идти рука об руку с полным осознанием равенства в данный исторический момент. Белый расизм расширился тогда, как и сегодня, до пределов экономических ценностей белых; степень обращения белых с чернокожими устанавливается белыми, которые контролируют богатство и власть нации

Проблема достигла апогея в 1890-х годах, когда популизм энергично стремился перестроить как экономику, так и расовые отношения. Движение пыталось совершить двойную революцию: ниспровергнуть основные капиталистические принципы и отвергнуть расизм. Популисты требовали расширения денежной массы, государственного контроля над железными дорогами и ограничений на владение землей — все это было анафемой для экономических концепций Севера. Руководство обратилось к фермерам, издольщикам и чернорабочим, независимо от цвета кожи. Том Уотсон, самый известный популист, призвал негров “отстаивать свои права и свою мужественность, [ибо] если вы встанете плечом к плечу с нами в этой борьбе”, популистский импульс “сотрет цветовую грань и предоставит каждому человеку его гражданство, независимо от цвета кожи”.⁹ Имея общую радикальную экономическую причину, негры и белые могли бы также продвинуть расовую революцию. “Вполне вероятно, - утверждает Вудворд, - что во время кратковременного популистского переворота девяностых негры и коренные белые достигли большего единства ума и гармонии политических целей, чем когда-либо прежде или после на Юге”.¹⁰

Но Народная партия, бросив вызов экономическим интересам Севера, несомненно, потерпела бы такое же поражение, как и предшествовавшее ей землевладельческое дворянство. Искупители, как мы видели, успешно предотвратили победы южных популистов на выборах. Не имея достаточной власти, чтобы помешать успехам Искупителей на фальсифицированных выборах, популисты в отчаянии обратились против негров. Они связали свою неудачу с получением политических постов непосредственно с тем, что они выступали за дело негров. Они резко изменили свой курс и полностью поддержали сегрегацию после своей политической кончины. В процессе разворота популисты отказались не только от негритянского дела, но и от своей радикальной экономической программы, в то время как, с другой стороны, Искупители, чтобы привлечь популистов, изменили свои экономические взгляды, твердо придерживаясь антигерманских настроений. Результатом этой реорганизации внутри Юга стало то, что сейчас называется южным “прогрессивным” движением. Южный прогрессизм заменил экономическую революцию популизма и расовое равенство экономической реформой и расовой сегрегацией. Изменяющаяся лояльность белых обеспечила господство белых над черными. Экономические и расовые ценности правящей коалиции объединились, чтобы

держат негров в экономическом рабстве; экономические интересы требовали большей мобильности, чем было возможно при рабстве, в то время как расизм не позволил бы освобождению чернокожих выйти за рамки капиталистических потребностей в гибкости на рынке труда.

Подводя итог, мы обнаруживаем, что Реконструкция расовых отношений - это всего лишь отвлекающий маневр, возникший в результате политических перестроек среди белых, стремящихся к успеху экономической революции Севера против Юга. Постперестроечный период с его политическими, экономическими и социальными потрясениями, затронувшими как белых, так и черных, был более поздним периодом, чем, как настаивают многие ученые, период Реконструкции. Последнее было кратковременным отклонением от нормы для Белой Америки, которое вскоре было исправлено и примирено с экономическими ценностями северных капиталистов. Корпоративные концерны Севера объединились в союз со сторонниками отмены рабства, чтобы продолжить Гражданскую войну, чтобы уничтожить землевладельческое дворянство Юга и ликвидировать товарный статус негров. Аболиционисты, поклявшиеся равенству негров, вышли за рамки экономических потребностей в уничтожении рабства и поэтому "должны были" быть устранены при первой возможности после уничтожения южной аристократии и рабства. После поражения Юга бизнесмены Севера отвергли аболиционистов и объединились с Искупителями. Искупители пришли на смену аболиционистам, поскольку они поддерживали экономическую экспансию Севера на Юг, а их расистская сегрегация негров не препятствовала корпоративным интересам.

Время между переходом северных капиталистов от политической перестройки от аболиционистов к сторонникам Освобождения стало эпохой Реконструкции. В то время как экономический хаос разжигал борьбу белых против белых в политике Юга, денежные интересы северян не могли полностью доминировать, но и победить их было невозможно. Аболиционисты на Севере не смогли победить в борьбе с финансовыми делами бизнесменов, стремящихся к миру, а популисты не смогли консолидироваться с Западом, чтобы свергнуть как Спасителей Юга, так и экономические силы Севера в борьбе, которая имела место во время перехода от Реконструкции к постконструкции. Благодаря коалиции корпораций, RC-deemer на Юге произошла экономическая революция Севера, заменившая непримиримую бартерную экономику Юга национальной денежной экономикой. До тех пор, пока расовые ценности не отменяют экономическую революцию, не будет никакого вмешательства в порабощение негров на Юге. Результатом стало основание Прогрессивного движения с его экономической реформой, а не популистской революции. Постконструкция Rconstruction означала: 1) промышленники Севера выиграли Гражданскую войну благодаря окончательному успеху своей экономической революции, начатой во время Гражданской войны и на мгновение сорванной во время Реконструкции; 2) белые южане-освободители смогли, даже продвигая корпоративные интересы северян, пройти долгий путь к выражению своей вездесущей расовой враждебности к неграм в форме сегрегации; 3) движение за отмену смертной казни с участием политических сил Севера потерпело крах; и 4) правосудию для негров пришел конец. Реконструкция была кратковременным вознаграждением, полученным аболиционистами перед их дезертирством северными капиталистами. Экономические разногласия между белыми были урегулированы путем компромисса в 1890-х годах, но расовая революция, основанная на равенстве, так и не состоялась.

Расовый конфликт не мог возникнуть до тех пор, пока экономические условия позволяли расизму процветать. Ликвидация расистского наследия требовала вмешательства, которого не могли допустить экономические ценности нации: достаточного перераспределения экономического богатства для обеспечения соблюдения Конституционных поправок и законодательных прав на гражданские свободы, введенных в действие в ходе Реконструкции. Это было не “распространение расистских идей, непредвиденное освободителями 186-х годов, (которое) вскоре поглотило плоды освобождения”,¹¹ как прогнозируется наиболее распространенной точкой зрения, объясняющей прохождение Реконструкции; это было сохранение расистских и экономических ценностей белой Америки, в результате чего первые расширяются в рамках ограничений последних, что привело к краху освобождения черных. Эта комбинация просто возродилась в период после Реконструкции после кратковременной неудачи во время Реконструкции, преисполненная решимости восторжествовать, как это было до Гражданской войны и как это происходит даже сейчас. Популистское движение ясно демонстрирует абсолютную необходимость проведения радикальных экономических изменений, чтобы покончить с белым расизмом в Америке — этот момент следует подчеркнуть еще больше в следующих главах. Рутинный популизм потерпел неудачу. И его поражение должно было произойти в защиту капиталистической экономики. Именно по этой причине прогрессивная ориентация утвердилась на Юге, и негры подверглись сегрегации из-за расизма по всей стране.

Когда политическая и экономическая революции подошли к концу, социальной революции расы больше быть не могло. Меры Джима Кроу распространились, вспыхнули беспорядки по подавлению негров, и линчевания, посредством которых белые заявляли о своем превосходстве над черными, стали более распространенным явлением. С уничтожением мелкопоместного дворянства и революцией негритянского труда от рабства к капиталистическому “свободному рынку” расизм мог распространиться по Югу, стараясь не нарушать экономические ценности деловых интересов Севера по отношению к неграм; сегрегация стала законом Юга и национальной практикой.

Многочисленные труды того периода оправдывали новое положение негров-южан; ученые заявляли, что биологическая наследственность негра приспособила чернокожего человека к трудовой жизни. “В восьмидесятые и девяностые годы было довольно распространенным явлением, - замечает Вудворд, - когда в the Nation, Harper's Weekly, North American Review или Atlantic Monthly либералы Севера и бывшие аболиционисты разглагольствовали о превосходстве белых по поводу врожденной неполноценности негров, их беспомощности и безнадежной непригодности для полноценного участия в цивилизации белого человека”.¹² В то время как прежнее интеллектуальное мнение оправдывало рабский статус негров, новая расистская литература восхваляла “естественные” качества, которыми обладают негры. за подчинение экономическому крепостничеству. Карл Шурц обнаружил, что расовое мировоззрение начала века было поддержано

... поразительное сходство с аргументами в пользу рабства ... прозвучавшими перед

Гражданская война, и они породили ... предопределение негров к крепостному праву;

та же уверенность в том, что он не будет работать без “физического принуждения”; то же презрительное неприятие негритянского образования как вещи, которая только сделает его непригодным к работе.¹³

То, что в момент выражения казалось умеренностью в расовых чувствах, теперь должно быть истолковано просто как отражение времени. Либеральные писатели изменили свои взгляды, чтобы соответствовать новой американской системе экономического расизма: “негритянская раса, - утверждал профессор Пол Б. Барринджер из Университета Вирджинии в речи перед Южной ассоциацией образования в 1900 году, - по сути, это раса крестьян-земледельцев и чернорабочих ... Как источник дешевой рабочей силы для теплого климата, он вне конкуренции; во всем остальном он обречен на неудачу, и поскольку он знает это, он презирает свой цвет кожи”.¹⁴ Интеллектуал просто говорил с целью узаконить капиталистическое преобразование негров из рабства в трудовую экономику. Он обманывал себя, как и многие современные либералы, призывая к равенству, настаивая на том, что либеральное дело способствует прогрессу негров, восхваляя ликвидацию рабства и выступая за включение негров в национальную экономику. Американских интеллектуалов редко преследует чувство несправедливости, поскольку они живут в духе своего времени; их произведения по большей части санкционируют белый расизм, совместимый с потребностями капитализма.

Когда капитализм восторжествовал над расовым равенством и законодательство Джима Кроу расширилось, Букер Т. Вашингтон стал представителем негров, сторонником капитализма во имя спасения чернокожих. Поскольку Белая Америка вынуждала негров к экономической конкуренции с такими “врожденными” биологическими ограничениями, как лень, неумелость, отсутствие здравого смысла и минимальный интеллект, Вашингтон призвал своих собратьев-негров опровергнуть биологическую предпосылку, приняв пуританскую этику капитализма. Он предложил экономическое решение для устранения разногласий между расами, надеясь превратить экономические достоинства в моральные императивы: когда негры накапливают богатство за счет собственного труда, интеллекта и бережливости, белые с готовностью признают достоинства негров на равных. “Я лично убежден, - писал Вашингтон, - что придет время, когда негру на Юге будут предоставлены все политические права, на которые дают ему право его способности, характер и материальное имущество”.¹⁵ Вашингтон, по большей части игнорируя белый расизм, призвал к инициированию программ самопомощи, умоляя негров создавать школы для черных, профессии и этику способами, приемлемыми для белых, а не агитировать за социальные перемены. “Самый надежный способ для негра достичь самых высоких должностей, ” превозносил Вашингтон, - это подготовить себя к тому, чтобы в настоящее время хорошо выполнять основные [то есть ручные] занятия. Это даст ему фундамент, на котором он сможет стоять, занимая так называемые более высокие позиции ”.¹⁸ Он заверил белых, что не будет причин для беспокойства, поскольку негры дают образование неграм. Снова и снова в публичных выступлениях и письменных материалах Вашингтон отстаивал свою позицию в пользу признания белых на основе самопомощи и саморазвития: “Человеческая природа не допускает, чтобы умный и добродетельный человек, владеющий лучшей фермой в своем округе и обрабатывающий ее, являющийся крупнейшим налогоплательщиком, очень долго отказывал [белым] в надлежащем уважении”.¹⁷

Хотя он вращался в высших эшелонах политической власти, добиваясь принятия законов как федеральным правительством, так и правительствами штатов, Вашингтон всячески препятствовал политической деятельности его последователей. Он одобрил лишение гражданских прав как негров, так и белых, которые были бедны и неспособны. По сути, Вашингтон продвигал расовое решение, за которое выступали белые расисты Юга: разделение рас. “Мелкобуржуазная философия Вашингтона бережливости, трудолюбия и самопомощи отражала основные ценности большинства американских лидеров того периода, будь то

консервативных или прогрессивных”.¹⁸ Тем не менее, его программа оказалась ложной; он не принял во внимание стремление белых “удержать негра на его месте”. Чернокожие проживают в Белой Америке, и белые тогда, как и сейчас, были полны решимости сохранить это различие.

ИСПАНО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА

Чувство полного отчаяния охватило чернокожую Америку не только в ответ на угнетение белых, но и потому, что власть Вашингтона подавляла все чернокожие вызовы его экономическим доктринам “эхо белых”. Затем Испано-американская война 1898 года распространила признаки расизма как на негров, так и на испанские владения, отошедшие к Соединенным Штатам — Филиппинские острова, Кубу и Пуэрто-Рико. Империалистические авантюры на чужих территориях на рубеже веков не только привели к подавлению восьми миллионов небелых людей, находящихся под юрисдикцией Америки, но и помешали американским неграм бросить вызов, как это было принято во время войны, национальной расовой этике. Поскольку белые не нуждались в солдатах-неграх, во время испано-американского конфликта не возникло никаких противоречивых этических проблем; было невозможно остановить дальнейшее порабощение негров, одновременно порабощая миллионы небелых за тысячи миль от континента. Поражение негров дома и небелых за границей стало достаточным “доказательством” превосходства белых: будь темнокожие люди мудрее белых, последние не смогли бы победить первых и править ими. Расовый империализм интерпретировался как триумф расизма Юга над отсталым представлением Севера о расовом равенстве. Когда сторонники Севера оправдывали

Испано-американская война Заявив о своем намерении навязать “высшую” культуру Америки “низшим” народам, Юг похвалил мудрость янки за то, что они, наконец, приняли доктрину расового превосходства белых.

Объединение ранее враждовавших белых рук на основе взаимного расового понимания обрекло не только негритянское, но и популистское движение на еще большее ничтожество. Оценив последствия американского империализма, Том Уотсон просто ретировался. “Ненавидя войну, - объяснял он, - [и] предвидя многие пагубные последствия, которые она навлекла на нас, я прекратил активную агитацию за популизм и заперся в своей библиотеке, чтобы писать книги”.¹¹ Уотсон не видел в популизме ничего, кроме опасности; от войны выиграли бы только искатели облигаций, капиталисты и железные дороги, но не фермеры и негры. “Что люди получают от этой войны?” - спросил он. “Я воюю и плачу налоги”.²⁰ В мире, в котором нации угнетали людей из одного угла в другой, Уотсон не видел никакой добродетели в том, что Америка ведет “освободительную войну” на Карибских и тихоокеанских островах. Его биограф излагает дело Уотсона убедительными сомнительными предложениями:

Что вообще делали Соединенные Штаты в этой войне с Испанией, хотел бы знать он (Итони Уотсон). Правда, Испания угнетала Кубу. Но точно так же Англия угнетала Ирландию, Египет и Индию; Франция вьеса угнетала Сиам и Мадагаскар; Турция угнетала Армению. Должны ли мы тогда поднять оружие против угнетателей всего мира? Скорее всего, мы сами станем угнетателями.*¹

Уотсон также отверг идею о том, что Америка намеревалась спасти беспомощный народ от гибели и голода. Хотя “испанцы и кубинцы били друг друга по кустам и убивали от трех до пяти человек в бою, “ утверждал он, - мы (тем не менее) отправились туда и убили за три месяца больше людей, чем они убили бы за тринадцать лет. Если они голодали раньше, кто кормит их

сейчас?" После того, как он поставил под сомнение официальную позицию сторонников войны, он не смог избежать внутренних последствий иностранного империализма Америки для внутренних дел. Уотсон поставил вопрос ребром: "Что мы собираемся получить от этой войны как нация? Бесконечные проблемы, осложнения, расходы. Республики не могут заниматься завоевательным бизнесом и оставаться республиками. Милитаризм ведет к военному господству, военному деспотизму".²² В то самое время, когда негры убивались и оставались на грани голодной смерти из-за внутренней расистской политики, требования экспортировать власть белых над угнетенными и голодающими людьми разжигали воинственные настроения по всей Белой Америке. Война была всего лишь еще одним актом очищения Белой нации от "черной напасти" путем принуждения негров к сегрегации у себя дома, одновременно предпринимая военную агрессию за границей под лозунгом превосходства белых.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

На рубеже веков недовольные негры и решительные белые основали различные организации. Национальная ассоциация содействия улучшению положения цветных людей (НААСР) и Городская лига были самыми известными из выживших. После начала Первой мировой войны НААСР организовала межрасовый марш численностью 15 000 человек в Нью-Йорке, чтобы выразить сожаление по поводу бедственного положения негров. Но в целом, в эти военные годы расовая агитация развивалась слабо, за исключением маршей, спонсируемых НААСР; расовые беспорядки, хотя и серьезные в нескольких случаях, тем не менее, были исключительными. У. Э. Б. Дюбуа, редактор публикации НААСР "Кризис", призвал к сплочению рядов. Столкнувшись с национальным бедствием, выходящим за рамки расовых чувств, Дюбуа призвал негров поддержать военные действия и приостановить агитацию за права негров. В результате фактического молчаливого согласия негров с правлением белых произошло очень мало изменений, которые продвинули бы негров к равенству.

Хотя белые пошли на небольшие уступки, война, тем не менее, имела некоторые последствия. Военная экономика потребовала найма небелых на ранее исключительно белые рабочие места, тем самым поощряя исход чернокожих из сельскохозяйственной экономики Юга на быстро развивающийся промышленный рынок Севера. Экономические потребности, связанные с военными действиями Америки, и тяжелые экономические условия, усугубленные нашествием хлопкового долгоносика и массовыми наводнениями, уничтожившими посевы хлопка, побудили миллионы негров мигрировать на менее жестокий Север. Многие негры обменяли мула и мотыгу на работу на фабриках Севера: 300 000 человек занялись производством; 100 000 пополнили ряды работников транспорта и связи; почти 75 000 стали шахтерами. Чтобы застраховать "белых работодателей ... о постоянном притоке чернокожей рабочей силы, которая будет усердно служить",²³ Министр труда при Вильсоне создал Отдел экономики негров, возглавляемый негритянским социологом из Университета Фиска Джорджем Хейнсом.

Одно из наиболее значимых последствий войны вытекало из этических обоснований участия страны в ней. Необходимо было пробудить национальное сознание, чтобы заручиться неоспоримой поддержкой, выдав моральный мандат "сделать мир безопасным для демократии". Как и в случае с революционными и гражданскими войнами, этические соображения, столь важные для примирения различных точек зрения, которые разделили нацию на лагеря мира и войны, просто не могли обсуждаться отдельно от расового вопроса. Первая мировая война разрушила расовое спокойствие, восстановленное после

Реконструкции и насажденное испано-американской войной. Международный пожар разделил нацию; Вудро Вильсон стремился к единству, проповедуя "демократические" идеалы. Впоследствии всплыл расовый вопрос, который не был бы подавлен белыми так эффективно после

Великая война, какой она была раньше. Негры на европейском театре военных действий стали свидетелями отсутствия анти-негритянских настроений среди европейских союзников Америки, особенно во Франции. Это событие послужило примером того, что может означать свобода от расового угнетения. Хотя лишь немногие из 360 000 негров в военной форме служили за границей, слухи об этом опыте стали общеизвестными и были горячо восприняты чернокожими.

Экономические потрясения, вызванные войной, привели к не только миграции чернокожих, но и к осознанию чернокожих. Расовое сознание развивалось среди негров в процессе адаптации к новым экономическим и незнакомым расовым условиям. Это двойное изменение привело негритянской массе определенную степень беспокойства, которая подготовила почву для появления гарвиизма в 1920-х годах. Дюбуа озаглавил свою газету "Кризис": "Мы возвращаемся! Мы возвращаемся с боев! Мы возвращаемся с боями!" Тон встревожил белых.

Почувствовав угрозу своему расовому господству, белые встретились с черными в жестоких и кровавых расовых беспорядках, охвативших города страны. В сельской местности белые противостояли непокорности негров посредством террористических линчеваний. Двадцать шесть расовых бунтов вспыхнули Красным летом 1919 года; в 1919 году произошло 83 линчевания. Такие физические нападения стали наглядным доказательством решимости белой Америки править Черной Америкой. Белые, вернувшиеся с фронта, заменили негров, которые заняли их рабочие места на время их отсутствия. Негры исчезли из числа промышленных рабочих по мере того, как исчезла нехватка рабочей силы во время войны. Правительство очистило себя от черных дорожек, проложенных в годы войны; негры, например, были уволены с должностей почтальонов и полицейских. Профсоюзы смело высказывались и энергично давили на занятость негров.

Чтобы усугубить нарастающую волну анти-негритянских настроений, белые основали новый Ку-клукс-клан. Возрожденный в Джорджии в 1915 году для противодействия прогрессу негров, вызванному Первой мировой войной, к середине двадцатых годов Клан захватил более пяти миллионов белых. Она добилась успеха как на Севере, так и на Юге, избирая своих членов на важные политические посты и контролируя или запугивая многих государственных чиновников и граждан обеих рас и на всех уровнях управления. В эту эпоху усиления расизма Южные штаты расширили законодательство Джима Кроу; приверженность Джиму Кроу продолжалась вплоть до 1940-х годов в качестве законодательного органа штата после того, как законодательное собрание штата продолжило утверждать юридические запреты в отношении чернокожих граждан во имя сохранения белых.

Уроки были суровыми, особенно для негров, все еще сохранявших веру в демократию Белой Америки. Но послание звучало ясно и правдиво: расизм будет процветать в той мере, в какой это позволяют экономические реалии Америки. Благословения белых могли бы быть дарованы неграм во времена нехватки рабочей силы вплоть до принятия негров, заменяющих белых, но с четким пониманием того, что превосходство белых вытеснит экономическую необходимость в самый ранний возможный момент. Негры просто никогда не были в состоянии закрепить все

свои завоевания в Белой Америке; неохотно доставшиеся угнетенному меньшинству большинством под давлением, достижения военного времени в лучшем случае незначительны или, в худшем случае, полностью могут быть восстановлены белыми после кризиса. Легитимность любого расового преобразования редко сохраняется, когда оно осуществляется белыми в уязвимых обстоятельствах; белые, неохотно соглашаясь, ждут момента, когда их уступки можно будет остановить, аннулировать или обратить вспять.

Безжалостное отречение белых от чернокожих с прекращением Первой мировой войны привело к царству террора и заставило негров искать утешения внутри себя. Негры впервые в своей истории начали принимать факт неприятия белых и под руководством Маркуса Гарви приняли черный национализм.

Намерением Гарви было спасти то, что осталось от негритянской гордости в Америке после Первой мировой войны. Гарви приехал в Америку из Вест-Индии, когда “негритянский мир плохо воспринял послание надежды и ободрения”.²⁴ Этот чернокожий Мозес разжег жгучие желания негров, привив им чувство расового наследия и продемонстрировав чрезвычайно глубокое понимание угнетения белых. Точность его осуждения враждебности белых, его настойчивость в проявлении солидарности с неграми посредством достоинства черных и его убедительное ораторское искусство обеспечили ему успех в привлечении внимания черных масс, куда бы он ни пошел.

Гарви выразил твердое убеждение, что негры никогда не могут рассчитывать на принятие в американское общество; анти-негритянский расизм слишком глубоко укоренился в самих сердцах и структуре белой Америки, чтобы когда-либо вырваться на свободу и умереть. Негр в Америке будет оставаться осужденным до тех пор, пока он не установит свою собственную власть для противодействия враждебности белых. Гарви предложил сформировать полностью негритянское правительство за пределами Америки, обладающее достаточной силой, чтобы заставить все правительства, включая Соединенные Штаты, уважать права чернокожих людей. Только когда черная раса стала “настолько сильной, что наводила страх” на все нации, угнетению белых можно было противостоять на равных условиях: “Если вы не можете жить бок о бок с белым человеком в мире, если вы не можете получить такой же шанс и возможности бок о бок с белым человеком, даже если вы его согражданин; если он утверждает, что вы не имеете права на его шанс или возможность, потому что страна принадлежит ему в силу численного перевеса, тогда найдите свою собственную страну и поднимитесь на самое высокое положение в этой стране”.²⁵

Прямое отречение Гарви от негритянского дела в Америке вызвало немедленные репрессии со стороны белых и негров, намеренных привести негров в американское общество. Его призыв вернуться в

Африка была высмеяна; его убежденность в том, что белый расизм никогда не допустит равенства, была приравнена к ереси; а его успех в завоевании огромного числа последователей бросил вызов традиционным чернокожим лидерам. Гарви был осужден как ловкий шарлатан, эксплуатирующий массу невежественных негров.

Многие современные авторы выдвигают тезис о том, что Гарви удалось завладеть воображением негритянских масс, потому что он, по словам Э. Франклина Фрейзера, “смог использовать разочарование урбанизированных негритянских масс, чтобы сплотить их в

массовое движение. Ему удалось привлечь большое количество неграмотных и бесхитростных негров в города, особенно на север”.²⁴ Рой Л. Хилл настаивает, что “речи и сочинения Гарви, какими бы нереалистичными они ни были, понравились массовому сознанию городских негров; они являются искусными примерами пропаганды, рассчитанной на меньшинство”.²⁷ Подобные объяснения с готовностью отвергают Гарви, его движение и его слова из-за отсутствия в них здоровой и разумной обоснованности.

Достижения Гарви, вопреки мнению большинства наблюдателей, не основывались на доверчивости дезориентированной городской негритянской массы. Он добился замечательных успехов, потому что провозгласил истину, ясно понятную его слушателям. Приверженцы гарвиизма пришли к выводу, которого не мог избежать ни один честный наблюдатель: белые не потерпят распространения прав, которыми они пользуются и которыми дорожат, на негритянское меньшинство, кроме как под экономическим давлением. Последователи Гарви не были пластилином в руках демагога; они хорошо слушали и полностью оценили бедственное положение негров, чего не смогли сделать вчерашние и сегодняшние критики. Они не были истинно верующими, не желаящими подвергать сомнению то, что Гарви мог предложить. Только когда призывы Гарви будут иметь разумный смысл для масс, они получат какую-либо поддержку. Пароходное предприятие "Северная звезда", например, вполне может показаться смешным белым, но не стремлению негра к гордыне; отсутствие делового здравого смысла больше, чем что-либо другое, привело к краху компании. Право негров на свободу от насмешек оправдывается не только отсутствием финансового опыта: эти усилия были не большей глупостью, чем миллиардные ассигнования Белой Америки на отправку горстки людей на Луну и поддержку мифической холодной войны. Даже стремление Гарви к колонизации Африки не оправдывает типичного описания гарвиитов. Ибо истина в этом вопросе столь очевидна: негритянские массы не приняли предложение Гарви. Идея отправки в Африку была фантазией — и сторонники Гарви знали это. Действительно, довольно странно, что другой сторонник колонизации, Авраам Линкольн, не выслушивает резких обвинений, направленных против Гарви. Тем не менее президент Линкольн поддержал несколько реальных попыток депортировать негров как способ решения негритянского вопроса, имевших не больший успех, чем пароходные линии North Star. Линкольн подвергается взвешенной критике, часто с искренним состраданием, в то время как Гарви подвергается оскорблениям и обвинениям за то, что разделяет мысли Линкольна.

Имеющиеся свидетельства явно не подтверждают представления о невежественных, пассивных неграх как о подходящей перспективе для объяснения популярности Гарви. “Беспрецедентный успех Гарви в порабощении воображения масс негров по всему миру можно объяснить, — пишет его биограф Эдвард Дэвид Кронон, — только признанием того, что он облек в слова - и какими великолепными вдохновляющими словами они были - то, о чем думало большое количество его людей”.²⁴ Если легко отмахнуться от Гарви за его дальновидные заявления, призывающие негров вернуться в Африку, то следует задать следующий вопрос: если гарвииты - эскаписты, то как кто-либо может после 350 лет неудач все еще представлять себе расовую гармонию в соответствии с мировоззрением Америки? демократические идеалы без предъявления идентичного обвинения? кажется довольно странным поддерживать убеждение, которое не имело силы более трех столетий. Кто же тогда лжепророк? Кто провидец? “Вы увидите, ” ответил Маркус Гарви, “ что с самого начала мы старались облагородить нашу расу. Если меня за это осудят, я удовлетворен”.²⁰

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Отчаяние черной Америки, питавшее гарвиизм, не отступало до тех пор, пока Вторая мировая война не положила начало новой эре уступок белых требованиям негров. В целом, события Второй мировой войны повторили предыдущий опыт негров военного времени: негры служили в армии, но в изолированных подразделениях; негры—южане отправлялись на Север за большим денежным вознаграждением на военных заводах; негры—мигранты занимали рабочие места только на нижних ступенях профессиональной лестницы; профсоюзы по возможности сопротивлялись вторжению чернокожих рабочих; раздельное жилье, образование, церкви - весь спектр повседневной жизни - заманивали негров в ловушку; Сознание негров расширялось; недовольство белых вызвало ряд серьезных беспорядков, некоторые из которых требовали использования федеральных войск восстановить “мир”; увеличить доходы негров, чтобы обеспечить повышение уровня жизни; и так далее. Белая Америка, однако, обнаружила, что ей не хватает единственного товара, который обеспечивают негры, а именно рабочей силы. Негры, как и прежде, оказались на высоте положения. Промышленность могла бы поглотить большое количество необразованных и неподготовленных чернокожих рабочих. На предприятиях, связанных с войной, в начале второго международного конфликта было занято всего 3 процента негров, а к концу войны эта цифра увеличилась до 8 процентов - цифра, приблизительно соответствующая проценту негров от общей численности населения страны.

Во время войны неграм было нетрудно увидеть очевидные противоречия между лозунгами демократического идеализма и обычной практикой дискриминации. Негр насмехался над Белой Америкой:

За что воевать неграм? В чем разница между Гитлером и этим “взломщиком” Талмедж из Джорджии? Почему человек должен быть воодушевлен, чтобы умереть за демократию? Если у вас самих нет демократии, как вы можете передать ее кому-то другому?³⁰

Негры обратили моральный императив белых против белых и, осознавая зависимость белых от чернокожей рабочей силы в ходе военных действий, настаивали на ограниченном количестве изменений. А. Филип Рэндольф пригрозил маршем

100 000 негров прибыли в Вашингтон, округ Колумбия, чтобы выступить против сегрегации в военной промышленности; Рузвельт, чтобы предотвратить демонстрацию, издал Исполнительный указ № 8802 о создании Комитета по справедливой практике трудоустройства для ликвидации дискриминации при найме персонала. Исполнительная власть также ввела политику, направленную на отмену или понижение цветовых гамм в вооруженных силах. Некоторые профсоюзы ослабили свои анти-негритянские ограничения; хотя большинство сопротивлялось вторжению негров в условиях нехватки рабочей силы военного времени, СЮ робко двинулся в направлении интеграции, отменив свои конституционные положения, исключаящие членство негров. Верховный суд отразил расовое напряжение войны и объявил в 1944 году первичные выборы белых неконституционными.

Однако, несмотря на эти изменения, честная оценка расовых отношений в Америке во время Второй мировой войны показала бы незначительный прогресс; были внесены лишь небольшие и осторожные изменения. Достижения Первой мировой войны, которые были утрачены между двумя войнами, по общему признанию, были возвращены, однако сегрегация оставалась укоренившейся и практически нетронутой внутри военной организации и не претерпела

заметного отступления в гражданской сфере. Безусловно, уровень безработицы снизился, а доходы выросли как никогда раньше, но к какой долговременной выгоде? Не было программы действий, способной направить, сфокусировать и интерпретировать возобновившуюся чувствительность черных к жестокому обращению с белыми. В 1946 году Комитет по справедливой практике трудоустройства исчез без замены; единственная уступка белых, достигнутая в результате угрозы военного вторжения 100 000 негров в Вашингтон, округ Колумбия, исчезла без следа. Переход от экономики войны к экономике мира вынудил негров отказаться от немногочисленных достижений в области занятости в 1940-х годах: негры, сосредоточенные в военной промышленности, пострадали от увольнений во время перехода к гражданской экономике, а другие уступили свои рабочие места вернувшимся белым ветеранам. В Заключительном отчете Комитета было установлено, что "из семи военных центров, изученных FEPC во время реконверсии, все, кроме Чикаго, показали большую потерю рабочих мест неграми, чем белыми рабочими, и необходимость со стороны негритянских рабочих соглашаться на низкооплачиваемую работу В то время как во время войны многие негры поднялись до квалифицированных, профессиональных и управленческих категорий, к 1946 году количество вакансий для них сократилось до ничтожно малого числа. Нью-Йорк был исключением".³¹ Многочисленные негритянские ветераны вернулись домой после борьбы с фашистской идеологией расового превосходства только для того, чтобы противостоять собственной разновидности расизма в Америке: насилие против негров вспыхнуло во многих американских городах. Белая рука репрессий маячила повсюду, как будто улучшение экономических условий ничего не значило. С другой стороны, белые чувствовали себя в безопасности, уступая очень немногому, несмотря на уступки в экономическом вознаграждении для привлечения негритянской рабочей силы. Символизм белых военного времени снова сотворил чудо; он обманул негров в момент кризиса белых.

Перспективы повторения неудач, последовавших за первой мировой войной, преследовали негритянский народ. Но были серьезные различия, которые создали ситуацию, отличную от послевоенной: устойчивая высокая занятость на заводах и нехватка товаров во время войны привели к накоплению сбережений, которые затем использовались для повышения уровня жизни после войны; NAACP, насчитывавшая в 1945 году 500 000 членов, оказывала организованную оппозицию насилию против негров; холодная война создала рабочие места за счет повторного внедрения военной промышленности; растущая экономика все еще могла использовать черную рабочую силу.

В дополнение к внутренним разногласиям, Америка вышла из войны ведущей мировой державой и центром международной торговли. Ее военная мощь распространилась по всему миру, и иностранные инвестиции хлынули как по государственным, так и по частным каналам. Огромные военные программы сами по себе породили международные экономические обмены, а также военную силу. Доллар начал доминировать в экономике мировой торговли. Политическая и экономическая власть бывших колониальных держав, с другой стороны, рухнула; империи европейских наций пошатнулись, когда небелые регионы успешно освободились. Война ослабила контроль белых над цветным населением мира; одна черная нация за другой объявляли о своей независимости; черная власть вырвалась на международную арену.

Наблюдатели обычно связывают появление черных штатов с растущим потоком американских негров, стремящихся к полному принятию внутри Америки. Многие комментаторы заявляют, что

сознание американских негров достигло новых высот, отождествляя себя с успехами Черной Африки в свержении угнетения белых. “Не случайно, ” говорят нам, “ что негритянское движение вспыхнуло в Америке как раз в тот момент, когда народы Африки обретали свою свободу. Не случайно и то, что миру следовало сосредоточить свое внимание на событиях в Соединенных Штатах в то время, когда возможность того, что народы мира разделятся по цветовому признаку, внезапно кажется не только возможной, но даже неизбежной ”.³² Когда черная звезда взошла над Африкой, устремления черной Америки усилились.

По мнению большинства аналитиков, политическая необходимость вынудила белых пойти на уступки требованиям черных. Соперничество времен холодной войны между двумя белыми державами — Советским блоком и западным альянсом — отразилось на недавно возникших африканских и азиатских государствах. Америка якобы оказалась в компрометирующем положении: пытаюсь привлечь небелых в сферу своего влияния, одновременно жестоко обращаясь с неграми у себя дома. Требования международной политики, как нам сказали, впоследствии вынудили видоизменить расизм внутри самой нации. “падение системы превосходства белых во всем остальном мире, ” объясняет Гарольд Р. Айзекс, “ сделало ее выживание в Соединенных Штатах внезапным и болезненно заметным. Это стало нашей самой заметной чертой, а в стремительном развитии мировых событий - нашей самой уязвимой слабостью ... ”³³

Деградация под колониальным правлением сделала африканцев и азиатов более восприимчивыми к коммунистическим обвинениям Америки в расизме. В самом начале холодной войны Джавахарлал Неру указал на международную конкурентоспособность по расовому признаку:

Всякий раз, когда я предостерегаю от принятия советских принципов равенства, потому что они так часто нарушаются, мне довольно часто отвечают вопросами об отношении Америки к темнокожим людям. Народам Азии не нравится колониализм или расовые предрассудки. Их возмущает снисходительность. Когда американцы говорят им о равенстве и свободе, они вспоминают истории о линчеваниях. Они все больше осознают, что колониализм в значительной степени основан на цвете кожи — и впервые в жизни многих из них они осознают, что они цветные. Учитывая то, что происходит с темнокожим коренным населением Южной Африки от рук Малана, и то, что французы делают в Индокитае, у нашего народа развивается чувство сочувствия и единства с темнокожими жертвами эксплуатации во всем мире.³⁴

Более того, небелые иностранные представители при Организации Объединенных Наций подтвердили дискриминацию чернокожих в Америке, когда они вели свои дела и путешествовали по всей стране. При отсутствии у России исторического приоритета расовых предрассудков в глазах независимых наций и историческом порабощении негров Америкой, поддерживаемом реальным опытом представителей небелых стран на дипломатическом фронте, Америка вполне может проиграть международные интриги.

Администрация Эйзенхауэра, находясь под особым давлением американского дипломатического корпуса, присоединилась к NAACP в нападках на правовые основы национальной сегрегации. Обоснование казалось ясным и обязательным: успех Америки в противостоянии советской угрозе мирового господства не мог быть достигнут без предварительной ликвидации диковинной расовой дискриминации внутри страны. Министерство юстиции подало иски в поддержку иска NAACP против расового разделения в

начальных и средних школах. Дин Ачесон, в то время государственный секретарь, представил в Верховном суде письменную аргументацию, в которой излагались международные последствия проблемы сегрегации:

Продолжение расовой дискриминации в Соединенных Штатах остается источником постоянных затруднений для нашего правительства в повседневном ведении его международных отношений: и это ставит под угрозу эффективное поддержание нашего морального лидерства над свободными и демократическими нациями мира.*¹⁵

Три из пяти дел, рассматриваемых в рамках судебного разбирательства, касались Вашингтона, округ Колумбия, Вирджинии и Делавэра (двумя другими были Южная Каролина и Канзас). Будучи хорошо знакомыми иностранным представителям районами, они проверили приверженность национального правительства и предоставили немедленные доказательства намерения Америки устранить расовые барьеры. 17 мая 1954 года Верховный суд вынес свое историческое решение, признавшее незаконной доктрину “разделения, но равенства”, а год спустя распорядился о десегрегации школ “со всей преднамеренной скоростью”. Эти постановления явно были призваны повлиять не только на чернокожих и белых американцев, но и на все цветные народы во всем свободном мире.

Таков был характер времени. Но это не продлилось долго просто потому, что не могло продолжаться. 1 важность расовой проблемы сохранялась только до тех пор, пока не были реализованы более фундаментальные ценности Америки. То, что в то время воспринималось как подлинная озабоченность расизмом, скрывало реальную динамику международных событий. Ибо расовый вопрос служил прикрытием для более фундаментального и амбициозного желания американцев, которое осталось незамеченным тогда — и, по большей части, остается незамеченным сейчас. Америка не была зажата между противоречивыми расовыми политиками; она не столько устраняла расхождения между расовой враждой внутри страны и расовой терпимостью в международных делах, сколько стремилась примирить свои глобальные экономические устремления и белый расизм.

Торстейн Веблен изложил важнейшее соображение, когда написал в своей классической книге “Теория делового предпринимательства”, что “в современной ситуации, сложившейся после промышленной революции, деловая конкуренция стала международной, охватывая диапазон того, что называется мировым рынком”.³⁰ Заявление Веблена превращает то, что номинально считается Второй мировой войной, в “гражданскую” войну. На одной стороне стоял силовой блок Оси, расширяющий свой промышленный порядок и открыто пропагандирующий расизм; на другой стороне стоял союзный силовой блок с его промышленной системой и пропагандой ненасильственности. Оказавшись на своих флангах, колониальные державы могли рекламировать свое превосходство белых не больше, чем Линкольн мог экспортировать негров во время

гражданская война в АМЕРИКЕ; если бы это произошло, миллионы темнокожих людей отказались бы от дела союзников. В целях временной целесообразности колониальные державы приглушили свое превосходство белых. ____

После “Международной гражданской войны” африканские и азиатские националисты взяли на себя роль аболиционистов после поражения Юга, выдвинув расовый вопрос за рамки экономических интересов промышленных ценностей Америки, формирующихся на

международной арене. Точно так же, как промышленники Севера, участвовавшие в гражданской войне, не смогли немедленно создать профсоюзы на Юге и были вынуждены позволить своему союзнику-аболиционисту военного времени продвигать расовый вопрос в пользу прав негров, так и Америка не смогла немедленно утвердить свои международные экономические интересы на бывших колониальных территориях и должна была разрешить разжигание расового вопроса независимыми странами от имени американских негров. Точно так же, как американские негры праздновали свое освобождение, завоевав права, в которых им долго отказывали, черные нации организовали свою независимость в духе национализма. И, как это было верно для американских негров, хотя возрождение белого правления не произошло внезапно, тем не менее оно было восстановлено; точно так же, как корпоративные интересы северян заменили землевладельцев Юга, американские заменили европейские экономические интересы, чтобы управлять националистически настроенными цветными людьми, которые думали, что, подобно их чернокожему аналогу Реконструкции, они наконец-то завоевали равные права в неравном мире. Затем международная расовая революция утихла по мере того, как экономическая революция оправлялась от своего кратковременного провала, заманивая "Международную реконструкцию". Америка через свой Государственный департамент умиротворяла расовые устремления африканского и азиатского национализма до тех пор, пока не было обеспечено экономическое проникновение на Черный и Бархатный континенты. Америке потребовалась передышка после Второй мировой войны, чтобы организовать свой экономический захват неподконтрольных территорий. Как только их экономические интересы возобладают, Соединенные Штаты будут "принуждать" "независимые" национальные государства к соблюдению своих национальных экономических ценностей.

Для темнокожих людей как дома, так и за рубежом расовый вопрос был опосредованным опытом, поскольку он не мог заменить промышленный захват Белой Америкой. Тем не менее, американские ученые объясняют любую мысль об американском господстве, формулируя теории растущих ожиданий, "в которых требования как местных, так и бывших колониальных подданных якобы превышают очевидную реальность прогресса. Высказывания американских и иностранных чернокожих о возросших трудностях, жестокости и доминировании рассматриваются как крики людей, испытывающих муки лучшей жизни за счет повышения уровня жизни. Баржи со стороны тех, кто находится в зарубежных странах в связи с американским поглощением, с сопутствующей потерей национальной независимости были объявлены нелепыми обвинениями, поскольку Америка "уважала" национальную целостность и "не имела" стремления к иностранным территориям; колониальные империи подавляли национальные устремления, но Америка "отказывается" управлять недавно освобожденным народом. Создание национальных правительств явно "демонстрирует" самоуправление. Мистификация позволила осуществить подрывную экономическую деятельность, к которой стремились американские промышленники. Точно так же ученые (как мы отметим в следующей главе) провозгласили равный приход американских негров и предостерегли "радикальных" негров Черной Америки за то, что они думают иначе. Такое соглашение вводило в заблуждение как иностранных, так и местных негров. Это сработало бы какое-то время, но не навсегда - действительно, ненадолго.

Нет никаких оснований для утверждения, что международные события утвердили права человека негров ни в Америке, ни за ее пределами; действительно. Белой Америке удалось обратить расовый вопрос в пользу своих экономических интересов. Захватив негритянское

зная, она смогла искоренить любые общие связи между чернокожими людьми за пределами национальных границ — по крайней мере, на данный момент. На момент написания этой статьи из Индии мало что слышно; в Африке почти тихо. Америке удалось подавить движение за отмену смертной казни за рубежом, как и у себя дома, путем успешного осуществления экономической революции, которую она сама создала и контролировала. Истину следует искать в статистическом учете международной торговли.

Дэвид Рокфеллер, президент Chase Manhattan Bank — второго по величине банковского комплекса страны — раскрывает взаимодополняющие отношения между федеральным правительством и частными предприятиями:

С географической точки зрения меняющуюся роль бизнеса иллюстрирует растущее число американских компаний, становящихся международными по своему масштабу. Прямые инвестиции корпораций Соединенных Штатов за рубеж за последнее десятилетие выросли почти втрое и сейчас составляют около 55 миллиардов долларов. Эти иностранные дочерние компании производят и продают товары стоимостью более (25 миллиардов . . . (демонстрируя I все более международный характер американского бизнеса. ... По мере того как американский бизнес интернационализировал свою деятельность, корпоративным менеджерам пришлось дополнять свои навыки продаж государственной мудростью.⁵⁷

Он уверяет нас:

Для бизнеса адаптация должна начинаться с искреннего признания того, что не может быть возврата к условиям, которые были актуальны для менее сложного общества прошлого. В условиях середины двадцатого века частное предприятие должно признать, что государство играет важную роль в экономической жизни. **

Рокфеллер не уточнил, какую “важную роль” должно “играть” правительство, но экономический переворот очевиден в финансовых цифрах, которые он предлагает; быстрых успехов просто не могло бы быть, если бы корпоративные менеджеры не “дополняли свое умение продавать государственной мудростью” правительства Соединенных Штатов. Гегемония дошла до того, что большая часть из 7,4 миллиардов долларов, потраченных американскими компаниями на заводы и оборудование за границей в 1965 году — что на 20 процентов больше, чем в 1964 году, — поступила за счет прибыли, полученной принадлежащими американцам иностранными филиалами. Таким образом, африканцы и азиаты финансируют американское господство, как никогда прежде.

Хотя почти две трети инвестиций частного бизнеса направляются в наиболее развитые индустриальные страны — шестьдесят процентов от общего объема инвестируется в Европу и Канаду, — а не в слаборазвитые страны, экономические последствия для последних более поразительны, чем для первых. По отношению к своему валовому национальному продукту — общей долларовой стоимости всех товаров и услуг — принимающая страна слаборазвитого блока должна принять более существенное экономическое вторжение, чем развитые страны. Следовательно, экономический контроль, полученный в результате инвестирования одного миллиарда долларов в слаборазвитую страну, превышает аналогичную сумму, вложенную в развитую страну. Таким образом, это означает, что экономические интересы Америки должны быть рассчитаны относительно экономического положения получателя, чтобы получить более точную оценку последствий для политической, социальной и экономической жизни страны.

Более того, частные инвестиции ни в коем случае не исчерпывают экономические возможности для преодоления неблагоприятных действий со стороны тех, кто когда-то был независимыми странами. Ассигнования Америки на иностранную помощь и программы содействия могут предоставить изошренные возможности для оказания давления с целью соблюдения национальных и частных интересов Америки. Показательным примером является Индия. Чтобы избежать неблагоприятного торгового баланса при финансировании закупок излишков зерна в Америке для уменьшения нехватки продовольствия, Индия платит нам рупиями, и поэтому Соединенные Штаты накапливают индийскую валюту более быстрыми темпами, чем национальное правительство Индии! Удерживая жизненно важный экономический контроль над национальной экономикой Индии, Соединенные Штаты в состоянии навязать Индии свою волю. Это доминирование было четко продемонстрировано в 1967 году, когда под постоянным давлением Америки Индия неохотно девальвировала свою рупию. Поэтому неудивительно, что Индия сохраняет фактическое молчание и дистанцируется от расовой проблемы подавления Белой Америкой Черной Америки в отличие от откровенной озабоченности, столь открыто выраженной премьер-министром Джавахарлалом Неру.

Расовые ценности Индии по отношению к американским неграм отступили, когда экономические ценности Америки стали доминировать в делах этой страны. Америка ставит под сомнение не только свои собственные расовые идеалы по отношению к неграм, но и расовые симпатии в зарубежных странах, когда на первый план выходят ее экономические интересы. Расовое равенство внутри страны и за рубежом развивается только в той степени, в какой это необходимо для успешного экономического развития и экспансии Америки. Когда корпоративные интересы Белой Америки слабы — на стадии развития - и нуждаются в “передышке”, чтобы обезопасить себя от возможных соперников — как в пользовательском интерфейсе iiiM. с' '' ' ' внутренний Rccoirtp лиры r f< |l.>v.вкл.

Война Гвил и глобальная “Реконструкция” после Второй мировой войны - предпринимаются шаги к расовому равенству и свободам. Голоса расового уважения затем уверяют себя в победах в своих искренних, но ошибочных мыслях о завоевании сердец и симпатий Белой Америки, убежденные, что Америка, в конце концов, пытается придерживаться своих демократических идеалов. Аболиционисты наивно рассуждают о победе морального императива над экономической мотивацией, когда на всем протяжении расовый прогресс происходил только под экономическим давлением. Именно из-за слабости экономического порядка Белая Америка пошла на уступки как Черной Америке, так и Черному миру.

Расцвет национальных и международных аболиционистов - это день отчаяния, а не покаяния во имя корпоративных и коммерческих интересов Америки. Белый южанин чувствовал себя бессильным и находящимся во власти черных правителей в эпоху Реконструкции Америки; точно так же. Белая Америка подверглась “запугиванию” времен холодной войны после “Гражданской войны” “Белого мира” во время Второй мировой войны, в ходе которой опасались, что темнокожие, непредвзятые нации помешают глобальной экспансии американских корпоративных предприятий. Небелым людям, так же как и американским неграм, еще предстоит усвоить, что уступки, на которые белая Америка идет в условиях экономического кризиса, особенно связанного с войной, не дают гарантии безопасности тем, кто желает достичь большего освобождения. Повторное возникновение, хотя и требует много времени, в конечном итоге возвращается в той степени, в какой это допускается экономическими ценностями. Точно так же, как репрессии охватили черную Америку в период

после Реконструкции, репрессии охватили земли людей, некогда находившихся под властью белых европейских колониальных империй. Точно так же, как Реконструкция Севера в американской войне Gvil разрушила политическую систему Юга и бартерную экономику, установив политико-экономическую систему крепостничества, чтобы соответствовать потребности Севера в бумажной экономике, регулируемой корпоративными интересами, точно так же "Реконструкция" — интерлюдия холодной войны — международной "Гражданской войны" означала замену колониального правления в Европе политико-экономической системой крепостничества в соответствии с корпоративными интересами Белой Америки. И точно так же, как северные аболиционисты сдались после создания политической и социальной, но не экономической системы, обеспечивающей расовую революцию, которой никогда не суждено было произойти во время Реконструкции, так и международные аболиционисты — небелые, непредвзятые страны — будут подавлены после внезапной вспышки беспокойства о расовой справедливости во время мировой "Реконструкции" времен холодной войны в тщетных попытках совершить расовую революцию в форме черного национализма, который никогда не прекратится, и просто уступят ошеломляющему успеху корпоративных интересов Америки.

Белая Америка следит за тем, чтобы небелые люди, находящиеся под ее юрисдикцией, имели все представления о свободе, необходимые для того, чтобы избежать обвинения в сiib".o / 11 " • недобро подмигивает .илоны I ' , . > '!«<; о правосудии, свободном от расизма. ливини. Американские негры все чаще подвергаются меньшей формальной дискриминации и пользуются большими конституционными привилегиями, однако расы Америки отделяются друг от друга ускоряющимися темпами; аналогичным образом, цветные нации пользуются формальностями самоуправления, все время подчиняясь экономическим устремлениям белой Америки. Внешние видимости свободы и справедливости, установленные системой правления, предположительно не сдерживаемой расовыми предрассудками, вступают в противоречие с постоянно растущим внутренним осознанием фактического отрицания свободы и справедливости, ставшим столь очевидным в жизненном опыте подвергшихся насилию чернокожих людей. Таким образом, вот причина растущего чувства разочарования как среди американских негров, так и среди жителей слаборазвитых стран, находящихся под властью Белой Америки.

Точно так же, как корпоративные предприятия заключили союз с Искупителями Юга во время постремонта, точно так же Белая Америка берет на себя обязательства перед внутренними партиями и лицами в "Третьем мире" в качестве опоры для защиты корпоративных инвестиций. Север поддерживал южных Спасителей, которые жестоко проклинали и сокрушали популистов, манипулируя внешне демократическими выборами, чтобы получить контроль над Югом во время постремонтной Америки, а Белая Америка поощряет иностранные правительства под своей гегемонией осуждать народные фронты, стремящиеся установить национальную независимость, как коммунистическую подрывную деятельность, которая должна быть проклята и сокрушена путем манипулирования внешне демократическими выборами. Когда Белой Америке не удастся поддерживать свои экономические мотивы за политическими фасадами, она обращается к военным решениям, чтобы подавить восстание угнетенных, как внутри, так и за пределами своих национальных границ. Не будет чувства вины, чего бы это ни стоило жизнями; Белая Америка "убеждена", что она создала свободы, которые, по утверждению повстанцев, не существуют; Белая Америка обманывает себя, полагая, что программы Великого общества и расширение гражданских прав американских негров, а также

корпоративные инвестиции, программы государственной помощи и военная помощь небелым странам демонстрируют ее гуманную щедрость. Восстание, таким образом, выражает крайнее презрение к тому, что было сделано от имени угнетенных. Таким образом, Белая Америка оправдывает свою политику противодействия насилию насилием.

Не случайно, в свете как национальных, так и международных событий, расовые рекомендации американцам из-за рубежа меняются местами. Призыв Неру к расовой реформе, благоприятной для чернокожего меньшинства, теперь заменен рекомендацией Белой Южной Африки ввести апартеид, чтобы подавить решимость чернокожей Америки добиться освобождения. Тем временем главы государств Черного мира отвечают громоподобным молчанием.

В разгар холодной войны президент Гарри Трумэн издал два указа, призванных еще немного разрушить расовые барьеры нации. Одна из его директив 1948 года предписывала искоренить сегрегацию в вооруженных силах, другая создавала комитет по обеспечению недискриминационной практики найма на работу для фирм, ведущих дела с федеральным правительством. Первый представлял собой важный шаг к расовой интеграции в вооруженных силах; второй оставался неэффективным как при Трумэне, так и при Эйзенхауэре.

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

К 1949 году негры отступили, убедив себя в том, что достигли значительного прогресса с 1940 года; они не стремились продолжать давить на Белую Америку. Затем разразившаяся Корейская война породила обычное отношение расизма к экономике, поскольку в очередной раз жесткий рынок труда сработал в пользу негров. Не подозревая о том, что происходит на самом деле, негры гордились тем, что они считали замечательными достижениями. К 1953 году

... Неграм принадлежала почти треть занимаемого ими жилья, что на две трети больше, чем в 1940 году. Количество поступающих в негритянские колледжи увеличилось ... по сравнению с 1910 годом. Более того, негры получали беспрецедентное признание. На национальном уровне появилась новая чувствительность к требованиям негров. Был начат "великий эксперимент" по интеграции в вооруженных силах, и рябь от этой великой волны благотворно распространилась. Администрация Эйзенхауэра продолжила послевоенную политику назначения негров на видные должности. . . .³⁰

Более того, северные города под давлением открыли общественные объекты для негров; к 1953 году миллион негров на Юге могли голосовать, и некоторые были избраны или назначены на различные государственные должности; частный бизнес Юга пошел на незначительные уступки. Результатом таких завоеваний стало существенное расширение негритянского высшего и среднего классов.

Однако в течение десятилетия негры снова просыпались и понимали, что пережили всего лишь еще одну тщательно подпитываемую иллюзию. То, что казалось неоспоримыми достижениями, обернулось неудачами. Огромная поляризация между расами выросла из этой последней эры "прогресса". Среди негров поселилось беспокойство, которое не проявлялось до 1960-х годов. Как мы видели, американские войны не обладают врожденным качеством, способствующим достижению целей негров. Во время некоторых конфликтов обстоятельства улучшаются, в то время как в ходе других происходят репрессии. Сочетание — обычно формируемое в моменты вооруженного конфликта - демократического морального императива и возросшей потребности в рабочей силе дает возможность разъяснять дело негров. Если, однако, любой из

этих двух факторов проявится без участия другого во время американской войны, узлы черного порабощения сохранятся и могут даже стать более тесными.

ВОЙНА Во ВЬЕТНАМЕ

На рубеже веков расизм стал более выраженным, несмотря на войну, потому что ура-патриотические настроения в то время в Америке усиливались, <- ■ 1.т. • сопротивление объявлению войны Испании. В эмоциональном накале, призывавшем к войне, единство нации подавляло моральный императив демократии, а ограниченный характер войны исключал нехватку рабочей силы. При таких обстоятельствах негра можно было принудить к экономическому рабству даже во время войны; белая Америка могла свободно угнетать негров в экономических рамках корпоративных интересов.

Война Америки во Вьетнаме быстро превращается в еще один пример, когда дело негров угасает, раздавленное военными эксцессами Белой Америки. Однако, в отличие от испано-американской войны, нация все чаще оспаривает правильность своего военного участия во Вьетнаме. Стремясь привить нации лояльность к военным усилиям, президент Линдон Б. Джонсон издал — как и другие президенты — демократы военного времени до него: Вильсон, Рузвельт и Трумэн - призыв к оружию с целью установления демократических принципов; он защищал свою войну как ответ на “коммунистическую агрессию” со стороны Северного Вьетнама, которая угрожала захватить “демократическое” государство Южный Вьетнам. Сохранение демократии на чужой земле, утверждал он, служит сохранению демократии на родной земле Америки. Он умолял своих “соотечественников-американцев” поддержать его намерения отразить тоталитарную экспансию, которую он ощущал не только во Вьетнаме, но и во всей Азии. Индивидуальные свободы и национальная независимость азиатских народов зависят от приверженности Америки оказанию помощи зарубежным странам. Следовательно, вьетнамский конфликт является проверкой этой приверженности.

Негр начал пользоваться моральным императивом, требуя своего права на те самые демократические ценности, которые страна якобы обеспечивала на чужбине. “Чтобы привлечь мир к делу свободы, - провозглашается в манифесте, опубликованном советом директоров Конференции христианских лидеров Юга, - эта нация должна практиковать дома то, что она проповедует за границей. Свобода, к которой мы [негры] стремимся на этой земле, может стать реальностью за границей, только применив ее к каждому обитателю гетто в Америке, к каждому фермеру-арендатору на Юге, к каждому американцу, будь он белый или черный ”.⁴⁰

Негр вскоре понял, что Америка не намерена соответствовать демократическим идеалам по отношению к неграм. Америка этого не сделает, потому что Белой Америке не нужно удовлетворять требования чернокожих; Америка могла бы отказаться от бытовых улучшений для негров в период обострения войны до тех пор, пока экономика не вызовет потребности в огромном количестве рабочей силы. Таким образом, по крайней мере, в первые годы вьетнамского конфликта американских негров у себя дома можно было игнорировать; хотя моральный императив совершенно очевиден, недостаточно обеспечить безопасность негров в отсутствие экономических императивов. Недовольство охватывает негра, отчасти разочарованного несоответствием между идеалистическими разговорами и реальностью. Отвергнутый обычными мерами умиротворения военного времени из-за отсутствия экономического напряжения, негр стремится бросить вызов единственным доступным ему сейчас способом: открытым восстанием. Если Белую Америку не удастся примирить с Черной

Америкой ради создания Справедливой Америки с помощью политических, экономических или социальных каналов, тогда открытым путем примирения остается только насилие.

Однако это не означает, что война не способствует экономическому росту. Поскольку с усилением конфликта национальная экономика стремительно растет; занятость не может оставаться постоянной, поскольку расходы на оборону увеличиваются с 48 миллиардов долларов в 1965 году до (80 миллиардов в 1969 году).

В сентябре 1967 года Министерство труда США опубликовало свое первое исследование о влиянии войны во Вьетнаме как на гражданскую, так и на военную занятость. Отчет выявил дополнительные 1,1 миллиона гражданских лиц, занятых на оборонных работах, увеличив общее число до 4,1 миллиона по сравнению с 3 миллионами двумя годами ранее; наращивание военной мощи составило почти четверть из 4 миллионов рабочих мест, созданных с 1965 года до публикации отчета. В то время как 3,9 процента рабочей силы 1965 года были заняты в оборонной деятельности, в 1967 году их количество подскочило до 5,2 процента. Более подробная разбивка статистических данных, относящихся к оборонной промышленности, показывает 50-процентное увеличение занятости в производстве оружия и боеприпасов, увеличение более чем на 141 000 рабочих мест в производстве самолетов и запчастей и еще на 10 000 в производстве средств связи для войны. Более тщательное изучение гражданской экономики показывает, что в сфере транспорта и складирования появилось еще 74 000 рабочих мест,

30 000 в производстве одежды, 30 000 в черной металлургии и 12 000 в пищевой промышленности — рост, согласно этому исследованию рабочей силы, объясняется исключительно наращиванием производства во время войны во Вьетнаме. Аналогичным образом, численность военного персонала быстро увеличилась, увеличившись с 2,7 до 3,4 миллиона человек. Общая занятость гражданского и военного персонала в связи с войной во Вьетнаме и другими расходами на оборону составляет около 7,5 миллионов человек — почти десять процентов от общей численности рабочей силы.

Что означало для негров это замечательное расширение занятости в военное время? В свете очевидного роста занятости, как можно избежать найма негров?

Расширение вооруженных сил определенно включает в себя большее количество негров, чем когда-либо прежде. Это, однако, справедливо только в отношении абсолютных цифр; сейчас гораздо больше людей носят военную форму, но по состоянию на 1964 год они составляли всего около 8 процентов, ту же пропорцию, что и в 1953 году. Таким образом, расширение занятости военными привело к увеличению числа негров, но не к большему проценту со времен Корейской войны. Если бы численность негров в вооруженных силах соответствовала их численности в стране в целом, 300 000 человек служили бы в вооруженных силах; это потребовало бы призыва дополнительных 100 000 человек на основе данных за 1964 год. Увеличение срока призыва снизило бы официальный уровень безработицы среди негритянских мужчин в 1964 году с 9,1 до 7,0 процента. Тем не менее, проект квоты системы отборочной службы демонстрирует расовую дифференциацию. Согласно расчетам Министерства обороны, доля призывников-негров превысила количество призванных белых за двенадцатимесячный период, закончившийся в июне 1965 года: 16,3 процента были неграми в то время, когда небелые составляли одиннадцать процентов от общей численности населения.

В 1945 году только 12,2 процента участников боевых действий были неграми, что примерно соответствует проценту негритянского населения в стране. Однако к 1962 году это количество почти утроилось и составило 33,4 процента. Можно было бы ожидать, что негры, у которых в боевых действиях значительно более высокий процент мужчин, понесут больше потерь. Статистика подтверждает ожидания: на негров приходится 22,4 процента погибших в боевых действиях во Вьетнаме. Следовательно, можно категорически заявить, что с точки зрения реальных боевых действий негры потеряли свои позиции. Сегодня, в большей степени, чем во время любой другой войны, негры призваны подвергать себя большему количеству людей и большему риску, чем ожидается от белых. Смерть может уравнивать всех мужчин, но сам уровень смертности является дискриминационным фактом как для чернокожего гражданского населения, так и для солдата.

Но расовая политика, проводимая военными, с гордостью демонстрируется и восхваляется как пример для подражания по всей стране. Патрик Мойнихан заявляет:

Служба в Вооруженных силах Соединенных Штатов - это единственный опыт, доступный американскому неграм, в котором к нему действительно относятся как к равному: не как к негру, равному белому, а как к одному человеку, равному любому другому человеку в мире, где категорий "негр" и "белый" не существует. Если это утверждение об идеале, а не о реальности, то это идеал, который близок к реализации.⁴¹

Насколько равны негры в униформе? Мойнихан приводит свои доказательства:⁴²

Рядовой состав	Процентов I
Армии	12,2
Военно-морской флот	5.2
Военно -воздушные силы	9.1
Корпус морской пехоты	7.6
Офицеры	
Армия	5.2
Военно-морской	флот.2
Военно-воздушные силы	1.2
Корпус морской пехоты	.2

Ясно, что негру отказано в офицерских званиях, и Мойнихан игнорирует этот факт. Данные 1964 года о распределении званий, отделяющих рядовой состав от офицеров, опровергают преувеличенные утверждения о равенстве в отношении вооруженных сил. Процент негров в офицерских званиях нигде не приближается к проценту негров среди гражданского населения. Более того, количество негров среди офицеров по отношению к рядовому составу в каждом подразделении демонстрирует фантастическое несоответствие; количество офицеров-негров в вооруженных силах намного меньше того, которое можно было бы ожидать найти, исходя из расового состава рядового состава.

Таким образом, очевидно, что вооруженные силы, как и большинство белых американцев, приветствуют негра, который знает свое место в организации; негра в форме принимают в Вооруженные силы Соединенных Штатов до тех пор, пока он стоит в стороне. Вместо того чтобы быть полностью интегрированной организацией, вооруженные силы следуют процедуре, введенной северными предприятиями около четверти века назад. Точно так же, как частный сектор прибегнул к найму большего числа негров для обеспечения рабочей силы в начале Второй мировой войны, точно так же вооруженные силы используют негров для набора своей рабочей силы; и в соответствии с деловой практикой ограничения числа негров низшими эшелонами, различные ветви службы ограничивают число новобранцев-негров рядовым составом. Белая Америка продвигает равенство в вооруженных силах до такой степени, насколько это необходимо, чтобы побудить негров отправиться туда, где нехватка рабочей силы наиболее остра: в боевые части во Вьетнаме. Не случайно в Армии самый высокий процент негров, чем в любом другом подразделении. Более того, поскольку Белая Америка не испытывает экономической потребности в неграх среди офицеров, ей не нужно поощрять возможности в той степени, в какой это практикуется для рядового состава.

Военные придерживаются любого принципа равенства, потому что “демократический” принцип настолько эффективен в сдерживании негров. Поскольку продвижение осуществляется в соответствии со стандартами, соответствующими производительности, негр быстро выбывает из конкуренции с белыми. Чем выше человек поднимается в военной иерархии, тем выше будут требования к образованию и профессиональной подготовке, и, следовательно, тем меньше вероятность появления квалифицированных негров. Обеспечивая соблюдение единых стандартов независимо от расы, мы не допускаем дискриминации по признаку расы человека. Но впечатление справедливости создается только при упущении из виду того факта, что негры не просто похожи на белых во время продвижения по службе. Быть оцененным по критериям, применимым ко всем людям, независимо от цвета кожи, когда негр сильно отличается, может означать только то, что к негру будут относиться неравноправно. Навязывать равные стандарты неравноправным людям - значит увековечивать неравенство во имя равенства.

Не только военные предоставляют мало возможностей для продвижения негров в военное время, но и частное предпринимательство обходит негров стороной. Негры остаются безработными тысячами, в то время как занятость белых увеличивается в соответствии с возросшим военным производством. Существенное увеличение, представленное в отчете Министерства труда от сентября 1967 г.,⁴³ обычно требовало бы широкого привлечения небелых в состав рабочей силы, но такого развития событий не произошло. Исследование рынка труда прогнозировало лишь нехватку квалифицированной рабочей силы, если тенденция роста сохранится. Поскольку имеется относительно небольшое количество негров, обладающих

навыками и подготовкой, позволяющими воспользоваться возможными вакансиями военного времени, для негров можно ожидать незначительного экономического прогресса. Чрезвычайно сложная механизация и, что более важно, быстрое развитие автоматизации позволяют добиться рекордных объемов производства и исключить использование черной рабочей силы. Не имея квалификации, негры не смогут войти в ворота завода в таком количестве, в каком проходили во время Первой мировой войны и

II. Все это означает, что Белая Америка не будет обращать внимания на негров; негр не в том экономическом положении, чтобы добиваться уступок от Белой Америки, как это принято в военное время. Короче говоря, негр по-прежнему рассматривается как расходный материал, нежелательный предмет, за исключением полей сражений во Вьетнаме, где моральный императив равенства независимо от расы рьяно претворяется в жизнь, способствуя пропорционально большому количеству потерь среди чернокожих солдат. 1. экономика войны во Вьетнаме означает процветание белых, а не черных.

Белая Америка не только игнорирует негров в своей военной экономике, но и склонна отменить меры социального обеспечения, предназначенные для черной Америки. Поскольку конфликт во Вьетнаме требует увеличения военных расходов, Белая Америка все больше неохотно продолжает свою "Войну с бедностью". Поддержка Конгресса практически абсолютна при голосовании за военные расходы и отказе от средств на социальное обеспечение. В депеше Associated Press из Дананга, Вьетнам, от 8 июля 1965 года сообщается:

Майор. Джеймс А. Минисли и люди Ids обошлись дяде Сэму в 21 241 250 долларов за 99 дней.

Цифра в 21 миллион отражает расходы на ордонанс, который его эскадрилья из 100 истребителей израсходовала, совершив почти ... 2200 боевых вылетов.

Сюда не входят расход топлива, зарплаты летчиков и стоимость (wo) самолета, потерянного в бою. . . .

Общая сумма в 21 с лишним миллион долларов включала 750 000 снарядов для 20-мм пушек по 2,05 доллара каждый, 3 бомбы. S00 по 350 долларов каждая, 2250 напалмов по 275 долларов и 17 200 ракет по 1950 долларов за штуку.

Страна ежегодно выделяет более | 30 миллиардов долларов на финансирование войны во Вьетнаме, что превышает годовой доход всех американских негров! Поразительно осознать, что доходы чернокожих могли бы быть удвоены за счет направления средств, выделенных на войну во Вьетнаме, в руки чернокожей Америки. Однако, без сомнения, такое предложение возмутило бы чувствительность Белой Америки.

Даже в 1964 году в национальных расходах наблюдалось незначительное выделение средств из национального бюджета на общественное благосостояние и здравоохранение. Национальный бюджет на тот год составил 97,5 миллиарда долларов: 57,1 миллиарда долларов было потрачено на оборону и космос; только 7,5 миллиарда долларов пошли на здравоохранение, труд, образование, жилье, помощь нуждающимся и программы борьбы с бедностью. Выступая в марте 1967 года, Мартин Лютер Кинг обратил внимание на увеличивающийся разрыв: "По оценкам, мы тратим 322 000 долларов на каждого убитого нами врага (вьетнамца), в то время как в так называемой войне с бедностью в Америке мы тратим всего около 53 долларов на каждого человека, классифицированного как "бедный", и большая часть этих 53 долларов идет на

зарплату людям, которые не являются бедными. Мы обострили войну во Вьетнаме и ослабили борьбу с бедностью”. Но призывы против отступления во внутренней войне отвергаются сторонниками внешней войны.

Негр не может не подвергнуть сомнению мораль войны, которая так сильно проливает черную кровь и разрушает пути осуществления устремлений негров. Со времен Американской революции негры не допускали мысли и действий, направленных против Белой Америки во время войны. Медленно, но верно негр приходит к выводу, что само его выживание зависит от того, что он может сделать с белым человеком, а не от того, что Белая Америка может сделать для Черной Америки. Когда Линдон Джонсон отбросил Негра в сторону, чтобы развязать, а затем расширить войну во Вьетнаме, Негр ответил своими собственными предупреждениями о последствиях:

Звуки боевых действий на фронте Вьетнам (провозглашаются в мартовском манифесте Конференции христианских лидеров Юга 1967 года) заглушили крик негров в Америке о равенстве прав. Народ этой страны, начиная с президента, каждый человек на каждой улице обратил свои взоры на маленькую страну, находящуюся за тысячи миль от американских гетто. Вдали от лачуги фермера-арендатора в Южной Алабаме нация вовлечена в битву, которая включает в себя программы умиротворения и помощи пострадавшим от войны мирным жителям на истерзанной войной земле. Дома мы ведем войну с бедностью - за границей мы ведем войну против бедных.

Война во Вьетнаме привела общественность в замешательство и заглушила призыв негров к равным правам. Слишком долго президент, Конгресс и американцы негритянского происхождения не могли понять разочарования людей, которых просят бороться всей своей жизнью за нацию, которая предоставляет им лишь частичную жизнь дома. Для негров первая и неотложная борьба - это борьба за абсолютное, безоговорочное равенство в нации равных. Уоттс, Гарлем, Чикаго ясно показывают, что это разочарование перерастает в опасную горечь, которая угрожает американской демократии со всех сторон. Президент и нация не должны доводить нас до самоубийства, притворяясь, что не понимают, что война с неравенством, расизмом и бедностью является первостепенной потребностью нации на этом перекрестке истории.

С учетом сказанного совет директоров Конференции лидеров официально заявил о своем несогласии с войной во Вьетнаме:

... голос бедных в Америке не слышен из-за звуков битвы. (] Основной целью по-прежнему является обеспечение равных прав для всех мужчин в этой области. Вместо того, чтобы позволить уничтожить американскую мечту в джунглях и болотах Вьетнама, мы обязуемся сделать все, что в наших силах, чтобы положить конец этой войне.^{4**}

Когда Линдон Джонсон руководил программами насилия, “чтобы завоевать сердца” вьетнамских крестьян, негры, выступающие за ненасильственные решения по преодолению расовой конфронтации, чувствовали себя бессильными. Им было неудобно объяснять свои мотивы борьбы с расизмом с помощью мирной тактики, в то время как белый лидер Америки заручился поддержкой насильственного решения проблемы Вьетнама. “Когда я ходил среди отчаявшихся, отвергнутых и разгневанных молодых людей [Северных негритянских гетто]”, - сокрушался Мартин Лютер Кинг,

Я сказал им, что коктейли Молотова и винтовки не решат их проблем. Я пытался выразить им свое глубочайшее сочувствие, сохраняя при этом свою убежденность в том, что социальные изменения наиболее значимы благодаря ненасильственным действиям. Но они спросили, а как же Вьетнам? Они спросили, не использует ли наша собственная нация огромные дозы насилия для решения своих проблем, для достижения желаемых изменений. Их вопросы попали в цель, и я понял, что никогда больше не смогу поднять свой голос против насилия угнетенных в гетто, не поговорив сначала ясно с величайшим поставщиком насилия в современном мире — моим собственным национальным правительством".¹⁵

Осознавая неравенство, Студенческий координационный комитет ненасильственных действий очистил себя от белых членов и к середине 1960-х годов распространил лозунг "власть черных"; он не принес извинений, призывая к насильственной конфронтации с "белыми". К 1967 году ее лидер Х. Рэп Браун мог с полным фактическим обоснованием сказать своим чернокожим последователям, что "насилие такое же американское, как вишневый пирог". А в своей колонке в "Нью-Йорк Таймс" от 21 мая 1969 года К. Л. Сульцбергер писал: "В 1966 году, когда Ф. был во Вьетнаме, ни один негр, казалось, не отождествлял себя с экстремистскими боевиками. Во время визита этой весной я заметил, что некоторые экстремисты и сочувствующие им люди приветствовали друг друга кулаком Черной Пантеры, проходя по улице".

По мере того, как негр отвергает призывы к ненасилию, он все чаще проводит параллели между своим американским опытом и обстоятельствами жизни вьетнамского крестьянина. Жестокость полиции по отношению к неграм соответствует жестокости американских солдат по отношению к вьетнамским крестьянам. Негры начинают теснее отождествлять себя с угнетенными вьетнамцами, когда американские солдаты входят во вьетнамскую деревню, открывая беспорядочную стрельбу по мужчинам, женщинам и детям, и перед уходом вытесняют местных жителей из домов, поджигают хижины и уничтожают урожай — точно так же, как полиция, действуя по приказу, вошла в негритянское гетто, стреляя без разбора, и, двигаясь по улицам, "систематически атаковала магазины, принадлежащие неграм" во время беспорядков в Ньюарке, штат Нью-Джерси.⁴⁸ Американцы были шокированы репрессивными мерами полиции Юга против негров, участвовавших в маршах за гражданские права. Типичный отчет отражает ужас:

В штаб-квартире полиции Лэндинга агент Джи Би Эм (Бюро расследований Джорджии) воткнул prodder в гениталии Шапиро и продолжал шокировать его по всему телу, включая глаза. Боль была такой сильной, что юноша вскочил и побежал в полицейское управление, агент бежал за ним, обжигая ему затылок.

Мисс Снайдер (негритянская демонстрантка) затащили в приемную тюрьмы. Несколько минут спустя вошел агент ГБР и приложил к ее глазу протыкатель для крупного рогатого скота, образовав черный рубец. Затем он повернулся к мисс Кляйн и обжег ей ноги и верхнюю часть бедер.⁴⁷

Подобные пытки применяются к угнетенным во Вьетнаме:

Одним из наиболее печально известных методов пыток, используемых правительством, является частичная казнь на электрическом стуле — "поджаривание", как называл это один американский советник Иногда провода прикрепляются к мужским половым органам или к груди женщины-заключенной из бывшего Конгресса Другие методы, обычно

предназначенные для того, чтобы заставить заключенных говорить, включают отрезание пальцев, ушей, ногтей или половых органов другого заключенного. Иногда нитка из ушей украшает стену правительственного военного объекта.^{4*}

Мы также находим параллель между условиями во Вьетнаме и в Соединенных Штатах, когда смотрим на то, как проводятся выборы. В 1964 году кандидатам от гражданских прав на политические посты не удалось добиться побед на первичных и всеобщих выборах, потому что, по данным Демократической партии свободы Миссисипи, негры “регулярно и систематически исключались путем запугивания, притеснений, экономических репрессий, нанесения имущественного ущерба, террора, насилия и незаконных, неконституционных процедур регистрации”.⁴⁹ Во Вьетнаме при номинальном правлении генерала Нгуен Цао Ки потенциальные кандидаты от партии мира были объявлены не имеющими права участвовать во всеобщих выборах 1967 года. Такое вопиющее издевательство над демократическими процессами внутри страны и за рубежом подрывает оставшиеся мирные альтернативы угнетению и оставляет только возможности молчаливого согласия или открытого восстания, из которых негры и вьетнамцы должны сделать выбор. Ответственность как во Вьетнаме, так и в Америке в то время лежала на бывшем президенте Джонсоне: под его руководством Демократическая партия Миссисипи потеряла свою привлекательность, чтобы быть признанной единственным законным представителем Демократической партии Миссисипи, и, по словам бывшего сенатора Уэйна Морса в мае 1965 года, “Соединенные Штаты были главной силой, препятствующей установлению демократии в Южном Вьетнаме”.⁵⁰ Администрация Джонсона уклонилась от энергичного исполнения решений Верховного суда об интеграции и положений недавнего законодательства о гражданских правах, но без колебаний отдала приказы о переброске более полумиллиона военнослужащих, миллиарды долларов в военной технике и миллиарды долларов на финансирование различных программ “умиротворения” вьетнамского крестьянства. Поскольку Белая Америка глуха к мирным подходам к разрешению расовых беспорядков, негры могут вдохновиться на применение тактического насилия — точно так же, как Фронт национального освобождения впервые искал политические решения для жестоких репрессий президента Нго

Динли Дьем и вовсе неохотно перешел к партизанской войне. Может наступить время, когда планы умиротворения вьетнамских крестьян станут прототипом для умиротворения восстающих негритянских масс Америки. Негр (как будет продемонстрировано более полно в следующей главе) сталкивается с вполне реальной возможностью интернирования в американские лагеря “умиротворения”.

Война и расизм 77

Впервые в истории Америки крупная война создает атмосферу для распространения расизма. Не так давно исследователь негритянства Э. Франклин Фрейзер мог похвастаться, что “Негры видят в войне возможность доказать свой патриотизм и таким образом возложить на нацию обязательства перед ними”.⁵¹ но подавление чернокожих из-за войны во Вьетнаме опровергает то, что провозгласил Фрейзер. “На самом деле американское правительство, похоже, ” заявил преподобный Джеймс Бевел в 1967 году, “ приступило к осуществлению программы систематического геноцида во Вьетнаме, и именно по этой причине, возможно, больше, чем по

какой-либо другой, цветные народы повсюду должны высказываться и действовать мужественно. Те американцы, которые выступают против войны, больше не могут быть виновны в молчании, в то время как небелые американцы, лишенные полноценного гражданства, отправляются на смерть в незаконной, аморальной и несправедливой войне президента Джонсона".⁵² В конце концов, другие негритянские лидеры, такие как Флойд Маккиссик, Стокли Кармайл, Х. Рэп Браун, Рой Уилкинс и Уитни Янг присоединились к нарастающему хору горьких обвинений черных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этот обзор американских войн указывает на то, какое незначительное место занимают американские негры. Во время войны за независимость Белая Америка отказывалась от уступок до тех пор, пока негры не начали сражаться под началом британской ведьмы; затем были приняты меры по освобождению негритянских солдат из порабощения. Во время Гражданской войны негры умоляли о возможности служить в армии Союза, чтобы подтвердить свои претензии на полноправное гражданство, но им снова отказывали до решающего момента, когда победа висела на волоске. Однако, когда Америка предприняла империалистическое военное предприятие, объявив войну Испании, расизм достиг новых высот; расистская политика была необходима, чтобы оправдать превосходство белых в подавлении испанского сопротивления захвату Америкой Пуэрто-Рико, Кубы и Филиппинских островов. Только после Первой мировой войны негры испытали кратковременное облегчение от ярко выраженных репрессий белых с начала века, только для того, чтобы столкнуться с новой эпохой возрождения белых против чернокожих. Схема расовых отношений во время первой мировой войны практически повторилась во время второй.

Теперь, с расширением войны во Вьетнаме, негра принимают в вооруженные силы, но не принимают в качестве гражданской рабочей силы.

ii' .1.11 . > • ■ "меньше расы" предоставляет боевые подразделения для ведения войны, но почти полностью исключает продвижение в офицерские звания; 2) гораздо более высокий уровень боевых потерь среди негров, чем среди белых; 3) фактическое отсутствие уступок, обычно делаемых для удовлетворения призывов негров к равенству во время войн, оправдываемых демократическим идеализмом; 4) усиление репрессий против негров; и 5) растущая тенденция негров отвергать моральные основы вьетнамского конфликта, тем самым сводя на нет многовековые усилия продемонстрировать свою лояльность нации, вступив в армии Белой Америки.

Эти пять тенденций свидетельствуют о живучести расизма Белой Америки. На протяжении всей цветной истории Америки негры добивались своих величайших успехов на пути к освобождению во время войны, когда Белая Америка призывала к демократическим идеалам, чтобы сплотить белых, выражающих нежелание или нерешительность вступить в войну. Негритянские лидеры ухватились бы за лозунги свободы, призванные заручиться поддержкой белых, как противоречащие расовому угнетению белых по отношению к черным. Но эта тактика могла быть успешной только в том случае, если бы возникла острая нехватка рабочей силы в военное время. Только сочетая моральный императив с экономической потребностью в черной рабочей силе в Америке военного времени, негры преуспели в проникновении в американское общество.

Поскольку Белая Америка в большей степени полагается на технологии для замены человеческой энергии, спрос на негритянскую рабочую силу, обычно ожидаемый в экономике военного времени, не растет из-за конфликта во Вьетнаме. В условиях стремительного экономического роста, направленного на удовлетворение как военного, так и гражданского потребления, не было необходимости погружаться в резервуар черной рабочей силы. Поэтому Белая Америка может с готовностью игнорировать призывы негров к демократическим практикам у себя дома, которые, как настаивает нация, будут переданы народу Южного Вьетнама.

Осознавая, как никогда прежде, истинные масштабы отношений между неграми и белыми, все большее число негров призывают к насилию как к единственному способу освободиться от американского общества, а не влиться в него. Когда бывший президент Джонсон втянул нацию в более ожесточенные боевые действия по всей Юго-Восточной Азии, дело негров не только резко остановилось, но и потерпело серьезные неудачи, равносильные поражениям, которые, как будет рассмотрено более подробно в следующей главе, вполне могут привести его на грань истребления. “Неужели демократам снова суждено, - спросил бывший сенатор Уэйн Морс, “принести в жертву на алтарь войны наши обещания лучшего будущего, реалистичного наступления на неурядицы меняющегося общества? Новая свобода Вудро Вильсона была потеряна для целого поколения в холокосте Первой мировой войны; Новый курс Ф’Ранклина Рузвельта был поглощен Второй мировой войной; Справедливая сделка Гарри Трумэна закончилась в Корее; сейчас мы стоим и наблюдаем, как Великое Общество распадается во Вьетнаме’.

Волна расизма с целью подавления!¹ по всей стране. Экономические интересы нации не потерпят расизма, который ставит под угрозу экономические ценности Белой Америки. Но если экономические обстоятельства позволят притеснять или отвергать американских негров, Белая Америка отреагирует соответствующим образом. Очевидно, что так обстоит дело в настоящее время, отсюда и чрезвычайно бурные расовые всплески. Происходящий масштабный экономический переход является предзнаменованием того, что Белая Америка намерена объявить о совершенно новом отношении к черной Америке.

Примечания к главе IV

1. Бенджамин Куорлз, Негр в Американской революции. Чапел-Хилл, Северная Каролина: Издательство Университета Северной Каролины, 1961, стр. 115.
2. Там же, стр. vii.
3. Фредерик Дуглас, Жизнь и труды Фредерика Дугласа, Филип С. Фонкр, компакт-диск. Нью-Йорк: Международные издательства, 1955, том. III, стр. 342.
4. К. Ванн Вудворд, "Странная карьера Джима Кроу". Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1966, 2-й диск., стр. 52-53.
5. Дэвид Т. Базклон, Бумажная экономика. Нью-Йорк: Старинные книги, 1965.
6. Юджин Д. Дженовезе, Политическая экономия рабства. Нью-Йорк: Пантеон, 1965.
7. Джон Хоуп Франклин, От рабства к свободе. Нью-Йорк: Альфред А. Кнопф, 1947, стр. 311.

Х. И. Эротический Беннетт-младший, Черно-белое противостояние. Чикаго: Издательство Johnson Publishing Co., 1965, стр. 79.

9. Вутлвард, указ. соч., стр. 63.

10. Там же, с. 64.

11. Оскар Хэндлин, Раса и национальность в американской жизни. Гарден-Сити, Нью-Йорк: Doubleday Anchor Books, 1957, стр. 35.

12. Вутлвард, указ. соч., стр. 70. Выделено мной.

13. Цитируется Вудвордом, указ. соч., стр. 95. Выделено мной.

14. Цитируется Вудвордом, там же. Выделено мной.

15. Букер Т. Вашингтон, "Восстав из рабства". Гарден-Сити, Нью-Йорк: Даблдей, Пейдж и Ко., 1901, том. II, стр. 234-235.

16. Букер Т. Вашингтон, Будущее американского негра. Бостон: Смолл, Мейнард и Компания, 1899, стр. 69.

17. Там же, с. 176.

18. Август Мейер и Эллиот М. Радвик, "От плантации к гетто". Нью-Йорк: Хилл и Ван, 1966, стр. 185.

19. К. Ванн Вудворд, Том Уотсон. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1963, стр. 335.

20. Там же.

21. Там же.

22. Там же.

23. Дж. Сондерс Реддинг, "Они пришли в цепях". Нью-Йорк: Дж. Б. Липпикотт, 1950, стр. 248.

24. Эдмунд Дэвид Кронон, Черный Моисей. Мэдисон, Висконсин: Издательство Университета Висконсина, 1955, стр. 222.

25. Там же, с. 187.

26. Э. Франклин Фрейзер, Негр в Соединенных Штатах. Нью-Йорк: Макмиллан, 2-я редакция, 1957, стр. 529.

27. Рой Л. Хилл в "Риторике расового восстания", Рой Л. Хилл, cd. Денвер, Колорадо: Издательство Golden Bell Press, 1964, стр. 50.

28. Кронон, указ. соч., стр. 171.

29. Цитируется по Кронон, указ. соч., стр. 73.

30. А. Филип Рэндольф, "Почему мы должны маршировать?" в книге "Негры со времен эмансипации", Харви Уиш, изд. Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Прайс-Холл, 1964, стр. 159.
31. Цитируется Фрейзером, указ. соч., стр. 619.
32. Министерство труда США, семья негров. Вашингтон, Округ КОЛУМБИЯ, Типография правительства США, 1965, стр. 1.
33. Гарольд Р. Айзекс, "Новый мир негроамериканцев". Нью-Йорк: Джон Дэй, 1963, стр. 6-7.
34. Цитируется Уолтером Уайтом "Как далеко до Земли обетованной?" Нью-Йорк: Издательство "Викинг Пресс", 1955, стр. 13.
35. Беннетт, указ. соч., стр. 220.
36. Торстейн В.К., Теория делового предпринимательства. Нью-Йорк: Новая американская библиотека, 1958, стр. 139. Первоначально опубликовано издательством Charles Scribner's Sons, 1904.
37. Дэвид Рокфеллер, "Меняющаяся роль бизнеса в нашем обществе", Труды Американского философского общества, том 107 (апрель 1963 г.), стр. 112.
38. Там же, стр. 114.
39. Беннетт, указ. соч., стр. 201.
40. Цитируется по / F. Stone's Weekly (10 апреля 1967 г.), стр. 3.
41. Негритянская семья, соч., стр. 43.
42. Там же.
43. Выше.
44. "Нью Порк таймс", 31 марта 1967г.
45. Мартин Лютер Кинг-младший, "Декларация Indc |> cndcnss о войне во Вьетнаме", Ramparts, том 5 (май 1967 г.), стр. 33.
46. Том Хейден, "Оккупация Ньюарка", New Pork Review of Books, Т. IX (24 августа 1967 г.), стр. 17.
47. "Газетт энд Дейли", Йорк, Пенсильвания.
48. Беверли Округ Колумбия, New Pork Tribune.
49. Джордж Слофф, "Пять скатов в Конгрессе: "Вызов Миссисипи"", Нация, том 200 (17 мая 1965 г.), стр. 526.
50. Цитируется в Progressive, "Retreat at Home", том 30 (июнь 1966), стр. 4.
51. Фрейзер, указ. соч., стр. 748.
52. Письмо редактору New York Times (8 апреля 1967 г.).

V. Иллюзии прогресса

Чтобы белая Америка поняла жизнь чернокожих, она должна признать, что прошло так мало времени и так мало изменилось.

-Уильям Х. Грир и Прайс М. Коббс

Когда нация вышла из 11-й мировой войны, американский негр мог похвастаться значительным экономическим прогрессом. Процветание экономики военного времени привело тысячи людей на фабрики Севера и на более высокооплачиваемые, более ответственные должности, чем когда-либо занимали негры. Хотя этот успех несколько замедлился после возвращения белых ветеранов с фронта, общая картина отражала несомненный прогресс. Холодная война и корейский конфликт поддерживали экономический бум, так что, несмотря на неудачи, вызванные рецессиями, доходы негров по сравнению с доходами белых достигли небывало высокого уровня в 1952 году.

Экономические достижения привели к социальному прогрессу. В период с 1940 по 1955 год денежный доход негров на душу населения вырос более чем втрое, а занятость негров в качестве белых воротничков выросла вдвое по сравнению с предыдущим периодом. Негры приобрели дома — количество домовладений подскочило на 137 процентов, так что к 1955 году треть негритянских семей владели собственными домами. Они отправили своих детей в колледж, оплатили расходы на первоклассное медицинское обслуживание и с помощью ипотечных кредитов и рассрочки приобрели предметы роскоши, которыми раньше пользовались только белые американцы. Не было никаких массовых организованных усилий, направленных на то, чтобы протолкнуть негров в белое общество; мощный толчок экономического процветания обеспечил волны, на гребнях которых негры добрались до лучших времен. Это было так, как если бы ожил собственный рецепт Букера Т. Вашингтона для успеха негров, поскольку по мере того, как негры накапливали богатство, они приобретали символы статуса Белой Америки и владели ими.

Одобрение белых казалось несомненным, когда сами белые начали инициировать правовые реформы для отмены ограничений по цвету кожи. Президент Рузвельт покончил с некоторыми дискриминационными практиками как в гражданской, так и в военной жизни. Президент Трумэн продолжил эту тенденцию, объявив незаконной сегрегацию военнослужащих и дискриминационные продвижения по службе по признаку расы. Платформа Демократической партии 1948 года провозгласила решительные политические обязательства по продвижению гражданских прав. В 1944 году Верховный суд признал праймериз белых неконституционными, и к середине пятидесятих годов принцип “раздельного, но равного” также был отменен. В конечном итоге Верховный суд вынес решение против дискриминации в сфере общественного транспорта между штатами; он отказался разрешить исполнение жилищных соглашений, направленных на то, чтобы лишить негров возможности покупать дома; он поддержал законодательство о гражданских правах; он расширил избирательные права негров.

Послевоенный приезд негра получил поддержку и признание академического сообщества. Теории расового превосходства и неполноценности стали непопулярными в новом настроении оптимизма и триумфа. Ученые провозгласили “новую Америку” свободной от расовой

дискриминации и приверженной демократическим принципам независимо от расы. К 1965 году Милтон Йингер, специалист по группам американских меньшинств, утверждал:

Внутри Соединенных Штатов расовые различия стираются. . . . Расовое неравенство переживает двадцатый век, но во все менее широких масштабах. Если Соединенные Штаты предпримут в ближайшие двадцать пять лет столько же шагов к полной интеграции, сколько за предыдущие двадцать пять, — а это представляется вполне вероятным, — то в течение полувека страна совершит основные социальные преобразования, глубоко влияющие на весь ход ее развития. Редко такие жизненно важные реорганизации осуществляются так быстро.¹

Эта чрезвычайно оптимистичная картина типична для научной интерпретации послевоенного периода. Успех негров должен был быть неизбежным и быстрым. Эли Гинзберг и Альфред С. Эйхнер объявили в 1964 году, что “спустя 345 лет Америка уверенно движется по пути установления первой в истории двухрасовой демократии — достижения, которое будет равно ее предыдущему вкладу в развитие человечества, демократии для всех белых людей”.² Во время празднования столетней годовщины Провозглашения эмансипации в 1964 году Арнольд М. Роуз, бывший президент Американской социологической ассоциации, заявил:

Но в этот год празднования сотой годовщины Провозглашения Эмансипации действительно можно заявить, что эмансипация становится все более реальностью. Соединенные Штаты почти готовы относиться к своим гражданам с юридическим равенством, Юг почти готов к воссоединению с Союзом, а расовая дискриминация по всей стране заметно уменьшается. Даже если Прокламация Линкольна была обнародована неохотно и едва ли применялась на практике, Верховный суд, Президентство и Конгресс сегодня, наконец, провозглашают эффективную Прокламацию об освобождении.³

Негры разделяли с белыми веру в неизбежный прогресс. Э. Франклин Фрейзер, например, настаивал:

Несмотря на нынешний низший статус негров, произошли фундаментальные изменения в отношении негров к американскому обществу, которые указывают на их растущую интеграцию в американскую жизнь. Маловероятно, что эти достижения будут утрачены. Даже если разразится экономический кризис, который может усилить расовый антагонизм, отношение Соединенных Штатов к остальному миру предотвратит всеобщую реакцию против негров в качестве национальной политики *

Лорен Миллер, юрист, издатель газеты и национальный вице-президент Национальной ассоциации содействия улучшению положения цветных людей, предсказала в 1964 году, что

В обозримом будущем восемнадцать миллионов негров разорвут оковы почти двухвековой изоляции и хлынут в основной поток американской жизни. Таланты и энергия, которые сейчас направляются на всепоглощающую борьбу против расовых ограничений, будут свободны для применения в решении фундаментальных проблем человечества. Более того, наступление этого хорошего дня положит конец огромным затратам человеческих и экономических ресурсов, которые долгое время растрчивались впустую в тщетных попытках сохранить систему сегрегации tbc. Они тоже станут доступны для полезных социальных целей.⁵

Льюис Киллиан и Чарльз Григг дают прекрасное описание настроений в стране в послевоенный период:

... как "интеграционисты", так и "умеренные сегрегационисты" в целом выражали то, что по сути было оптимистической темой. Они отличались друг от друга в отношении того, сколько времени потребуется для решения "проблемы", относительной важности частного признания и общественного согласия, а также средств, с помощью которых можно добиться того или иного. Но многие белые американцы, как и многие американцы-негры, цеплялись за свой оптимизм в отношении того, что проблема будет решена в рамках упорядоченных демократических процессов из-за фундаментальной доброй воли, чувства честной игры и справедливости, а также уважения к закону подавляющего большинства американцев. Конфликт мог бы возникнуть, но он развивался бы в первую очередь из-за непокорности "безумной окраины" сегрегационистов, нетерпения радикальных интеграционистов и медлительности огромной массы "середняков".⁶

Но если условия действительно так хороши, как утверждают ученые, почему мы все еще видим беспокойство, агитацию, недовольство? Знали ли негритянские студенты колледжа Гринсборо, Северная Каролина, и негры Монтгомери, Алабама, что победа "близка и неизбежна"? В свете всех беспрецедентных достижений, что могло стать причиной такого внезапного вызова великодушью Белой Америки? Что происходило с молодежью негритянского поколения, более "богатого", чем любое предыдущее цветное поколение?

Чтобы преодолеть разрыв между восторженными восклицаниями академических наблюдателей и многих негритянских лидеров и растущим недовольством, исходящим особенно от негритянских масс, новая волна научных исследований прокатилась по стране под названием "относительная депривация". Вскоре настало время говорить не о притеснении белых по отношению к черным, а скорее о "разочаровании негров". Согласно этой теории, изобилие белой Америки не было оценено неграми; более того, распространяющееся беспокойство само по себе отражало прогресс равенства, а не неравенства - огромных улучшений, а не репрессий белых. Поскольку фрустрация черных определялась как "психическое" состояние ума, направленное на белых как группу, теперь стало возможным сформулировать "психологическую" точку зрения в социальном контексте. Фрустрация как психическое состояние в социальной среде американского общества требует "социально-психологической" интерпретации. Теория относительной депривации была выдвинута для оправдания растущей волны недовольства среди негров, несмотря на их предполагаемое включение в основное русло американской жизни.

Томас Петтигрю, главный сторонник относительного депривационизма, объясняет растущее презрение черных, проявляющееся в явном пренебрежении реальными расовыми достижениями: "Таким образом, после двадцати лет [с 1940-х по 1960-е гг.] прогресса, особенно в определенных областях, негр, тем не менее, сегодня значительно более разочарован, чем в начале этого периода перемен, потому что, хотя его абсолютный стандарт повышался, уровень его устремлений повышался намного быстрее. Его относительные лишения, разница между тем, что у него есть, и тем, что он ожидает иметь, и тем, что он считает своим правом иметь, сейчас, вероятно, больше, чем в любое другое время в американской истории".⁷ Таким образом, успех - опасная вещь; он заставляет стремления расти быстрее, чем они могут быть реализованы, и в результате разочарования требования становятся все более настойчивыми. По словам Леонарда Брума и Норвала Гленна, двух дополнительных сторонников этой теории, негр становится жертвой своих собственных достижений:

По мере того, как негры приобретали почти те же стремления, цели, вкусы и стандарты, что и другие американцы, — другими словами, по мере того, как они ассимилировались в мейнстрим американской культуры, — они становились все более нетерпимыми к гражданству второго сорта. Их ассимиляция, в свою очередь, стала результатом увеличения и улучшения образования, расширения контактов с белыми и большего воздействия средств массовой информации.[®]

Дэниел Белл разделяет это мнение:

Негритянское сообщество сегодня неявно требует особых усилий и даже особого отношения для завоевания основных социальных прав. Это возникает по той же причине, которую де Токвиль отмечал во всех революционных движениях: все более радикальные требования выдвигаются не тогда, когда судьба человека меняется от плохого к худшему, а когда она меняется от плохого к лучшему. То, что раньше могло восприниматься как предопределенное и неизбежное, теперь, когда видна возможность улучшения, становится невыносимым; и потребность в улучшении возрастает.

Этот научный аргумент также появляется в газетных статьях. Уильям В. Шеннон, обозреватель New York Times, воспринимает насилие со стороны негров как тревогу, поскольку “улучшение положения негров за последнее десятилетие парадоксальным образом способствовало возникновению насилия”, поскольку “ничто так не нестабильно, как плохая ситуация, которая начинает улучшаться”.¹⁰ Даже негритянские лидеры объясняют беспокойство черных собственными достижениями расы. Мартин Лютер Кинг, наблюдая за восстанием Уоттса в Лос-Анджелесе в 1965 году, прокомментировал: “Прогресс разжигает аппетит к еще большему прогрессу”. А в своем выступлении перед НААСР Ральф Дж. Банч напомнил своей аудитории, что “В процессе социального прогресса аксиомой является то, что чем больше прогресс, тем больше людей будут требовать его ускорения. Это классическая модель развития народов колоний на пути к обретению независимости и государственности. Это в равной степени верно и в отношении этнического меньшинства, такого как американские негры”.¹¹ Широко распространено мнение, что быстрые достижения становятся главной причиной распространения недовольства негров, что, заявляя протест против черепашьего темпа своего прогресса, негры заблуждаются, поскольку прогресс в послевоенные годы приравнивается фактически к революции. Тем не менее, с массовыми беспорядками в городах в конце 1960-х годов ситуация достигла точки кипения. Будут ли крупные потрясения рассматриваться как проблемы, связанные с растущими ожиданиями или с законными претензиями? Отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам многое сделал для демонстрации подлинного недовольства; он ясно разоблачает невежество белых — веру в то, что негры живут комфортно благодаря государственной и федеральной поддержке, и что жалобы поступают только от нескольких громких недовольных и агитаторов. “Беды гетто, трудности тамошней жизни, жгучее чувство обиды негров редко передаются”, — утверждает в Отчете. “Пренебрежение и унижения являются частью повседневной жизни негра, и многие из них исходят от того, что он теперь называет “белой прессой” — прессы, которая постоянно, пусть и неосознанно, отражает предубеждения, патернализм, безразличие белой Америки”.¹²

В Отчете о судьбах негров говорится сочувственно и справедливо, но Отчет, как и сам негр, в значительной степени игнорировался. Теория относительной депривации по-прежнему имеет большой вес, и что особенно опасно в принятии этого тезиса, так это то, что, хотя кажется, что

он дает объяснение, такая перспектива серьезно и, возможно, злонамеренно отвергает даже возможность угнетения белых; она убеждает как черных, так и белых в том, что на смену Белой Америке приходит по-настоящему демократическая Америка.

Давайте теперь рассмотрим тезис об относительной депривации, чтобы понять, применим ли он к неграм в Америке. Мы попытаемся указать на ряд фундаментальных ошибок, которые делают перспективу особенно неудовлетворительной для понимания текущей расовой ситуации. Утверждение о том, что неготианты добились существенных успехов за последние десятилетия, несостоятельно из-за отсутствия подкрепления фактами. Тщательное изучение областей “достижений” — жилья, образования и дохода — выявляет очень мало свидетельств в пользу основных предпосылок точки зрения относительности.

ЖИЛЬЕ

Жилищные условия негров ухудшаются. В период с 1940 по 1965 годы, как отмечалось в начале этой главы, количество домовладений увеличилось на 137 процентов. Согласно выводам Агентства жилищного строительства и жилищного финансирования, тенденция продолжалась, так что к 1960 году 38 процентов всех небелых владели домами по сравнению с 35 процентами в 1950 году. Хотя на первый взгляд кажется, что это фантастический выигрыш, контраст между белым и черным немедленно сводит прогресс на нет. Доля домовладельцев белых за тот же период выросла гораздо больше — с 57 до 64 процентов, что более чем в два раза больше, чем у небелых. Более того, отчеты показывают, что стоимость жилья для негров падает. В период 1950-1960 годов разрыв между средней стоимостью жилья, занимаемого владельцем-негром, и стоимостью жилья, занимаемого владельцем-белым, увеличился с 14 700 в 1950 году до 5 530 в 1960 году, увеличившись на 17,7 процента.¹³ Однако разница даже больше, чем указывает процентное увеличение, поскольку негры из-за дискриминационной практики в сделках с недвижимостью должны платить больше, чем белые за сопоставимое жилье.

Финансирование нового дома дает негру меньше шансов на успех, чем белым. До начала 1960-х годов только 0,5 процента людей, которым помогало Федеральное жилищное управление, имели доход менее 5000 долларов,^{млн} таким образом, пропорционально обслуживалось гораздо меньше негров, чем белых. Из всего жилья по ипотечным кредитам, застрахованного FMA с 1934 года и Администрацией ветеранов с 1944 года, менее 2 процентов приходилось на небелые семьи.¹⁵ О том, насколько трудно было неграм покупать новое жилье, свидетельствует тот факт, что значительно менее одного процента новых домов на одну семью покупается лицами с доходом менее | 4000, и целых 60 процентов негритянских семей попадают в эту категорию. Негры в Чикаго, например, занимали менее 0,5 процента из 280 000 новых домов, построенных в 1950-х годах. За почти 40 лет жилье, застрахованное FNA, было обеспечено десятью миллионами единиц жилья со средним и высоким уровнем дохода, в то время как за тот же период субсидируемое федеральное жилье для обездоленных произвело всего 800 000 единиц.¹⁰ К 1969 году процентные ставки для односемейных структур достигли пика времен Гражданской войны и составили 7,5 процента. Хотя этот рекордный показатель означает существенное сокращение всего строительства домов на одну семью, это определенно повлияет на домовладение негров более решительно, чем белых, из-за высокой концентрации негров с низким уровнем дохода. Политика ограниченности денежных средств предвещает рост трудностей для негров в поисках лучшего жилья; она обещает дальнейшее закрепление чернокожих в трущобах гетто как раз в момент усиления расовой напряженности. Могут ли

белые намереваться позволить неграм жить в лучших условиях, когда их собственные действия приводят к ухудшению ситуации? Будут ли негры пассивно подчиняться экономическим манипуляциям белых, прекрасно понимая, что означают для них результаты? Хотя формальная, кодифицированная дискриминация исчезает, фактически расовая дискриминация сохраняется.

Плотность населения на единицу жилья выявляет еще один фактор расовой дифференциации. В то время как с 1920 по 1960 год число белых сократилось с 4,3 до 3,3 человека на единицу населения, для небелых оно сократилось только с 4,3 до 4,0.¹⁷ В отчете Бюро статистики труда говорится, что в 1960 году в условиях серьезной перенаселенности жило больше негров, чем в 1950 году. Используя стандарт 1,51 и более человек на комнату для измерения переполненности, Бюро классифицировало 156 000 несельскохозяйственных единиц жилья для негров, занятых владельцами, как переполненные в 1960 году, что значительно больше показателя в 106 000 единиц в 1950 году. Число белых за тот же период сократилось с 480 000 до 439 000. Переполненность жилых помещений, занимаемых арендаторами, следует той же схеме: число негров увеличилось с 442 000 до 477 000; число белых сократилось с 970 000 до 632 000.¹⁸ Комиссия США по гражданским правам заявила в 1959 году: “Если плотность населения в некоторых из худших кварталов Гарлема будет такой же, как в остальной части Нью-Йорка, все население Соединенных Штатов могло бы разместиться в трех районах Нью-Йорка”!¹⁹ И отчет Кернера 1968 года, в котором в качестве стандарта использовался 1,01 или более человек на комнату, показали, что 25 процентов жилых единиц для негров в мегаполисах США 1960 года были переполнены, а 11 процентов - серьезно, по сравнению всего с 8 и 2 процентами соответственно для белых.²⁰

Программы обновления городов, хотя и призваны помочь бедным представителям обеих рас, приносят больше вреда, чем пользы; из-за них не только выселяются тысячи негров, но в процессе ликвидации трущобных жилищ также разрушаются многие хорошо интегрированные кварталы. Перемещенные цветные семьи с резко ограниченными финансовыми ресурсами вынуждены искать другое жилье на крайне ограниченном рынке. “В течение десятилетия 1950-х годов, когда огромное количество негров мигрировало в города”, - объясняется в отчете Кернера,

... только 4 миллиона из 16,8 миллионов новых единиц жилья, построенных по всей стране, были построены в центральных городах. Эти пристройки были уравновешены потерей 1,5 миллионов единиц жилья в центре города в результате сноса и другими способами. В результате число небелых, проживающих в некачественном жилье, увеличилось с 1,4 до 1,8 миллиона, хотя количество некачественных квартир сократилось.

Статистика, доступная за период с 1960 года, указывает на то, что тенденция продолжается. В столичных районах практически не наблюдалось снижения числа занятых ветхих квартир, а опросы в Нью-Йорке и Ваттсе фактически показывают увеличение числа таких квартир.⁰¹

Хотя новые объекты строятся в рамках программ обновления городов, утверждается, что только один объект заменяет каждые четыре разрушенных; половина расчищенной земли превращается в автостоянки и автомагистрали; только одна четвертая используется под жилье. Кроме того, расходы на переезд обычно превышают ассигнования, выделяемые семье, и новое место работы часто уводит негра дальше от места его работы, так что, когда приходится искать

новую встряску, приходится тратить больше денег на поездку туда и обратно на работу, или возникает безработица.

Вопреки тезису об относительной депривации, произошло ухудшение жилищных условий чернокожих американцев, особенно в течение десятилетия 1950-1960-х годов. В исследовании Бюро статистики труда делается вывод, что “небелые домохозяйства занимали гораздо большую долю всего некачественного жилья в 1960 году, чем в 1950 году, хотя доля небелого населения за десятилетие увеличилась очень незначительно”.²² Увеличение доходов, по-видимому, дает мало возможностей для смягчения проблем с жильем, доступным для негров. Больше негров, чем белых с тем же уровнем дохода, живут в некачественном жилье, а негры с высокими доходами еще больше отстают от белых. В 1959 году негров с доходом до 14 999 долларов было в два раза больше в некачественном жилье, чем белых; доля лиц с доходом от 5000 до 6 999 долларов почти в три раза превышала процент белых; а доля лиц с доходом более 7000 долларов - в четыре раза превышала процент белых. Ситуация становится острой, когда мы отмечаем, что, по оценкам БВ за 1968 год, к 2000 году страна должна построить больше нового жилья, чем существует во всей стране сегодня; к существующим 60 миллионам единиц необходимо добавить еще 65 миллионов.

Разница в местоположении жилья между двумя расами со временем увеличивается все больше и больше: “Любой объективный анализ расовых жилищных моделей в Соединенных Штатах приводит, - утверждают Фрэнсис Левенсон и Маргарет Фишер, - к неизбежному выводу, что сегрегация по месту жительства — с сопутствующими ей отдельными школами, церквями, местами работы, общественными и рекреационными объектами — сегодня более распространена и более укоренилась как национальный институт, чем это было столетие или полвека назад”. Эти авторы оглядываются назад, когда “Еще в 1934 году только 5% негров в Чарльстоне, Южная Каролина, жили в кварталах, которые были на 100% небелыми, и более 40% жили в кварталах, где было более 50% белых”. А в 1910 году “Негры не только жили практически в каждом районе Чикаго, но и почти 35% из них проживали в районах, где небелых было менее 10%. ... В конце Первой мировой войны негритянские жители были рассеяны по таким городам, как Миннеаполис, штат Миннесота, и Колумбус, штат Огайо”.²³ Сегодня такие описания вряд ли применимы.

Массовое распространение расового разделения по месту жительства оставляет отчетливое впечатление фактической неизбежности, как будто эта тенденция необратима. На центральные города приходится 88,9 процента прироста негритянского населения страны. Таким образом, в период с 1960 по 1966 год в эти города въехало 2,4 миллиона чернокожих при общей численности населения 1966 года в 12,1 миллиона человек. При таких темпах их число увеличится на 72 процента, достигнув 20,8 миллиона к 1985 году; если белые покинут центральный город нынешними темпами, 95-процентная доля белых в пригородах увеличится до 96 процентов.

Негр, переезжающий в жилые кварталы, ранее принадлежавшие исключительно белым, скорее всего, вскоре окажется частью постоянно расширяющегося негритянского гетто. Когда район становится преимущественно черным, городские власти становятся все более неохотными выделять средства на образование, больницы, санитарию, защиту полиции и так далее. Личные финансовые ресурсы ограничены, поскольку банки и кредитные ассоциации не решаются рисковать капиталом за счет обитателя гетто. Основные расходы на проживание — продукты

питания, одежду, скобяные изделия и мебель — часто превышают расходы в районах, где проживает средний класс. Страховые тарифы на дом и автомобиль, как правило, выше.

Менее очевидные изменения также могут сделать жизнь негров из гетто еще более несчастной. Например, растущее использование автомобилей вместо общественного транспорта для нации в целом равносильно расовым изменениям, снижающим значимость интегрированных городских автобусов. Все больше и больше негров ездит в городских автобусах; расходы растут с потерей покровительства белых; услуги должны быть сокращены — зоны покрытия сокращаются, временные графики изменяются, маршруты становятся длиннее. Затем тарифы, конечно, “должны” быть повышены, чтобы компенсировать экономические потери. Все чаще негры пользуются общественными автобусами и, следовательно, вынуждены платить по более высоким тарифам и терпеть возросшие неудобства, неизвестные белым. Сегодня неграм требуется в четыре раза больше времени и гораздо больше средств, чтобы добраться на автобусе из Уоттса в центр Лос-Анджелеса, чем в 1950 году.

Растущая расовая поляризация по месту жительства означает, по словам отчета Renter, “постоянное установление двух обществ: одного преимущественно белого, расположенного в пригородах, в небольших городах и на окраинах, и другого, в основном негритянского, расположенного в центральных городах”.²⁴

Образование

Отсутствие улучшений, по-видимому, столь же очевидно в образовании, как и в обеспечении жильем чернокожего меньшинства Америки. Сторонники теории относительной депривации, однако, утверждают, что после решения Верховного суда 1954 года были достигнуты определенные успехи в интеграции государственного образования. Томас Петтигрю заявляет:

Государственное образование Юга больше не является жестко сегрегированным. Первые одиннадцать лет после решения Верховного суда 1954 года против сегрегации государственных школ де-юре были свидетелями медленных, но фундаментальных изменений, и осенью 1964 года 43 процента двухрасовых школьных округов Юга начали, по крайней мере, символические программы десегрегации, в результате которых каждый девятый школьник-негр с Юга учился в школах с белыми южанами. Однако непропорционально большая доля этого прогресса пришлась на южную границу. В то время как 93 процента двухрасовых школьных округов на Юге приграничья провели десегрегацию, только 27 процентов бывшего конфедеративного Юга сделали это; и хотя трое из каждых пяти негритянских детей в приграничных штатах посещали двухрасовые школы, только один из сорока семи сделал это на Юге бывшей Конфедерации. Тем не менее, есть безошибочные признаки того, что этот темп (1964 год) ускоряется.

Среднегодовое количество недавно десегрегированных школьных округов на Юге недавно увеличилось в три раза, а угроза сокращения федеральных средств на образование в соответствии с главой VI Закона о гражданских правах 1964 года оказалась эффективным стимулом. Таким образом, если первое десятилетие после постановления Верховного суда о десегрегации 1954 года можно назвать медленно развивающейся эпохой судебных постановлений, то второе десятилетие после этого постановления обещает стать несколько более быстро развивающейся эпохой Закона о гражданских правах.²⁵

Многие авторитеты считают, что достижения в области образования являются одними из самых существенных и ценных достижений негров. Отмечается, что в 1940 году белые мужчины в

среднем учились в школе на четыре года больше, чем небелые, а к 1960 году разница составила полтора года. В 1960 году почти все негритянские дети в возрасте от 7 до 13 лет были зачислены в национальные школьные системы, тогда как двадцать лет назад каждый пятый этого не делал. Шансы на то, что негр поступит в колледж, по общему признанию, лишь вдвое меньше, чем у белого, но между 1940 и 1960 годами процент поступающих в колледж удвоился. Эти цифры взяты сторонниками относительной депривации для поддержания представлений об улучшении образования чернокожих американцев в течение десятилетия 1950-1960 годов. Действительно, Леонард Брум и Норвал Гленн находят в таких статистических достижениях те самые причины "Бунта 63-го": "С улучшением образования приходят более высокие устремления и растущее недовольство более низким социальным статусом ... образование ведет к волнениям и вызывающим беспокойство амбициям".²⁰ Но что именно происходит в отношении интегрированного образования? Начнем с того, что "Восстание 63-го" произошло не в ответ на улучшение образования. Скромный прогресс, который действительно имел место в 1950-е годы, фактически застопорился, и к концу 1960-х годов началось фактическое сокращение возможностей получения образования для негров. Десегрегация государственных школ на Юге почти прекратилась: в период с 1954 по 1957 год десегрегировалось 712 школьных округов, но их число сократилось до 13 в 1958 году, 19 в 1959 году и 17 в 1960 году.²⁷ За 1960 и 1961 годы количество десегрегированных школьных округов в одиннадцати штатах Конфедерации, где "восстание" 1963 года зародилось и распространялось наиболее быстро, увеличилось только с 26 до 60.

Однако оценка уровня школьной интеграции по школьным округам искажает результаты, из-за чего десегрегация кажется более быстрой и повсеместной, чем она есть на самом деле. Согласно этому стандарту, интеграция достигается, когда любой негр поступает в любой класс любой школы школьного округа. Подобные *mc.MIRRMCI* неоправданно преувеличивают темпы школьной интеграции. Данные о зачислении студентов в разбивке по расам обеспечивают большую точность, но в то же время дают еще меньше оснований для оптимизма в отношении показателей относительной депривации.

Ру "к концу девятого года "преднамеренного ускорения" после решения Верховного суда, - пишет К. Ванн Вудворд, - менее 13 000 учеников государственных школ-негров из 2 803 882 учились в одной школе с белыми южанами".²⁸ Стало казаться, что соблюдение правил будет основано на символических: только 0,004 процента негров ранее посещали все классы для белых! Кроме того, наибольшие успехи в области комплексного образования были достигнуты в семи приграничных штатах, где к июню 1963 года государственные школы посещали 485 000 (50 процентов) негритянских детей. Но даже здесь темпы роста замедлились до менее чем одного процента в период с 1962 по 1963 год; прогноз ежегодного прироста указывает на то, что только в 21 веке интеграция достигнет 90-процентной отметки.²⁹

Чтобы противостоять тому, что перерастало в отступление, поскольку приграничные штаты прекратили школьную интеграцию, а Юг придерживался только символизма, негры подняли новую волну инакомыслия. Протест оказал определенное влияние. Относительный уровень десегрегации в государственных школах Юга увеличился. Результаты Южной службы отчетности в области образования показывают, что количество негров во всех ранее существовавших белых школах за 1967 год почти утроилось по сравнению с показателем 1966 года: в 1967 году десегрегированные школы посещали еще 305 663 негра, что составляет в общей сложности почти 500 000 человек. Это произошло в ответ на возросшую агитацию

негров, начатую в конце 1950-х- начале 1960-х годов. Поэтому вряд ли можно утверждать, что достижения в области образования подпитали “Восстание 63-го”, когда перед переворотом начались переломы, а новые успехи произошли после того, как негры возобновили свои демонстрации. Тем не менее, несмотря на увеличение интегрированного набора на Юге, в том же исследовании Службы отчетности по образованию Юга говорится, что в 1967 году во все негритянские школы поступило больше негров, чем в 1954 году, когда Верховный суд вынес свое решение; Юг увеличил число учащихся-негров, зарегистрированных в своей сегрегированной системе в 1954 году, на 400 000, достигнув в 1967 году в общей сложности 2,6 миллиона.

В школьных системах северных стран фактическая сегрегация препятствует ликвидации дискриминации и еще больше ослабляет аргумент о быстром получении образования. Образовательные системы северных городов находятся на грани превращения в сегрегированные системы, обслуживающие в основном все чернокожее школьное население. В пятнадцати крупных мегаполисах, исследованных Комиссией Соединенных Штатов по гражданским правам в 1960 году, усилилась сегрегация в начальной и средней школе.

Расследование Комиссии показало, что в крупных городах страны

— где сейчас проживают две трети как негритянского, так и белого населения страны

— школьная сегрегация более жесткая, чем предполагают данные по стране. И это растет.³⁰

Например, в Кливленде 98 процентов небелых школьников учились в школах центрального города, в то время как 69 процентов белых - в пригородных государственных школах. В системе государственных школ собственно Кливленда в 1960 году 47 процентов учащихся составляли небелые, а к 1965 году этот показатель превысил 50 процентов. В Филадельфии небелые школьники составляли 77 процентов населения городских государственных школ, в то время как в пригородных государственных школах было 73 процента белых. В 1960 году в системе государственных школ самой Филадельфии 48 процентов составляли негры; к 1965 году этот показатель достиг 60 процентов.

Проведенный Комиссией опрос семидесяти пяти начальных школ по всей стране выявил очень высокую степень сегрегации. Это количество существенно не различалось ни с Юга на Север, ни с размером школьной системы, ни с долей негров в школах.³¹ В семи из десяти крупнейших городов страны негры составляют, по крайней мере, почти большинство учащихся государственных школ. Расовая сегрегация усиливается в государственных начальных и средних школах по всей стране; с увеличением негритянского городского населения расы становятся более разделенными. Dcntlcr и Eisbcrg под эгидой Национальной конференции по равным возможностям в области образования спрогнозировали в 1967 году, что при преобладании нынешних тенденций в двадцати крупнейших городах Америки половина учащихся-негров страны будут получать образование, 80 процентов из которых будут посещать почти все школы для чернокожих.³² Негры как на Севере, так и на юге сталкиваются с “школьной системой с низкими академическими стандартами, предоставляющей второсортное образование детям из низших классов”.³³ И хотя президент Никсон заявил, что

выступает за отказ от федеральной помощи системам сегрегированных школ, он одновременно пообещал не принуждать к интеграции через суды. Такие половинчатые меры, несомненно, увековечат постоянно растущую сегрегацию в сфере образования.

Когда возникает расовая изоляция, негр, скорее всего, лишается качественного образования. По мере того как белые отделяются от негров, переезжая из города в пригород, а концентрация негров в черте города растет, расходы на образование меняются вместе с изменением численности белого населения. Покидая город, белые оставляют после себя не только трущобы, но и неполноценное школьное образование. В течение десятилетия 1950-60-х годов расходы на образование на душу населения в городе и, более конкретно, "в негритянских школьных округах внутри города снизились, в то время как на каждого белого ребенка в пригороде были потрачены значительно большие суммы. Увеличивающийся разрыв, таким образом, побуждает все больше белых бежать в лучшие школы в пригородах, тем самым во все большей степени усугубляя бедственное положение негров в сфере образования.³⁴ Данные Комиссии США по гражданским правам за 1957 год показывают, что центральные города выделяют 31,3 процента своих бюджетов на образование, в то время как пригороды выделяют на эти цели 53,8 процента. Расследование, проведенное Комиссией, показало, что в 1950 году большинство центральных городов тратили на одного ученика больше, чем школьные округа пригородов; к 1964 году ситуация практически изменилась на противоположную, поскольку пригороды начали тратить на образование больше денег, чем центральные города. Увеличивающееся неравенство в пользу пригорода, по мнению Комиссии, становится еще больше, поскольку государственная помощь на образование, как правило, направляется в пригород, а не в центр города.

Иллюзии прогресса 93

В Вашингтоне, округ Колумбия, школы с преобладанием негров получали в 1967 году 292 доллара на ученика, что ровно на 100 долларов меньше, чем 392 доллара, потраченные на каждого ученика в школах с преобладанием белых; 89 процентов учащихся в государственных школах города - негры. Сравнение белых, интегрированных и негритянских школ в Чикаго за 1962 год выявляет глубокие различия в расходах:

Таблица 1. Различия между белыми, школы в комплексная, и негр государственных Чикаго (1962)

	школ	белые	комплексного	негр
несертифицированных учителей (%)	12.00	25.00	49.00	
я'upils/classruum (среднее число)	50.95	54.95	46.80	

л библиотеке ресурсе книги/ученик	5.00	5.50	2.50
ассигнования/ученик (долл./год)	542.00	520.00	269.00
зарплаты учителей/ученик (долл./год)	256.00	251.00	229.00
1 xpenditures/ученик (кроме зарплаты учителей) (долл./год)	86.00	90.00	49.00

Источник: старший Клэр Дрейк,⁻¹³ адаптировано по таблице, используемой в государственных школах для негров и Il'its. Вашингтон, Округ Колумбия, Отчет Комиссии по гражданским правам США о гражданских правах (1962), перепечатанный здесь с разрешения издателя.

эти заметные финансовые расхождения означают фактически, если не по закону, расовую дискриминацию. Центральные районы городов выделяют примерно 300 долларов на ученика в год, пригороды - от 800 до 900 долларов.³⁴

Белые, оставшиеся в центральных городах, чаще, чем негры, отправляют своих детей в частные школы, чтобы компенсировать значительно более бедные государственные образовательные учреждения. Разбивка по 1965 году показывает высокий уровень посещаемости белыми начальной школы в негосударственных школах: 40 процентов в Сент-Луисе, 41 процент в Бостоне и более 60 процентов в Филадельфии. Из четырех миллионов учеников, посещающих непубличные начальные школы, только 140 529 были небелыми, в то время как только 44 308 небелых из более чем одного миллиона были зачислены в непубличные средние школы. Хотя в последних цифрах отсутствует разбивка по месту жительства, они четко указывают на отсутствие негров в частных образовательных организациях.

Цикл ухудшающихся обстоятельств заманивает негра в ловушку гетто, так что, несмотря на формальное образование, негр получает меньше реального образования. Качество образования снижается, несмотря на увеличение количества лет обучения в государственной системе образования. Исследование Управления образования США "Равенство образовательных возможностей" показало, что негры получают тем меньше образования, чем дольше они остаются в школе. Используя тесты на вербальные способности и достижения в чтении, было обнаружено, что негры начали учиться в школе с заметным недостатком. К шестому классу недостаток для среднего ученика-негра составлял примерно полтора класса отставания от белых. На уровне двенадцатого класса негр, как правило, успевал ниже уровня девятого класса, в то время как средний белый успевал на уровне двенадцатого класса или немного ниже.³⁷

Расширение фактической сегрегации препятствует ликвидации дискриминации в школьных системах Севера, что еще больше снижает аргументацию в пользу быстрого получения образования негром. Использование принципа соседства для распределения учащихся по школам, помимо других практик, гарантирует разделение рас. При прочих равных условиях быстрее получить интегрированное образование, если барьером является законодательный акт. Но этот "мягкий" подход терпит неудачу за пределами Юга, где существует мало правовых механизмов для преодоления фактической сегрегации. Хотя закон Северных штатов прямо

объявляет дискриминацию в сфере государственного образования незаконной, расовое разделение на Севере, тем не менее, по словам Гарольда Хоу, комиссара образования США при администрации Джонсона, “более полное и суровое, чем то, которое существует во многих маленьких южных городках”. Комиссар в середине 1966 года предсказал, что “конец сегрегации в школах Севера наступит не скоро”. И он продолжил: “Более того, мы сталкиваемся с опасностью того, что на Юге будут развиваться модели фактической сегрегации по мере исчезновения старой системы двойного школьного образования и по мере того, как все больше несчастных белых семей будут бежать в пригороды растущих городов, чтобы избежать интегрированных школ”.³⁸ Нью-Йоркское гетто для чернокожих Бедфорд-Стайвесант подтверждает точку зрения Хоу: в нем есть

450 000 человек — столько же, сколько все население Цинциннати, что превышает численность всего штата Вермонт, — но в нем есть только одна средняя школа, отсев из которой составляет 80 процентов. По мере того, как нация движется к расовому разграничению, вопрос об интегрированном образовании с его косвенным следствием улучшения образования остается в лучшем случае в подвешенном состоянии и, несомненно, указывает на новое национальное кредо в отношении подпитки расизма. Сознательно или нет, говорится в отчете Кернера, нация делает выбор в пользу “предоставления многим негритянским детям некачественного образования в школьных системах с расовой сегрегацией, что серьезно ограничивает их возможности на протяжении всей жизни”.³⁸

Цифры, свидетельствующие о значительном увеличении числа негров, получающих высшее образование, также вводят в заблуждение. Ключевым фактом является то, что более половины негритянских студентов колледжей посещают преимущественно негритянские учебные заведения. В приграничных штатах 41 процент негритянских студентов колледжей обучается в преимущественно белых учебных заведениях; в “символических штатах”, таких как Арканзас,

Во Флориде, Северной Каролине и Техасе - только 11 процентов; а на глубоком Юге - всего 3 процента”.¹⁰ Это означает, что большинство негров не посещают лучшие университеты страны. В крупных университетах Севера, Юга, Востока или Запада негров немного. Действительно, в 1968 году во всех американских университетах было больше студентов-иностранцев, чем негров.⁴¹

Столь значительный прирост, зафиксированный при упоминании удвоения числа негров в кампусе с 1940 года, просто создает ощущение, а не суть заметного улучшения. В 1967 году 300 из общего числа 17 621 человек, обучавшихся в пяти кампусах Университета Алабамы, были неграми, и только 93 из них смешивались с 11 000 белыми в главном кампусе в Таскалусе, что составляло чуть менее одного процента. Но также, только 2,6 процента студентов престижного Колумбийского университета — 71 из 2700 — были неграми; в комплексе Гарвард-Рэдклифф обучалось 200 студентов-негров из 6000, или 3,3 процента, в то время как в самом Гарварде их было 200 (1,4 процента) из 15 000; в Техасском университете, красном пятне высшего образования штата, среди 29 000 студентов было 250 (0,9 процента) негров. В общей сложности 80 (0,4 процента) негров населяли 23 000 кампусов государственного колледжа Сан-Хосе, крупнейшего из 18 колледжей штата Калифорния, в то время как Калифорнийский университет в Беркли насчитывал от 400 (1,5 процента) до 500 (1,8 процента) негров из 28 000. В Висконсине обучалось примерно 300 человек (0,9 процента) из 33 000 студентов. В Мичиганском университете, выдающемся учебном заведении среднего Запада, училось немногим более

одного процента негров - 350 из 30 000. Таким образом, один процент зачисления негров в Университет Миссисипи — 70 из 6850 - превысил уровень интеграции на Западе в Государственном колледже Сан-Хосе и на Среднем Западе в Университете Висконсина, в то же время приблизившись к Калифорнийскому университету в Беркли на Западе, Мичиганскому университету на Среднем Западе и Гарварду на Востоке. Клайд Фергюсон-младший, декан юридической школы Говарда, заявил, что всего 543 студента юридического факультета были неграми из общего числа 54 265 человек по всем США в 1967 году. В 1968 году в белых кампусах численность чернокожих студентов составляла менее двух процентов.

Небольшой процент негров в преимущественно белых кампусах подчеркивает растущее разочарование чернокожих коллег. Восстания 1968-1969 годов в Государственном колледже Сан-Франциско, в конечном итоге охватившие некоторых белых диссидентов и другие этнические меньшинства, несомненно, отражают ситуацию с зачислением. В 1965 году в государственном колледже Сан-Франциско было 11 процентов чернокожих учащихся, которые к началу 1968 учебного года сократились менее чем до четырех процентов. Это сокращение, независимо от заслуг, вряд ли могло остаться незамеченным как черными, так и белыми, и, возможно, послужило фактической основой для расистских обвинений, выдвинутых как против белых преподавателей, так и против студентов.

Существуют и другие причины, вызывающие серьезные сомнения в том, что цифры отражают улучшение на уровне колледжа в большей степени, чем продвижение на уровне средней школы. Один источник утверждает:

Почти треть из ... [106 преимущественно негритянских колледжей и университетов по всей территории США] являются неаккредитованными учреждениями, которые, вероятно, не предлагают работу на уровне колледжа. Еще около трети имеют аккредитацию, но посредственную. Менее трети выгодно отличаются даже от заурядных небольших устаревших и частных колледжей, в которых преобладают белые. Несколько негритянских колледжей и университетов являются хорошими, хотя и не превосходящими: Университет Говарда в Вашингтоне, округ Колумбия; Университет Фиска в Нэшвилле, Теннесси; Университетская система Атланты; и, возможно, два или три других.⁴²

Десегрегированное высшее образование часто означает меньшие возможности получения качественного образования для негров. С десегрегацией лучшие преподаватели колледжей и университетов покидают полностью негритянские учреждения в пользу более высокооплачиваемых, лучше оснащенных государственных университетов, тем самым лишая негритянские колледжи наиболее квалифицированных негритянских профессоров. Более способные негритянские студенты поступают точно так же: они отказываются оставаться в негритянских колледжах низшего уровня и переходят в учебные заведения для белых. Переезд студентов лишает менее способных негритянских студентов негритянских колледжей общения с лучшими представителями своего цвета кожи. Ситуация влечет за собой потерю аккредитации, лишение средств — поскольку лучшие студенты, скорее всего, происходят из более богатых негритянских семей — и серьезную потерю морального духа.

Казалось бы, большее число негров могло бы посещать государственные университеты из-за более низкой платы за обучение по сравнению с более высокими ставками, требуемыми частными негритянскими колледжами. Фактически, снижение стоимости обучения не привлекает большое количество негров. Большинству негров не хватает средств даже для

финансирования обучения в государственном колледже, но что более важно, так это конкуренция, с которой негры сталкиваются с белыми студентами. Не имея достаточной подготовки, даже самый умный ученик-негр сталкивается с трудностями в интегрированном классе. Хотя точных статистических данных о неудачах нет, небольшой набор учащихся убедительно указывает на неспособность выжить; многие поступающие негры не заканчивают высшие учебные заведения, в которых преобладают белые.

Достижения негров в области образования теряют свою значимость еще по одной причине. Как раз тогда, когда рушатся юридические барьеры, Белая Америка повышает образовательные стандарты для принятия на работу. "... в тот самый момент, когда страна начала демонстрировать острое осознание проблем подготовки негров к лучшей работе, - пишет Сэмюэл Д. Проктор, - и в то время, когда негры делают самые решительные заявления о равном отношении, мы обнаруживаем, что стандарты становятся все выше и выше, а наши возможности по подготовке наших [негритянских] студентов не улучшаются пропорционально".⁴³

Необоснованный оптимизм, столь распространенный сегодня, не нов; он похож на необоснованный анализ, выдвинутый Робертом Р. Мотоном в 1929 году. 40 лет назад Мотон ликующе воскликнул по поводу ошибочных утверждений сторонников относительной депривации: "В качестве обобщения можно сказать, что этот прогресс (достигнутый американскими неграми до 1930 года) сделал не меньше, чем что-либо другое, для создания значительно возросшего расового сознания в негритянской расе в целом, что заметно со всех сторон".⁴⁴ И, подобно своему современному коллеге, он сразу обратил внимание на безудержный рост образовательных достижений среди негров: "Символом прогресса и достижений является тот факт, что с момента эмансипации сорок три негра в Америке были приняты в высшие учебные заведения. на степень доктора философии ведущих институтов для белых в этой стране и за рубежом и что восемьдесят восемь молодых негритянских мужчин и женщин были избраны в Фи Бета Каппа".⁴⁵ Общее число 131 негра из 12 миллионов в 1929 году вряд ли является поводом для большого оптимизма!

ДОХОД

Можно было бы ожидать значительного повышения доходов негров, быстро продвигающихся в мейнстрим-Америку. Мы снова цитируем Томаса Петтигрю, который резюмирует ситуацию следующими словами:

В последние годы возможности трудоустройства негритянской молодежи постепенно расширялись в профессиональных и канцелярских категориях, а также в более традиционных сферах обслуживания; и небелые мужчины добились успехов несколько быстрее, чем белые мужчины, в течение 1950-х годов как в профессиональной, так и в оперативной классификации должностей. . . .

Эти тенденции, в свою очередь, приводят к увеличению доходов. С 1950 по 1960 год средний годовой доход отдельных небелых людей в возрасте четырнадцати лет и старше вырос на 54 процента, а небелых семей - на 73 процента. Негритянский средний класс рос; процент небелых семей, зарабатывавших 6000 долларов и более в 1961 году, то есть 20 процентов, был более чем в пять раз больше, чем в 1945 году. В результате покупательная способность негров превратилась в мощный фактор даже на Юге.^{41*}

Но другие соображения, многие из которых признает сам Петтигрю, сводят на нет достижения, о которых он говорит. Например, большее число лиц в негритянской семье должно быть занято, чтобы обеспечить общий прирост доходов; по крайней мере, два наемных работника встречаются в 90 процентах цветных семей с годовым доходом, превышающим 10 000 долларов.⁴⁷ Наиболее важным является тот факт, что доходы как белых, так и негров выросли за последние годы, но доходы белых выросли настолько, что разрыв между расами также увеличился. За пятнадцатилетний период с 1949 по 1964 год средний годовой доход небелых семей вырос с 1650 до 3800 долларов, в то время как у белых он вырос с 3200 до 6800 долларов. По мере увеличения годового дохода представителей обеих рас разница становилась все больше: в 1949 году разница в среднем доходе составляла менее 1600 долларов; к 1964 году она составила более 3000 долларов. Расхождение не между достижениями и стремлениями, а между черным и белым. Брум и Гленн согласны с Петтигрю в том, что был достигнут "существенный профессиональный рост и доход". Но они тоже, похоже, не осознают, что подрывают свой собственный тезис, говоря, что "разрыв [между экономическим статусом негров и белых] не сильно сократился".⁴⁸

Если бы некоторые негры получали больше образования, разумным выводом было бы то, что они увеличили свои доходы. Таблица 2, однако, показывает "прямо противоположную взаимосвязь: когда негры повышают уровень образования, они получают меньший доход, чем белые при том же или более низком уровне дохода".

Таблица * 2. СООТНОШЕНИЕ СРЕДНЕГО ДОХОДА НЕБЕЛЫХ К БЕЛЫМ (1949; 1950): МУЖЧИНЫ США В ВОЗРАСТЕ 25 ЛЕТ И СТАРШЕ В РАЗБИВКЕ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ

Коэффициенты дохода

Школьные годы закончены I млн. IVSlI

Нанк	.68	.66	
Элементарно: 1-4	.54	.80	
J-7	.70	.73	
8	.72	.73	Средняя школа:
1-3	.67	.65	.65
4	.68	.68	
Колледж: 1-3	.64	.66	
44-	.59	.62	

Источник: Броору и Гленн;⁴⁹ рассчитано на основе отчетов переписи населения США и перепечатано с разрешения издателя.

Только категория “начальная школа 1-4” демонстрирует значительный рост с 1949 по 1959 год. К 1963 году негр, прошедший некоторое время в колледже, получал меньше, чем белый, проучившийся всего восемь лет в начальной школе; негр, получивший образование в колледже, зарабатывал лишь немногим больше, чем белый выпускник средней школы.⁵⁰

РАСТУЩИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ

Факты о жилье, образовании и доходах не только опровергают представления о существенных выгодах для негров в Америке, но и события не подтверждают заявления об улучшении положения. Кливлендский бунт 1965 года, например, предоставляет прекрасную возможность для проверки анализа относительной депривации возросшего недовольства негров, вытекающего из предполагаемых улучшений. Чуть более чем за год до беспорядков, в апреле 1965 года, Бюро переписи населения провело специальное исследование положения негров в городе. Данные, приведенные в настоящем отчете, по сравнению с информацией, собранной для переписи населения 1960 года, указывают на неуклонный рост численности значительного числа негров из Кливленда и, в то же время, на существенное ухудшение положения многих других. Разрыв внутри негритянской общины заметно увеличился в период с 1960 по 1965 год. Учитывая недвусмысленный и хорошо документированный разрыв между богатыми и бедными, мы могли бы спросить: инициировали ли бунт негры, добившиеся заметных успехов, или это были негры, жизненное положение которых ухудшилось за пятилетний период? Согласно теории относительной депривации, негры, чья судьба улучшается, должны быть в авангарде восстания. —

Уолтер Уильямс,⁵¹ используя материалы переписи населения 1960 и 1965 годов, разработал три категории для своего социально-экономического анализа негритянского населения Кливленда: “окрестности” для девяти беднейших районов Кливленда; “Кризисное гетто” для четырех худших районов (практически полностью негритянских) “Окрестностей”; “остальная часть Кливленда” для той части негритянского населения Кливленда, которая не была охвачена двумя предыдущими категориями, которые оказались жилыми районами среднего и высшего класса. Выводы Уильямса резюмируются следующим образом:

Для кризисного гетто:

⁴ Средний разрыв в реальных доходах между Кризисным гетто и остальными пятью секциями Района увеличился. В 1960 году средний доход кризисного гетто колебался от 3170 до 4900 долларов; в 1965 году он снизился до диапазона от 3000 до 4160 долларов. Средний доход в других пяти районах, составляющих Район, несколько улучшился: с 5450 до 6230 долларов в 1960 году, с 5460 до 6500 долларов в 1965 году.

* Реальный доход снизился на 2 процента в семьях, возглавляемых мужчинами, и на 15 процентов в семьях, возглавляемых женщинами.

⁴ Уровень безработицы в 1965 году был выше, чем в 1960 году; безработными были 14,6 процента мужчин и 17,2 процента женщин — почти в три раза больше, чем в среднем по городу в целом.

⁴ Доля тех, кто живет в бедности, увеличилась с 36 до 40. ⁴ Число семей, возглавляемых негритянскими женщинами, увеличилось на 8 процентов; число детей в таких семьях увеличилось на 25 процентов.

⁴ Число детей в бедных негритянских семьях, возглавляемых женщинами, выросло на 30 процентов; 17 000 из 21 000 детей в семьях, возглавляемых женщинами, жили ниже уровня бедности.

⁴ В то время как процент семей, возглавляемых женщинами, увеличился и в них появилось больше детей, живущих в бедности, чем когда-либо прежде, доход таких домохозяйств снизился с отметки 1960 года в 2300 долларов до 1950 долларов. Это означает, что средняя семья Кризисного гетто, возглавляемая женщиной, имела еженедельный доход чуть более 37,50 долларов.

⁴ В 1965 году бедных детей было на 3900 больше, чем в 1960 году, хотя общее население гетто сократилось на 36 000 человек.

⁴ Бедняки составляли 25 процентов кризисного гетто, в пять раз больше, чем в Остальной части Кливленда.

За пределами Кризисного гетто и окрестностей:

⁴ Негры Кливленда, проживающие за пределами Кризисного гетто и окрестностей, добились наибольших экономических успехов среди всех групп населения города; к 1965 году их численность увеличилась почти вдвое, превысив 22 000 человек из 1960.

⁴ За пятилетний период уровень бедности среди всех негров за пределами Кризисного гетто снизился на 38 процентов, в то время как уровень бедности белых по всему городу снизился всего на 12 процентов. ⁴ В то время как доход негритянской семьи, возглавляемой женщинами, в оставшейся категории немного снизился до 3 процентов, доход негритянской семьи, возглавляемой мужчинами, в оставшейся категории увеличился на 14 процентов.

Беспорядки произошли в одном из самых депрессивных негритянских районов Кливленда, в районе, пораженном бедностью, точнее, в районе, который становится все более бедным. Это было в районе Хаф, одном из четырех Кризисных гетто, где началось восстание негров. И именно в Хафе доход снизился с 4732 долларов в 1960 году до 3966 долларов в 1965 году — снижение на 16,2 процента всего за пять лет.⁵² Основываясь на опросах, охватывающих период 1960-1965 годов в Южном Лос-Анджелесе (включая район Уоттс), Уильямс считает, что его анализ данных переписи населения Кливленда применим к беспорядкам в Уоттсе в 1965 году.

Для Южного Лос-Анджелеса:

⁴ негритянские семьи, возглавляемые женщинами, составляли в 1965 году больший процент бедных, чем в 1960 году, увеличившись с 37 до 48 процентов; число членов таких семей подскочило до 9500, что на 25 процентов больше.

⁴ Средний доход снизился на 8 процентов; число бедных увеличилось.

⁴ Ухудшение состояния жилья.

⁴ Безработица выросла с 12,6 до 19,7 процента.

В пределах собственно ватт:

⁴ В 1965 году безработица среди мужчин составляла 30%, общая безработица - 13%.

⁴ В 1965 году 58 процентов мужчин составляли рабочую силу, что на 70 процентов меньше, чем в 1960 году.

Со времен бунта в Уоттсе, по самым высоким оценкам, количество новых рабочих мест по состоянию на начало 1966 года — без учета потери рабочих мест — составляло менее 1000; к середине 1967 года, по федеральным оценкам, каждый третий трудоспособный человек, проживающий в районе беспорядков, был либо безработным, либо частично занятым. Акции помощи выросли на 34 процента. В отчете калифорнийского КЕРС за середину 1966 года говорилось о снижении покупательной способности семей в Южном Лос-Анджелесе на 400 долларов с 1961 года, а безработица среди мужчин составила 31 процент; в самом Watts, как отмечалось в этом отчете, уровень безработицы достиг 41 процента.

Исчерпывающий отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам за 1968 год подтверждает общий вывод о том, что беспорядки инициируются более подавленными, а не более богатыми неграми. Вот описание участников беспорядков в отчете:

Кипрским бунтовщиком летом 1967 года был негр, неженатый мужчина в возрасте от 17 до 24 лет, во многих отношениях сильно отличавшийся от стереотипов. Он не был мигрантом. Он родился в штате и всю жизнь проживал в городе, в котором произошли беспорядки. Экономически его положение было примерно таким же, как у его соседей-негров, которые не принимали активного участия в беспорядках.

Хотя он, как правило, не заканчивал среднюю школу, он был несколько образованнее среднего негра из пригорода, по крайней мере, какое-то время посещал среднюю школу.

Тем не менее, он, скорее всего, работал на черной или низкооплачиваемой работе в качестве неквалифицированного рабочего. Если Ли и был нанят, то работал не полный рабочий день, и его занятость часто прерывалась периодами безработицы.

Он твердо уверен, что заслуживает лучшей работы и что ему не дают ее получить не из-за отсутствия подготовки, способностей или амбиций, а из-за дискриминации со стороны работодателей.

Он отвергает стереотип белого фанатика о негре как о невежественном и бездельничающем, хотя и очень гордится своей расой и считает, что в некоторых отношениях негры превосходят белых. Он крайне враждебен к белым, но его враждебность скорее является продуктом социального и экономического класса, чем расы; он почти в равной степени враждебен к неграм среднего класса.

1 Он значительно лучше информирован о политике, чем негры, которые не участвовали в беспорядках. Он, скорее всего, будет активно участвовать в усилиях по защите гражданских прав, но крайне не доверяет политической системе и политическим лидерам.⁵³

Этот портрет типичного бунтовщика вряд ли соответствует идеалу недовольного негра, сформулированному сторонниками относительных лишений. По их мнению, более

образованные, лучше обеспеченные, с более высоким доходом и в целом принадлежащие к среднему классу негры в наибольшей степени осознают расовое насилие и, следовательно, с наибольшей вероятностью бросят вызов социальной системе и, при необходимости, разрушат ее. Дело обстоит иначе:

Он был типичным борцом с беспорядками, который рисковал получить увечья и быть арестованным, чтобы ходить по улицам, призывая бунтовщиков "остыть", был активным сторонником существующих социальных институтов. Например, у него было гораздо больше шансов, чем у любого другого бунтовщика из числа невмешанных, почувствовать, что эту страну стоит защищать в большой войне. Его действия и отношение отражали его значительно большую заинтересованность в социальной системе; он был значительно более образован и состоятелен, чем бунтовщик или непричастный к нему человек. Вероятность того, что он был мигрантом, была несколько выше, чем у бунтовщика, но менее вероятна, чем у невмешанного. Во всех других отношениях он был идентичен невовлеченному.⁵¹

Более того,

Хотя доход не отличает участников беспорядков от тех, кто не был вовлечен, он отличает сторонников массовых беспорядков от участников беспорядков и непричастных. Менее 9 процентов как тех, кто участвовал в беспорядках, так и тех, кто предпочел не участвовать в них, зарабатывают более 10 000 долларов в год. Тем не менее, почти 20 процентов участников борьбы с беспорядками зарабатывали эту сумму или больше. Фактически, в детройтском опросе не было ни одного мужчины, который, по собственным данным, выступал против бунтарей и зарабатывал менее 3000 долларов в год . . . Хотя крайняя бедность не обязательно подталкивает мужчину к бунту, относительный достаток, по крайней мере, удерживает его от нападков на существующий социальный порядок и может мотивировать его идти на значительный риск, чтобы защитить его.⁵⁵

Действительно, в Отчете обнаружено . . . высокий уровень образования и доходов не только предотвращает беспорядки, но, скорее всего, приведет к активному, ответственному противодействию беспорядкам".⁵⁶ Даже сторонники относительной депривации подчеркивают, что если темпы "улучшения" продолжатся, то:

- Негритянские мужчины будут полностью интегрированы в профессиональную, техническую и родственную работу к 2490 году (530 лет с 1960 года), если темпы 1940-1960 годов сохранятся.⁵⁷
- Негритянские мужчины будут полностью интегрированы в качестве менеджеров, должностных лиц и собственников к 2375 году (415 лет с 1960 года), если темпы 1940-1960 годов сохранятся.⁵⁶
- Негритянские мужчины будут полностью интегрированы в качестве торговых работников к 2230 году (через 270 лет после 1960 года), если темпы 1940-1960 годов сохранятся.⁵⁶
- Десегрегация школ в одиннадцати штатах Конфедерации будет полностью осуществлена к 2460 году (500 лет спустя после 1960 года), если темпы 1954-1964 годов сохранятся.⁶⁰
- Средний доход семьи по отношению к доходу белых, наконец, достигнет 100-процентной отметки к 2410 году (через 450 лет после 1960 года), если темпы роста 1950-1960 годов сохранятся.⁶¹

МИФИЧЕСКИЕ ВЫГОДЫ

В отсутствие улучшений возникает чувство отчаяния, безнадежности, которое подрывает возможность перемен с помощью упорядоченных процедур. Неудачи, а не прогресс разжигают насилие среди негров. Черные восстания мотивированы отчаянием, полной тщетностью, а не надеждой. Утрачена вера в то, что Америка когда-либо будет соблюдать демократические принципы. Чернокожие сотни лет искали мирное решение, но, как говорит Роберт Уильямс, “Упорядоченный социальный процесс был загнан в тупик диким [белым] насилием и грубой силой”.⁸²

Умеренные и радикалы в равной степени осуждают Белую Америку. Слейтер Кинг, лидер движения “Олбани, Джорджия” в 1961 году, говорит: “По моим наблюдениям, большинство чернокожих жителей Олбани разочарованы, напуганы и озлоблены. ... Если правительство продолжит свою политику уклончивости и свои постоянные попытки умиротворить сегрегационистов, которые занимают высокие посты по всей стране, белые и черные встретятся на том, что, я боюсь, станет полем кровавой битвы”. Рост насилия, группировок “черной власти” и воинственных требований указывает на то, что мы не можем ожидать, что предстоящие годы будут просто продолжением десятилетия 1950-1960-х годов. Настроения резко изменились. Преподобный Джесси Джексон, последователь Мартина Лютера Кинга и убежденный сторонник ненасилия, сказал накануне 1969 года: “Наш выбор не между насилием и ненасилием, а между существованием и уничтожением”. Хотя сам Джексон придерживается ненасильственных взглядов, он рассматривает проблему во многом как некоторые чернокожие боевики; он выражает выбор негров с настойчивостью и в терминах, не известных в 1950-х годах.

Несмотря на множество противоречивых фактов, сторонники “относительной депривации”, как ни странно, стремятся отстаивать свою теорию. Действительно, факты каким-то образом проникают даже в круг сторонников. Томас Петтигрю, например, говорит, что “суровая правда заключается в том, что недавний прогресс негров и близко не приближается к сокращению разрыва между двумя расами”,⁸³ и “абсолютные достижения 1950-х бледнеют по сравнению с нынешними стандартами белых”.^{М.} Пьер ван ден Брэгг признает, что “изменения впечатляют только по консервативным стандартам”, но, по сути, он не позволит негру утверждать, что прогресс был медленным. Ван ден Берге рассматривает возросшие требования негров к уступкам белым как убедительное доказательство “революции растущих ожиданий”⁸⁵, а не подлинного недовольства. Взгляды Сеймура Липскта,⁸⁹ Дж. У. Вандерсона,⁹⁷ и Брума и Гленна содержат аналогичные противоречия. Брум и Гленн, например, отвергают само достижение, столь важное для их гипотезы:

Американцы-негры находятся на беговой дорожке. Они должны продолжать опережать белых в образовании и профессии просто для того, чтобы оставаться на том же расстоянии от них по доходам. Несомненно, это условие отрицательно сказывается на моральном духе негров. Многим неграм становится все труднее находить и удерживать работу, и многие из тех, кому удается оставаться занятыми, зачастую не участвуют в общем росте реальных доходов в Соединенных Штатах.⁶⁸

На самом деле, они продолжают,

Для большого процента, возможно, большинства, негров будущее не радужное, но хорошо образованные и квалифицированные люди могут рассчитывать на быстрое продвижение.^{1*}

Следует, однако, отметить, что анализ Брума и Гленна исключает даже оптимистичный прогноз в отношении "образованного" и "квалифицированного" негра. Авторы отмечают, что "В 1959 году самый большой разрыв между доходами небелых и белых был на самом высоком образовательном уровне". "Это различие, - объясняют они, - возможно, частично отражает большую разницу в средней квалификации на более высоких уровнях".⁷⁰ И, совершенно очевидно, различия в квалификациях "на более высоких уровнях" отражают, по большей части, дискриминационное образование.

Теория относительной депривации не только неприменима к анализу переживаний американских негров после Второй мировой войны в целом и недавнего усиления расовой вражды в частности, но и имеет ряд серьезных методологических недостатков, которые нельзя упускать из виду. Вообще говоря, сторонники относительной депривации полагаются на официальные исследования, показывающие, например, что негры с высокими образовательными достижениями имеют более высокие устремления; затем они утверждают, что негры, улучшающие свое образование, желают еще большего продвижения. Но такой вывод неоправдан. Самое большее, что можно сказать о таких вопросах отношения, - это то, что люди с определенным уровнем образования проявляют большую неудовлетворенность, чем люди с более низким уровнем образования. Исследования имеют дело не с одними и теми же людьми, а скорее с разными группами людей; они не следуют за одними и теми же людьми по континууму, измеряя меняющиеся состояния ума по мере достижения более высоких уровней образования. Следовательно, данные не будут подтверждать предположение о том, что у человека, получающего больше образования, одновременно будет расти недовольство. Вполне возможно, что люди с большей неудовлетворенностью получают образовательные степени. Также недостаточно, как это часто делается, сообщать о социальном происхождении негров, участвующих в протестах и сидячих забастовках, чтобы поддержать идею растущих ожиданий; необходимо продемонстрировать, что, когда негр испытывает определенные стили улучшения, он отказывается от одного набора стремлений ради другого. Сторонники относительной депривации не в состоянии этого сделать. Вместо этого они просто заявляют:

В целом, культурная ассимиляция американских негров, возможно, ускорила в последние годы, и это является основной причиной растущего протеста негров. Во все большей степени негры перенимают ценности и устремления других американцев, и теперь они требуют права свободно преследовать эти цели.⁷¹

Что изменилось в протесте? Являются ли негры сегодня менее требовательными, чем во времена рабства? Менялись ли устремления негров на протяжении веков и от поколения к поколению? Вряд ли это так! Устремления негров в целом существенно не изменились. С самого основания нации негры призывали белых соблюдать принципы жизни, свободы и стремления к счастью. Действительно, еще во время Американской революции негры агитировали за полные права:

Это была война за независимость, которая сама по себе дала неграм их первое важное оружие, оружие, которое со временем и развитием судебной системы приобретет глубокое режущее преимущество. Абсолютная абсурдность того, что два с половиной миллиона белых американцев кричат "Свобода или смерть", поработав три четверти миллиона черных, не ускользнула от внимания самих черных, которые внимательно отнеслись к Декларации независимости и задавались вопросом — все более громким — почему ее условия не должны

применяться к ним. В 1777 году несколько негритянских рабов обратились в Палату представителей Массачусетса с петицией о своей свободе и постарались подчеркнуть мораль недавней войны, используя те самые аргументы и фразы, которые вдохновили революционных лидеров.⁷²

Во время войны за независимость негры хотели — а затем боролись - за демократические идеалы американской войны за независимость. И первоначальный импульс так и не был полностью искоренен среди американских негров.

28 сентября 1829 года Дэвид Уокер опубликовал то, что сейчас называется “Воззвание Уокера”, осуждение рабства и призыв к справедливости, настолько горький, что квакер и выдающийся лидер борьбы с рабством Бенджамин Ланди сказал: “... более смелой, дерзкой, подстрекательской публикации, возможно, никогда не выходило в прессе ни в одной стране”.⁷³ Фактически, настолько, что тот же Бенджамин Ланди поспешил добавить: “Я могу сделать не что иное, как наложить на нее самую широкую печать осуждения”.⁷⁴ Никаких свидетельских показаний ни до, ни после этого. был более радикальным по содержанию, цели и стратегии, чем призыв Уокера. Уокер не удовлетворился бы ни чем иным, как признанием себя человеком, даже если бы негру, возможно, пришлось прибегнуть к насилию, чтобы привести Белую Америку к осознанию:

Относитесь к нам как к мужчинам, и никакой опасности не будет, но мы все будем жить в мире и счастье вместе. Ибо мы не такие, как вы, белые американцы, я, с добрым сердцем, безжалостные и неумолимые. Какой счастливой будет эта страна, если белые прислушаются. Какой народ под небесами сможет что-либо сделать с нами, если Бог не предаст нас в его руки? Но, американцы, я заявляю вам, пока вы держите нас и наших детей в рабстве и обращаетесь с нами как с животными, чтобы заставить нас поддерживать вас и ваши семьи, мы не можем быть вашими друзьями. Ты ведь не ищешь этого, не так ли? обращайся с нами (курицей) как с мужчинами, и мы будем твоими друзьями. И у меня нет ни малейшего сомнения в том, что все прошлое канет в лету, а мы все же, под властью Бога, станем единым и счастливым народом. Белые могут говорить, что это невозможно, но помните, что для Бога нет ничего невозможного.⁷⁵

Если отбросить религиозные отсылки, то нет слов, превосходящих по интенсивности цель, осуждение и призыв к исправительным действиям, чем слова Дэвида Уокера о притеснении белых по отношению к чернокожим. Тем не менее, почти сто лет спустя, другой откровенный и страстный негритянский лидер, Маркус Гарви, заявил о стремлении негров:

Двести пятьдесят лет мы были расой рабов; пятьдесят лет мы были расой паразитов. Теперь мы предлагаем покончить со всем этим. Больше никакого страха, никакого раболепия, никакого лживого попрошайничества; негр должен привести нас к ... той свободе, которая выделит нас среди людей, которая сделает нас великим и могущественным народом.⁷⁶

Гарви выступал за другое решение — разделение рас и даже возвращение в Африку для тех, кто мог бы это сделать, — но в чем, в качестве обобщения, заключается сдвиг в целях Дэвида Уокера и Маркуса Гарви за столетие?

В Америке до Гражданской войны Фредерик Дуглас, выдающийся негритянский лидер того времени, заявил то, что во многом повторил бы другой великий лидер, Мартин Лютер Кинг-младший. В 1852 году Дуглас смело заявил:

1 будет выступать в защиту негра, его самого полного принятия в великую национальную семью Америки. Я буду требовать для него самого совершенного гражданского и политического равенства, и (шляпа) он должен пользоваться всеми правами, привилегиями и иммунитетами, которыми пользуются любые другие члены политического органа. Я взвешиваю свои слова, и я имею в виду все, что я говорю, когда утверждаю так, как утверждаю я, что (его) решение является единственным надежным и окончательным решением стоящей перед нами проблемы.⁷⁷

Столетие спустя, в своей речи 1963 года на Марше в Вашингтоне, Кинг высказал примерно ту же мысль — Америке еще предстоит выполнить свое обещание, претворить в жизнь свои демократические принципы:

Но сто лет спустя негр все еще не свободен. Сто лет спустя жизнь негра по-прежнему печально искалечена оковами сегрегации и цепями дискриминации.

Сто лет спустя негр живет на одиноком островке бедности посреди бескрайнего океана материального процветания. Сто лет спустя негр все еще томится в закоулках американского общества и оказывается изгнанником на своей собственной земле. Итак, мы собрались здесь сегодня, чтобы драматизировать постыдное положение вещей.⁷⁶

Эти два национальных лидера говорили об одних и тех же лишениях — справедливости, равенстве и свободе. И хотя отмена рабства представляла собой поистине монументальное событие, столетие спустя Кинг настаивал на достижении тех же целей, над которыми работал Дуглас и которых он предположительно достиг.

В 1915 году, в период закрепощения американских негров, а не активной деятельности, У. Э. Б. Дюбуа писал:

Американский негр требует равенства - политического, промышленного и социального; и он никогда не удовлетворится меньшим. Он требует этого не в духе хвастовства и без подобострастной зависти к другим, а как абсолютную меру самозащиты и единственную, которая обеспечит темным расам (наследникам) окончательное выживание на земле.

Только при требовании и постоянном требовании существенного равенства в современной сфере человеческой культуры любой народ может проявить настоящую расовую гордость и достойное самоуважение.^{7*}

Выражения Дюбуа времен Первой мировой войны были снова услышаны во время военного исследования А. Филипа Рэндольфа 1942 года о Вашингтоне, округ Колумбия:

Мы требуем, в интересах национального единства, отмены всех законов о цвете кожи или национальном происхождении. Это означает конец Джима Кроу в сфере образования, жилья, транспорта и любых других социальных, экономических и политических привилегий; и особенно мы требуем в столице страны прекращения любой сегрегации в общественных местах и в государственных учреждениях.

ВВЦ требует принятия законодательства для обеспечения соблюдения Пятой и четырнадцатой поправок, гарантирующих, что никто не может быть лишен жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры . . .⁸⁰

Эти цели негров во время первой и второй мировых войн обнаруживают не меньше и не больше устремлений, чем существуют сегодня; было бы трудно утверждать, что негры беспокойного десятилетия, с 1950 по 1960 год, превзошли или уступили этим пунктам, набранным спонсорами Марша на Вашингтон десятилетием ранее, или требованиям Дюбуа пятью десятилетиями ранее.

Перспектива относительной депривации явно неисторична. Она основана на исследованиях социальных характеристик современных негров, а не на анализе ситуации за длительный период времени. Следовательно, сторонники относительной депривации упускают из виду постоянные усилия поколений негров и ошибочно заключают, что только сейчас чернокожие стремятся к немедленному и полному принятию на равных с белыми условиях. Их ограниченный анализ искажает природу беспокойства среди негров. Сегодняшние цели всегда присутствовали в умах, сердцах и действиях негритянского народа.

Если мы посмотрим на добившихся успеха негров, обнаружим ли мы больше инициативы, чем проявили другие? Другой исторический обзор выявляет свидетельства, противоречащие тезису о том, что улучшение стимулирует неудовлетворенность. Существует множество примеров, когда негры соглашались с минимальными достижениями и сразу же не стремятся к дальнейшим достижениям, празднуя то, что они считают победой, вместо того, чтобы настаивать на большем. Прогрессивные движения часто становятся вдохновляющими событиями, заставляя группу слишком рано ожидать окончательного принятия. Один из таких примеров произошел во время “беспокойного десятилетия”, на которое так часто ссылаются сторонники относительной депривации:

Между 1950 и 1954 годами ... некоторые (цветные) мужчины с невероятным оптимизмом объявили о скором исчезновении негров. В “Детройт Ньюс” говорилось о “возможном исчезновении” полностью белых кварталов в этом городе. Цветная методистская церковь и несколько других организаций встретились и торжественно удалили слово “цветной” из своих названий. В соответствии с духом расовой экumenичности некоторые негритянские писатели объявили, что отныне они будут писать о людях, а не о неграх. По крайней мере, один выдающийся романист публично заявил, что покончил с расовой борьбой, и несколько его коллег отказались, насколько это было возможно, от участия в гонке. Чарльз С. Джонсон, выдающийся негритянский социолог, который в то время был президентом Университета Фиска, озвучил доминирующую ноту того периода в речи 1953 года. “Мы переходим, - сказал он, - от расового общества во многих отношениях к обществу человеческих отношений”.¹¹¹

И негритянский народ, и их лидеры выступали с докладами, полными оптимизма, выражая ощущение, “что полная награда, полный и

■* • (цитирую: “Когда (((■(*■(i-ifhm .rri-i, " \ rtirnr.l ri.lic-ik в пользу консерваторов, даже NAACP, достигнув зенита достижений, выиграв постановление Верховного суда 1954 года о десегрегации школ, перешла к периоду сдержанности, отступив от борьбы за гражданские права под впечатлением полной победы. На праздничной вечеринке в ночь принятия этого знаменитого решения 1954 года ее исполнительный секретарь восторженно провозгласил: “NAACP прекращает свою деятельность”.⁸²

Несомненно, это были бы те самые обстоятельства, при которых “растущие ожидания” закрепились бы. Однако этого не произошло. NAACP оставалась единственной негритянской организацией, о которой можно было говорить, и ее число членов сократилось до 200 000 с

максимума военного времени в полмиллиона. Прозвучало несколько организованных голосов, которые вселили в негров новые надежды на рост устремлений. Даже журнал *Titne* обратил внимание на явный недостаток энергии и агитации за более высокие требования: "Сегодняшний негритянский лидер не хочет, чтобы его называли головорезом; больше всего он ценит комплименты, когда его называют хорошим тактиком. Одним из симптомов перемен является тот факт, что Букер Т. Вашингтон, превосходный тактик, которого большинство негритянских лидеров 20-30-х годов называли "дядей Томом", вновь открывается неграми как великий человек".⁸³ Консервативные настроения, охватившие негритянское руководство в самый момент "великих" улучшений, распространились и среди негритянских масс; враждебность негритянского гетто по отношению к белой Америке утихла в свете "заметных" побед. Все это противоречит взглядам сторонников относительной депривации; эти события просто не должны были развиваться.

Чернокожие пятидесятых годов вышли из конфронтации с белыми с чувством полного признания только для того, чтобы позже осознать свое предательство. Вскоре после празднования своей ранней победы они пришли к пониманию, что никаких заметных достижений достигнуто не было; Белая Америка не будет выполнять обещания своих демократических принципов, в соответствии с которыми черная Америка надеялась стать равной.⁸⁴ Именно очевидное несоответствие между идеализмом начала пятидесятых и реальностью середины пятидесятых вынудило отказаться от мифа о продвижении вперед и вызвало новый раунд требований со стороны новых организаций и старых, чья энергия была возрождена. Студенческий координационный комитет ненасильственных действий, Конгресс за расовое равенство, Демократическая партия свободы Миссисипи, партия "Черная пантера", Конференция христианских лидеров Юга и многие другие ворвались на спокойную сцену расовых отношений и бросили вызов почти монополии консервативного руководства NAACP.

Поскольку Белая Америка не выполнила выраженные обязательства по обеспечению равенства, негры отреагировали прямыми действиями и демонстрациями, с удвоенной самоотверженностью обратились в суды за правовой защитой и потребовали принятия законодательства о гражданских правах. Подъем беспокойного десятилетия был вызван невыполненными обещаниями, а не заметными достижениями. "К 1967 году", - объясняет тлир Крмррр фхнрт

белые могли бы указать на упадок рабства, снижение неграмотности среди негров, правовую защиту, обеспечиваемую поправками к конституции и законодательством о гражданских правах, а также на растущую численность негритянского среднего класса. Белые называли бы это прогрессом негров от рабства к свободе, к этничности.

Негры могли бы указать на доктрину превосходства белых, ее широкое признание, ее сохранение после эмансипации и ее влияние на определение места негров в американской жизни. Они могли бы указать на свою долгую борьбу за полноправное гражданство, когда они сталкивались с активным противодействием со стороны большей части белого населения и практически без поддержки со стороны правительства. Они могли видеть прогресс в направлении равенства, сопровождающийся ожесточенным сопротивлением. Возможно, больше всего они ощущали постоянный, всепроникающий расизм, который удерживал их в неполноценных изолированных школах, ограничивал их доступ к гетто, препятствовал им в

справедливом трудоустройстве, применял двойные стандарты в судах, наносил телесные повреждения их детям и отравлял их жизнь чувством безнадежности и отчаяния.

Во всем этом и в контексте провозглашаемых идеалов негры обнаружили бы больше регресса, чем прогресса, больше неприятия, чем принятия.⁸⁵

Сторонники относительной депривации настаивают на том, что негры среднего класса, более внимательные к сегрегации и дискриминации из-за своих собственных улучшений, продвигаются вперед в борьбе за гражданские права ради собственного продвижения, и их острое негодование распространяется на черные низшие классы. "Поскольку борьба за выживание и удовлетворение физических потребностей требует меньше внимания, времени и энергии, - объясняют Хрном и Гленн, - негры среднего класса лучше осознают статусные потребности, неудовлетворенные мелкой дискриминацией, и они могут выделять больше ресурсов на удовлетворение этих потребностей. Их взгляды распространяются на негров с более низким статусом, в которых разгораются новые амбиции и обостряется чувство обездоленности".⁸⁴ Но нередко негры, которые больше всего выиграли от Белой Америки, оборачиваются против негров ниже их; появление обездоленных негров может означать начало сопротивления любым дальнейшим завоеваниям со стороны негров с наибольшими достижениями. Были случаи, когда негритянский средний класс убеждал себя в полном принятии Белой Америкой, сопротивлялся приему "негров с более низким статусом" и служил буфером и барьером между Белой Америкой и неграми низшего класса. Роберт К. Уивер описывает это противостояние:

Многие северные негры были возмущены поведением вновь прибывших (чернокожих), опасаясь, что поведение латиноамериканцев усложнит им жизнь. Лучше всего то, что пожилые жители никогда не были слишком уверены в своем статусе в жизни общины. Их постоянные протесты против отсутствия дискриминации и сегрегации были верными признаками того, что ситуация не была такой радужной, какой они пытались казаться другим и самим себе. Само их неприятие негров-южан усложняло проблему и задерживало урбанизацию вновь прибывших. Прибывало все больше и больше мигрантов, и пожилые жители испытывали все большую тревогу. Неблагоприятная реакция общества на новый элемент негритянского населения усилила незащищенность пожилых людей, и они начали еще больше отдаляться друг от друга.⁸⁷

В ходе масштабного миграционного движения в годы Первой мировой войны сформировалось негритянское городское население, в состав которого входили негры среднего класса. Действительно, после того, как после окончания самой войны началось угнетение белых и негры сильно пострадали, "более ранние негритянские поселенцы обвиняли массу новоприбывших с Юга, с их неуклюжими и нерафинированными манерами поведения, в более сильных предрассудках, с которыми теперь столкнулись все негры на Севере".¹⁰¹

Именно в настроении горечи по поводу отступления негров среднего класса после Второй мировой войны Э. Франклин Фрейзер осудил самодовольство чернокожих, чье чувство собственного превосходства привело их к отходу от дела негров. В своей книге "Черная буржуазия" Фрейзер описал новоприбывшего негра среднего класса как человека, стремящегося к материализму и избегающего близости с неграми. Он обвинил этот слой в незаинтересованности в том, чтобы вывести лишённые лидерства негритянские массы из хаоса угнетения белыми, и в стремлении полностью избегать расового вопроса в пользу воображаемого мира дальтоники. Вместо того чтобы заразить недовольством негров из

низших слоев общества, чернокожий средний класс демонстрировал все признаки того, что отстывает от нападений на Белую Америку, и, в конце концов, он стал объектом глубокого негодования молодого негритянского поколения.

Подавляющее большинство белых также может не обращать внимания на очень серьезные неудачи, с которыми сталкиваются негры в области жилья, образования, трудоустройства, продвижения по службе и так далее. Белым, похоже, не хватает способности осознать растущую неуместность негров. Следовательно, часто существует большое несоответствие между планами интеграции и тем, как эти планы реализуются на практике. Мы видели, что разрушение правовых барьеров не приводит к интеграции негров в американское общество. Аналогичное несоответствие между обязательством и делом можно найти во многих программах борьбы с бедностью Great Society.

Как лидер большинства в Сенате, Линдон Джонсон отстаивал дело негров, настаивая на принятии первого за многие годы закона о гражданских правах. Он продолжал это делать, когда стал президентом. Но некоторые комментаторы (например, Майкл Харрингтон) утверждают, что программы социального обеспечения Джонсона были в значительной степени обманчивыми:

... была проведена согласованная кампания, призванная показать, что бюджет 1967 на самом деле предусматривает выделение 25,6 миллиарда долларов на помощь бедным. Чтобы получить это число, нужно добавить статью в размере 14,6 миллиарда долларов, которая в основном представляет собой социальное обеспечение, то есть деньги, которые получатели сами внесли на основе регрессивного налога на заработную плату, который становится особым бременем для бедных. Цифра здравоохранения в 4,2 миллиарда долларов включает в себя тот же обман, поскольку она в основном получена от программы Medicare, которая связана с системой социального обеспечения. Хвастовство администрации также расплывчато, когда речь заходит о 5,8 миллиардах долларов в виде средств на образование и профессиональную подготовку, которые, как предполагается, будут сосредоточены на бедных, или о 3,1 миллиардах долларов в виде средств на экономическое и общественное развитие. . . .

Кроме того, как отметил И. И. Стоун в своем *Heeit* / у, директор бюджетного управления Ф'Лурлес Шульц хвастался, что если не учитывать расходы на войну во Вьетнаме, то любой бюджет с 1948 года." Поэт именно этот процент является показателем социальной справедливости в стране... Приняв эту решающую меру, мистер Джонсон объявил об отступлении.*⁹

Более того, "даже проявился элемент мошенничества: Бюджетное бюро, - обвиняет Дэниела Патрика Мойнихана, - начало подсчитывать средства, выделяемые на автомагистрали между штатами, как часть финансовой помощи, направлявшейся городам".⁹⁰ Тем не менее, президент Джонсон мог отмахнуться от факта выделения наименьшего процента бюджета на социальное обеспечение с 1948 года и в марте 1967 года, не краснея, заявить о себе перед аудиторией, собравшейся на празднование столетия Говардского университета:

Я пришел сюда двадцать месяцев назад июньским днем, чтобы сказать: "Свободы недостаточно. Вы не сотрете шрамы веков, сказав: "Теперь вы свободны идти, куда хотите, и делать, что хотите, и выбирать лидеров, которые вам нравятся". . . .

"Задача состоит в том, чтобы дать 20 миллионам негров такой же шанс, как и каждому другому американцу, учиться и расти, работать и участвовать в жизни общества, развивать свои

способности — физические, умственные и духовные, и стремиться к своему индивидуальному счастью”.

Сегодня я вернулся к Говарду, чтобы подтвердить свою приверженность этой задаче и сказать вам, что, пока я жив, в общественной или частной жизни, я никогда не откажусь от этого обязательства.⁹¹

“Редко, - восклицает гарвардский теолог Харви Г. Кокс, - когда наша жажда лидерства утолялась таким посредственным пиаром, а наша обязанность принимать трудные решения обходилась без таких банальностей”.⁹²

"Программы действий" администрации Джонсона больше отличаются своими броскими заголовками, чем каким-либо значимым содержанием. После выступления 4 июня 1966 года в Говардском университете президент начал Конференцию в Белом доме под названием “Реализовать эти права”, пообещав, что главной целью его администрации тогда и в последующие годы будет “помочь американским неграм реализовать эти права” ... он, наконец, собирается обеспечить ... ” Когда год спустя собралась конференция с участием 2400 участников, администрация организовала внеконференционный прием - в соответствии с ее к тому времени ослабевшим интересом к гражданским правам. На этой встрече не могло быть никакой значимой или конструктивной программы, поскольку “... не был предложен бюджет, не был указан график и не были установлены приоритеты для реализации даже тех размытых целей, которые были изложены в 102-страничном отчете, представленном участникам конференции”.⁹³

Мартин Лютер Кинг заявил: "... поток слов, а не дел, затопил сухую пустыню ожиданий [негров]”.⁹⁴ И в своем последнем завещании, опубликованном в январе 1969 года, Кинг отверг актуальность законодательства для белых, настаивая на том, что федеральное правительство при Линдоне Джонсоне и Джоне Кеннеди очень мало сделало для американских негров.⁹⁵

Слова президента Джонсона заручились поддержкой некоторых белых либералов, юнионистов, интеллектуалов и негров. Но его обязательства оказались чисто словесными. Он отказался от исполнения таких указов, как 11246, который разрешает расторгать федеральный контракт с работодателем, не желающим соблюдать справедливую практику найма; в 1964 году он отправил 48 сотрудников ФБР во Флориду для защиты имущества железных дорог от ущерба, причиненного бастующими рабочими, но отказался удовлетворить просьбы о такой же полицейской защите негров, подвергшихся нападению белых; к 1969 году он назначил федеральных судей только в 58 из 900 округов, имеющих право на участие в соответствии с Законом об избирательных правах 1965 года.

Таким образом, сопротивление белых остается сплоченным и непреклонным, независимо от того, что делают или не делают негры. Негров обвиняют в невежестве и лени и в то же время в высокомерии при попытке улучшить свою судьбу с помощью образования. Их яростно осуждают за трущобы, в которых они живут, но отвергают при попытке переехать в пригород. Ставить негров в такое противоречивое положение служит целям белого расизма. Этот тип мотивации белых существовал и был понятен неграм в течение многих лет. “Презирая нас, - сетовал Фредерик Дуглас в период Гражданской войны, - неудивительно, что американцы стремятся вызвать у нас презрение; ... обвинив нас в лени, неудивительно, что они подрывают наше предприятие; признав нашу неполноценность, было бы экстраординарно, если бы они

попытались окружить нас обстоятельствами, которые служили бы для того, чтобы сделать нас прямыми противниками их предположений”.⁹⁰

Что вся эта критика оставляет представителям относительной депривации? На пороге расизма. Теория относительной депривации не дает полезного понимания в качестве тотального объяснения и представляет собой псевдонаучную попытку скорее объяснить, чем проанализировать протест негров. Похоже, это более изощренная версия расистских аргументов южан, просто перефразирующая объяснение недовольства негров белыми южанами. Белый южанин отвергает любые реальные основания для недовольства среди “своих” негров. Неохотно расширяя привилегии, он уверяет нас, что негры будут слишком охотно ожидать гораздо большего — старый аргумент “дай им дюйм, и они пройдут милю”. И это послание относительной депривации: когда негр выигрывает, сами достижения “разжигают его аппетит” и вызывают ожидания, намного превышающие предсказуемое исполнение.

Рэй Стэннард Бейкер столкнулся во время своего турне по Югу на рубеже веков с замечаниями, имеющими нечто большее, чем просто случайное сходство с теорией относительной депривации. В его трудах содержится суть тезиса, который сейчас так убедительно отстаивают многие ученые, которые с презрением отнеслись бы к южному представлению о превосходстве белых:

“Это вопрос, - сказал он [юрист, с которым Бейкер познакомился в Монтгомери, Алахамал. - Кто будет делать грязную работу. В этой стране белый человек не будет: негр должен.

Где-то должен быть илистый берег. Если фон просветит Ви... „н'я

оставайтесь там, где им место; и вы должны рассматривать их как расу, потому что если вы пусть поднимутся немногие, это вызовет недовольство остальных”.^{1*7}

Сравните это с утверждением Брума и Гленна: “С улучшением образования приходят более высокие устремления и растет недовольство более низким социальным статусом ... образование ведет к волнениям и вызывающим беспокойство амбициям”.¹¹

Основные предпосылки как относительных привационистов, так и южных расистов одни и те же. Ни один из них не может представить себе скрытое течение горечи и враждебности среди негров на протяжении всей истории этой нации. Оба рассматривают требования негров как простой протест против предыдущих завоеваний. Желаниям и страхам не может быть фактического оправдания. Заявления негра о несправедливости опровергаются, и вина возлагается на самого негра. Из-за этой ошибки в рассуждениях перспектива относительной депривации не только искажает реальность, предполагая значительный прогресс, но и дает расистское обоснование для того, чтобы не вносить никаких дальнейших изменений для улучшения ситуации с чернокожими. Таким образом, белая Америка может добросовестно заявить, что программы по улучшению участи негров после беспорядков абсолютно обречены на провал; улучшение положения просто принесет вознаграждение жестоким неграм и повысит уровень разочарования, так что негры будут настаивать на большем, вместо того чтобы быть благодарными за оказанную помощь.

Обе точки зрения также отказываются приписывать негру сознательность; ни одна из них не признает, что негр редко избавляется от чувства фрустрации, что неудовлетворенность, в

лучшем случае, лишь немного недоступна сознанию. Для негра каждый прожитый день является напоминанием о несправедливости, которую нужно терпеть, и о чувствах, которые следует подавлять".¹ * Представление южанина о беспечном, раскованном, чувствительном негре, которому безразличен мир, имеет свой эквивалент в релятивистском представлении о негре, внезапно выходящем из покорного подчиненного положения. Оба выражают изумление и шок: южанин поражен, узнав о возмутительном поведении "своих" негров, точно так же, как сторонник относительных лишений видит в "Восстании 63-го" интенсивное осознание негром довольно особого качества." Ни тот, ни другой не могут принять тот факт, что осознание и недовольство существовали все это время. Здесь нет уникального явления — быть негром - значит осознавать собственную неполноценность в глазах Белой Америки.

И негритянский, и белый ребенок узнают значение цвета. Это может стать травматическим опытом длительного значения, особенно для негритянского подростка, который внезапно узнает не только о цветовом барьере, но и о своей собственной неполноценности.

Роберт Конот представляет графический портрет Тимоти О'Сейра, негра, видящего реализацию расового сознания в своем собственном ребенке:

Он [Тимоти О'Сирк] водил своего 5-летнего сына Билли в зоопарк в Гриффит-парке. Они гуляли, наслаждаясь жизнью, когда Билли вдруг сказал: "Смотри, папа, там ниггер".

Немедленной реакцией О'Сейрка был гнев; затем, поняв, что не может возлагать ответственность на своего сына, он спросил: "Где ты научился этому выражению?" Билли не мог ему сказать. Он не знал.

"Ну, ты не должен им пользоваться", - продолжал О'Сейр. "Этот человек - негр. Такой же, как ты!"

О'Сейр никогда не видел такого выражения потрясения и ужаса на лице своего сына, как в этот момент.

"Я тоже нет", - закричал он. "Я не негр! Я не негр! Я не негр!" он разрыдался, вырвался из рук отца и побежал по тропинке.¹⁰¹

У. Э. Б. Дюбуа, один из соучредителей NAACP и давний редактор журнала Crisis, вспоминает свое первое столкновение с color line. Поводом послужил обмен визитными карточками между одноклассниками в интегрированной школе. "Обмен был веселым," пишет Дюбуа, "пока одна девушка, высокая новенькая, не отказалась от моей карточки — решительно отказалась от нее, бросив взгляд. Затем до меня с некоторой внезапностью дошло, что я отличаюсь от других".¹⁰¹

Стойкий унижительный отпечаток черноты произвел неизгладимое впечатление на таких мужчин, как Ричард Райт, Джеймс Болдуин, Малкольм Икс и многих других хорошо известных чернокожих. Тем не менее, этот опыт является обычным для негров, независимо от класса, части страны или периода времени. Белый фолк-певец Вуди Гатри вспоминает диалог из своей юности на Юге - его собственный разговор со старой негритянкой:

"Ты что, ниггер, что ли?"

- На кого я похожа, милая?

"Ты ниггер, потому что ты черный?"

“То, что говорят все люди”.

“За что люди называют тебя ниггером?”

“Потому что они просто не знают, что такое "нигга". Не знают, что значит "нигга". Не знают, как плохо ты себя чувствуешь”.

“Ты сама себя так назвала”, - сказал я ей.

“Когда я называю своего сына ниггером, я знаю, что не это имею в виду. И даже анона нигга называет меня ‘ниггой’, я не “мин”, потому что я знаю, что это самое веселое. Но когда белый парень называет меня “ниггер”, это как удар хлыста по моей оперативной шкуре”.¹¹²

• Воспитание детей во многих негритянских семьях увековечивает расовое сознание; негритянские родители намеренно прививают своим детям страх перед белизной, чтобы подготовить их к неполноценности взрослых. Роберт Коулз, психиатр, тесно связанный с жизнью негритянских детей, цитирует слова типичной негритянской матери: “Первое, что должна сделать цветная мать, когда ее дети становятся достаточно взрослыми, чтобы выходить из дома и играть на улице, - это рассказать им о белом человеке и о том, чего он ожидает. Я делала это с семьей детьми, и у меня впереди еще двое; и тогда, я надеюсь, я закончу”.¹⁰³ Негритянский ребенок должен чувствовать, что значит быть черным, и негритянские родители играют большую роль в обучении своих отпрысков значению черноты. Джеймс Фармер, бывший глава CORE, рассказывает о том, как ему объяснили свое место в Белой Америке:

Я помню, когда я впервые столкнулся с сегрегацией, это было, когда я был ребенком в Миссисипи, когда моя мать отвезла меня в центр города, и на обратном пути в тот жаркий июльский день я хотел остановиться и купить кока-колы, а она сказала мне, что я не могу купить кока-колу, мне нужно подождать, пока я не вернусь домой. “Ну почему я не могу, туда заходит маленький парень”, - сказал я. “Держу пари, что он собирается выпить кока-колы”. Он собирался. “Ну, а почему я не могу пойти?” “Потому что он белый, - сказала она, - а ты цветной”. . . Дело в том, что одно и то же снова и снова происходит с ребенком каждой матери, у которого темная кожа.¹⁰⁴

Характер воздействия дискриминации повышает сознательность негров. Сама система, которую Белая Америка увековечивает для порабощения негров, в то же время является главным стимулом для повышения осведомленности среди негров. Попытка полностью регулировать дела людей в соответствии с расовой принадлежностью требует полной меры социальных ограничений. Многие рабовладельческие государства объявили вне закона право рабов обучаться чтению и письму, возможность стать приверженцами христианской веры, привилегию создавать добровольные организации и так далее. Более того, законодательные органы штатов приняли множество законов, регулирующих повседневную деятельность рабов, запрещающих браки между расами и среди рабов, устанавливающих условия для достижения свободы и так далее. Если бы у негра не было таких стремлений, какие есть у него сейчас, какой был бы смысл в таком законодательстве? Не было бы необходимости в юридических ограничениях и постоянной бдительности, если бы негритянское население было пассивным и довольствовалось своим положением в рабстве. Белые приняли законы именно потому, что негры искали тогда того, к чему многие стремятся сегодня: возможности научиться читать и писать, возможности владеть собственностью, равенства перед законом и так далее.

Негру на Юге приходилось постоянно осознавать социальные различия, чтобы выжить в условиях неопределенности относительно приемлемого поведения. Границы между двумя расами не были таким фиксированным, постоянным, четко понимаемым набором обычаев, каким их часто изображают ученые. По правде говоря, огромная неопределенность пронизывает даже самые кастовые отношения. Букер Т. Вашингтон, ссылаясь на свой собственный период, объяснил:

Однако иногда бывает немного сложно определить, по какому принципу нарисована эта линия (цвет 1). Например, обычаи различаются в разных частях одного и того же города, а также в разных частях страны в целом. В одной части города негр может перекусить в общественном кафе, но в другой части того же города он не может этого сделать. Условия сильно различаются в разных штатах. В Вирджинии негр должен ехать в отдельном железнодорожном вагоне, в Западной Вирджинии он может ехать в одном вагоне с белыми людьми. В одном южном городе негры могут войти в депо, как они обычно делают, через главный вход; в другом Южном городе есть отдельный вход для цветных. В то время как в одном южном городе негру разрешается занять свое место в главном зале ожидания, на другом вокзале в том же городе он будет вынужден перейти в отдельный зал ожидания. В некоторых городах неграм разрешен беспрекословный вход в театр; в других городах он либо вообще не может войти в театр, либо за ним закреплено отдельное место.¹⁰⁵

Совершенно очевидно, что решение о том, чего ожидать от Негра, находилось в руках белых. Тем не менее, в то время как ожидалось наказание белых за наглость негров, негры часто имели лишь самое смутное представление о том, что представляет собой наглость с их стороны. Неопределенность преобладала потому, что сами белые никогда не были уверены в значении неприличия между расами. Негры, в результате этой двусмысленности, находились под еще более строгим контролем, чем это было бы при четко определенной системе. Посмотрите на это решение Верховного суда Северной Каролины в 1852 году:

Какие действия раба по отношению к белому человеку будут приравнены к дерзости, определить явно невозможно — это может заключаться во взгляде, указании пальцем, отказе или пренебрежении уступить дорогу при приближении белого человека. Но каждое из таких действий нарушает правила приличия, и, если бы к нему относились терпимо, это разрушило бы ту субординацию, на которой зиждется наша социальная система.¹⁰⁶

Неуверенный в ожиданиях белых, негр должен находиться в постоянном состоянии самосознания, если он рассчитывает избежать возбуждения враждебности белых. Он должен особенно осознавать себя негром, чтобы судить — фактически предрешать — восприимчивость белых к его собственному поведению.

Отсутствие исторической перспективы в рамках относительной депривации приводит защитников к ошибочности, общей для тезиса о нестабильной семье, а именно: виноват сам негр. Предполагается, что негр создает фантомы внутреннего чувства обделенности, в то время как внешний мир резко меняется, чтобы приспособиться к нему. Хотя сами защитники не всегда разделяют представления о быстрых достижениях со стороны негров, они настаивают, что негры раздражаются из-за заметных достижений. Как следствие, сторонники теории относительной депривации, подобно сторонникам нестабильности семьи, игнорируют или преуменьшают расизм нашего общества; сопротивлению белых устремлениям негров уделяется лишь мимолетное внимание. Отказываясь от исторического исследования и обходя

стороной реальность угнетения белых, сторонники относительных лишений упускают из виду историческую тенденцию, представленную в главе IV: во время каждой крупной американской войны, когда белые шли на уступки требованиям негров из-за возросшей потребности в рабочей силе, после прекращения военных действий тенденция военного времени к освобождению негров менялась вспять. Период после Второй мировой войны не является исключением из традиции отступничества Белой Америки от Америки Черной. Действительно, как отмечалось в главе IV, у чернокожих людей могут быть основания заявлять о двойной опасности: изменение отношения не только вызывает уважение к обращению белой Америки с американскими неграми, но и к обращению с чернокожими народами мира. Заявляя о национальной приверженности демократическим принципам для негров внутри страны и новоявленных чернокожих граждан мира, поведение Белой Америки сводит на нет возможности преобразования идеальных демократических принципов в реальную демократическую практику.

Иллюзии прогресса 117

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возлагать вину за недовольство на негритянское меньшинство, одновременно игнорируя белое общество, частью которого это меньшинство является, - значит игнорировать реальность и обвинять и без того чрезмерно оскорбленный народ. Это только усугубляет нищету негров и помогает снять с Белой Америки всякую вину. Умышленно или нет, сторонники относительной депривации поощряют расизм, разрабатывая теорию, которая возлагает ответственность за разрастающиеся беспорядки среди чернокожих американцев на негров. Относительное положение негров ухудшилось в течение беспокойного десятилетия (1954-1964) и продолжает ухудшаться в 1960-е годы из-за — а не вопреки — экономического процветания и увековечения расизма как фактора жизни. Оскар Хэндлин пишет:

Только самые пессимистично настроенные американцы в 1954 году могли себе представить, что дистанция между неграми и белыми увеличится в ближайшее десятилетие, несмотря на процветание и несмотря на успехи некоторых цветных. Только самый циничный или самый дальновидный мог забыть, что эти обстоятельства дадут расизму новое зловещее рождение. Доктрина, приводящая к расколу, снова находит аудиторию, хотя теперь она представлена в новой форме. На данный момент эта идея наиболее внимательно выслушивается экстремистами, черными и белыми; но приводящее в замешательство число умеренных начинает заводить свои машины, даже если они не совсем готовы слушать.¹⁰⁷

Среди негритянских масс возникает разочарование из-за ухудшения жилищных условий, несмотря на справедливые жилищные законы; негры упорно маршируют по лилейно-белым пригородам, таким как Цицерон, чтобы драматизировать неудачу белых, а не приветствовать успехи негров. Негры продолжают протестовать не потому, что постановления Верховного суда 1950-х годов объявили расовую дискриминацию в государственных школах вне закона, а потому, что эти постановления не смогли предотвратить рост расового разделения по всей стране. Негры становятся более недовольными не из-за улучшения жилищных условий, доходов, занятости, общественных услуг и так далее, а потому, что белые увековечивают более

низкие уровни по сравнению с достижениями белых, а не негров. Именно сопротивление белых отчасти объясняет беспокойное десятилетие для негров и нарастающую конфронтацию черных с Белой Америкой в конце шестидесятых. Белый расизм и экономические препятствия, а не растущие ожидания увековечивают борьбу между черными

Продвигаются ли негры к равенству? Несомненно, так оно и есть. Но куда ведет их это продвижение? Поскольку законное возмездие, по-видимому, исключает расовую сегрегацию и дискриминацию в сфере образования, транспорта, военной службы, жилья и так далее, белые обращаются к другим способам лишения негритянского народа. Новые усилия направлены не на то, чтобы подчинить или угнетать черное меньшинство, а скорее на его изоляцию. Белые хотят избегать контактов с черными. И этого легче достичь, если относиться к любому негру так же, как к любому белому. Когда негр надевает военную форму, равенство делает его недостижимым для офицерских званий и в боевых частях; поскольку требования к работе резко возрастают, равенство в оценке кандидатов независимо от расы исключает негра так же эффективно, как и дискриминацию, настолько он массово неквалифицирован с точки зрения того, что сейчас требуется для трудоустройства; отказ в приеме на работу и продвижение по службе на основе равенства превращает негра в экономическое рабство так же впечатляюще, как издольщина на Юге; Прием негров в колледжи остается низким для получения интегрированного образования, если судить по образовательным стандартам, ожидаемым от белых; равные экономические стандарты в отношении кредитов и ипотеки удерживают негра от нового жилья в пригороде так же эффективно, как ограничительные соглашения; равное применение соседской единицы в гетто в качестве основы школьного округа ведет к фактической образовательной сегрегации и приводит к расовому разделению так же верно, как и к юридической образовательной сегрегации.

Такое обновление старых предрассудков указывает на грядущую тенденцию в расовых отношениях. Расовая дискриминация не устранена полностью; расизм по-прежнему является фундаментальной чертой белой Америки. Было бы ошибкой утверждать, что никакой дискриминации не существует в сфере жилья, образования, занятости или где-либо еще; мы были свидетелями расцвета расизма в таких областях. Но поскольку равенство становится все более и более фактом жизни, мы не можем избежать сопутствующего ему усиления расового разделения! Белые больше, чем когда-либо, стремятся ввести равенство там, где равенство способствует расовому разделению внутри Америки. Это соглашение облегчает отстранение негров от дел Белой Америки при полном соблюдении идеалистических демократических принципов, а не приход негров в основную американскую жизнь. Негр переселяется с плантации в гетто, поскольку нация признает экономическое равенство и поддерживает расизм: “Чего белые американцы никогда полностью не понимали, но чего негры никогда не смогут забыть, — убедительно свидетельствует Отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам, — так это того, что белое общество глубоко вовлечено в гетто. Белые институты создали это, белые институты поддерживают это, и белое общество потворствует этому”.¹⁰⁶ Белая Америка намерена забыть о своем черном меньшинстве.

Точно так же, как расистская теория науки поддерживала растущий расизм в начале века. В то время как Америка лотлав получает аналогичную степень самоправедности от многих социологов и публицистов в форме относительного депривационизма. Сторонники относительных лишений по-своему подтверждают то, во что, согласно опросу Gallup, проведенному в июле 1967 года, верят 75 процентов белых американцев: “С неграми

обращаются так же, как с белыми”. И это несмотря на то, что в отчете Бюро переписи населения в то же время говорилось, что, хотя число американцев, живущих в бедности, в целом сокращается, среди негров снижения не произошло: 41 процент небелых, но только 12 процентов белых живут в бедности. Большое число белых, которые видят происходящий быстрый прогресс негров, просто отражают существенное улучшение уровня жизни белых. Современная теория относительной депривации служит той же цели, что и популярные вчерашние теории расового превосходства: возложить вину исключительно на негров. Когда негры пытаются выразить природу своих страданий в американском обществе, большинство белых и чернокожих считают их радикалами и экстремистами. Умеренные и консерваторы придерживаются своих взглядов, только искажая реальность или отрицая неоспоримые факты; если они и восторжествуют, негры этого не сделают.

Белая Америка столкнулась с трудностями оценки цены расизма; возникают решающие моменты, когда расистские ценности должны быть изменены в свете меняющихся экономических обстоятельств. Белая Америка выражает свой расизм в рамках экономической осмотрительности. И сегодня она переходит от расовой враждебности к расовому исключению не только потому, что цена дешевле, но и потому, что природа экономических изменений допускает безразличие к неграм. Радикально новые технологии все больше вытесняют негров из Белой Америки, как мы увидим в последующих главах, посвященных новейшей фазе расовых отношений, порожденной автоматизацией.

Примечания к главе V

1. Милтон Ингр, Группа меньшинств в американском обществе. Нью-Йорк: Макгроу-Хилл, 1965, стр. 72. Выделено мной.
2. Эли Гинзбург и Альфред С. Эйхнер, "Неприятное присутствие". Нью-Йорк: Свободная пресса, 1964, стр. 10. Выделено мной.
- Дж. Арнольд Роуз, "Введение" в книгу "Обеспечение свободы свободным", Арнольд Роуз, компакт-диск. Детройт, Мичиган: Издательство Университета штата Уэйн, 1964, стр. 3-4. Выделено.
4. Э. Франклин Фрейзер, Негр в Соединенных Штатах. Нью-Йорк: Макмиллан, 1957, 2-е издание, стр. 705. Выделено.
5. Лорен Миллер, "Свобода сейчас — но что потом?" в книге "Свобода сейчас!", Алан Ф. Вестин, изд. Нью-Йорк: Основные книги, 1964, стр. 41.
6. Льюис Киллиан и Чарльз Григг, Расовый кризис в Америке. Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Прентис-Холл, 1964, стр. 25. Выделено мной.
7. Томас Петтигрю, "Конфронтация белых и негров", в книге "Негритянский вызов бизнесу", Эли Гинзберг, изд. Нью-Йорк: Макгроу-Хилл, 1964, стр. 41.
8. Леонард Брум и Норвал Д. Гленн, "Трансформация негроамериканца". Нью-Йорк: Harper & Row, 1966, стр. 182.
9. Дэниел Белл, "Негры и профсоюзы", "Сейчас на свободе!", соч. цит. по, стр. 295.

10. Уильям В. Шеннон, "Насилие над неграми против американской мечты", Нью-Йорк Таймс (27 июля 1967 г.).
11. Ральф Джонсон Банч, "Обращение к съезду NAACP" в журнале "Негры со времен эмансипации", Харви Уиш, изд. Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Прентис-Холл, 1964, стр. 139.
12. Национальная консультативная комиссия по гражданским беспорядкам, Отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам. Нью-Йорк: Bantam Books, 1968, стр. 366.
13. Министерство труда США, Негры в Соединенных Штатах, Бюллетень № 1511. Вашингтон, Округ Колумбия: Типография правительства США, июнь 1966 г., стр. 211.
14. Вольф Фон Экардт, "Черная шея в белой петле", Новая Республика, том 149 (19 октября 1963 г.), стр. 14.
15. Том Кан, Экономика равенства. Нью-Йорк: Лига промышленной демократии, 1964, стр. 31.
16. Отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам, указ. соч., стр. 473-474.
17. Раши Фейн, "Экономический и социальный профиль американца-негра", Дедал, Том 94 (Осень 1965 г.), стр. 836.
18. Министерство труда США, указ. соч., стр. 211.
19. Комиссия США по гражданским правам, Сокращенный вариант доклада Комиссии Соединенных Штатов по гражданским правам. Вашингтон, Округ Колумбия: Типография правительства США, 1959, стр. 148.
20. Отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам, указ. соч., стр. 470.
21. Там же, стр. 467.
22. Министерство труда США, указ. соч., стр. 40.
23. Фрэнсис Лансон и Маргарет Фишер, "Борьба за открытое жилье", в "Свободе сейчас!", соч. цит. по., стр. 184-185.
24. Отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам, указ. соч., стр. 398.
25. Томас Ф. Петтигрю, "Сложность и изменение американских расовых моделей: социально-психологический взгляд", Дедал, том 94 (Осень, 1965), стр. <280-981. Выделено.
26. Брум и Гленн, указ. соч., стр. 102-103.
27. К. Ванн Вудворд, "Странная карьера Джима Кроу". Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1966, 2-е изд., стр. 167.
28. Там же, стр. 173.

29. Алан Ф. Вестин, "Статистика школьной интеграции на Юге — ползучая революция", в "Свободе сейчас!", соч., стр. 132.
30. Комиссия США по гражданским правам, Расовая изоляция в государственных школах. Вашингтон, Округ Колумбия: Типография правительства США, 1967, том. I, стр. 3. Выделено мной.
31. Там же, стр. 7.
32. Отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам, указ. соч., стр. 426-427.
33. Джозеф П. Лайфорд, "Предложение о революции", в "Образцах власти", Томас Э. Линтон, cd. Нью-Йорк: Pitman Publishing Corp., 1968, стр. 343.
14. Расовая дискриминация в государственных школах, указ. соч., стр. 2.
15. Си. <логово Дрейка, "Социальный и экономический статус негра в Соединенных Штатах", Дедал, том 94 (Кали, 1965), стр. 781.
16. Г. Айлнес Перкинс, "Архитектор и город", в "Архитекторе и the (.tty, Маркус ВВхи / fen, изд. Кембридж, Массачусетс: M.L.T. Press, 1962, стр.).
17. Расовая изоляция в государственных школах, указ. соч., стр. 14.
48. Кред М. Я лечингер, "США признают неспособность устранить школьную сегрегацию на Севере", New York Times (14 мая 1966 г.).
39. Отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам, указ. соч., стр. 405.
40. Рид Сарратт, Испытание десегрегацией. Нью-Йорк: Harper & Row, 1966, стр. 40.
41. Дэвид Э. Розенбаум, "Виды исследований в государственных университетах I.ag в журнале "Зачисление негров", "Нью-Йорк Таймс" (18 июня 1969 г.), стр. 1. Смотрите также таблицу с данными о поступлении в колледжи в разбивке по расам, озаглавленную "Kedcral Survey of Negro Undergraduate Entrancements", Chronicle of Higher Education, Vol. J (21 апреля 1969 г.), стр. 3-1.
42. лиротн и Гленн, указ. соч., стр. 91.
41. Сэмюэл Д. Проктор, "Подготовка негритянской молодежи к воздушным змеям для национальных нужд в рабочей силе", в "Революции рабочей силы", Гарт Л. Мангунт, изд. Нью-Йорк: Ведущий Даблдей, 1965, стр. 417.
44. Роберт Р. Мотон, IPb.tt Негр думает. Гарден-Сити, Нью-Йорк: Даблдей, Доран и Компания, 1929, стр. 44.
45. Там же.

46. Томас К. Петтигрю, Портрет американского негра. Принстон, Нью-Джерси: I). Ван Ностранд, 1964, с. 182.
47. См. Эндрю Биллингсли, "Черные семьи в белой Америке". Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Прютис-Уол, 1968, с. 89.
48. Брум и Гленн, указ. соч., стр. 106.
49. Там же, Таблица 8, стр. 122.
50. Кейн, указ. соч., стр. 811.
51. Уолтер Уильямс, "Кризисное гетто Кливленда", Trans-Action, том 4 (сентябрь 1967 г.), стр. 11-12.
52. Ролдо С. Бартимоло и Мюррей Грубер, "Кливленд: рецепт насилия",
Нация, том 289 (26 июня 1967 г.), стр. 814. Самым непосредственным инцидентом, подстрекающим негров к протесту и приведшим к беспорядкам, стало появление 18 июля 1966 года на двери бара на углу 79-й улицы и Хаф-авеню таблички с надписью "Ниггерам воды нет". Это очень четко показывает расовый аспект вспышки. Смотрите Л.Уис Х. Мазотти и Джером Р. Корси, Перестрелка в Кливленде. Нью-Йорк: Bantam Books, 1969, стр. 12-11.
51. Отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам, указ. соч., стр. 128-129.
54. Там же, стр. 129. Выделено мной.
55. Там же, стр. 111-112.
56. Там же, стр. 112.
57. Брум и Гленн, указ. соч., стр. 111.
58. Там же.
59. Там же.
- 6(1. Там же, стр. 98.
61. Леонард Брум и Норвал I). Гленн, "Когда негры Америки догонят нас?" Новое общество (25 марта 196 г.>).
62. Роберт К. Уильямс, "США: потенциал революции меньшинств" в книге "Негритянская протестная мысль в двадцатом веке", Крансис Л. Бродерик и Август Мейер, ред. Нью-Йорк: Боббс-Меррилл, 1965, стр. 129-110.
61. Петтигрю, "Профиль американского негра", соч., стр. 187.
64. Там же, стр. 191.
65. Пьер Л. ван ден Берге, Раса и расизм. Нью-Йорк: Джон Уайли и сыновья, 1967, стр. 92-91.

66. См. “Могут ли большие города когда-нибудь вернуться?” США. News and World Report (4 сентября 1967 г.), стр. 10.
67. Дж. У. Вандер Занден, Отношения с американскими меньшинствами. Нью-Йорк: Рональд Пресс, 1966, 2-е изд., стр. 415.
68. Брум и Гленн, "Трансформация американского негра", соч., стр. 119. Выделено мной.
69. Там же, стр. 187. Выделено мной.
70. Там же, стр. 121.
71. Там же, стр. 16-17.
72. Рональд Сигал, "Расовая война". Нью-Йорк: Издательство "Викинг Пресс", 1967, стр. 181.
71. Герберт Аптекер, "Введение", в одном непрерывном крике, Герберт Аптекер, изд. Нью-Йорк: Humanities Press, 1965, стр. 2.
74. Там же.
75. Дэвид Уокер, “Обращение уокера” в одном непрерывном крике, соч., стр. 119.
76. Цитируется Э. У. Эссеном-Удом, Черный национализм. Нью-Йорк: Dell Publishing Co., 1964, стр. 185.
77. Фредерик Дуглас, Жизнь и труды Фредерика Дугласа, Филип С. Конер, изд. Нью-Йорк: Международные издательства, 1955, том. III, стр. 42.
78. Мартин Лютер Кинг-младший, “У меня есть мечта”, в "Риторике расового восстания", Рой Л. Хилл, изд. Денвер, Колорадо: Издательство "Голден Белл Пресс", 1964, стр. 171.
79. У. Э. Б. Дюбуа, “Непосредственная программа американских негров”, в книге "Негритянская протестная мысль в двадцатом веке", соч. cit. по, стр. 55. Выделено мной.
80. Филип А. Рэндольф, “Зачем нам маршировать?” в книге "Негры со времен эмансипации", соч. cit. по., стр. 161-162.
81. Лерон Беннетт-младший, "Противостояние черных и белых". Чикаго: Издательство Johnson Publishing Co., 1965, стр. 200.
82. Цитируется Беннетом, там же.
81. Там же, стр. 214.
84. Мартин Лютер Кинг-младший, “Испытание надежды”, Playboy, том 16 (январь 1969), стр. 211.
85. Отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам, указ. соч., стр. 215.
86. Брум и Гленн, "Трансформация негритянского американца", соч., стр. 179.
87. Роберт К. Уивер, Негритянское гетто. Нью-Йорк: Харкорт, Брейс, 1948,

стр. 28.

88. Август Мейер и Эллиот М. Радвик, "От плантации к гетто". Нью-Йорк: Хилл и Ван, 1966, стр. 192.

89. Майкл Харрингтон, "Бюджет Джонсона и Вьетнам", Инакомыслие, том 14 (март-апрель 1967 г.), стр. 114.

90. Цитируется Эрвином Кноллом, "Ложь LBJ", Progressive (январь 1969), стр. 19.

91. "Нью-Йорк таймс" (1 марта 1967 г.).

92. Цитируется Эдвардом Б. Фиском: "Церковникам велено идти на "риск", чтобы помочь США восстановить доверие", New York Times (21 октября 1967 г.).

93. Уильям А. Прайс, "Жесткий контроль LBJ на митинге за права человека", National Guardian, том 18 (II июня 1966 г.), стр. I.

94. Мартин Лютер Кинг-младший, Куда нам идти дальше: чаои или сообщество в Нью-Йорке: Harper 8t Row, 1967, стр. 135.

95. Кинг, "Свидетельство надежды", соч., стр. 232.

96. Дуглас, указ. соч., том II, стр. 268.

97. Рэй Станнард Бейкер, Следуя Цветовой линии. Нью-Йорк: Harper 8с Row, 1964, стр. 85. Первоначально опубликовано Doubleday, Page and Co.; 1908.

98. Брум и Гленн, Трансформация негритянского американца, соч., стр. 102— 103.

99. См. Уильям Х. Грир и Прайс М. Коббс, "Черная ярость". Нью-Йорк: Основные книги, 1968.

100. Роберт Конот, Реки крови, Годы тьмы. Нью-Йорк: Bantam Books, 1967, стр. 112-113.

101. У. Э. Б. Дюбуа, "Души черных людей". Чикаго: А. К. Макклург, 1903, стр. 2.

102. Вуди Гатри, на пути к славе. Нью-Йорк: Э. П. Даттон, 1943, стр. 62.

103. Роберт Коулз, ""Это то же самое, но другое", "Дедал", том 94 (Осень 1965), стр. 1113.

104. Малкольм Икс и Джеймс Фармер, "Малкольм Икс против Джеймса Фармера: Разлука против Интеграция" в негритянской протестной мысли двадцатого века, соч., стр. 369.

105. Хукер Т. Вашингтон, История негра. Нью-Йорк: Питер Смит, 1940, том. II, стр. 393.

106. Цитируется Гаем Б. Джонсоном, "Закономерности расового конфликта", в книге "Расовые отношения и расовая проблема", Эдгар Т. Томпсон, изд. Дарем, Северная Каролина: Издательство Университета Дьюка, 1939, стр. 128.

107. Оскар Хэндлин, "Пожарный колокол в ночи". Бостон: Литтл, Браун и Компания, 1964, стр. 73.

108. Отчет Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам, указ. соч., стр. 2.

VI. Экономический расизм

... борьба рас все более и более стремительно приобретает экономический характер.

— Рэй Стэннард Бейкер

В литературе о расовых отношениях американских негров представлены различные экономические точки зрения. Однако экономические данные по большей части служат для подтверждения, а не для интерпретации. Существует общее нежелание искать причинно-следственный анализ с точки зрения расизма и экономической мотивации; существует склонность либо игнорировать, рационализировать или иным образом объяснять укоренившуюся враждебность белых к неграм и заявлять о неуместности экономики, либо формулировать перспективу, демонстрирующую ликвидацию расовой вражды в ответ на улучшение экономических условий.

Одна школа экономистов-аналитиков подчеркивает важность процветающей экономики для улучшения положения негров, считая, что улучшение произойдет как прямой результат расширяющейся экономики с ограниченным рынком труда. Без высокого спроса на негритянскую рабочую силу высокий уровень экономической активности не может предотвратить расовое неравенство. Эли Гинзберг сообщает нам: " ... лучший способ быстрой и полной интеграции негра в американское общество заключается в сохранении сильной и жизнеспособной экономики, в которой его труд необходим, а его навыки и способности [вознаграждаются]".¹ И Эли Гинзберг, и Альфред С. Эйхнер утверждают:

Чтобы застраховать свое продвижение по службе, негру нужен быстро расширяющийся рынок труда, подобный тому, который характеризовал Соединенные Штаты в период с 1940 по 1953 год. Только тогда многие негры, живущие сейчас на Юге, смогли бы переехать в другие регионы, где у них был бы больший доступ к более высокооплачиваемой работе; только тогда негритянская молодежь-инвалиды из северных городских трущоб нашли бы работу в экономике. Бедный негр, как и бедный белый, должен рассчитывать на действия федерального правительства, направленные на ускорение темпов развития экономики и расширение занятости. Ни один другой инструмент не способен выполнить такую задачу.²

Джеймс Тобин утверждает:

Безусловно, самым мощным фактором, определяющим экономический статус негров, является общее состояние экономики США. Энергично развивающаяся экономика со стабильно напряженным рынком труда быстро повысит положение негров, как абсолютно, так и относительно. В условиях такого климата целый ряд конкретных мер по ликвидации дискриминации, улучшению образования и профессиональной подготовки, обеспечению жильем и укреплению семьи может принести существенные дополнительные результаты. В менее благоприятном экономическом климате, где рабочих мест меньше, чем мужчин, войны против расового неравенства и бедности будут тяжелыми сражениями, а некоторые широко разрекламированные виды оружия могут оказаться опасно бесполезными.³

Наиболее важными ограничениями точки зрения, указывающей на расширяющуюся экономику в условиях ограниченного рынка труда, являются склонность отвергать расизм и неспособность принимать во внимание исторический опыт расы. Величайшая эпоха освобождения негров пришлась на период Реконструкции, несмотря на высокий уровень безработицы как среди белых, так и среди черных. С другой стороны, сегодня расизм сохраняется даже там, где ощущается нехватка квалифицированных мужчин. Безработица среди белых снижается без какого-либо ослабления многих форм дискриминации; Белая Америка может похвастаться беспрецедентным процветанием, в то время как страдания негров усугубляются. Сегрегация и ухудшение жилищных условий, например, расширяются независимо от рынка труда, вынуждая негров оставаться в гетто неполноценности. В объяснении упускаются из виду ответы на такие вопросы, как: почему белая Америка допускает высокую безработицу посреди беспрецедентного процветания? Почему гораздо больший процент негров, чем белых, должен терпеть гнев безработицы? Почему белые не поддерживают программы действий по исправлению положения внутри правительства и за его пределами, направленные на сокращение безработицы среди негров?

Сам факт того, что негры страдают непропорционально сильно, несомненно, свидетельствует о дискриминационной природе белой Америки. Экономическим реформам препятствует не нехватка рабочих мест, поскольку экономические ресурсы для финансирования масштабных корректирующих мер могли бы быть использованы, но не используются; расизм способствует тому, что оппозиция сопротивляется принятию мер социального обеспечения, подкрепленных достаточными расходами для покрытия стоимости программ, направленных на улучшение участи негров. Приводить доводы о необходимости полной занятости как средства искоренения пережитков расизма, когда сам расизм несет столь серьезную ответственность за неспособность правительства проявить инициативу в создании жесткого рынка труда, - значит просто игнорировать реальность. Нельзя предлагать программы по искоренению расизма, когда для прохождения таких программ требуется чрезвычайное сдерживание расизма. Поскольку негры влачат нищету в результате долгой и непрекращающейся истории расизма, было бы неискренне призывать к мерам по исправлению положения со стороны той же самой Белой Америки, ответственной за погружение негров в трясину нищеты.

Наконец, точка зрения о ограниченности рабочей силы делает ненужное допущение, утверждая, что накопление или распределение богатства должно быть связано с рабочими местами. Возможно, было бы экономичнее давать деньги, чем создавать рабочие места или переподготавливать людей для имеющихся вакансий. Перераспределение богатства для противодействия большей концентрации доходов в руках небольшого числа людей может быть более важным для удовлетворения потребностей негритянского меньшинства, чем занятость. Расовый фактор, столь очевидный при распределении государственных средств школьными округами, в результате чего школы негритянского геттополучают гораздо меньше, чем школы пригородов для белых, не может быть исправлен введением полной занятости; это вопрос распределения налоговых средств, а не ограниченного или рыхлого рынка труда.

Поскольку белая Америка настолько чувствительна к экономическим обстоятельствам, некоторые негры выступают за тактику экономических бойкотов для решения расовой проблемы. Настаивая на том, что они обладают достаточными экономическими ресурсами, негры удерживали свою покупательную способность до тех пор, пока их требования не были удовлетворены "структурой власти белых". Мартин Лютер Кинг в свое время полагался на эту

стратегию; он хвастался, что его успехи 1966 года обеспечили неграм семь миллионов дополнительных долларов. Забастовка арендаторов, получившая известность в Нью-Йорке, проводится по принципу бойкота: арендная плата сохраняется до тех пор, пока арендодатель не исправит незаконную практику и не улучшит жилищные условия негритянских арендаторов. “Новый негритянский потребитель, - объясняет негритянский издатель Джон Х. Джонсон, - требует, чтобы его надежды, страхи, потребности и мечты учитывались”.⁴ Когда белая Америка выходит на негритянский рынок, негр надеется ответить взаимностью, похлопав бизнесмена по плечу и привлекая внимание к своим собственным требованиям. Эта операция напоминает о более раннем поколении, когда в тридцатые годы лозунг “Покупательной способности” охватил негритянское население.

Интерпретация доходов негров, по-видимому, могла бы вновь укрепить веру в превращение наличных денег во власть. С 1948 по 1961 год доходы, не связанные с белым населением, значительно выросли, увеличившись с > 7,9 млрд до 23,6 млрд долларов. Тем не менее, доля чернокожих в доходах белых не достигла заметного прогресса: на негров приходилось 5,1 процента общего дохода белых в 1948 году и всего 6,4 процента в 1963 году. Более значительным, однако, является увеличивающийся разрыв между совокупными доходами в разбивке по расам: в 1948 году доход белых составлял 146,2 миллиарда долларов, небелых — 7,9 миллиарда долларов - разница в 138,3 миллиарда долларов; к 1963 году доход белых вырос до 347,5 миллиарда долларов, в то время как у негров — до 2,3 миллиарда долларов, но разница также увеличилась до 232,9 миллиарда долларов. В то время как негр получает более высокий совокупный доход, его совокупный доход все больше отстает от белого.

Покупательная способность приобретает еще большее значение, если рассматривать ее с точки зрения других экономических целей. Хотя это правда, если процитировать слова Джона Х. Джонсона: “нынешний уровень доходов [негров], оцениваемый в 1967 году в 30 миллиардов долларов, делает этот рынок эквивалентным по масштабам всему потребительскому рынку Канады”, сумма совершенно не имеет отношения к огромным экономическим ресурсам Соединенных Штатов. В конце 1967 года страна тратила, по самым скромным подсчетам, по меньшей мере 2,5 миллиарда долларов в месяц на финансирование войны во Вьетнаме. Расходы на войну не только намного превышают “войну с бедностью”, но и ежегодные затраты равны годовому доходу всех негров и, следовательно, “всего потребительского рынка Канады”. Как могут негры, столкнувшись с такими огромными возможностями Белой Америки по омоложению, конкурировать со способностью страны компенсировать любое изъятие черных долларов? Очевидно, что экономика в целом может быстро обеспечить замену и практически игнорировать негров.

Негр не может выстоять против корпоративных гигантов. Стоимость американской телефонной и телеграфной связи 1967 года, составлявшая где-то от 32 до 35 миллиардов долларов, превысила покупательную способность негров; ее база в 30 с лишним миллиардов долларов позволила выделить 4,2 миллиарда долларов на расширение предприятий в 1966 году без обращения к государственному денежному рынку — сумма, намного превышающая ежегодный прирост доходов 23 миллионов чернокожих. Другая фирма, General Electric, демонстрирует ту же картину. В 1950 году General Electric стоила два миллиарда долларов; тринадцать лет спустя, в 1963 году, ее стоимость более чем удвоилась, поднявшись до 5 миллиардов долларов. С другой стороны, негр утроил свой доход, увеличившись с 8,7 миллиарда долларов в 1950 году до 23,6 миллиарда долларов в 1963 году. Но после 1963 года растущая мощь General Electric

росла быстрее, чем у Негра: к 1967 году стоимость GE выросла до 7,2 миллиарда долларов, то есть за четыре года прирост составил 2,2 миллиарда долларов и увеличился на 44 процента. Доход негра вырос примерно до 30 миллиардов долларов, что на 6,5 миллиарда долларов больше уровня 1963 года, но я поднялся чуть более чем на 25 процентов.

Богатство негров едва ли соответствует растущим расходам американских подростков. В то время как негры заработали 23,6 миллиарда долларов в 1963 году, молодые люди в возрасте от 14 до 19 лет приобрели 6 миллиардов долларов за счет занятости и еще 5 миллиардов долларов из других источников, что составляет общее располагаемое богатство, оцениваемое в 11 миллиардов долларов. Хотя в 1963 году численность подростков и негров составляла около 22 миллионов человек, первые обладали половиной покупательной способности последних. Но если нынешние темпы роста покупательной способности для обеих групп сохранятся на уровне 1963 года, то к 1970 году благосостояние подростков удвоится, в то время как у негров - нет.

Мысли об организации экономического давления для преодоления довольно очевидных различий между доходами негров и экономическими начинаниями других групп являются бесполезными упражнениями. Никогда не было достигнуто большого прогресса в борьбе с тем, что некоторые считают неправильным, путем организации потребления. Бизнесмены, с другой стороны, проявляют поразительную ловкость, в полной мере используя преимущества разобщенного потребителя. В то время как частное предпринимательство использует различные методы, чтобы загнать в угол рынки подростков и негров, последние не могут организовать бизнесмена и загнать его в угол в сколько-нибудь заметной степени. Победы бойкота ограничены и носят строго локальный характер; успехи оказываются выгодными для нескольких негров, а не для цветной расы.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ

Поскольку негры обладают столь малой долей общественного богатства, часто высказывается предположение, что расизм сохраняется для того, чтобы допускать экономическую эксплуатацию правящей элитой страны. Иногда утверждается, что негры возникли и остаются неполноценными, чтобы белые могли обеспечить себя дешевым источником рабочей силы. Поскольку расширение осуществляется лицами, стремящимися к получению прибыли, принято называть эту систему “капиталистической эксплуатацией”.

Похоже, это правда, что основание рабства вытекало из экономических потребностей Колониальной Америки. Из-за острой нехватки рабочей силы обычная практика содержания человека в рабстве для компенсации увеличения стоимости его путешествия из Старого в Новый Свет превратилась из ограниченного в вечное рабство. Хозяева слуг стремились удерживать как белых, так и черных в постоянном рабстве вместо того, чтобы на взаимоприемлемый срок покрыть расходы на поездку в Америку. Однако, когда информация о длительном и, возможно, постоянном порабощении распространилась по Европе, возникло нежелание отправляться в Новый Свет. Под угрозой истощения источников белой рабочей силы колониальные интересы переместились в Африку. Хозяин не мог поддерживать рабство белых, не рискуя в конечном итоге перекрыть доступ европейцев в Новый Свет, но поскольку такой возможности в отношении африканцев не существовало, поскольку в любом случае лишь немногие чернокожие добровольно въезжали в колонии, цветовая линия вскоре превратилась в заметную отличительную черту между свободным и рабским трудом. Благодаря этому курсу, по словам Оскара Хэндлина, неполноценность, связанная с рабством, перешла к черному цвету;

виртуальное пожизненное рабство стало уделом только негров. Более того, это соглашение послужило экономическим стимулом для агрессивной вербовки рабов с Черного континента.

Массовый сбор чернокожих в Африке для транспортировки в колонию сам по себе привлек инвестиционный капитал, обеспечив процветающую экономическую деятельность, которая порой превышала прибыль от самого рабского труда. Состояния были нажиты и потеряны в период расцвета работорговли, причем настолько, что суда, специально предназначенные для перевозки невольничьих грузов, стали в некоторых случаях основным флотом судоходных концернов, занимающихся международной торговлей. Таким образом, рабство отражало по крайней мере два жизненно важных экономических стимула: систему оплаты труда и процветающее экономическое предприятие для судоходных компаний. В конечном счете, конечно, покупка и продажа рабов в пределах континентальных границ сначала колоний, а затем и всей страны принесла солидную прибыль бизнесу.

Негр, эксплуатируемый при капитализме рабства,⁵ стал всего лишь еще одним товаром на рынке, во многом таким же, как если бы он был хлопком, табаком, железом или рисом, в целом, послушное подчинение стремлениям владельцев к прибыли ограничивало роль негра. Существовало мало возможностей сбежать из рабства, за исключением крайне ограниченных возможностей того, что раб покупал себя сам или был куплен другими, а затем освобожден; освобождение, крайне редкое, происходило случайно, как при освобождении, данным умирающим хозяином для выражения благодарности или раскаяния. Но, к сожалению, по словам верховного судьи Раффина из рабовладельческой Северной Каролины, дело было простым и ясным:

Цель - выгода хозяина, его безопасность, а также общественная безопасность; подданный, тот, кто обречен в своей собственной личности и своем потомстве жить без знаний и без способности создавать что-либо самостоятельно, и трудиться, чтобы другой мог пожинать плоды . . . , Власть хозяина должна быть абсолютной, чтобы сделать подчинение раба совершенным. *¹

Целый народ был выхолощен, чтобы способствовать накоплению богатства. Полный успех пришел, когда негры обратились внутрь себя и занялись самоистязанием; некоторые уверовали в собственную неполноценность, убеждая себя в непреложной правильности рабства и воплощая представления белых о собственной социальной незначительности. Проблемы, которые были — а их было много⁷ — равносильны неудаче, которая послужила лишь для демонстрации доминирования белых над черными. Вместо того чтобы стать приглашением к свободе, открытые восстания чернокожих против правления белых побудили белых искать большей безопасности; каждое поражение от "белых рук" просто подтверждало одержимость белых оставаться верховными. В то время как восстания и сопротивление служили достаточным доказательством стойкого стремления к свободе, факт жестокого подавления доказывал как белым, так и черным, что шансов на успех практически нет. Страх негров навлек на себя враждебность белых преобладает и в настоящее время; негры даже сейчас не поощряют насилие в ответ на угнетение белых, аргументируя это неизбежностью поражения из-за господства белых над средствами социального контроля.

По мере того, как нация приближалась к Гражданской войне, рабства больше не было, согласно Евгению I). Дженовезе, обеспечил систему труда для обеспечения прибыли рабовладельцев; рабство превратилось в убыточное занятие, но стало незаменимым ингредиентом традиций

белого Юга. Вовлеченный в экономические обмены с другими слоями населения и странами мира путем импорта предметов роскоши и промышленных товаров, которые он не производил бы, Юг начал испытывать несбалансированность в торговле. Когда технология, а не человеческая энергия, стала основой для максимизации производительности на человеко-час, южане не смогли приспособиться; они отказались отказаться от рабства и провести экономические реформы, столь жизненно важные для приобретения капитала для приобретения техники за пределами региона. Дженовезе утверждает, что сопротивление прекратилось неиз-за нежелания отказаться от существующих экономических инвестиций в рабство, а скорее потому, что само рабство означало образ жизни для правящей белой элиты Юга. Отказ от рабства мог быть достигнут только путем отказа от южной цивилизации. Рабство, а не источник дохода, должно было бы сохраняться, чтобы сохранить южный мотив; независимо от экономических издержек, потеря рабства не могла быть обеспечена без уплаты цены отказа от образа жизни правящего класса:

Аристократические традиции и идеология усилили привязанность Юга к экономической отсталости. Патернализм и привычка командовать сделали рабовладельцев стойкими, полными решимости защищать свое южное наследие. Чем более экономически изнуряющим был их образ жизни, тем больше они цеплялись за него. Именно эта сторона вещей — политическое игмонство и аристократическая идеология правящего класса — а не экономические факторы помешали Югу добровольно отказаться от рабства.⁵

Свободные штаты, тем временем, без колебаний переходили к промышленным технологиям; Западные и Северные штаты приступили к индустриализации с целью получения прибыли, оставив Южный регион в ухудшающемся состоянии. Нация начала отдаляться друг от друга, когда разделение по экономическим признакам стало более выраженным; экономика рабства по сравнению с экономикой технологий стала предметом обсуждения, в то время как южный образ жизни по сравнению с декларациями аболиционистов о свободе привел в восторг любого моралиста. Нация, разделенная сильными экономическими течениями, не могла долго существовать так же, как нация, наполовину свободная, наполовину рабовладельческая. "Когда мы поймем, - советует Дженовезе, - что рабовладельческий Юг развил не странную форму капитализма и не незаконченный аграризм, а особую цивилизацию, построенную на отношениях хозяина к рабу, мы обнажим корень его конфликта с Севером". "Юг, безнадежно запутавшийся в своих экономических проблемах, вызванных экономическими издержками рабства, и тщетно пытающийся воспользоваться своим непропорциональным политическим капиталом в федеральном правительстве (выросшим за годы закрепощения в национальной политике), чтобы компенсировать свои экономические потери, думал, что сможет выжить только прибегнув к оружию. Когда на карту была поставлена честь, оставалась только верность самому Southern legacy, чтобы сплотить сторонников вокруг того, что впоследствии станет цветами Конфедерации. Юг просто переоценил свои инвестиции в рабов как собственность, отказался выходить за рамки сельскохозяйственной экономики в рамках своего собственного внутреннего рынка и не мог покрыть свои расходы на закупки товаров и продукции, произведенных за пределами своего региона.

Гражданская война дала негру лишь краткую передышку; Эмансипация дала десятилетие самого тесного опыта освобождения, которого негры достигли за всю свою историю на американской земле. Но, как ясно известно из многих работ, Компромисс 1877 года положил начало сложному и длительному периоду повторной подачи заявок. Ибо (как утверждает в

главе IV) негры перешли из рабства в крепостную зависимость; вымогательство черной рабочей силы белыми процветало, всего в одном шаге от человеческого рабства. Большинство негров стали издольщиками; не имея земли и капитала, они сдались на милость белых землевладельцев, которые извлекали высокий процент того, что производили негры, с земли, которую они обрабатывали, но которой не владели. Общим эмпирическим правилом для негров было отдавать 40 процентов урожая человеку — белому, - владеющему землей. И хотя гипотетически негр сохранял оставшиеся 60 процентов, как издольщик он редко превращал свою продукцию в личный доход. По уши в долгах перед белым землевладельцем за ссуды для финансирования своего фермерства, негр жил не лучше, чем в рабстве. Хотя он не принадлежал белым, он был обязан белым своим трудом погасить ссуды, непомерные проценты по займам и долги, возникшие при покупке продуктов питания, одежды и других предметов первой необходимости в магазине “company”.

Во время рабства большинство негров работало в сельском хозяйстве Юга или в домашних хозяйствах; еще в 1900 году 87 процентов продолжали заниматься тем же, что и предполагаемые свободные работники, и 80 процентов все еще были настроены таким образом к 1910 году. Сельскохозяйственное рабство процветало до тех пор, пока негры не последовали примеру белых и не сбежали с ферм в города, так что к 1960 году менее 10 процентов все еще зарабатывали на жизнь сельским хозяйством и 15 процентов - домашней прислугой. Но хотя негры отказались от эксплуататорского крепостничества в сельском хозяйстве Юга, идея эксплуатации продолжает служить объяснением интересов белых в чернокожем труде. Значительное число голосов утверждает, что, когда негр “отправился в город работать на фабрике, он снова подвергся эксплуатации”.¹⁰ Мартин Лютер Кинг вставил тему эксплуатации как способствующую экономическому лишению американских негров: “В основе сегодняшних трудностей в жизни негров лежит повсеместная и постоянная экономическая нужда ... Для усиления извне требуется защита от жестокой эксплуатации, которая преследовала негров в течение трехсот лет”.¹¹

Известный исследователь жизни негров считает эксплуатацию неотъемлемой чертой американского социального наследия. “Существует культурная и институциональная традиция, согласно которой белые люди эксплуатируют негров”, - писал выдающийся Гуннар Мюрдаль в своем исследовании расы. “Таким образом, дискриминация в отношении негров коренится в этой традиции экономической эксплуатации”.^{1*}

Во многом эта же точка зрения отражена в рассказе Стокли Кармайкла об американском расизме:

Колонии Соединенных Штатов - и это включает черные гетто в пределах их границ, на севере и юге — должны быть освобождены. В течение столетия эта нация была подобна эксплуататорскому спруту, его щупальца протянулись от Миссисипи и Гарлема до Южной Америки, Ближнего Востока, южной Африки и Вьетнама; форма эксплуатации варьировалась от региона к региону, но основной результат был один и тот же — немногие могущественные поддерживались и обогащались за счет бедных и безгласных цветных масс. Эту модель необходимо сломать. По мере того, как ее хватка ослабевает то здесь, то там по всему миру, надежды чернокожих американцев становятся более реалистичными. Чтобы расизм умер, должна родиться совершенно другая Америка.¹³

Ярый активист Том Хейден утверждает: “Реальность такова, что эта нация сверху донизу расистская; что расизм — это в первую очередь не проблема ”человеческих отношений”, а эксплуатация, поддерживаемая — либо активно, либо замалчивая - обществом в целом”.¹⁴ И, наконец, Элдридж Кливер ярко описывает американских негров как "... украденный народ с колониальным статусом на украденной земле, и любой анализ, который не признает колониальный статус чернокожих, не может надеяться решить реальную проблему".¹⁵

Некоторые авторы приписывают увековечение расизма непосредственно правящему слою, стремящемуся ограничить заработную плату; прививая белым рабочим расовое предубеждение против негров, последние остаются уязвимыми для жестокой эксплуатации, в то время как первые становятся менее конкурентоспособными, потому что они должны бороться против рабской заработной платы чернокожих. Таким образом, правящая элита получает дешевую рабочую силу как от белых, так и от черных. Как объясняет эту тактику Оливер К. Кокс:

Расовые предрассудки в Соединенных Штатах - это социально-поведенческая матрица, поддерживающая рассчитанные и решительные усилия белого правящего класса по сохранению возможности эксплуатации некоторых цветных людей и их ресурсов ... Именно экономическое содержание расовых предрассудков делает их мощной и устрашающе подчиняющей силой. “Пконизация” негров на Юге является крайней формой эксплуатации и угнетения, но это вызвано не расовыми предрассудками. Расовые предрассудки связаны с экономическими интересами Однако именно человеческая тенденция при капитализме вырваться из такого состояния вместе с решительным противодействием эксплуататоров, по сути, порождает зловещий психологический комплекс, называемый расовыми предрассудками. Таким образом, можно считать, что расовые предрассудки берут свое начало в пропагандистах и юридических ухищрениях белого правящего класса для обеспечения массовой поддержки своих интересов. Это позиция дистанции, смешанная с отвращением, которая стремится представить людей объектами эксплуатации как животных.^{1*}

Та же основная идея была выдвинута Скоттом почти за двадцать лет до Кокса:

Белый правящий класс Соединенных Штатов занимается созданием системы эксплуатации ради получения прибыли и власти. Даже если бы он захотел это сделать, он не смог бы освободить негров от этой системы. Освобождение (следовательно) должно исходить от эксплуатируемых, а не от эксплуататоров.

Недавняя миграция негров в северные города ... привела массы негритянских рабочих к прямой конкуренции с белыми рабочими. Негры находятся в самом низу экономической лестницы — как правило, неквалифицированные, почти полностью неорганизованные, представители подчиненной расы, идеальные жертвы эксплуатации.

Белые работодатели используют в своих интересах негров — используют их для снижения заработной платы, прекращения забастовок.

Белые рабочие еще не осознали ситуацию. Они все еще верят пропаганде правящего класса о “расовой неполноценности”. Они по-прежнему исключают негров из многих своих организаций рабочего класса.

(. "тяжелый труд негров был источником прибыли для американских эксплуататоров в течение трехсот лет."¹⁷

Эксплуататорская версия предрассудков как побочного продукта капитализма, обеспечивающая не только подавленный источник рабочей силы в виде черных рабочих, но и вытесняющая белого рабочего в русло конкуренции с неграми, превращает расовые отношения в чисто экономические; расизм, в лучшем случае, носит общепризнанный характер. Эта конкретная экономическая интерпретация эксплуатации освобождает "рабочий класс" от любого подлинного расизма и возлагает вину непосредственно на капитанов промышленности. Затем анализ возвращается к стратифицированной концепции происхождения, распространения и поддержания расизма в надежде, конечно, что белый рабочий однажды проснется и обнаружит, что негр является союзником, а не конкурентом, в общей борьбе против капиталистов. Однако, если бы это было так, решение потребовало бы устранения капитализма, чтобы искоренить расизм в Белой Америке. Но тот факт, что расовая дискриминация и рабство затрагивают обширные скопления трудовых систем, подрывает эту возможность. Расизм существовал до прихода капитализма и преобладает сегодня в некапиталистических обществах. Представление о том, что экономические факторы приводят к предубеждению, не объясняет само предубеждение: "Почему, " спрашивает Оскар Хэндлин, - объектом предубеждения должна была быть выбрана одна группа, а не другая?"

Более того, изменения, происходящие сейчас в экономической системе Белой Америки, противоречат общему тезису об эксплуатации; сегодня или, по крайней мере, в обозримом будущем экономические изменения, скорее всего, не учитывают негров, чем эксплуатируют их. Хотя может быть правдой, что доминирующие экономические интересы нации заключались в использовании негритянского труда для удовлетворения своих потребностей — сначала в рабстве, затем в крепостном праве сельскохозяйственной экономики и, наконец, на промышленных предприятиях Севера — теперь кажется правдоподобным, что эксплуатация больше не остается жизнеспособным средством обеспечения функционирования национальной экономики. Тезис об эксплуатации, возможно, имел некоторую обоснованность при учете определенных событий прошлого, но он становится все более неприменимым в свете новых технологий. Таким образом, объяснение скорее привязано к определенным историческим обстоятельствам, чем продвигает общий принцип взаимоотношений белых и черных в американском обществе. Более того, американский расизм мало похож на классовый статус; он пронизывает все общество своими силами и подпиткой, расширяясь и ослабевая в ответ на экономические процессы.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

С внедрением впечатляющей новой технологии — автоматизации - Белая Америка вполне может позволить себе шанс очиститься от своего отвращения к чернокожим. Однако, чтобы понять значение автоматических технологий для межрасовых отношений, сначала необходимо представить перспективу, излагающую обзор технологического развития в очень общем — и, возможно, даже расплывчатом — виде. В истории культуры человека произошли три крупных технологических преобразования, каждое из которых вполне уместно отнести к категории "революция". Хотя внезапного переворота мгновенно не произошло, тем не менее, в обществе произошли драматические изменения такого масштаба и различий, что переход к новому технологическому стилю предполагал радикальный отход от прошлого.

Первую технологическую эпоху человечества обычно называют "доиндустриальной", и ее отличительной чертой является зависимость от живых источников энергии для успешного

внедрения технологий. Первоначально преобладающая энергия может исходить от самого человека; человек собственноручно брал в руки орудия труда, такие как, например, палки для посадки сельскохозяйственных культур, камни для измельчения зерна и грубо сделанное оружие из дерева и камней для убийства животных. В конце концов, человек применил свои технологии к домашним животным, таким как быки, собаки, лошади и мулы. Обработка полей, обмолот зерна, управление телегами, фургонами и лодками, а также производство ремесленных и металлических изделий стало возможным благодаря использованию инструментов, обладающих силой животного. Это ускорило формирование общего образа жизни, резко отличающегося от дотехнологических эпох.

Переход от органической энергии к неорганической для управления технологиями положил начало индустриальной эре. Зависимость от неодушевленных источников энергии для приведения в действие механизмов обеспечивает особую черту промышленных технологий. Такие виды топлива, как уголь, нефть, газ и древесина, а также такие потенциальные возможности, как вода, ветер, пар, электричество и атомная энергия, обеспечивают импульс производства. Сам человек остается незаменимым активатором и оператором в процессе производства; машинам, по большей части, требуется человек-оператор для применения и обучения.

Третью технологическую эру можно назвать “постиндустриальной”, поскольку она следует за промышленным порядком. Он характеризуется использованием автоматических средств управления для управления затратами энергии на технологические операции.

Для нашей цели изучения межрасовых отношений возникает важная тенденция, которая пронизывает три технологические эпохи, изложенные здесь; становится заметным драматический сдвиг огромной значимости, который мы можем назвать разъединением. С переходом от одного технологического уклада к другому появляются новые направления в форме освобождения, освобождающие человека от постоянных, непреодолимых обязательств.

Благодаря применению доиндустриальных технологий человек освободился от естественной зависимости от почвы в пользу возделывания. Ранее человек оставался фактически на животном уровне, опираясь на существующие источники, доступные в его окружении. Он бродил в поисках пищи, чтобы утолить свой голод; доступ к питанию зависел от того, какие растения росли и какие животные обитали в пределах его охотничьего ареала. "Поиск в окружающей среде не мог выйти за пределы источника энергии, а именно человеческой энергии; телесные движения устанавливали внутренние пределы, которые не могли быть превышены никакими социально организованными усилиями. Но изобретение технологического культивирования освободило человека от ограничений, налагаемых естественными источниками питания и человеческой энергией; в доиндустриальную эпоху человек избавился от зависимости от природных запасов в пределах досягаемости. Производство собственной пищи означало прибытие человека к порогу новой цивилизации; он повернулся спиной к природе, поскольку для пропитания использовал продукты собственного производства.

Хотя переходный период освободил человека от естественного способа удовлетворения аппетита, он, тем не менее, также означал перестройку, приковавшую человека к почве. Доиндустриальная технология позволяла увеличить производство продуктов питания под прямым контролем человека по собственной инициативе, но одновременно человек установил

близость к обрабатываемой земле. Только ограниченное число людей могло отказаться от возделывания земли, чтобы установить новые социальные механизмы, такие как торговля, коммерция, религия, производство, управление, путешествия и так далее. Появились новые поселения — роскошь только для избранных и ограниченного числа людей, никогда не превышающая десяти процентов населения, — которые обычно называют городами или урбанизированными районами. Более того, человеку по-прежнему приходилось считаться с влиянием природы при производстве продуктов питания. Он должен был делиться урожаем с другими животными, такими как саранча, мыши, бактерии, обезьяны и так далее; точно так же, как он когда-то питался природой, другие животные будут питаться продуктами его выращивания. И выращенным человеком растениям пришлось бы переносить разрушительные погодные условия точно так же, как и естественным культурам. Тем не менее, доиндустриальная технология обеспечила один из самых важных толчков, когда-либо существовавших в воображении человека: переход от натуральных продуктов питания к выращенным.

Только после того, как человек изобрел промышленное производство, очередное технологическое пробуждение распространилось по всей стране. Предыдущие изобретения позволяли отказаться от охоты и собирательства, а промышленные изобретения оторвали человека от почвы. До этого исторического момента человек был буквально прикован к почве; отказ от сельскохозяйственных занятий в любом большом количестве означал неизбежную голодную смерть. Освободившись от почвы, человек мог создавать свою собственную среду обитания. Действительно, промышленная революция дала человеку новое чувство власти — возможность повелевать самой природой. Доиндустриальная технология устранила биологическую зависимость от природы, поскольку человек контролировал свои собственные запасы продовольствия, а промышленная технология позволила человеку подчинить физическую природу в соответствии с культурными ценностями. Заменяя мускулы животных неживой энергией, человек предоставил альтернативы природному замыслу, чтобы можно было передвигать горы, преобразовывать пустыни, изменять реки, проводить раскопки. Гораздо важнее то, что человек мог заниматься деятельностью, связанной не с производством продуктов питания, не с добычей полезных ископаемых, лесозаготовками и судоходством, а с коммерцией, торговлей и другими нетехнологичными занятиями. Страховые компании и органы социального обеспечения, например, становятся такими же важными в повседневной жизни технологического человека, как промышленность и обрабатывающая промышленность.

Новая технология, как и предыдущая, связала человека в акте освобождения; когда человек освободился от земли, он стал связан с другими людьми в акте механического производства. Он стал более приспособленным к условиям труда, в которых ему приходилось бороться, а не к погодным условиям; он все больше и больше реагировал на сезонную занятость, основанную на спросе и предложении рабочей силы, а не на сезонах погоды. Человек стал больше жить в мире символов, общаясь с другими людьми через посредство социальной организации. В 1850 году Соединенные Штаты получали 15 процентов своей энергии от людей, 79 процентов — от животных и только 6 процентов — из неорганических источников; к 1956 году - чуть более 100 лет спустя - люди поставляли только 4 процента энергии, животные - только 12 процентов, а неодушевленные предметы - 84 процента.

Одержав победу над природой — в принципе, если не фактически, — человек мог бы сделать все возможное, чтобы укрепить свою позицию по отношению к природе. Но такая деятельность, похоже, еще не началась. Теперь создается впечатление, что человек пытается превзойти

скорее самого себя, чем природу; вместо того, чтобы закреплять свои достижения, распространяя плоды технологии в рамках всемирной программы улучшения условий жизни человека, человек создает впечатление, что продвигает свою технократию к логическому завершению, а не ставит ее на службу гуманным устремлениям. Человек, по-видимому, намерен создать технологический уклад, который заменит его социальный порядок, точно так же, как он считал важным заменить естественный социальный порядок, основанный на технологическом производстве. Появление автоматизации обнажает возможность того, что строго технологическая система вытеснит социальную организацию промышленных технологий. Эта новейшая система инструментов позволяет ритуально заменять как природу, так и человека. Это явно разработано для того, чтобы отделить человека от человека. Когда машины управляют машинами, человек становится необязательным при производстве товаров и оказании услуг. Он успешно устраняет самого себя, успешно внедряя эту новейшую форму технологии; человек освобождается от человека до такой степени, что технология устраняет даже процесс принятия решений человеком.

Чтобы отделить себя друг от друга, снисходительно относясь к автоматизации, люди должны, по крайней мере, искать новые ответы на старые вопросы или даже изобретать вопросы, которые никогда ранее не рассматривались. Значимость опыта для промышленного порядка не может быть интуитивно понятна для автоматизированного. На самом деле, мы должны ожидать прямо противоположного: распространение автоматизированных технологий расширяет горизонты человека как социального существа невиданными ранее способами. Хотя это и носит оттенок преувеличения, тем не менее разумно заметить, что человек больше не является существом с границами; доиндустриальная технология разрушила биологические границы, индустриальная - физические, а автоматизированная - культурные.

Автоматизация - это не только разрыв с традицией, она также переворачивает традиции. Отделение человека от производства и от самих себя - это совершенно новый опыт. Когда прошлые отношения — отношения к машинам и к своим собратьям — разорваны, что можно заменить? Если лавинг продемонстрировал высокую степень превосходства человека над природой путем внедрения доиндустриальных и индустриальных технологий, то где же новые демоны, которых нужно победить, кроме самого человека? Что станет с человеком теперь, когда машины могут заменить его и сделать ненужным? Если человек больше не нужен, то почему он должен оставаться здесь? Какой смысл быть доступным, если нет необходимости вовлекаться? Если машины в конечном итоге достигнут того, что человек фактически разработал до этого момента, тогда, возможно, людистанут лишним багажом? Итак, как долго мы будем терпеть друг друга в качестве лишнего багажа? Наступит ли время, когда сам человек будет выброшен как полный мусор?

Важно иметь в виду, что мы указываем на обобщения, а не на абсолюты, на развивающиеся тенденции, а не на конечные реальности. Хотя мы никогда полностью не освобождались от природы, нельзя отрицать, что по мере развития социальных порядков доиндустриального периода и промышленных технологий уровень зависимости от деятельности, связанной с питанием и физическими потребностями в существовании, уменьшался. В 1790 году всего 5 процентов населения АМЕРИКИ проживало в несельскохозяйственных поселениях; 95 процентов - на фермах. Только 50 лет спустя — в 1840 году — число жителей, не занятых в сельском хозяйстве, превысило 10 процентов от общей численности населения. Потребовалось почти 50 лет, чтобы удвоить несельскохозяйственное население, но второе удвоение заняло

всего 20 лет, когда к 1860 году 20 процентов были несельскохозяйственными, а 80 процентов жили на фермах. Впоследствии сам уровень заболеваемости снизился, но процент беглецов с ферм все еще рос, так что к 1900 году 40 процентов были покинуты фермами, а к 1960 году их количество возросло до 70 процентов. Цифры отражают отрыв человека от почвы, столь характерный для индустриальной эпохи. Таким образом, хотя зависимость от почвы не была полностью устранена, тем не менее нельзя сказать, что человек является неотъемлемой частью сельскохозяйственного производства в современном американском обществе. На сегодняшний день всего 8 процентов американцев активно занимаются выращиванием сельскохозяйственных культур, чтобы обеспечить не только достаточные запасы продовольствия, но и излишки; по оценкам, в течение следующего десятилетия этот процент снизится до 5.

Автоматизация входит как зарождающаяся черта современной социальной жизни; она воплощает стремление вытеснить человека в производственном уравнении так же верно, как предыдущие технологические инновации обходили природу стороной. Трансформация произойдет не в одночасье, а в течение определенного периода времени, как в случае индустриализации, за исключением более быстрых темпов. Человеку потребовались тысячи лет, чтобы изобрести промышленную технологию, пришедшую на смену доиндустриальной, тогда как потребовалось всего несколько столетий, прежде чем появился совершенно новый способ производства, вытеснивший индустриализацию. Такое сокращение сроков технологической замены, несомненно, должно послужить сигналом о грядущих радикальных изменениях не только в производстве, но и в образе жизни.

Последствия автоматизации не являются неизбежными; сама технология не делает ничего, кроме как в рамках параметров социального значения. Действительно, его развитие - это всего лишь проявление символов, а технологическая символизация будет оцениваться человеческими ценностями. Изобретение и распространение автоматизации отражают преднамеренные социальные инициативы, а сами реакции носят социальный, а не материалистический характер. Джон Дихолд, человек, известный разработкой автоматического оборудования и его утилизацией, объясняет:

В течение многих лет мы допускали такие обороты фраз, как “Причины автоматизации ошибочно определяют наш подход к предмету. Эти фразы на самом деле являются сокращенным способом сказать: “Когда мы применяем набор методов автоматизации, возникают эти наборы результатов”. Наши собственные действия или бездействие на самом деле являются причиной результатов.

Часто говорят, что “технологические изменения вызывают безработицу”, но если человек буквально верит в то, что он сказал, это все равно что сказать “атомная энергия вызывает войну”. Атомная энергия не вызывает войны, а технологические изменения не вызывают безработицы.¹⁰

Социальное поведение, а не predetermined технологическим развитием, устанавливает технологию в любой данный момент истории.

Таким образом, возникли три технологические конфигурации, позволяющие в конечном итоге исключить человека из процесса производства. В доиндустриальную и индустриальную эпохи человек объявил о решимости расширить свою символическую деятельность за счет

физической и биологической сфер; недовольство человека природой привело к дискредитации естественного способа отдавать и отрицать в пользу его собственных защитников. Но внедрение автоматизации предвещает отказ от исторического источника символической деятельности, носителя культуры, агента технологического развития — человека.

Отстраненность, таким образом, достигает своего окончательного выражения: уничтожив биологическую зависимость от “изначальной” природы и искоренив физические неизбежности природы, неудивительно, что человек обращается к самому себе и заявляет о своей собственной раздельности. Ни природа, ни человек в их первоначальных формах не могут быть терпимы в соответствии с индустриальной и доиндустриальной эпохами; при автоматизации человек должен быть вытеснен с совершенно определенной перспективой уничтожения. “Долой человека!” - вот что означает автоматизация.

Американский негр попал в перекрестные течения технологических изменений; он находится на переходном этапе не одной, а двух технологических революций. Когда-то он был решением проблемы белого человека; сегодня он и есть проблема белого человека. Что произошло, чтобы изменить это положение дел?

До Первой мировой войны черный труд применялся непосредственно к ручным инструментам для обработки почвы и посадки таких культур, как хлопок, тохако, рис и сахарный тростник, характерных для экономики Юга. Негр стал источником недорогой энергии для региона страны, стремящегося поддерживать социальный порядок с помощью доиндустриальных технологий. Эффективное использование примитивного оборудования зависело от обширного, легкодоступного источника дешевой рабочей силы; без резерва пригодных для эксплуатации человеческих работников экономика Юга столкнулась бы с постоянной опасностью распада. Негритянская рабочая сила обеспечивала Югу необходимую гибкость рабочей силы, чтобы приспособиться к меняющимся экономическим условиям: когда наступали рецессии, негров можно было вытеснять из рабочей силы, а запас чернокожих можно было использовать в периоды процветания. Обедневший, лишенный избирательных прав негр был идеальным решением экономических проблем Юга, поскольку, несмотря на явную эксплуатацию, у него, в отличие от белых рабочих, не было средств возмездия. Более того, одна раса могла быть противопоставлена другой, поскольку белые, независимо от экономического положения, питали антигерманские предрассудки.

Когда в конце девятнадцатого века мелкопоместное дворянство и белые, а также чернокожие арендаторы столкнулись с обычным и жестоким поражением от рук агрессивных промышленников Севера и их представителей Юга, действовавших в унисон в целях промышленного захвата, вспыхнуло аграрное восстание. Корпоративные интересы, особенно железные дороги, ставили под сомнение экономическую жизнеспособность сельскохозяйственных предприятий независимо от классовой принадлежности. Мелкопоместное дворянство могло потерять основу своего богатства, а обедневшие впасть в крайнюю нищету. Экономические обстоятельства того периода были настолько тяжелыми, что возникло политическое движение, стремившееся объединить черных и белых. Популизм, возглавляемый его самым эффективным и заметным представителем Томом Уотсоном, выдвинул декларацию о том, что “случайность цвета кожи не может повлиять на интересы фермеров, земледельцев и чернорабочих”.²⁰ Альянс экономических интересов в противовес правящему классу возник, когда экономические амбиции белых были сорваны, когда рабочий класс, состоящий только из чернокожих, не смог поглотить более трудные времена. Вызов по

расовому и классовому признаку был настолько болезненным для доминирующих белых, что вспыхнуло насилие и углубились горькие разногласия. Фактическое аграрное восстание развернулось в попытке свергнуть правящий режим корпоративных интересов. “Чем объяснялись горечь и насилие, характерные для популистской борьбы на Юге?” - спрашивает К. Ванн Вудворд. “Чтобы ответить одним словом, — отвечает он, - ”раса“ . ” Но такое объяснение, признает Вудворд,

... это слишком простой ответ. Но если к расе он добавил сложности классовой экономики, вырастающей из расы, наследие психологии освобожденного раба и демографическое использование, к которому политик смог применить расовые предрассудки, — тогда можно сказать, что "раса" является ядром объяснения.²¹

Впервые усилия уроженцев Юга представили неграм настоящую альтернативу служению как черным, так и белым людям. Пока надежда популистов процветала, негру не пришлось бы продавать свой голос Демократической партии (как это было обычным делом) или без разбора голосовать за республиканцев.

Популистский захват многих местных и государственных учреждений можно было предотвратить, только прибегнув к фальсификации результатов выборов, запугиванию и насилию в кабинках для голосования. Поражение, однако, не только популизма, но и любого союза белых с черными для замены правящего класса не могло быть обеспечено до тех пор, пока не произойдет отмена голосования негров. Как будто по предвидению только штат Миссисипи избежал вызова, связанного с неграми, лишив их избирательных прав еще до подъема популизма. Белые, так сказать, усвоили урок популизма, когда в девяностые и первые два десятилетия после начала века законодательство каждого штата фактически исключало негров из списков избирателей, чтобы предотвратить очередной черно-белый альянс. Отныне негры будут терпеть экономические злоупотребления, не прибегая к политическим каналам возмещения ущерба; они будут служить в условиях эксплуатации белыми как трудящиеся-крепостные, находящиеся чуть выше границы рабства. Будучи рабочими, подчиняющимися экономическим силам рынка, неграм не нужно обременять белых экономическими обязательствами, связанными с рабством, которые, по словам Дженовезе, сделали человеческое рабство невыгодным занятием. Экономика Северного капитализма делала порабощение возможным, а расизм Юга делал это неизбежным.

Когда другие регионы страны полностью погрузились в индустриальную эпоху, Юг отстал. Безусловно, индустриализация пришла на Юг, чтобы эксплуатировать природные ресурсы, такие как древесина, железные и стальные руды, нефть и уголь, но развитие не только запоздало, но и оставило нетронутой единственную область концентрации занятости негров, а именно сельское хозяйство. Фактически, промышленные технологии обошли стороной несколько поколений негров и миллионы негритят даже после того, как появились на Юге. Его полное влияние на чернокожего работника проявилось только после Второй мировой войны, когда “фабрики в полях” взяли на себя производство сельскохозяйственной продукции и в процессе вытеснили чернокожих фермеров.

Сегодня ветры технологических изменений уносят негров в сторону как важнейший компонент рабочей силы для экономических целей Южных земель. Расизм был постоянной чертой белых южан и поэтому сам по себе не может объяснить огромные изменения, влияющие на возможности трудоустройства негров в регионе. Трансформация, происходящая с южными

неграми, отражает, в большей степени, чем любой другой фактор, переход от доиндустриальных инструментов к промышленным машинам для посадки и сбора урожая сельскохозяйственных культур, что, в свою очередь, соответствует экономическим мотивам фермерского производства. Технологический переход оставляет мало места для сотен тысяч негритянских арендаторов ферм и издольщиков.

Трактор, заменивший не только негра, но и традиционного мула, имел огромное значение. И все же одним из самых важных предметов оборудования, дополняющих работу цветных сельскохозяйственных рабочих, был механический сборщик хлопка; руки, которые сейчас собирают коробочки хлопка на Юге, сделаны из стали, а не из плоти. Стремясь получить большую прибыль, белые владельцы прибегли к более сложному оборудованию для сбора урожая хлопка на Юге после Второй мировой войны в очень ускоренном темпе. В Алабаме было 734 механических хлопкоуборочных машины в 1960 году и 2490 в 1964 году; в Южной Каролине было 455 в 1960 году и 2048 в 1964 году. К 1966 году 90 процентов хлопка в дельте Миссисипи убиралось машинным способом по сравнению с 27 процентами в 1958 году. Исследование семнадцати округов Арканзаса показало наличие 5061 хлопкоуборочной машины в 1963 году, тогда как в 1952 году их было всего 483; число негров в 15 из 17 округов сократилось с 21 863 до 6587 в период с 1950 по 1959 год. - * Средний годовой денежный доход арендаторов-негров в 1965 году составлял 800 долларов. Тем не менее, когда небольшой комбайн убирает акр хлопка за шесть человеко-часов, а не за 74, необходимые вручную, экономические преимущества просто вытесняют даже низкооплачиваемого полевого рабочего.

В сельском хозяйстве Юга произошла виртуальная революция, поскольку произошел резкий переход от неиндустриальных технологий к промышленным. За 20-летний период с 1940 по 1960 год численность рабочей силы на фермах сократилась с 4,2 млн до 1,7 млн человек; посевные площади под сельскохозяйственными культурами за то же время сократились со 111 млн до 81 млн человек. Средний размер фермы увеличился к 1960 году и вдвое превысил площадь по сравнению с 1930-ми годами, но, несмотря на расширение, владельцы нанимали менее половины того количества рабочей силы, которое требовалось двадцатью годами ранее. Следовательно, ферму покинули не только чернокожие и белые арендаторы, но и многие мелкие фермеры. Миграция низкооплачиваемых людей с Юга и появление более высокооплачиваемых рабочих мест в промышленности привели к существенному увеличению личных доходов: средний доход на душу населения на Юге составлял примерно половину национального уровня в 1900 году, вырос до 60 процентов от среднего показателя по стране в 1940 году и составлял около 75 процентов в 1960 году.

К середине 1960-х годов на фермах Юга работало всего 1,5 миллиона негров, 500 000 из которых производили, по большей части, хлопок и зерно; большинство из оставшегося миллиона были издольщиками табака. Последним оплотом издольщины на Юге остается табачный пояс, простирающийся от Вирджинии через Каролинские острова до Джорджии и Флориды, но ожидается, что в течение четверти века, вероятно, большинство этих фермеров-арендаторов покинут страну в поисках других занятий. Одним из нововведений, которое, несомненно, вытеснит оставшихся чернокожих с ферм, является механический табакоуборочный комбайн. Хотя сейчас работает полумеханическая машина, но в начале семидесятых годов первая из многих полностью механических машин начнет собирать урожай, срезая не только яркие листья растений, но и сокращая рабочее время работников; человеко-часы быстро сократятся с 400,

которые обычно требовались для выращивания и сбора урожая на одном акре в 1965 году, до чуть более 100.

Механические заменители сельскохозяйственного труда объясняют разобщенность негров. Более того, Эли Гинзбург указывает, что “негр смог получить мало рабочих мест в промышленности Юга, и шансы останутся против него там, где большое количество бедных белых фермеров ожидает возможности трудоустройства в промышленности”.²³ Когда негры уезжают в таких количествах, как это было с 1900 года, можно быть уверенным, что "негритянский вопрос" на Юге ослабнет; без негров не может быть никакой дискриминации. "I's black exodus получает активную поддержку интересов белых в сельском хозяйстве, потому что экономически целесообразно ликвидировать негритянскую рабочую силу. Изгнание негров, в глазах белых расистов и землевладельцев, обеспечивает правдоподобное решение, альтернативу давлению извне с целью принятия негров как равных. Таким образом, именно устойчивая взаимосвязь между экономическими мотивами и расистскими ценностями объясняет изменение отношений между неграми и белыми на Юге сегодня, как это было всегда.

В тот самый момент, когда негры подвергаются вывозу с помощью механических машин, введенных для повышения эффективности белых южных земледельцев, на американскую сцену обрушивается еще один технологический натиск со зловещими расовыми последствиями. Еще до того, как негр освоился с промышленными технологиями и занял свою нишу в промышленной системе, автоматизация вторгается чрезвычайно быстрыми темпами. Точно так же, как взаимосвязь расовых отношений приобретает новые измерения с распадом Старого Юга в результате появления индустриального сельского хозяйства Юга, так и внедрение автоматизации открывает совершенно новую перспективу, создавая возможность для белых альтернативной борьбы с черными. Фундаментальный процесс расовых отношений в американском обществе сохраняется, когда экономические ценности определяют масштабы расизма белых по отношению к неграм, но новые технологии предвещают резкое изменение.

Возможность радикально иного статуса для американских негров не получает должной оценки просто потому, что существует нежелание признавать резкие темпы технологических изменений с 1950 года. Нежелание замечать значительные изменения в способе производства приводит к нежеланию воспринимать радикальный отход от прошлых представлений белых о неграх; поскольку мы отказываемся признать самим себе, что живем на пороге технологической революции, до такой степени мы будем воздерживаться от признания появления нового расистского решения по отношению к неграм. Мы будем продолжать притворяться, придерживаясь представления об автоматизации как о простом продолжении индустриализации, вместо того чтобы признать уникальное качество производства 1950-х годов. Эта ошибка вводит нас в заблуждение, заставляя многих отождествлять настоящее с прошлым. Многочисленные наблюдатели настаивают на том, что это не разрыв с традицией, а скорее большее следование традиции, что негры теперь испытывают то, что уже испытали белые иммигранты и горожане. Негры приспособятся к процессам индустриализации и урбанизации и, предположительно, пойдут по путям, уже пройденным белыми, чтобы приобщиться к господствующей культуре американского общества. Нынешнее расовое обострение, в этих терминах, просто отражает необходимую адаптацию любого народа, подвергающегося разрушительным последствиям промышленной урбанизации, которая пройдет как этап к осознанию зрелости народом, справляющимся с современной цивилизацией. Поскольку негры участвуют в традиционных процессах, которые уже

осуществляются белыми людьми, традиционные решения обеспечат адекватные решения для преодоления любых возникающих трудностей. Экономике нужно только расширяться, чтобы обеспечить занятость. Если негр подготовит себя с помощью образования, стабильности семьи, личной инициативы и терпения, он скоро войдет в американскую жизнь.

Однако белая Америка оказывается в противоречии со своими стремлениями вперед, порождая острую дилемму с сильными предзнаменованиями для судьбы негров. Новые технологические конфигурации в американской истории отражают радикальные последствия традиционных ценностей; священное понятие эффективности определяет ценность различных альтернативных технологических способов производства и питает создание радикальных технологических изобретений. Как цель — получение прибыли, так и ценность эффективности остаются неизменными на корпоративных предприятиях Америки, в то время как технологические средства подлежат мгновенной и тщательной замене. В этом смысле бизнесмен является одновременно радикалом и консерватором; он продвигает масштабные изменения в технологическом производстве для достижения неизменной цели получения прибыли в соответствии с фиксированной системой ценностей, в которой эффективность обеспечивает содержание, и поэтому обычно придерживается “радикально-консервативной” идеологии, которая призывает к быстрым технологическим изменениям в интересах продвижения статичной цели.²⁴ Следовательно, как общее правило, корпоративный промышленник берет на себя роль “консервативного новатора”, внедряющего великолепные перемены, но пытающегося оставаться в рамках статус-кво своей “радикально-консервативной” идеологии. Он демонстрирует чрезвычайную готовность и ловкость спровоцировать технологическую революцию, такую как переход от индустриализации к автоматизации, но в то же время хочет сохранить свои цели и мотивы. Однако провозглашение революции угрожает подорвать консервативные черты корпоративного предпринимательства, приводя в движение решающее противоречие внутри центральной темы американской культуры. Как возможно продвигать автоматизацию, которая предполагает радикальный сдвиг достаточного масштаба, чтобы принять форму технологической революции, и в то же время сохранять консерватизм как по отношению к целям, так и к системе ценностей капитализма? Смогут ли бизнес-империи начать свой технологический переворот, не подрывая своих консервативных наклонностей? Это, как мы рассмотрим в следующей главе, является одним из наиболее фундаментальных вызовов, которые негритянское меньшинство бросает белому большинству.

АВТОМАТИЗАЦИЯ

В то время как многие люди настаивают на том, что нынешний технологический взрыв - это всего лишь продолжение индустриализации, руководители предприятий, наиболее глубоко погруженных в изобретение автоматизации, предвидят ускоряющиеся темпы изменений не только в оборудовании, но и в социальных отношениях. Джон Диболд, которого многие считают основателем автоматизации, когда-то неохотно говорил о радикальных изменениях. В своем первоначальном изложении темы "Появление автоматизации" он утверждал:

Автоматизация не продвинется так далеко, как сторонники полностью автоматического общества предсказало, и ... изменения произойдут не так быстро, как большинство прогнозы заставили нас поверить. Существует достаточно доказательств в природе

технологии, в изменениях, которые произошли в промышленности и в промышленном

проблемы сами по себе указывают, по крайней мере в общих чертах, на пределы автоматизации и скорость, с которой мы можем ожидать изменений в автоматизации.²⁵

Дихольд предполагал, что новая технология будет развиваться подобно своим предшественникам, скорее эволюционно, чем революционно в области автоматизации, при этом незаметные изменения становятся заметными только в отличие от периода времени, охватывающего поколения. Но в течение одного десятилетия Диболд стал свидетелем замечательных достижений, которые он считал маловероятными: “Люди обладают воображением, свободной волей и целеустремленностью. До сих пор ни одна машина не развила эти способности. Но пять лет назад мы думали, что машины не могут учиться”.[™] Теперь Диболд восклицает, что “точно так же, как машины, разработанные Ричардом Аркрайтом, и другие создали промышленную революцию и полностью изменили старое сельскохозяйственное общество, — эти новые | автоматические | машины изменят качество нашей жизни”. -⁷

Диболд не одинок в предвидении грядущей технологической революции. Говард Х. Эйкен, глава Howard Aiken Industries, говорит, что автоматизация “пришла намного быстрее, чем я ожидал, и охватила более широкую область, чем я когда-либо ожидал”. Покойный Джон И. Синдер-младший сетовал на близорукость многих, кто преуменьшает непосредственную значимость автоматизации:

И его общая неспособность справиться с этими проблемами занятости в связи с автоматизацией!, попытки во многих местах избежать их, на мой взгляд, сами по себе представляют национальную моральную слабость; И я также полагаю, что это может свидетельствовать об общей неспособности оценить и понять суровую природу и масштабы напора этой технологической революции”.

Дальнейшее обслуживание синдера,

... эти новые | технологические устройства | появляются с такой скоростью, что если автоматизация - это просто эволюционный процесс, то это довольно взрывной пример эволюции.

Она настолько динамична, стремительна, масштабна и отличается от других, что можно привести веские доводы в пользу описания этого технического явления как революции в области автоматизации.²⁰

Было бы более чем нереалистично бороться с черепашьями темпами технологических изменений ввиду огромного расширения знаний за последние три столетия и, особенно, за последние три десятилетия. По словам Роберта Оппенгеймера, из крупнейших научных открытий с момента зарождения письменной истории девять из десяти были сделаны людьми, которые все еще живы;³⁰ с 1900 года появилось больше математики, чем было доступно до двадцатого века. В начале нынешнего столетия человек обладал вдвое большим объемом знаний, чем в 1700 году; к 1950 году, 50 лет спустя, этот объем удвоился — только для того, чтобы снова удвоиться всего за десятилетие. А к 1968 году объем накопленных знаний удвоился по сравнению с 1960 годом!

Когда знания удваиваются, нельзя ожидать статичного общества; социальные отношения вряд ли могут оставаться в застое, в то время как знания взрываются. Информационная революция - это не изолированное событие; это одновременно причина и следствие социальных изменений. Статистика уже показывает, что шесть из каждых десяти работающих в 1960 году имели работу, которой даже не существовало сорок лет назад;³¹ ожидается, что три четверти рабочей силы 1970-х годов будут заняты производством продуктов, изобретенных или открытых с 1963 года.³²

По мере того, как на чертежных столах современного разработчика инструментов появляется автоматическое оборудование, становятся доступными значительные суммы для финансирования производства. Например, в период с 1945 по 1955 год обрабатывающая промышленность потратила примерно 75 миллиардов долларов на новые заводы и машины, что намного превышает “балансовую стоимость всех заводов и оборудования, существовавших до тех пор”,³³ Инвестиции 1965 года в новые заводы и оборудование составили 51 миллиард долларов — на 13,4 процента больше, чем в 1964 году; в 1967 году было выделено 61,4 миллиарда долларов; запланированные расходы американских корпораций на производственные мощности в 1969 году в размере 72,4 миллиарда долларов представляют собой рост на 13 процентов по сравнению с 1968 годом. Эти факты демонстрируют наличие достаточного капитала, чтобы проложить путь к появлению автоматических изобретений беспрецедентными темпами.

Без автоматического контроля некоторые товары и услуги пришлось бы сократить или, в случае сохранения, предприятиям пришлось бы нанимать большее количество работников; другие товары, такие как химикаты, такие как полиэтилен, просто невозможно было бы производить без автоматических устройств, контролирующих температуру, приток и отток ингредиентов, давление и т.д.; И все же другие товары пострадали бы от потери качества, если бы автоматизация не приводила в действие оборудование, как в случае с прецизионными инструментами, используемыми для изготовления блоков автомобильных двигателей. Слишком много примеров сокращения занятости при увеличении выработки на человеко-час, чтобы отрицать наличие автоматизации; спор может упираться только в степень автоматизации. Значение того, что может быть и, вероятно, будет автоматизировано, можно легко понять, указав на множество уже существующих приложений.

- На обычном заводе Cleveland Electric Illuminating Company занято около ста человек, вырабатывающих 290 000 киловатт-часов электроэнергии; на его новой установке, оснащенной множеством автоматических устройств, требуется всего 28 человек для производства 420 000 киловатт-часов — более чем на треть больше электроэнергии, чем вырабатывается обычным заводом, при этом задействовано около одной четвертой рабочей силы.
- Фабрика в Нью-Джерси производит 70 процентов всего нейлона, потребляемого в Соединенных Штатах, и делает это в три восьмичасовые смены, каждая из которых состоит из девяти человек.
- Единый компьютер обрабатывает полные расчеты заработной платы на заводе с 26 000 сотрудниками; он рассчитывает почасовые ставки, ставки сверхурочной работы, вычеты, стимулирующие выплаты — и любые другие необходимые бухгалтерские операции, связанные с оплатой труда, — и все это в течение 25 минут.

- До того, как банк установил автоматизированную электронную систему учета, в нем работало 400 человек; после установки в том же бухгалтерском отделе осталось 75 человек, производительность которых в два раза выше, чем у первоначального персонала.
- Производственная компания Raytheon заменила свой завод по сборке радиоприемников на автоматическое оборудование, сократив численность персонала с 200 до 2 человек.
- После установки компьютеров Администрация США по делам ветеранов уволила всех, кроме 3000, из своих 17 000 сотрудников, которые ранее обрабатывали страховые претензии. Подсчитано, что если бы компьютеры, используемые в настоящее время федеральным правительством, были утилизированы и задачи, выполняемые компьютерами, все еще требовались,

К платежной ведомости придется добавить еще 100 000 человек.

- Работает пекарня, которая загружает зерно в силос, который затем полностью автоматизированным оборудованием перерабатывается в хлеб, к которому не прикасаются руки человека. Утверждается, что один завод с одним работающим работником мог бы производить весь необходимый хлеб в Южной Калифорнии.
- Американская электроэнергетическая система “использует компьютеры для управления работой энергоблоков на пятнадцати электростанциях, расположенных в шести штатах. Когда происходит скачок мощности¹, компьютер АЕР в Кантоне, штат Огайо, автоматически взвешивает стоимость топлива на каждой станции, стоимость передачи мощности и КПД каждого блока — и решает, откуда следует взять дополнительную мощность”.³⁴

— это “полная система управленческой информации”, которая сообщает руководителю все, что он хочет знать о своем бизнесе, прежде чем он примет решение”.^{3*}

Одна единица оборудования, именуемая “Milwaukce-Matic”, управляет батареей из 961 инструмента, выбирая по сигналам ленты любой необходимый инструмент для выполнения порученной станку работы в течение восьми секунд, обнаруживая дефекты и требуя замены во время его работы. В настоящее время по всей территории Соединенных Штатов используется по меньшей мере 180 из них. Представитель профсоюза на заводе, использующем Milwaukce-Matic, предсказал: “Теперь нет необходимости в 40% наших инструментальщиков, 50% наших операторов станков. Без сокращенной рабочей недели 60% членов нашего [профсоюза] останутся без работы”.³⁰

Компания McGraw-Edison изобрела “говорящую пишущую машинку”, способную научить сотни детей читать, писать по буквам, печатать на машинке и писать под диктовку. Машина, стоимость которой составляет всего 35 000 долларов, может быть запрограммирована на обучение большинству предметов.

Сочетание механических и автоматических процессов позволяет Ford Motor Company изготавливать блок автомобиля менее чем за 15 минут, хотя ранее на этот процесс требовалось девять часов. В 1910 году 104 человека произвели один автомобиль; теперь для достижения того же результата требуется всего на 6 человек меньше рабочего времени.

“... Подразделение Astro корпорации Marquart анонсировало новое запоминающее устройство, которое могло бы хранить внутри шестифутового куба всю информацию, записанную за

последние 10 000 лет. Это означает, конечно, не только каждую книгу, когда-либо напечатанную, но и все, когда-либо написанное на любом языке на бумаге, папирусе, пергаменте или камне. Она представляет собой емкость, в миллионы раз превышающую емкость памяти отдельного человека ...”³⁷

Нефтеперерабатывающий завод может сократить свою рабочую силу с 800 человек до 12 за счет применения автоматизации.

На письма, написанные евангелисту Билли Грэму, отвечают с помощью автоматических устройств. Восемь женщин открывают множество писем, получаемых ежедневно, и подчеркивают ключевые слова разноцветными карандашами. Цвета используются при выборе одной или нескольких из сорока перфолент, которые управляют роботизированными пишущими машинками, чтобы оттиснуть стандартные ответы на такие типичные проблемы, как те, которые связаны с задним ходом, военнослужащими, ‘неспасенными’ мужьями и сегрегацией. Соответствующие отрывки из Священных Писаний также добавляются автоматически”.³⁰

“В конечном счете, огромные объемы информации могут передаваться на региональном или глобальном уровнях с помощью лазера, единственного луча интенсивного света в...

он способен передавать всю информацию, передаваемую всеми телевизионными станциями, радиостанциями, телетайпами и телефонами в мире, работающими одновременно”.^{3*}

Эти иллюстрации, среди многих, которые можно было бы привести, ясно передают масштабы и диапазон автоматизации, которая уже ведется, и то, чего можно реально ожидать в ближайшем будущем. Действительно, “если бы шестидесятичасовая рабочая неделя по-прежнему преобладала, - размышляет Джерард Пил, - то для производства национального продукта 1961 года потребовалось бы всего 40 000 000 рабочих и около 27 000 000 рабочих были бы безработными”.⁴⁰

Одно различие, которое уже очевидно, - это значительный рост числа ученых; три четверти всех ученых, когда-либо живших, живут сегодня. В 1964 году в исследованиях и разработках было задействовано более 450 000 ученых и инженеров, что вдвое больше, чем в 1954 году. По крайней мере,

Ежегодно требуется 70 000 новых инженеров, что на 25 000 больше имеющегося числа; в течение следующего десятилетия общее количество инженеров-выпускников будет отставать от общего спроса как минимум на 300 000 человек. Экономика автоматизации порождает избыток рабочей силы за счет устранения необученных и необразованных работников и, в то же время, создает возможности трудоустройства, превышающие доступность хорошо образованных и подготовленных специалистов. Возникает парадокс, заключающийся в том, что безработица преобладает на относительно высоком уровне в то время, когда деловой мир испытывает нехватку рабочей силы.

В течение относительно короткого периода времени, последовавшего за появлением новой технологии, число белых воротничков выросло, а число “синих воротничков” сократилось. Впервые больше людей было занято офисной работой, чем работой на заводе. К началу 1960-х годов “белые воротнички” составляли 46,5 процента рабочей силы, профессиональные работники - 11,5 процента, а неквалифицированная рабочая сила составляла менее 6

процентов. В 1900 году занятость белых воротничков составляла всего 25 процентов, а профессиональных - всего 7 процентов. Тем не менее, несмотря на драматическую тенденцию последних полувека, недостаточное их число соответствует 40-процентному росту спроса на профессиональный и технический персонал, наблюдавшемуся с шестидесятых годов. Возникает острая нехватка образованных категорий: университеты страны ежегодно должны заканчивать еще 3500 студентов-медиков и еще 3000 студентов-стоматологов; 1960 учебный год начался с нехватки по меньшей мере 118 000 классных руководителей. С другой стороны, AFL-CIO настаивает на том, что в период с 1953 по 1962 год резкое сокращение рабочих мест на заводах и в сфере технического обслуживания распространилось по всей экономике, составив сокращение на 1,6 миллиона человек; занятость на фермах сократилась на 1,4 миллиона; количество рабочих мест на железных дорогах сократилось на 500 000; занятость в горнодобывающей промышленности сократилась на 200 000 - общее сокращение составило 3,7 миллиона рабочих мест. Роберт Хатчинс прогнозирует, что по мере того, как все больше машин берут на себя ответственность за проектирование, производство и программирование все большего количества машин со встроенной способностью исправлять производственные ошибки, тогда точно так же, "как два процента населения могли бы сейчас поставлять нам все продукты питания, которые мы можем съесть, и даже больше, так и в конечном итоге два процента населения смогут производить и управлять машинами, которые могли бы дать нам все остальные товары, в которых мы нуждаемся".⁴¹

Когда работника заменяет автоматизация, происходит не только фундаментальное изменение характера рабочей силы: от неквалифицированной к квалифицированной и от необразованной к образованной, но и работодатель рабочей силы не остается прежним. Федеральные агентства, агентства штатов и местные агентства нанимают больше людей, чем предприятия. На протяжении 1950-х годов частные предприятия создавали только одно из каждых шести новых рабочих мест; на остальные пять новых рабочих мест приходилось на государственные закупки, государственную занятость и некоммерческие учреждения.⁴² Занятость в частном секторе существенно сократилась: в период с 1947 по 1957 год ежегодно создавалось 700 000 вакансий; среднегодовой показатель снизился всего до

175 000 человек в период с 1957 по 1962 год. Тем не менее, хотя частный капитал обеспечивает меньше новых рабочих мест, производительность не страдает, а, наоборот, устанавливает впечатляющие рекорды. В период с 1947 по 1961 год реальный объем производства частной экономики увеличился на 59 процентов при увеличении общего объема производства не более чем на 3 процента. Это достижение, совершенно очевидно, требует опоры на технологическое производство, а не на отдачу человеческих мускулов: в 1953 году национальные производители использовали только два компьютера на производственной линии и в офисе; в 1966 году - 570; в 1964 году - более 20 000; а в 1968 году было установлено 14 300 компьютеров на общую сумму 56 000, а стоимость покупки превысила 20 миллиардов долларов. Еще в 1960 году лишь горстка компаний полагалась на компьютеры для управления своими производственными процессами, но к 1965 году было установлено более 400 таких систем; в 1968 году работало 3000 компьютеров для управления технологическими процессами по сравнению только с 400 в 1964 году. Рынок продолжает расширяться более чем на 30 процентов ежегодно; по оценкам, в 1970 году ежегодный объем продаж одних только компьютеров составит более 150 миллионов долларов.

Совокупное богатство частных предприятий увеличивается вместе с развитием технологий. К середине 1960-х годов 150 крупнейших корпораций владели двумя третями производственных активов страны. Новые технологии гарантируют продолжение тенденции; их внедрение приносит еще большую прибыль. "... отрасли, " утверждает доктор Луис Т. Рейдер из General Electric, - которые вложили больше всего денег в заводы и оборудование с целью повышения производительности, получили 146-процентный рост прибыли до уплаты налогов и 51-процентный рост занятости". Согласно этим цифрам, предприятия получили прибыль до налогообложения, примерно в три раза превышающую рост занятости. Хотя комментарий охватывает все формы технологий, автоматизация, несомненно, вносит существенный вклад в соотношение затрат к затратам. Отчеты Cincinnati Milling Machine Company, безусловно, подтверждают такую возможность: в 1914 году концерн использовал 162 станка стоимостью 234 000 долларов для производства 108 головок цилиндров в час при прямых затратах на рабочую силу 40 центов за штуку; в 1949 году он установил 6 новых станков общей стоимостью 240 000 долларов, способных производить тот же объем, что и раньше, но вдвое дешевле за единицу продукции; в 1954 году он ввел в эксплуатацию один автоматический станок стоимостью 230 000 долларов для поддержания того же уровня производства, что и раньше, но снизив стоимость каждой единицы с 20 до 4 центов, что представляет собой 80-процентное сокращение затрат на пять лет. Расчеты по рабочей силе не отражают реальных сокращений, поскольку заработная плата резко возросла в период с 1944 по 1954 год, в то время как стоимость оборудования отражает инфляционные доллары; автоматизация поглотила как затраты на рабочую силу, так и инфляцию, позволив производить продукцию по цене в одну десятую от первоначальной стоимости единицы продукции. В целом, удельные затраты на рабочую силу в обрабатывающей промышленности продолжают снижаться в годовом исчислении на 0,7 процента, что компенсируется скромным повышением заработной платы. И то, что может быть достигнуто с точки зрения экономической отдачи от промышленных операций, также может быть достигнуто для офиса. Например, новый завод General Electric в Луисвилле намерен ежегодно экономить 500 000 долларов на канцелярских расходах за счет установки одного компьютера.

В 1964 году прибыль корпораций после уплаты налогов составила 31,6 миллиарда долларов, что на 18 процентов больше рекордного 1963 года; в 1967 году годовая чистая прибыль корпораций достигла 48,1 миллиарда долларов; а к 1969 году эта сумма составила 52,5 миллиарда долларов. За период с 1960 по 1965 год прибыль после уплаты налогов подскочила на 52 процента; выплаты дивидендов акционерам выросли на 43 процента. С другой стороны, заработная плата заводских рабочих на дому увеличилась всего на 21 процент; с учетом дополнительных льгот, добавленных к заработной плате, общий прирост *tfie* составил 33 процента. Весь личный доход после уплаты налогов в стране в целом увеличился на 34 процента за тот же промежуток времени. В 1966 году прибыль корпораций после уплаты налогов выросла еще на 11 процентов, в то время как выплаты дивидендов были на 13,5 процента выше; заработная плата заводских рабочих, однако, выросла всего на 2,7 процента, в то время как общий доход всего населения после уплаты налогов увеличился на 9 процентов. По мере того как корпорации получают большую процентную прибыль, чем как фабричные рабочие, так и нация в целом, расхождение становится еще больше, а это означает, что богатство становится более концентрированным. "Доля рабочей силы в национальном доходе, " сообщалось в выпуске Business Week от 15 июля 1967 года, " постепенно снизилась с 71% в 1960 году до 70,3% в 1965 году. Между тем, доля прибыли после уплаты налогов выросла с 6,4% до 8%".

Целью бизнеса является получение прибыли, а не общественное благо. Достижение большей прибыли за счет рабочей силы имеет приоритет над последствиями для общества в целом. Доктор Теодор Левит, консультант по маркетингу Standard Oil, в полной мере оценил преданность бизнеса на конференции перед Гарвардской высшей школой business-

Суть такова: бизнесмен существует только с одной целью - создавать и доставлять ценностное удовлетворение с прибылью для себя. Он не является и не должен быть теологом, философом, Эмили Пост из коммерческого отдела. Его работа до смешного проста. Проверка того, действительно ли предлагаемые вещи содержат удовлетворяющую ценность, обеспечивается полностью нейтральным механизмом открытого рынка. Если то, что предлагается, может быть продано с прибылью (даже не обязательно с долгосрочной прибылью), то это законно. . . . Культурные, духовные, социальные, моральные последствия не являются его (бизнесмена) личной заботой.⁴³

И более чем когда-либо доход отдельного человека становится личной заботой, а не государственной политикой. В то время как когда-то правительство использовало доходы не только для обеспечения государственных доходов, но и для перераспределения богатства, сегодня подоходный налог препятствует перераспределению богатства от богатых к бедным. Так называемый дифференцированный подоходный налог преобладает скорее теоретически, чем фактически. Следующая таблица, основанная на 1963 году, кратко показывает, что, вообще говоря, чем больше доход, тем меньше налоговые льготы:

Таблица * 3. СТАВКИ НАЛОГОВОГО УПРАВЛЕНИЯ США В СРАВНЕНИИ. ПРОЦЕНТ ДОХОДА, ФАКТИЧЕСКИ ВЫПЛАЧЕННЫЙ В 1963 г.⁴⁴

Доходная группа (в расчете на поток)	Коэффициент налогообложения Согласно Графику (%)	% Фактически выплаченный доход	% Разница
<5	20,7	9,0	11,7
S-IO	25,7	11,0	12,7
10-20	29,4	14,8	14,6
20-50	44,1	21,8	22,3
50-100	60,8	31,1	29,7
100-150	71,6	34,6	39,0
150-500	84,1	33,3	50,8

500-1000	88,6	31,1	56,5
1000-5000	90,1	32,3	57,8
>5000	90,7	24,6	66,1

В таблице 3 показаны существенные налоговые обязательства при каждом увеличении дохода в соответствии с графиком IRS, но ни на одну группу доходов в разделе “% фактически выплаченного дохода” не начисляется более половины налоговой ставки по графику IRS. И эта доля уменьшается с увеличением дохода, настолько сильно, что фактически выплачиваемые проценты начинают снижаться, как только доход превышает 150 000 долларов. Более того, лица с высокими годовыми доходами могут не платить ни цента в соответствии с налоговым законодательством. По меньшей мере 35 человек, заработавших более 500 000 долларов в 1965 году, и 155 человек с скорректированным валовым доходом в 200 000 долларов и более, включая 21 человека, заработавшего более миллиона долларов, в 1967 году не платили федеральный подоходный налог. Поскольку процентная разница между ставками IRS и фактическими налоговыми платежами неуклонно увеличивается от категорий с более низким к категориям с более высоким доходом, это может означать только относительно более высокую концентрацию богатства в меньшем количестве рук с каждым годом; разрыв между бедными и богатыми увеличивается, а не сокращается, как предполагалось <• '1'

стремление к власти развивается у высших слоев населения за счет бедных как фактическое условие, противоречащее принципам закона о дифференцированном подоходном налоге, согласно которому бедные выиграют за счет богатых.

Тенденции занятости, распределения по профессиям, типа работодателя и перераспределения доходов, склоняющиеся в сторону более высоких уровней дохода, среди других, которые можно было бы отметить, содержат зловещие последствия для негров в большей степени, чем для белых. Больше негров, чем белых, дольше остаются без работы, ищут работу в правительственных учреждениях и получают непропорционально меньшую часть национального богатства из-за стремительного развития автоматизации. Более того, негр имеет меньше положенной ему доли жилья, образования, политической власти, медицинских услуг и материального имущества в целом, в то время как ему приходится больше терпеть жестокость полиции, смертельные случаи в боях во Вьетнаме, дискриминацию, социальную изоляцию, распад семьи, младенческую смертность и социальное обеспечение в виде прямых выплат. Расы, таким образом, расходятся с большей скоростью, поскольку эти расхождения усиливают различия между ними.

В следующей таблице указаны несколько заметных тенденций в отношении уровня безработицы за 1948-1964 годы.

Источник: Министерство труда США. Данные за период до 1956 года не были скорректированы с учетом изменений в определениях занятости, внесенных в I

Таблица 4. УРОВНИ БЕЗРАБОТИЦЫ В РАЗБИВКЕ По ЦВЕТУ КОЖИ, ПОЛУ И ВОЗРАСТУ:
СРЕДНЕГОДОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ, 1948-64⁴⁵

/fgr Круп

Цвет—.

анти половой	системы tcii.Ил	15-19	20-25	25-55	35-55	55-55	55-65	65+
ВГ,Ле мужчина								
лы-та -	5.1	8.5	5.8	2.5	1.9	2.2	2.7	2.9
моя	5.2	11.7	9.5	5.5	3.6	3.7	5.8	5.7
МО	5.5	10.5	7.5	5.7	3.0	3.5	5.5	5.5
1951	2.5	0.8	5.2	1.8	1.6	2.0	2.5	3.2
1952	2.2	7.0	5.7	1.6	1.5	1.7	2.1	2.5
1955	2.2	6.5	5.7	1.6	1.5	1.7	2.2	2.1
1955	5.5	11.0	9.0	5.8	3.2	3.5	3.8	3.8
1955	5.5	9.6	6.5	2.5	2.5	2.8	3.7	3.5
1950	5.1	8.9	5.6	2.5	2.0	2.5	2.9	3.1
1957	5.7	10.5	7.1	2.7	2.5	3.0	3.5	3.2
1958	0.1	15.0	11.7	5.6	5.5	5.8	5.2	5.0
1959	5.0	12.5	7.5	5.8	3.2	3.7	5.2	5.5
1900	5.8	12.9	8.5	5.1	3.3	3.6	5.1	5.0
1901	5.7	15.1	10.0	5.9	5.0	5.5	5.3	5.2
1902	5.0	12.5	8.0	5.8	3.1	3.5	5.1	5.1

1905	5.7	15.2	7.8	3.9	2.9	3.3	5.0	5.1
------	-----	------	-----	-----	-----	-----	-----	-----

1905	5.2	15.5	7.5	3.0	2.5	2.9	3.5	3.6
------	-----	------	-----	-----	-----	-----	-----	-----

Wlaic Жeнщина

1958	5.5	6.9	5.6	3.2	2.3	2.5	2.8	2.0
------	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

1959	5.2	10.7	6.0	5.9	5.0	3.5	3.8	3.9
------	-----	------	-----	-----	-----	-----	-----	-----

1950	5.9	9.8	5.6	5.7	3.7	5.1	3.9	2.9
------	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

95	T 7	7 1	1 1	1 7	np.,	1 ?	3 5	7 7
----	-----	-----	-----	-----	------	-----	-----	-----

1952	2.9	6.6	3.2
------	-----	-----	-----

1953	2.6	5.5	3.3
------	-----	-----	-----

1955	5.9	9.3	5.9
------	-----	-----	-----

1955	3.9	8.2	5.5
------	-----	-----	-----

1956	3.8	8.6	5.5
------	-----	-----	-----

1957	5.3	9.1	5.1
------	-----	-----	-----

1958	6.2	11.6	7.5
------	-----	------	-----

1959	5.3	10.6	6.7
------	-----	------	-----

1960	5.3	11.9	7.2
------	-----	------	-----

1961	6.5	13.5	8.5
------	-----	------	-----

1962	5.5	11.5	7.7
------	-----	------	-----

1963	5.8	13.6	7.5
------	-----	------	-----

1965 5.5 13.2 7.1

Небелый Мужчина

1958 /•r^L(5.1 7.6 10.6

1959 1959) 8.8 13.9

15.9 1950 t-17 8.9 13.2,

1951 , , , 1953,

, , , , ,

, . . .

.

1955 8.2 13.2 11.2

1956 1956 7.3 13.6

10.9 1957 i-n 8.5 17.5

12.7 1958 f.i-l 13.7 25.3

19.5 11.5 22.8 16.3

1960 ?•> 22.0 13.1

1961 •* 12.9 25.7

15.3

1962 и-Р. 11.0 20.7 15.6

1963 а* 10.6 25.5 15.5

1965	с./с	9.1	23.3	12.6
------	------	-----	------	------

Nonwhite женщина

1958		5.2	10.5	8.9
1959		7.2	15.3	11.5
1950		7.8	15.0	12.0
195 л		5.5	10.2	8.0
1952		5.8	10.5	9.2
1953		3.7	7.5	5.9
1955		8.2	17.1	11.7
1955		7.5	16.2	11.5
1956		8.0	19.6	13.2
1957		7.5	18.9	12.2
1958		10.8	26.2	18.9
1959		9.5	25.9	15.9
в 1960		9.5	22.7	15.3
1961		11.9	26.6	19.5
1962		11.1	28.2	18.2
1963		11.3	33.1	18.7
1965		10.8	30.6	18.3

2.8	2.5	2.0	2.1	
2.3	1.8	1.7	1.8	
5.0	5.3	3.9	3.9	
3.8	3.5	2.9	3.2	
3.5	3.0	2.9	3.1	
5.7	3.7	3.0	3.0	
6.6	5.6	5.9	3.3	
5.0	5.7	5.0	3.0	
5.7	5.2	5.0	3.3	
6.6	5.6		3.3	
5.5	5.5	3.7	3.3	
5.8	5.6	3.9	3.5	
5.2	5.5		3.5	
5.2	5.5	3.1	3.3	3.0
7.8	7.5	7.1	6.5	6.2
9.5	7.3	7.0	7.3	7.0
5.8	3.2	3.5	3.9	3.7
5.6	3.8	3.6	3.2	3.1
3.7	3.1	5.3	3.2	2.6
9.2	7.1	8.2	6.9	6.9

8.0	7.5	5.8	8.3	6.6
6.9	6.0	5.0	7.3	3.3
8.5	6.5	6.2	5.5	5.9
15.7	11.5	10.3	10.1	9.0
12.3	8.9	7.9	8.7	8.9
10.7	8.2	8.5	9.5	6.3
12.9	10.7	10.2	10.5	9.9
10.5	8.6	8.3	9.6	11.9
9.5	8.0	7.1	7.3	10.1
7.7	6.2	5.9	8.1	8.3
6.1	3.3	2.3	2.3	1.6
7.6	5.5	3.3	3.8	
8.5	6.1	5.3	3.3	9.3
6.5	5.7		2.8	1.6
5.5	3.3		1.9	1.5
5.2	2.8	1.7	1.5	1.6
9.6	6.3		3.0	5.1
9.1	5.9	3.6	3.7	3.9
7.9	5.9		5.5	2.7
8.1	5.7	3.2	3.0	9.3

11.1	9.2	3.9	6.2	5.6
9.7	7.6		5.0	2.3
9.1	8.6	5.7	3.3	9.1
второй.1	10.7	7.3	6.3	6.5
11.5	8.9	7.1	3.6	3.7
11.7	8.2		3.8	3.6
11.2	7.8	6.1	3.8	2.2

1

В течение 1955-1957 годов более пятой части негритянской рабочей силы — 22 процента — в течение каждого года какое-то время оставались без работы, а к 1961-1963 годам этот процент вырос до 29. Уровень безработицы среди негритянских подростков указывает на то, что примерно четверть мужчин и треть женщин были без работы в 1964 году. В то время как уровень безработицы среди белых редко превышал отметку в 6%, негры редко опускались ниже 9%. “То, что является рецессией для белых (скажем, уровень безработицы в 6%), является процветанием для небелых ... белые колеблются между процветанием и рецессией, а негры колеблются между депрессией и великой депрессией”.^{4*} Картина занятости, спрогнозированная Бюро статистики труда и представленная Национальной комиссией по технологиям, автоматизации и экономическому прогрессу в феврале 1966 года, оставляет мало надежды на улучшение:

Если доля небелых в каждой профессии останется такой же, как в 1964 году, то уровень безработицы среди небелых в 1975 году будет более чем в 5 раз выше, чем среди рабочей силы в целом ... Если тенденции в улучшении рабочих мест для небелых сохранятся такими же темпами, как в последние годы, уровень безработицы среди небелых в 1975 году по-прежнему будет примерно в 2 раза выше, чем для рабочей силы в целом.

По мере того, как перемещенные чернокожие работники с ферм переезжают в города, а автоматизация берет на себя конвейерное производство в промышленности, соотношение безработицы среди чернокожих и белых стремительно растет. Например, в августе 1967 года в Кливленде было безработным 3,5 процента всего населения, в то время как уровень безработицы в негритянском гетто Хаф составлял 15,6 процента - соотношение 5 к 1. А когда Consolidated Foods of Chicago приобрела в собственность компанию Phillips Packing Company в Кембридже, штат Мэриленд, она переоборудовала завод, в результате чего без работы остались примерно 2375 негров; уровень безработицы в городе составил 25,4 процента.

То, что должно считаться мрачной картиной занятости негров, превращается в чрезвычайно мрачную реальность, если учитывать фактическую безработицу, а не формальные показатели. Обследования занятости, проводимые государственными учреждениями, требуют таких

технических формулировок для оценки степени безработицы, что многие негры исключаются; строгие правила сводят к минимуму количество людей, особенно чернокожих, которые по более разумным стандартам попадали бы под определение "безработных". Большинство федеральных расчетов не учитывают работу с частичной занятостью, занятых людей, которые ищут и имеют право на более высокие должности, которых нет, и спорадическую безработицу, вызванную увольнениями, — лиц, которых некоторые называют "частично занятыми".

Принимая во внимание подобные вопросы, Чарльз К. Киллингсворт, писавший в 1965 году, утверждал, "что уровень безработицы среди негров в последние годы был занижен по меньшей мере на 50 процентов, и что на самом деле уровень безработицы среди негров примерно в три раза превышает уровень безработицы среди белых, а не в два раза выше, как показывают официальные данные".⁴⁷ Киллингсворт, однако, все еще может быть несколько консервативен, заявляя о соотношении трех, а не двух к одному. В отчете Министерства труда за сентябрь 1967 года сообщалось, что общий уровень безработицы среди негров составлял 9,4 процента, однако 33,9 процента городских негров также не имели работы, работали неполный рабочий день или получали настолько низкую зарплату, что составляли "случаи бедности! Такие критерии означают, что "безработица" среди негров достигает 48 процентов в некоторых районах Чикаго, 34 процента в районе Уоттс в Лос-Анджелесе, 36 процентов в гетто Филадельфии и так далее.

1

Исследование, проведенное совместно Министерством труда США и Департаментом труда штата Нью-Йорк в начале 1967 года, выявило значительные расхождения между обычными стандартами безработицы, которые учитывают только способных, желающих и ищущих работу безработных, и более широким показателем безработицы, называемым "индексом субзанятости", который включает ортодоксальные критерии, безработных, которые в отчаянии покинули рынок труда, и лиц, работающих низкооплачиваемую работу неполный рабочий день, которые пытаются получить работу на полный рабочий день. Вот результаты:

Таблица 5. ИНДЕКС НЕПОЛНОЙ ЗАНЯТОСТИ, 1967 г.⁴⁸

	Уровень безработицы	уровень субзанятости
Соединенным Штатам (средний)	9,7	—
Быстрый Гарлем (Нью-Йорк)	9,0	33,1
Центральный Гарлем (Нью-Йорк)	R.I.	28,6

Бедфорд-Стайвесант (Нью-Йорк)	6,2	27,6
Бостон (Роксбери)	6,9	24,2
Новый Орлеан	10,0	45,3
Филадельфия	11,0	34,2
Финикс	13,2	41,7
Сент-Луис	12,9	38,9
Сан-Антонио	8.1	47,4
Сан- Франциско	III	24,6

Исследование охватывало только восемь городов и включало как белых, так и негров, поскольку индекс субзанятости применялся к трущобным гетто. Но, во всяком случае, включение белых имеет тенденцию еще больше снижать истинную экономическую разобщенность чернокожих.

Процент отсева — людей, которые просто прекращают поиски работы, — который государственные чиновники обычно считают неподходящим для включения в обследование занятости (люди должны активно искать работу на момент опроса), искажает официальную картину занятости. Многие негры больше не ищут работу и, следовательно, непропорционально часто оказываются исключенными, поскольку у них больше шансов остаться без работы в течение длительного времени, чем у белых. В Уоттсе, например, 70 процентов мужчин составляли рабочую силу 1960 года, но к 1965 году этот показатель снизился до 58 процентов. Когда цветной человек испаряется из рабочей силы, просто “уходя” с рынка труда из чувства бесполезности, он больше не считается даже среди безработных! С точки зрения правительства, он буквально исчезает из рабочей силы, но, совершенно очевидно, что сам он не может так легко исчезнуть и, следовательно, становится частью крайней бедноты.

J

J

J

Степень профессиональной депривации можно обосновать, разделив рабочие места на две группы: менее квалифицированные и более квалифицированные. Несмотря на некоторую грубость, эта классификация, тем не менее, обеспечивает дифференциацию, столь важную для понимания императивов экономики автоматизации. Двойное разделение относит 78 процентов работающих негритянок и 74 процента работающих негритянских мужчин, но только 39 процентов работающих белых женщин и 40 процентов работающих белых мужчин относятся к категории неквалифицированных работников в качестве оперативных работников, домашней прислуги и других работников сферы обслуживания, чернорабочих и сельскохозяйственных рабочих; остальные, конечно, составляют квалифицированных.⁴¹ По мере того, как потребности национальной экономики смещаются с неквалифицированных на квалифицированных, переходя от рабочих к белым воротничкам, негры страдают от довольно очевидного недостатка: в начале перехода процент неквалифицированных намного выше, чем белых. После окончания Второй мировой войны на рабочие места белых воротничков приходилось 97 процентов прироста занятости, что, таким образом, фактически исключает вакансии для трех четвертей работающего негритянского населения в любой момент, когда наступает безработица. Нация просто не создает новых возможностей для физического труда, поскольку технологии вытесняют мускулы и обычные навыки. Даже неграм трудно попасть в федеральные группы переподготовки. Например, в Кембридже, штат Мэриленд, 70 процентов негров, сдававших квалификационный экзамен для зачисления в Программу подготовки рабочей силы в 1964 году, не сдали его. Даже если предположить, что тесты свободны от определенных предрассудков (а это не так), на самом первом этапе семь из десяти чернокожих абитуриентов отсеиваются. Другие весомые соображения, такие как политическое давление, оказываемое профсоюзами, желающими сохранить численность рабочей силы для ученичества на довольно низком уровне, чтобы сохранить нехватку рабочей силы среди квалифицированных специалистов, ограничивают возможность получения негром "белых воротничков" и / или квалифицированной работы, столь важной для трудоустройства. Поэтому неудивительно, что лишь немногие негры принимают участие в различных мероприятиях по переподготовке при финансовой поддержке правительства. Во время беспорядков в Уоттсе профсоюзы в Сакраменто включали в такие программы только 0,5% негров, в Бейкерсфилде — ни одного, в Сан-Франциско - 0,4%, в округе Ориндж - 0,3%. Все это в Калифорнии, штате, вызвавшем эти беспорядки.

Поскольку правительство становится главным работодателем для рабочей силы в целом во время перехода к автоматизации, это становится еще более важным для чернокожих рабочих. Действительно, если бы не правительство, негры, потерявшие работу в деловом мире, довели бы уровень безработицы до фантастических высот. Экономика бизнеса, по-видимому, стремится отсеять негров как неэффективных работников, оставляя правительству обеспечивать единственный реальный источник занятости, если такая возможность вообще существует. С 1957 по начало шестидесятых годов число чернокожих работников в частном секторе оставалось постоянным; в период с апреля 1960 по апрель 1962 года общая занятость небелых сократилась на 80 000 человек, и это число было бы больше, если бы правительство последовало примеру бизнесмена и не наняло его

200 000 человек за эти годы. Негры составляли более 50 процентов лиц, нанятых федеральным правительством в течение 1964-1965 финансового года; из 18 420 человек, добавленных к федеральным платежным ведомостям, 9 511 были неграми. Негры составляли около 13 процентов из 2 300 000 федеральных служащих в 1965 году, тогда как на их долю приходилось

около 11 процентов от общей численности населения и 10 процентов рабочей силы. Было добавлено более 400 000 негров на всех уровнях федеральных органов власти, органов власти штатов и местных органов власти. Короче говоря, богатая частная экономика не предлагает места перемещенному чернокожему рабочему и его семье, особенно подростку; несмотря на расширение занятости цветных рабочих, само правительство не в состоянии устранить полную слабость. Продвижение по службе занятых негров, более того, отражает то же расхождение между государственными и частными работодателями: негры теперь продвигаются в высшие эшелоны государственной службы быстрее, чем в сфере корпоративного предпринимательства. И без того удручающее чернокожее население оказалось бы фактически в состоянии “тотальной” безработицы после перемещения, если бы гражданская и военная ветви власти были так же безразличны к безработным неграм, как капитаны национальной промышленности.

Изменение характера занятости напрямую влияет на доход негра. В 1948 году, задолго до того, как появилось слово “автоматизация”, негр обладал той же покупательной способностью в неизменных долларах, что и в 1962 году, — на его долю приходилось 53 процента среднего семейного дохода белого; в 1952 году, за год до внедрения первого компьютера в частной промышленности, доход негра по отношению к белому достиг своего пика в 57 процентов и с тех пор снижается со значительной регулярностью. Отчет Бюро статистики труда за август 1967 года показал, что занятость в стране находится на рекордно высоком уровне, но при этом соотношение безработицы между неграми и белыми сохраняется в два раза; число белых, живущих в бедности, сократилось, но для негров этот показатель остался прежним: 41 процент небелого населения живет в бедности, в то время как только 12 процентов белых были классифицированы как бедные. В период с 1947 по 1965 год число белых семей, живущих в бедности, сократилось на 27 процентов, в то время как среди бедных небелых семей этот показатель составил всего 3 процента. В результате *per capita* в чернокожем сообществе социальные пособия теперь охватывают не только бедных, но и поколения бедных; все больше полагаясь на *relief*, негры рожают детей, которые, в свою очередь, наследуют социальное обеспечение при вступлении во взрослую жизнь, а затем рожают детей в рамках программы социального обеспечения.

Однако данные о распределении доходов не дают полной картины; они не включают безработных. Негр теряет не только в плане занятости, но и в возможностях получить уровень дохода, который был бы у него, если бы была достигнута полная занятость. “При том, что национальное производство за период с 1953 по середину 1962 года в целом оценивалось на 387 миллиардов долларов ниже максимального объема производства (1961 доллар), - подсчитала Конференция экономического прогресса, - и при том, что количество человеко-лет работы было около 24 миллионов человеко-лет слишком низким, бизнес-инвесторы, фермеры, наемные рабочие и профессионалы - вселишились огромных совокупных доходов и возможностей. Средний доход семьи за период в целом был на 6300 долларов ниже, чем это было бы в условиях максимальной занятости и производства”. * " Леон Кейзерлинг оценивает общую потерю возможностей трудоустройства в 32 миллиона человеко-лет с 1953 по середину 1964 года.⁵¹

Разница между потерей работы из-за безработицы и потерей работы из-за забастовок выявляет наиболее заметный контраст. Например, за первые восемь месяцев 1964 года на забастовки пришлось всего 16,8 миллиона человеко-дней сокращенного производства, в общей

сложности в 2910 забастовках было задействовано всего 1 160 000 рабочих. Количество остановок, самое высокое с 1959 года, составило всего лишь две десятых процента от всех часов, отработанных в промышленности. Если принять 30 долларов в день за разумный заработок для типичного работника, то 16,8 миллиона человеко-дней забастовок обошлись в 504 000 000 миллионов долларов потери заработной платы. С другой стороны, по данным Совета экономических консультантов, если удастся добиться снижения безработицы на 1,5 процента, потенциальный объем производства товаров и услуг вырастет на 30-40 миллиардов долларов. Но общественность выражает большее негодование по поводу экономических сокращений, вызванных забастовками, чем по поводу “невидимых” издержек безработицы, поскольку издержки неполной занятости несут безработные, которые вынуждены покрывать экономические обязательства из-за более низкого, чем в противном случае, уровня жизни.

Уровень безработицы 1960 года в разбивке по роду занятий и полу имеет определенные расовые последствия; технология сама по себе не может быть причиной широко распространенной безработицы в черной Америке. Игнорируя положение женщин, из-за несравнимости женщин в таком обществе, как *mils*, мы видим в таблице 6 распределение уровней безработицы среди мужчин, отражающее как технологию, так и расизм. Процент безработицы среди рабочих, частных домашних работников, работников сферы услуг, несельскохозяйственного сектора .iiid сельскохозяйственных рабочих и бригадиров на удивление одинаковы, за исключением

Таблица 6. УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ (1960 г.)

Профессия	% Безработные мужчины	
	Белые	Небелые
профессионалы	1.4	2.3
Канцелярские работники	3.2	5.6
Продавцы	2.5	5.6
Ремесленники; несельскохозяйственные мастера	5.2	8.3
Менеджеры; собственники (несельскохозяйственные работники)	1.4	2.9
Управляющие и собственники ферм	0.7	1.7
Сельскохозяйственные рабочие и бригадиры	6.6	7.4
Чернорабочие (за исключением ферм и шахт)	11.1	12.5
Работники частного сектора	5.4	6.4

Услуги (за исключением частных домашних хозяйств)	4.9	7.1
Оперативные работники	6.2	8.2
Общий уровень безработицы	4.5	8.4

Источник: Бюро переписи населения США⁵²

расовая принадлежность в смысле несоответствия общему соотношению два к одному, характерному для общего показателя. Даже там, где высокий процент негритянского населения был наиболее сконцентрирован — рабочие на фермах и в несельскохозяйственном секторе, — таблица показывает практически идентичные показатели — в общей сложности 18,4 процента для белых и 19,9 процента для негров. И нет действительно резких различий между расами для остальных неквалифицированных категорий — рабочих, частных домашних работников и сферы обслуживания. Таким образом, когда технология применяется для выполнения черной работы, она вступает в силу независимо от расы, оказывая на негров не большее влияние, чем на уровень безработицы среди белых.

С другой стороны, в таблице 6 представлены статистические данные, приближающиеся или превышающие соотношение два к одному в отношении профессиональных и технических работников: менеджеров, должностных лиц и собственников (за исключением фермерских хозяйств); канцелярских работников; продавцов; а также категорий мастеров и бригадиров. Обнаружение схожих уровней безработицы независимо от расы среди неквалифицированных работников, но вдвое превышающих уровень безработицы среди негров среди квалифицированных категорий, указывает не только на экономические процессы, но и на расизм. Хотя верно, что технологические изменения вызывают гораздо более высокий уровень безработицы среди неквалифицированных, чем среди квалифицированных, столь же верно и то, что смещение в зависимости от расы больше у меньшинства, чем у большинства. Негры просто не совершают скачка из сферы фермерства, бытовых услуг и фабрик на должности белых воротничков в бизнесе и правительстве. Что настолько очевидно, но при этом не привлекается внимания, так это то, что даже те негритянские мужчины, которые относятся к категории квалифицированных, страдают от гораздо более высокого уровня безработицы по сравнению с белыми, чем их неквалифицированные коллеги. Вопреки точкам зрения многих, кого интересуют последствия автоматизации для занятости в зависимости от расы, негритянский мужчина сталкивается, по сравнению с белым, с гораздо более высоким уровнем безработицы как квалифицированный и обученный человек, чем его необученный коллега.

Многие авторы объясняют высокий процент безработицы отсутствием квалификации у негров,⁵³ но цифры из таблицы 6 просто не подтверждают обобщение; расовая дискриминация сохраняется независимо от новых технологий. Применение механизации фермерами Юга для избавления Юга от нежелательных негров, которые, в свою очередь, бежали на Север, объясняет более низкий уровень безработицы среди негров, чем среди белых, на Юге по сравнению с другими районами страны; расизм также является причиной более высокой безработицы среди более образованных негров, чем среди его белых коллег. Таким образом, у меня здесь мало оснований утверждать об оптимистичном будущем даже для квалифицированных негров по сравнению с белыми, как это изложено в этих словах:

Для большого процента, возможно, для большинства негров, будущее не радужное, но хорошо образованные и квалифицированные люди могут рассчитывать на быстрое продвижение по службе. Спрос на технический и профессиональный персонал, вероятно, будет продолжать превышать предложение в течение некоторого времени; наверху достаточно места для квалифицированных сотрудников всех рас, и сопротивление белых проникновению негров на высшие должности, вероятно, по-прежнему будет незначительным. Фактически, негры могут иметь небольшое преимущество из-за того, что они демонстрируют свою ценность работодателю — корпорации, университету или правительственному учреждению, - который может утверждать, что это не является дискриминацией.⁵⁴

Факты просто не подтверждают этот благоприятный вывод. Безусловно, спрос на техников и профессионалов велик, но расизм, который лишает негров тех же возможностей, что и белых, может быть им предоставлен. Неверно настаивать на том, что “массовое повышение квалификации негров является экономической необходимостью для нации, помимо его воздействия на расовые отношения”.⁵⁵ Доминирующие экономические интересы нации продолжают обеспечивать рекордное процветание, и поэтому им не нужно беспокоиться о бедственном положении негров независимо от квалификации; нынешний дефицит можно экономически поддерживать, не обращаясь к неграм за источником квалифицированной рабочей силы. Таким образом, вряд ли это ситуация, когда новые технологические достижения вытесняют черноработчие профессии, где негры непропорционально сконцентрированы из-за прошлой дискриминации; дискриминация прошлого продолжает процветать, в то время как возможности трудоустройства ликвидируются с одинаковой скоростью среди неквалифицированных работников независимо от расы. Сегодня расизм распространяется на рынке труда в большей степени в ущерб образованным, чем необразованным, квалифицированных больше, чем неквалифицированных, с точки зрения уровня безработицы среди негритянских мужчин по сравнению с белыми мужчинами.

Подводя итог, мы обнаруживаем, что новые технологические разработки в форме механизации, распространяющиеся по Югу, уничтожают возможности трудоустройства, а автоматизация распространяется по всей стране. Каждый из них подрывает традиционную опору на человеческий труд и мышление, делая возможным производить больше товаров и услуг с меньшим количеством работников и человеко-часов работы. Точно так же, как переход Юга к индустриализации обрекает рабочих на экономическое рабство, автоматизация также приводит к сокращению фабричного и офисного персонала. Однако для негров две технологические революции произошли одновременно, в то время как для белых они растянулись на столетие. Это фундаментальное различие создает чрезмерное напряжение для негров. Белые перешли с фермерской работы на фабричную, когда процесс индустриализации расширил возможности трудоустройства. Был период, когда для негров было справедливо то же самое, что и во время Второй мировой войны. Но сегодня негры уступают механизации сельского хозяйства. Он бежит с Юга на Север и Запад, бросая деревню ради города; белые в ответ бросают город в пользу негров. Обычное объяснение состоит в том, что негр покидает место своего рождения в сельской местности, потому что город “нуждается” в его рабочей силе, особенно после сокращения европейской иммиграции. И все же негр настолько же не готов к сегодняшнему космополитическому и автоматизированному обществу, насколько он был не нужен механизированным фермам Юга, которые он покинул. И городские белые пребывают в не лучшем настроении, чем белый сельский южанин, терпящий негра-мигранта. Технологическая трансформация позволяет, как мы увидим, трансформировать расовые

отношения внутри Америки; по мере того как Белая Америка перестраивает свой способ производства, она начинает искать новую политику по отношению к черной Америке.

Сегодня валовой национальный продукт, превышающий 900 миллиардов долларов, в реальных долларах выше, чем когда—либо; доходы населения достигли пика; потребление товаров и услуг стремительно растет; абсолютное число занятых превышает все предыдущие показатели; все необходимое для выживания на достойном уровне легко доступно с производственной точки зрения; корпоративные прибыли и дивиденды достигли новых высот. Тем не менее, литература по автоматизации и экономической деятельности страны демонстрирует поразительный и непреодолимый парадокс: с одной стороны, потенциал автоматизации очевиден, он способен обеспечить невиданный ранее уровень жизни и жизненный опыт, ограниченный только воображением человека; с другой стороны, существует реальная возможность того, что социальные силы превзойдут изобретательность человека, чтобы избежать катастрофы. Новая технология позволяет ликвидировать бедность, голод и болезни; ликвидировать нехватку жилья, транспорта и одежды; невообразимо расширить знания; увеличить продолжительность человеческой жизни в обозримом будущем. Тем не менее, с помощью этой новой технологии человек может поработить человека, уничтожить человека, злоупотреблять человеком, отрицать человека, шпионить за человеком, контролировать человека. Потенциал для обоих направлений существует и способствует нынешнему ощущению человеком нигилизма; посреди изобилия мы сталкиваемся с пустотой. Чарльз Диккенс запечатлел дух своего времени и нашего в начале "Повести о двух городах":

Это было лучшее из времен, это было худшее из времен, это был век мудрости, это был век глупости ... это был сезон света, это был сезон

тьма, это была весна надежды, это была зима отчаяния, у нас все было впереди, у нас ничего не было впереди...

Нигде это описание не имеет такого значения, как в современном расовом противостоянии между белыми и черными. Поскольку валовой национальный продукт вырос с 502 миллиардов долларов в 1960 году до 623 миллиардов долларов в 1964 году, примерно 10 процентов негров, по официальным данным, остались без работы.

Негр становится жертвой пренебрежения, поскольку он становится бесполезным для зарождающейся экономики автоматизации. С наступлением автоматизации негр переходит из своего исторического состояния угнетения в состояние бесполезности. Все чаще он не столько подвергается экономической эксплуатации, сколько утрачивает значение *hr*. Огромное историческое изменение происходит в этих терминах: он не нужен. Он не столько угнетаем, сколько нежелателен; не столько нежелателен, сколько ненужен; не столько оскорбляем, сколько игнорируем. Доминирующим белым больше не нужно эксплуатировать чернокожее меньшинство; по мере развития автоматизации первым будет легче игнорировать вторых. Короче говоря, белая Америка, благодаря более совершенному применению механизации и решительной опоре на автоматизацию, избавляется от негров; следовательно, негр превращается из эксплуатируемой рабочей силы в изгоя. Страдания негра возникают не только из-за жестокости прошлого угнетения; тревога проистекает, более чем когда-либо прежде, из того, что его выбрасывают как ненужный продукт технологического производства.

В системе эксплуатации самый скромный может претендовать на социальную идентичность; негр-южанин знал себя, когда “держался своего места”, обозначенного белыми. Сейчас, однако, нет даже “места” для “содержания”; масштабные социальные изменения подвергают негра опасности потери, а не перспективе сохранения или создания своего места в обществе в целом. Это полное искажение как фактов, так и социальных ценностей Белой Америки - настаивать, как это делают многие, на том, что “негры продвигаются вверх и выходят из условий своей второсортности”^{5*} и переходят в мейнстрим Америки, когда экономический поток иссякает из-за нехватки возможностей трудоустройства. Судьба негров, как и многих белых, не предполагает того, что Гуннар Мидааль предпочитает называть “низшим классом” — категорией обездоленных и бедных индивидуумов. Ибо негра лишают процветающей экономики, и он находится в процессе удаления как жизнеспособное человеческое существо. Белая Америка использует новые технологии не с целью инкорпорации, а, скорее, для того, чтобы покончить с цветной расой.

Расовая напряженность в Америке после Второй мировой войны, с одной стороны, проистекает из того, что белой Америке трудно избавиться от 20 000 000 чернокожих, ставших лишними из-за автоматизации, а с другой - из растущего осознания негром своей незначительности. Поскольку негр становится неуместным для белого, он боится своей значимости для самого себя. Мартин Лютер Кинг пишет в своем письме из бирмингемской тюрьмы о негре, “вечно борющемся с дегенерирующим чувством “ничтожества””; Ральф Эллисон изображает “Человека-невидимку”; а Джеймс Болдуин утверждает во время телевизионного интервью:

Я знаю, что чувствует мой племянник, я знаю, что чувствую я, я знаю, что чувствуют кошки в парикмахерской. На прошлой неделе шестнадцатилетний мальчик из Сан-Франциско сказал мне по телевизору ... Он сказал: “У меня нет страны. У меня нет флага”. Сейчас ему всего 16 лет, и я не могла сказать: “Ты знаешь”. У меня нет никаких доказательств, подтверждающих, что он знает.

Болдуин отмечает, что в сельской местности Юга белые постоянно думают о неграх, в то время как на Севере цветные редко задумываются о белых; из двух условий второе может быть более ужасным.

Негры разделяют участь американских подростков; каждый страдает от пренебрежения, поскольку ни один из них не оказывает оправданных услуг в функционировании экономической системы. Таким образом, оба сталкиваются с ситуацией, которую Пол Гудман описывает для американской молодежи:

Либо общество - это благожелательно-легкомысленный рэкет, в котором им удастся бездельничать, хотя и с меньшей прибылью, чем более привилегированным; либо общество серьезно (и они надеются, что оно все еще достаточно благожелательно, чтобы поддержать их), но они бесполезны и безнадежно выбыли из игры. Такие мысли не способствуют продуктивной жизни.⁵⁷

Подростковые и негритянские культы “безнадежно обанкротились”, потому что они безнадежно остались без работы.⁵⁸ Ни один из них не представляет для американской экономики действительно важных экономических возможностей в их нынешнем состоянии. В лучшем случае они остаются безобидными, что означает, что их единственная надежда обретает

терпимость; в худшем случае, они являются источником хулиганства и насилия, что означает, что единственное, чего они ожидают, - это принудительного возмездия.⁵⁰

Разрывы в экономике страны ставят под серьезный вопрос саму идентичность человека. Брошенные на произвол судьбы великим экономическим переворотом от индустриализации к автоматизации, персональные тики, которые когда-то использовались для обеспечения безопасности, больше не кажутся актуальными. Значимая занятость обеспечивает важнейшую социальную связь между существованием и признанием себя достойной личностью в глазах других. Занятость определяет человека; быть без работы - значит просто быть вне американского общества. Питер Ф. Драккер утверждает, что "социальная эффективность, гражданственность, более того, даже самоуважение зависят от доступа к работе. Без работы человек ... не может быть социально эффективным. Он лишен гражданства, социального положения, уважения своих собратьев, если не семьи, и, наконец, самоуважения. Никакое экономическое облегчение не может компенсировать социальное разрушение, вызванное хронической безработицей . .

В середине 19 века в Америке негритянский оратор Фредерик Дуглас решительно сообщил читателям своей газеты: "Мы говорим вам идти на работу; и вы должны идти на работу или умереть. Мужчин ценят в этой стране или в любой другой стране не за то, что они из себя представляют; их ценят за то, что они могут делать. Напрасно мы говорим о том, что мы мужчины, если мы не выполняем мужскую работу".⁸¹ А в Америке середины 20 века белый ученый Дэниел Э. Мойнихан подтверждает более раннее заявление Дугласа: "В Америке то, что вы делаете, - это то, кто вы есть: ничего не делать - значит быть никем; делать мало - значит быть маленьким. Уравнения неумолимы, прямолинейны и безжалостно общедоступны".⁸²

Когда экономические мотивы отстраняют негра от работы, американское общество тем самым лишает негра социального существования; белые превращают негра в ничтожество, лишая его работы. Негр всегда, до настоящего времени, что-то значил для белого человека. Огромный поток чернокожих, въезжающих в Америку, пришел в качестве рабов, товара, порождающего экономические инвестиции в чернокожие тела, предписывающие экономическую отдачу; гражданская война превратила негритянского раба в негритянского крепостного для экономической эксплуатации труда, а не для собственности; теперь, лишенный экономической отдачи как товара или источника рабочей силы, негр является не только бесполезной собственностью, но и ничтожеством с точки зрения Белой Америки. Ибо сейчас идет процесс замены человека машинами, и негры - первое сообщество, пережившее этот переход. Негр развил свое самосознание не в результате миграции, индустриализации, урбанизации, распада семьи и так далее; ложь вспыхнула и разрушила относительно спокойную гармонию в прямой ответ на процесс разобщения, проистекающий из автоматизации. Кто может избежать горечи от осознания собственной никчемности и, следовательно, раздаточности, провозглашаемой навязыванием экономических ценностей со стороны Белой Америки? Точно так же, как в прошлом негр испытывал значительный личный шок, узнав об унижительном значении того, чтобы быть черным, сегодня он должен, вдобавок, испытать шок от того, что он ничего не стоит. Безработица по Роту и расовая принадлежность пугают само существо негра: "Когда человек ничего не делает, - пишет Пол Гудман, - ему угрожает вопрос: "неужели он ничто?"⁸² Негр чего-то стоил на протяжении всей своей истории в Америке только в том случае, если он предлагал экономический стимул экономическим ценностям белых. Поскольку его все

чаще считают экономически бесполезным, от него просто нужно отказаться. Отсюда судьба негра в Америке.

Негр проигрывает, потому что он проигрывает в технологическом развитии американского общества; Белая Америка впервые может легко увеличить экономические издержки, связанные с внедрением новых ценностей, вплоть до исключения негритянской расы. Более конкретно, растущее положение негра-изгоя соответствует технологической конфигурации экономических интересов Белой Америки. Точно так же, как корпоративные промышленники поддерживали переход негров от рабства к крепостничеству как минимальное экономическое изменение, вытекающее из Гражданской войны, а сегрегация - максимальное угнетение, которое следует терпеть от американцев-расистов после Реконструкции, так и сегодня экономические ценности Белой Америки позволяют расизму снова измениться, чтобы полностью уничтожить негров. Там, где экономическая конкуренция с белыми когда-то способствовала расовым отношениям, теперь негры конкурируют с машиной; первая конкуренция привела к вымогательству у белых, вторая влечет за собой уничтожение негров.

Негра преследует нечто большее, чем экономическая разобщенность, поскольку негр также живет в обществе, которое ненавидит чернокожих. Благодаря тому факту, что негра можно было — даже приходилось — терпеть в условиях, установленных экономическими стимулами белых, негр оставался нетронутым, претендуя на определенные уровни работы и вознаграждений. Однако теперь исчезают не только рабочие места, но и белый человек желает, чтобы черный человек мог исчезнуть так же быстро и тихо, как Джобс. Если когда-то было необходимо уравновесить экономические мотивы с претензиями на расизм, то сегодня такая шкала не нуждается в уравнивании. Рэй Стэннард Бейкертак убедительно проанализировал расовую обстановку вчерашней Америки, что “самый глубокий вопрос, действительно, заключается в том, чтобы решить, в какой степени так называемая проблема обусловлена расовым отвращением, а в какой - экономической конкуренцией”.^{*14}

Последнее проявление расизма в Америке связано с масштабами экономического разобщения. Безработица явно отражает потерю работы мужчинами обоих цветов кожи, но, что более важно, непропорционально высокий уровень безработицы среди негров; лица обеих рас страдают от безработицы, но уровень безработицы отражает расовые различия, которые нельзя объяснить исключительно на основе технологического прогресса. Существенно более высокий уровень безработицы среди негров по сравнению с белыми имеет расовые последствия. Он возник в 190-х годах, когда автоматизация вошла в американскую экономику. В 1948 году уровень безработицы среди небелых составлял 5,2 процента, а среди белых - 3,2 процента, разница составила 60 процентов; к 1954 году явление удвоения усилилось, когда небелые достигли 8,9 процента, а белые - 4,5 процента; затем, в 1962 году, разница возросла до 124 процентов, поскольку уровень безработицы среди небелых составил 11,0 процента против 4,9 процента у белых.⁸⁵

Безработица, безусловно, не является чем-то новым для негров; высокие показатели характерны для истории негров в Америке. Но что является новым, так это природа безработицы. В то время как негры были частью проиндустриальной экономики, они, по крайней мере, пользовались сельскохозяйственными угодьями для поддержания жизни во время экономических трудностей, а для некоторых - патернализмом белых. После исхода негров с Юга к промышленным технологиям Севера безработица приобрела другое значение —

полный разрыв с землей и отсутствие сочувствующих белых боссов на основе близкого знакомства. И теперь, с точки зрения автоматизации, безработица теряет то особое качество, что она является всего лишь преходящим моментом, который исчезнет с возобновлением экономического процветания. Новая технология сообщает негру о постоянных годах работы, даже когда экономика устанавливает новые рекорды производительности и прибыли. Судьба негра больше не связана с экономикой, находящейся на подъеме; разница заключается в перемещении населения, а не в безработице. И бедность, и безработица существуют не вне экономической системы как отклонения, которые приходят и уходят, когда спады и депрессии приходят и уходят, а как фундаментальные аспекты текущего экономического порядка, специально разработанного для максимизации отдачи от инвестиций в новые технологии.

Экономическая целесообразность исключения негра из рабочей силы, по-видимому, подтверждается экономическими издержками, рассчитанными Эндрю Ф. Бриммером для определения финансовых потерь из-за дискриминации.⁸⁶ Бриммер устанавливает, во-первых, экономические потери от безработицы с точки зрения нынешних образовательных достижений негров и, во-вторых, экономические потери, понесенные из-за того, что негры не могут достичь образовательных стандартов наравне с белыми и, на этой основе, получить полную занятость. Согласно критерию нынешних образовательных достижений негра, процент потерянного дохода по отношению к валовому национальному доходу снизился за 1949-1963 годы с 2,4 до 1,9. Поскольку негр вступил в период автоматизации, он мог быть перемещен с меньшими затратами для экономики, чем раньше. Таким образом, современные технологии снижают издержки дискриминации в соответствии с первым стандартом Бриммера: безработица среди негров стоила меньше, когда в 1948 году она была в три раза выше, чем в 1963 году, когда она составляла 60 процентов от уровня 1948 года для белых. Однако, если бы доход негров был сопоставим с нынешними образовательными достижениями белых, а трудоустройству не препятствовала дискриминация, экономические потери с годами увеличивались бы: они составили 1,2 процента от валового национального продукта в 1949 году и 1,6 процента в 1963 году. Это последнее вычисление дает очень мало надежды. Поскольку негр должен преодолеть расизм не только в сфере занятости, но и в возможностях получения образования. Следовательно, вопреки более распространенному мнению, экономическое положение негра с каждым годом скорее ухудшается, чем улучшается; теперь он проигрывает там, где не проигрывал раньше, из-за сочетания образования и профессии, столь необходимого для успеха.

Тем не менее, экономический спад, хотя и катастрофический для негров, оказывает незначительное влияние на национальную экономику; расходы можно легко себе позволить. Затраты кажутся ошеломляющими, поскольку

... можно было бы суммировать потери ВВП в результате расовой дискриминации за эти годы. В период 1954-1963 годов неспособность небелых людей в полной мере использовать имеющиеся навыки обошлась стране примерно в 1129,4 миллиарда долларов: сохранение различий в образовании (что само по себе отражает наследие дискриминации) привело к дополнительным потерям в размере 85,8 миллиарда долларов. Эти два источника, вместе взятые, привели к совокупным потерям ВВП в размере 2,5 млрд. юаней⁶⁷

до тех пор, пока не осознаешь, что совокупные потери ВВП в 215,2 миллиарда ф.ст. составляют всего лишь “3,4 процента от общего объема производства товаров и услуг за эти [те же] годы”,⁶⁸

сумма, меньшая, чем сумма, выплаченная за проценты по государственному долгу! Более того, это несоответствие может быть легко устранено, что фактически и делается, путем расширения международных рынков; вместо перераспределения богатства внутри страны частные предприятия все чаще обращаются к иностранным рынкам в поисках еще более привлекательных инвестиций, чем к коренному негритянскому населению. Точно так же, как до 1924 года белая Америка смотрела за границу и обеспечивала себя иммигрантскими источниками рабочей силы, а не выращивала собственное местное негритянское население, теперь она находит поиск рынков сбыта в других странах более привлекательным, чем обращение к неграм.

Негры все больше осознают не только свою бесполезность, но и пренебрежение белых справляться с черными отбросами; утилизируемый как отходы в соответствии с условиями, установленными эффективностью новой технологии, негр осознает свое собственное бедственное положение. Его гнев проистекает из его растущей изоляции не только от работы, но и от общества в целом, поскольку, как мы видели, разделение становится все более заметным в повседневной жизни чернокожих людей. Белые могут позволить себе отстранение негров от работы; сейчас они убирают чернокожих с глаз долой, не проводя никаких масштабных программ по исправлению положения. Вирус расизма диктует безразличие, поскольку экономические ценности вытесняют негров с работы. “Я обнаружил небольшие различия, - объясняет социолог, проводивший исследование отношения негров в бруклинском районе Бедфорд-Стайвесант, - между неграми в их чувстве, что обычные объяснения безработицы нереальны для негров. Я обнаружил отчуждение, ощущение, что нежелание страны начать реализацию программ обучения было вызвано тем фактом, что не та группа людей была безработной. И я впервые нахожу большую степень объединения среди негров и большее чувство оторванности от политического тела, чем когда-либо прежде”.⁶⁶ Когда негр становится постоянно безработным из-за экономических соображений и игнорируется в соответствии с расизмом, ложь исключается из обсуждений белых. Ибо “главный эффект длительной безработицы, - утверждает Питер Драккерк, - не физический, а психологический: потеря самоуважения; потеря инициативы; наконец, в крайних случаях, потеря рассудка. Лишенный доступа к организации, без которой ... никто не может быть продуктивным, безработный становится изгоем, само членство которого в обществе приостановлено”.⁷⁰ Негр ищет опоры в создании организаций за гражданские права и полностью черных организаций. Становясь изгоем, он стремится переориентироваться в расовой борьбе; он объявляет другим, а значит, и самому себе, о своей идентичности и ценности. Без участия расы негр остался бы один в агонии полного отчаяния от собственной незначительности — существом без идентичности.

По мере того, как Белая Америка убирает негров с глаз долой, она стремится сделать черное меньшинство безвредным и незаметным. Таким образом, политика расовой изоляции требует создания и поддержания стратегии, направленной на сдерживание и, при необходимости, обуздание негров. Белая Америка относится к неграм как к заразной болезни, спасение от которой следует искать в форме экономической изоляции от рабочей силы и полного отделения в социальном дискурсе. Переход от эксплуатации к бесполезности с сопутствующим ему полным изгнанием, однако, не может быть осуществлен без сопротивления 20 000-000 чернокожих. Негритянское восстание, распространяющееся по всей стране, свидетельствует об этом факте. “Белые, ” прокомментировал Луис Ломакс после вспышки в Уоттсе, - думают, что они могут просто запереть людей в таком районе, как Уоттс, а затем полностью забыть о них. Это

не сработало”.⁷¹ Публичные проявления недовольства негров свидетельствуют о растущем противодействии желанию белых превратить экономически доступного негра в социально безобидное ничтожество — превратить беспокойного негра в вялого негра. Однако попытки белых контролировать негров более сложны по сравнению с прошлым. Принудительно изгоняя негров из рабочей силы, белые прибегают к одной из своих самых традиционных мер репрессий в отношении непокорных негров. Белые считают довольно “невозможным” сдерживать человека, которого теперь считают побежденным. Как, спрашивает Ральф Эллисон, белые могут возлагать ответственность на “невидимого” человека?

Я слышу, как вы говорите, что Эллисон Лиас, его воображаемый негр, увещевает в своем романе “Человек-невидимка I”: “Какой ужасный, безответственный ублюдок!” И вы правы. Спешу с вами согласиться. Я одно из самых безответственных существ, которые когда-либо жили. Безответственность - часть моей невидимости; как бы вы к ней ни относились, это отрицание. Но перед кем я могу нести ответственность и почему я должен нести, если ты отказываешься меня видеть? И подожди, пока я не покажу, насколько я действительно безответственен. Ответственность основывается на признании, а признание - это форма соглашения между нами о существовании друг друга |.⁷²

По мере того, как негры становятся бесполезными, прошлые угрозы белого гнева исчезают. Следовательно, нет ничего особенно странного, когда южные негры открыто бросают вызов угнетению белых, как они это делали в 1950-х годах; экономически это не важно, негры больше не чувствовали себя запуганными. Сдвиг можно заметить в описании безжалостных негров во время бойкота автобусов в Монтгомери в 1955 году:

Это было странное и необычное поведение негров (я выступал против многих форм давления со стороны белых). Менее чем за год до этого события они считали себя беззащитными перед незаконной жестокостью своих угнетателей. Размахивание “палкой от головной боли”, размахивание пистолетом в руках полицейского или угроза тюремного заключения заставили замолчать тысячи голосов, которые могли бы взывать к справедливости. Все угрозы, которые использовались для подавления негра, утратили свою силу,⁷³

Как можно отомстить людям, которые ничего собой не представляют и, следовательно, им нечего терять, столкнувшись лицом к лицу с насилием и открытым сопротивлением или прибегнув к ним? Чтобы иметь дело с “невидимыми” людьми, белые либо прибегают к “невидимой” тактике, либо воспринимают только черные тела, которые можно бить и оскорблять. Чтобы убрать “своего” негра с глаз долой, мэр города может прибегнуть к тонким “нерасистским” мерам, которые негры легко воспринимают, но остаются незамеченными более широким белым миром. “Здесь прямо как на плантации”, - воскликнула негритянская мать, живущая в нищете среди своих чернокожих собратьев в чикагском гетто. “Если вы вообще выйдете за рамки дозволенного или сделаете что-нибудь, что может поставить в неловкое положение олдермена, в вашем доме будет так много строительных нарушений, что вам придется продать”. Мятежные чернокожие, предположительно или фактически сопротивляющиеся, например, аресту или участвующие в насилии, таком как восстания, столь распространенные с 1967 года, могут восприниматься только как тела с черной кожей, “заслуживающие” жестокого физического нападения со стороны (в основном, если не полностью белых) полиции, отрядов спецназа, национальных гвардейцев и воинских частей.

Чем более никчемным Белым Америка делает негра, тем больше негр мстит вспышками насилия и, следовательно, тем больше белых мстит физическими репрессиями. Чрезвычайно высокий уровень безработицы среди негритянской молодежи — целых 35 процентов — порождает неизбежную закономерность; безработица среди негритянских подростков обеспечивает растопку, которая не требует ничего, кроме искры, точно так же, как неистовая молодежь многих стран, таких как Япония, Корея, Индонезия, Египет и Южный Вьетнам, в последние годы разрушила правительства. Пожилые негры (уровень безработицы колеблется около 5-процентной отметки для лиц 35 лет и старше) проявляют большую нерешительность присоединяться к бунтующей негритянской молодежи. Несоответствие между двумя возрастами, обусловленное возможностями трудоустройства, свидетельствует о взаимосвязи между определением никчемности через безработицу и достоинством занятости, а также о готовности обездоленной молодежи в противовес нежеланию пожилых негров участвовать в публичных проявлениях гнева.

Комиссия США по гражданским правам в 1960-х годах уделяет значительное внимание поведению полиции; она считает жестокость полиции фактом

о повседневном существовании в жизни среднестатистического негра и главным источнике жестокого обращения белых с любым негритянским вызовом:

Неправомерные действия полиции часто служат главным оружием для удержания негра "на своем месте". Ибо совершенно ясно, что, когда все остальное терпит неудачу, полицейским в некоторых сообществах можно доверять в том, что они не допустят негра в "десегрегированную" школу или жилой комплекс, в кабину для голосования или даже в суд. Они могут сделать это, просто повернувшись спиной к частному беззаконию или приняв более непосредственное участие. Сфабрикованные обвинения, облавы с целью обмана, незаконные аресты, "третья степень" и жестокие избиения - все это является частью модели "превосходства белой расы" (хотя не все они используются исключительно для этой цели).⁷⁴

В докладе представлен ряд пространных описаний жестокости полиции, основанной на расизме. "Жертвами", по мнению Комиссии, "обычно являются те, чей экономический и социальный статус практически не дает защиты — или дает право на ответные действия" в целях самообороны по законным каналам.⁷⁵ Молодой негр из Хантерс-Пойнт, негритянских трущоб Сан-Франциско, где 22 процента семей имеют годовой доход менее 2000 дж., рассказал о своем опыте социальному работнику: "Однажды мне пришлось защищаться от восьми молодых полицейских — новичков, потому что они били меня фонариками, когда на моих запястьях были наручники, и они били меня также в полицейском участке, а когда меня пришлось отвезти в больницу, они сказали врачу выйти из комнаты, а затем избили меня до потери сознания". Этот случай - не единичный, исключительный опыт, а яркий личный рассказ о рутинной ненависти полиции к неграм, проявляемой даже после того, как несчастная жертва была полностью подавлена и, возможно, не могла причинить физического вреда офицерам, производящим арест. Имея в пределах досягаемости только тело чернокожего, полиция прибегает к телесным атакам, а не к социальному запугиванию, вызывая, конечно, не исправившегося негра, а более яростное и решительное сопротивление чернокожих.

Поскольку полиция занимается борьбой с насилием на местном уровне, национальные конгрессы и администрации страны принимают меры, направленные на подрыв даже "законного" движения за гражданские права. При Линдоне Джонсоне, как сенаторе, вице-

президенте и президентше, Демократическая партия “продвинула” дело негров посредством законодательства, предположительно призванного обеспечить равенство для негров. После приведения к присяге президент Джонсон, не теряя времени, настаивал на принятии законов о гражданских правах, направленных на усмирение растущего недовольства негров. Эти усилия привели в восторг негритянское национальное руководство и способствовали успеху президента в 1964 году, когда он получил самое большое количество избирателей в истории. Негритянские лидеры, такие как Рой Уилкинс, Байярд Растин, Мартин Лютер Кинг и А. Филип Рэндольф, провозгласили мораторий на демонстрации прямого действия до окончания выборов 1964 года, чтобы свести к минимуму “негативную реакцию” белых в кабинках для голосования. После успеха этой коалиции президент лишь на словах поддержал дело негров; гражданские права под его руководством превратились в победы на бумаге.

Обмен молчаливого согласия негров на последовавшее в день выборов удушение Барри Голдуотера передал инициативу под контроль президента Джонсона. Тактика Джонсона подорвала эффективное негритянское лидерство, лишив движение за гражданские права негров каких-либо политических последствий не только в 1964 году, но и в обозримом будущем. Уступив в 1964 году, the Negro spokesman перестала действовать. Поскольку президенту не удалось добиться значимых изменений в интересах негров, авторитетные негритянские главы пережили потерю веры в своих общинах; им еще предстоит отыгаться за свою “распродажу” и они дискредитированы в глазах активных негров. Президент Джонсон заставил замолчать предполагаемых чернокожих лидеров чернокожего народа, захватив инициативу вплоть до того, что взял на вооружение избитую эмблему деградации негров — “Мы победим!”⁷⁸

1

Сторонники “черной власти” выдвинулись, чтобы заполнить освободившееся лидерство. Затмение черных умеренных вызвало критику как со стороны белых, так и со стороны черных за отсутствие более известного негра в подверженном беспорядкам негритянском гетто. В речи в Спринг-Вэлли, штат Нью-Йорк, сенатор Роберт Э. Кеннеди раскритиковал авторитетные организации по защите гражданских прав за их неэффективность в предотвращении восстаний в гетто; в письме, восхваляющем общенациональное телевизионное обращение президента Джонсона, осуждающее “обращение негров к террору и насилию”, А. Филип Рэндольф призвал негритянских лидеров предотвратить “расовые конвульсии насилия”. Это странные ответы, учитывая, что национальные негритянские деятели были намеренно удалены президентом Джонсоном.

Но то, что было достигнуто в момент проницательного политиканства, вполне может обернуться кошмаром насилия. Негритянская масса, лишенная своего черного представителя, стоит на пороге восстания. Если когда-то она ополчалась против самой себя в результате беспорядков в гетто, то сегодня в отчаянии она ополчается на белых. “Не позволяя настоящему ‘массовому’ протесту исходить из сердцевины угнетенных черных масс, ” предупреждает Лкрой Джонс, - белый американец заставляет формироваться другой вид протеста. Тот, который потрясет все это общество до основания и преуспеет в его изменении, хотя бы и во что-то худшее’.⁷⁷ Негры не привержены экономической системе и, следовательно, не могут быть привержены Белой Америке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Негр зажат в технологические тиски, действующие в соответствии с экономическими и расистскими мотивами Белой Америки; как таковой, он скорее жертва перемен, чем подстрекатель перемен. Он противостоит белым в борьбе с расизмом, но все это время становится легкой добычей технологической эффективности. До тех пор, пока те, кто озабочен делом негров, не осознают в полной мере масштабы и серьезность экономической ситуации, противостоять расовой трансформации, происходящей в отношении американских негров, будет невозможно. Недооценка технологической революции может привести только к недооценке сопутствующей расовой революции - перехода от эксплуатации к бесполезности; неверная оценка настоящего как продолжения индустриализации, а не начала новой технологической эры, гарантирует неспособность предвидеть совершенно иную систему расовых отношений, ожидающую перемещенных негров.

Изложенное здесь утверждение кому-то может показаться преувеличением. Но тенденция технологического развития, реализуемая с точки зрения экономических стимулов и расизма, указывает на то, что кажется неизбежным для черной расы. При доиндустриальной технологии белые эксплуатировали негра в чистом виде как экономический товар, который можно покупать, продавать и обменивать в сельскохозяйственной экономике; при промышленной технологии негр был превращен в экономического раба, дополняющего экономические стимулы северных капиталистов. Соглашение, заключенное после реконструкции и просуществовавшее до 1950-х годов, обеспечило Белую Америку чернокожей, недорогой и беспомощной рабочей силой, которую можно было привлекать во времена экспансии и сокращать в периоды спада и депрессии, чтобы не ставить под угрозу господство капиталистов на рынке. И теперь появляется совершенно иное технологическое выражение в форме автоматизации, имеющее, как и два других, важные последствия для расовых отношений между белыми и чернокожими — настолько важные, что негры предприняли одну из самых решительных попыток добиться положения наравне с белыми в ответ на внедрение автоматизации, а именно движение за гражданские права. Нужно вернуться к периоду Гражданской войны — самому по себе периоду технологической революции, спровоцировавшей новый расклад между двумя расами, — чтобы сопоставить самоотверженность и пыл черного негодования, агитации и вызова Белой Америке.

Однако, несмотря на героические усилия, внутренняя отстраненность сегодняшних новых технологий предопределяет попытки негров вовлечь белых в борьбу, основанную на предполагаемых демократических принципах, которые некоторые ошибочно принимают за подлинное наследие Белой Америки. В условиях экономики прошлых технологических конфигураций Белая Америка была обязана уравновесить расовые ценности и экономические стимулы. Но с внедрением автоматизации необходимость в этом практически отпадает, поскольку экономически целесообразно отрицать традиционное обоснование существования негров. Поскольку автоматизация заменяет сначала неквалифицированные категории рабочих, а затем образованные категории "белых воротничков", пострадавшие негры будут подвергаться не столько насилию, сколько игнорированию. Не будет необходимости поддерживать меры запугивания с целью получения экономической отдачи, поскольку негры переключаются с экономики эксплуатации на экономику бесполезности; Белая Америка надеется, что негры примут ее замысел и пассивно примут судьбу полной изоляции в гетто. Если репрессии должны последовать — как это уже произошло — для сдерживания отвергнутого чернокожего, они будут

направлены не на обеспечение эксплуатации, а на то, чтобы отделить негров от социального порядка белых.

Отверженные негры еще глубже погружаются в трясину бедности, будучи отрезанными от работы, и, будучи черными, они погружаются в нее еще глубже. Изгнанные негры являются расточителями по экономическим стандартам и нежелательными по расовым чувствам в Белой Америке. Такое сочетание приводит не только к бедности, но и к пренебрежению, приближающемуся к полному забвению. Один из самых проникательных защитников негров ясно осознал и убедительно аргументировал судьбу негров в речи, произнесенной 24 марта 1923 года:

Постепенно мы приближаемся к тому времени, когда негритянские народы мира должны будут либо сознательно, через свою собственную организацию, идти вперед к точке предназначения, намеченной ими самими, либо должны будут сидеть сложа руки и наблюдать, как их, во-первых, загоняют обратно в трясину эксплуатации, а во-вторых, в конечном счете уничтожают сильной рукой предрассудков.⁷¹¹

Это пророческие слова предупреждения не кому иному, как оклеветанному лидеру негритянских масс 1920-х годов Маркусу Гарви. Хотя он неверно оценивал экономическую причину (поскольку он ошибочно обвинял усиление конкуренции, порожденное удвоением прироста населения) и преувеличивал количество времени, которое пройдет, прежде чем окончательное решение белых решит судьбу негров, он, тем не менее, воспринимал присущую экономическим силам направленность и “сильную руку предрассудков” как две основные черты, определяющие судьбу негров. Гарви ясно понимал историческую судьбу негров в Белой Америке — от эксплуатации до истребления, — но не понимал, что история чернокожего человека отражает технологические достижения, ставшие значимыми благодаря экономическим и расовым стимулам Белой Америки.

Примечания к главе VI

1. Эли Гинзбург, Потенциал негра. Нью-Йорк: Harper & Row, 1964, стр. 39.
2. Эли Гинзбург и Альфред С. Эйклинер, "Беспокойное присутствие". Нью-Йорк: Свободная пресса, 1964, стр. 335.
3. Джеймс Тобин, "Об улучшении экономического положения негров", Дедал, том 94 (осень 1965 г.), стр. 895. Выделено мной.
4. Цитируется Уильямом 13. Смит, "Реклама: стремление к рынку негров", "Нью-Йорк Таймс" (II октября 1964 г.), стр. 14F.
5. См. Стэнли М. Элкинс, "Рабство". Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1968, 2-е изд. Для более общего описания см. Эрика Уильямса, "Каллиграфия и рабство". Нью-Йорк: Рассел Ик Рассел, 1961.
6. Цитируется Букером Т. Вашингтоном, "История негра". Нью-Йорк: Питер Смит, 1940, том I., стр. 148.
7. См. Герберт Аптекарь, Восстания американских негров-рабов. Нью-Йорк: Издательство Колумбийского университета, 1943; Нью-Йорк: Международные издательства, 196).

8. Юджин О. Дженовезе, Политическая экономия рабства. Нью-Йорк: Пантеон, 1965, стр. 34-35.
9. Там же, с. 35.
10. Сэмюэл Проктор, Молодой негр в Америке, 1960-1980. Нью-Йорк: Association Press, 1966, стр. 106.
11. Мартин Лютер Кинг-младший, Куда мы идем дальше: хаос или сообщество? Нью-Йорк: Harper & Row, 1967, стр. 108.
12. Гуннар Мюрдаль, Американская дилемма. Нью-Йорк: Harper & Brothers, 1944, стр. 207-208.
13. Цитируется Джойс Ладнер, "Что означает "Власть черных" для негров в Миссисипи", Trans-Action, Том 5 (ноябрь 1967), стр. 11.
14. Том Хейден, "Оккупация Ньюарка", "Нью-Йоркское книжное обозрение", том IX (24 августа 1967 г.), стр. 8.
15. Эдридж Кливер, "Земельный вопрос", Ramparts, том 6 (май 1968), стр. 51.
16. Оливер К. Кокс, "Каста, класс и раса". Гарден-Сити, Нью-Йорк: День семьи, 1948, стр. 475.
17. Скотт Ниринг, Черная Америка. Нью-Йорк: Авангард Пресс, 1929, стр. 261.
18. Оскар Хэндлин, Раса и национальность в американской жизни. Гарден-Сити, Нью-Йорк: Doubleday Anchor Books, 1957, стр. 50.
19. Джон Диболд, "Свидетельство Конгресса", в журнале Automation, Моррис Филипсон, изд. Нью-Йорк: Винтаж, 1962, стр. 17.
20. К. Ванн Вудворд, Том Уотсон. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1963, стр. 221.
21. Там же, стр. 219-220. Выделено мной.
22. Гарри К. Диллингем и Дэвид Ф. Слай, "Механический сборщик хлопка, миграция негров и интеграционное движение", Человеческая организация, том 25 (Зима 1966 г.), стр. 246-247.
23. Эли Гинзберг, "Американская демократия и негры", в книге "Негритянский вызов сообществу Бти", Эли Гинзберг, изд. Нью-Йорк: Макгроу-Хилл, 1964, стр. 17.
24. Общая теоретическая основа, описывающая взаимосвязи между целями, нормами, социальными условиями и средствами, представлена Сидни М. Уиллхельмом в книге "Городское зонирование и теория землепользования". Нью-Йорк: Свободная пресса, 1962. См. также Сидни М. Уиллхельм, "Переформулировка теории социального действия", Американский журнал экономики и социологии, том 26 (январь 1967 г.), стр. 23-31.
25. Джон Диболд, Автоматизация: появление автоматической фабрики. Нью-Йорк: Ван Ностранд, 1952, стр. 139-140.
26. "Интервью с Джоном Диболдом", на этой неделе (20 марта 1966 г.), стр. 2. Выделено мной.
27. Там же. Выделено мной.

28. Джон И. Снайдер-младший, "Мифология автоматизации", в книге "Революция рабочей силы", компакт-диск Гарта Л. Мангума. Нью-Йорк: Doubleday Anchor, 1965, стр. 57. Выделено мной.
29. Цитируется в "Чего стоит автоматизация?" Christian Science Monitor (28 сентября 1963 г.), стр. 9.
30. Цитируется Холмсом Г. Перкинсом, "Архитектор и город", в "Архитекторе и городе" Маркуса Уайлтена, изд. Кембридж, Массачусетс: M.I.T. Press, 1962, стр. 2.
31. Уолтер Бакингом, Автоматизация: ее влияние на бизнес и людей. Нью-Йорк: Harper & Row, 1963, стр. 113.
32. Л. Б. Джонсон, "Введение" в книгу "Обеспечение свободы свободным", Арнольд Роуз, сд. Детройт, Мичиган: Издательство Университета штата Уэйн, 1964, стр. 13.
33. Габриэль Колко, "Никто не хочет публично казаться пораженцем", в книге "Машины и человек" Роберта П. Уикса, изд. Нью-Йорк: Appleton-Century-Crofts, 1961, стр. 188.
34. "Все, что вы можете сделать (ну, почти) Это может быть сделано лучше", Newsweek, Том 65 (25 января 1965 г.), стр. 74.
35. Там же, с. 75.
36. "Автоматизация: ее воздействие внезапно потрясает все США", Life, Том 55 (19 июля 1963 г.), стр. 68A.
37. "Чего стоит автоматизация?", указ. соч., стр. 9.
38. Букингом, указ. соч., стр. 27.
39. "Интервью с Джоном Диболдом", цит. по, стр. 2.
40. Джерард Пил, "Потребители изобилия", Периодические публикации Центра изучения демократических институтов, 1961, стр. 7.
41. Роберт Хатчинс, "Время пришло", Гуманитарное образование, том I. (май 1964 г.), стр. 257.
42. Гарри МагдофТ, "Рационализация иррационального", Nation, том 205 (18 сентября 1967 г.), стр. 247.
43. Цитируется Робертом Теобальдом, "Свободные люди и свободные рынки". Нью-Йорк: Кларксон Н. Поттер, 1963, стр. 36-37.
44. Основано на данных, предоставленных Филипом М. Стерном, "Налоговые дьяволы", Новая Республика, том 150 (I февраля 1964 г.), стр. 12.
45. Отчет президента о рабочей силе и отчет о потребностях в рабочей силе, ресурсах, использовании и обучении. Вашингтон, Округ Колумбия: Министерство труда США, 1965, стр. 206.
46. Раши Фейн, "Экономический и социальный профиль американца-негра", Дедал, том 94 (осень 1965 г.), стр. 827-828.

47. Чарльз К. Киллингсворт, "Безработица после снижения налогов", в книге "Безработица в процветающей экономике" Уильяма Г. Боскн и Фридрих II. Харби-сон, ред., Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета, 1965, стр. 89. Выделено мной.
48. "Нью-Йорк таймс" (28 июля 1967 г.).
49. Чарльз К. Киллингсворт, "Негры на меняющемся рынке труда", в книге "Занятость, раса и бедность", соч., стр. 51.
50. Цитируется Робертом Ткоболдом, указ. соч., стр. 70-71.
51. Леон Х. Кейзерлинг, "Экономические прогнозы и перспективы занятости", в "Революции рабочей силы", соч., стр. 163.
52. Бюро переписи населения США, Перепись населения 1960 года, США, Резюме, подробные характеристики, Басня 205.
53. См., например, Дэниела Патрика Мойнихана, "За Лос-Анджелесом: безработные негры и бум", Reporter, том 33 (9 сентября 1965 г.), стр. 31; Киллингсворт, указ. соч., стр. 62-63.
54. Леонард Брум и Норвал Гленн, "Трансформация негритянского американца". Нью-Йорк: Harper & Row, 1966, стр. 187. Выделено.
55. Тотнас Ф. Петтигрю, Профиль американского негра. Принстон, Нью-Джерси: Д. Ван Ностранд, 1964, стр. 171. Выделено.
56. Гарольд Р. Айзекс, "Новый мир негроамериканцев". Нью-Йорк: Джон Дэй, 1963, стр. 326.
57. Пол Гудман, "Взросление абсурда". Нью-Йорк: Винтажные грачи, 1956, стр. 33-34.
58. Один из лучших анализов по этому вопросу см. в книге Джона и Маргарет Раунтрикс "Молодежь как класс: политическая экономия молодежи", Наше поколение, том 6 (май-июнь 1968 г.), стр. 155-190. Местные власти усилили бы свои аргументы, если бы осознали "непроизводительность" ассоциации и, следовательно, бесполезность молодежи для американской экономики. См. также Кеннет Ивенис-тон, "Вы должны вырасти в Скарсдейле, чтобы знать, что на самом деле представляют собой документы", New Yuri; Журнал lima (27 апреля 1969 г.), стр. 27-29 К
59. То, что Национальная гвардия отравила газом кампус Калифорнийского университета в ллеркли с вертолета в середине 1969 года с использованием химических веществ, применявшихся во Вьетнаме, ясно демонстрирует это в отношении молодежи в Америке.
60. Питер Ф. Друкер, "Новое общество". Нью-Йорк: Harper & brothers, 1949, стр. 199.
61. Фредерик Дуглас, Жизнь и труды Фредерика Дугласа, Филип С. Фонер, изд. Нью-Йорк: Международные издательства, 1955, том. II, стр. 224.
62. Дэниел Патрик Мойнихан, "Занятость, доход и испытание негритянской семьи", Дедал, том 94 (Осень 1965 г.), стр. 746.
65. Гудман, указ. соч., стр. 41.

64. бейкер, указ. соч., стр. 298.

65. Гарольд Барон, "Безработица среди негров: тематическое исследование", New University Thought, том 5 (сентябрь-октябрь 1965 г.), стр. 45.

66. Эндрю Ф. бриммер, "Негр в национальной экономике", в справочнике американских негров Look, Джон П. Дэвис, изд. Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Prentice-11 all, 1966, стр. 272-274.

67. Я спрятался., стр. 274.

68. ll/id.

69. Цитируется Джозефом П. Лайфордом, "Негр в революции рабочей силы", в "Революции рабочей силы", соч., стр. 214-215.

70. Друкер, указ. соч., стр. 8.

71. Цитируется Питером Бартом, "Горечь управляет возложением вины", New York Times (15 августа 1965 г.).

72. Ральф Эллисон, "Человек-невидимка". Нью-Йорк: Random House, 1947, стр. 11.

75. Эдгар Н. Френч, "Начало нового века" на разгневанном юге, Глэнфорд li. Митчелл и Уильям Х. Пис, 111, ред. Нью-Йорк: Книги Коринфа, 1962, стр. 40-41.

74. Уоллес Мейнлельсон, Дискриминация. Энглвуд Клайдс, Нью-Джерси: Прентис-Холл, 1962, стр. 145-144.

75. Там же, стр. 145.

76. Для более подробного анализа того, как руководство перестало функционировать, уступив стратегии президента Джонсона в день выборов 1964 года, см. Джулиуса Джейкобсона, "Коалиционизм: от протеста к политиканству", Новая политика, том V (осень, 1966), стр. 47-65.

77. Лерой Джонс, НОМФ.. Нью-Йорк: Уильям Морроу и компания, 1966, стр. 152.

78. Маркус Гарви, "Место негра в переустройстве мира", в книге "Философия и мнения Маркуса Гарви", Эми Жак Гарви, составитель. Лондон: Frank Case & Co. Ltd., 1967, 2-е издание, часть II, стр. 54.

VII. Творческое усилие

Свобода человека - это абстракция, которую осквернили люди, обладающие властью. Они профанировали эту идею не только потому, что нарушили ее, но и потому, что они ссылались на нее.

— Бертран Рассел

Переход от простого к промышленному производству в сельском хозяйстве Юга и от промышленных к автоматическим технологиям по всей стране предоставляет Белой Америке возможность разработать новую расовую стратегию в соответствии со своими анти-

негритянскими традициями. С уходом негров из сферы производства товаров и услуг Белая Америка видит шанс удовлетворить требования негров о равенстве. Нация все больше и больше движется к равенству с удвоенной самоотверженностью по мере того, как негры становятся менее заметными в национальной экономике. Существует большая готовность удовлетворить требование негров о том, чтобы их поставили наравне с белыми просто потому, что это одно из наиболее эффективных средств избавиться от негров.

Отказ от самой сути Америки - занятости - низводит чернокожего человека до небытия. Таким образом, это подходящий момент для того, чтобы приступить к ликвидации расового подчинения, основанного на предрассудках. В прошлом было возможно проводить дискриминацию только в пределах экономической целесообразности; сегодня экономическая целесообразность обходится без экономических издержек для всех практических целей и, следовательно, допускает бесправие негра. Зачем проводить дискриминацию, когда можно устранить?

Требования к трудоустройству в настоящее время намного превышают квалификацию и возможности негров, согласно оценке экономических ценностей Белой Америки, так что чернокожие просто не могут успешно конкурировать с честолюбивыми белыми. Оценивая производительность и способности независимо от цвета кожи, негр отстывает не из уважения к белым, а в знак согласия с превосходством белых в форме жесткой конкуренции. Поскольку 97 процентов

большинство новых вакансий приходится на категорию "белых воротничков", в то время как трое из пяти негров (в отличие от трех из десяти белых) проходят квалификацию только благодаря полуквалифицированной или неквалифицированной работе "синих воротничков", барьеры неравенства могут быть разрушены, поскольку их разрушение по-прежнему гарантирует, что негры не будут допущены. Частный бизнес может демонстрировать добросовестное соблюдение недискриминационной практики найма, потому что ему не нужно беспокоиться о том, что многие негры поспешат подать заявление. "Мы можем убедительно показать, - сообщает нам бизнесмен, - что существует нехватка негров, должным образом подготовленных для заполнения вакансий, которые могут время от времени открываться".² Сегодня расовая принадлежность не является ни вопиющей, ни всегда необходимой для исключения: промышленники просто избавляются от рабочих мест, а не от негров. Зачем проводить дискриминацию, когда можно устранить?

Двери колледжа теперь могут быть открыты для всех лиц, соответствующих формальным требованиям, независимо от расы, поскольку цветных кандидатов в смешанные классы будет немного. Студенты-негры в большом количестве не могут конкурировать с белыми; они сталкиваются с исключением не только из-за пигментации кожи, но и из-за недостаточной подготовки к поступлению в колледж. В крупные университеты Севера поступает меньше негров, чем в их интегрированные южные аналоги. Неудивительно, что учебные заведения Юга пытаются соответствовать образовательным стандартам Севера, поскольку "повышение стандартов" снижает процент негров в кампусе. Зачем дискриминировать, когда можно устранить?

Военные получают много благонамеренных похвал за якобы строгую и бескомпромиссную политику интеграции, основанную на равенстве; определяющими критериями при приеме на работу являются стандарты работы, а не цвета кожи. Доля негров в боевых частях превышает

“20 процентов в средней пехотной роте”, согласно колонке Джозефа Олсопа от 25 мая 1966 года, просто потому, что “негритянские новобранцы с более низким средним уровнем технических навыков с меньшей вероятностью будут распределены по одной из технических специальностей”. Все зависит от назначения: нужного человека на нужную работу, независимо от расы. Стремление к продвижению по службе без расовых ограничений исключает негра для всех практических целей, выходящих за рамки рядового состава, и концентрирует чернокожего призывника на полях сражений Вьетнама. Военная служба избавляет от предрассудков и, таким образом, переводит негров в более высокие категории. Негр находится на своем месте, где риск для жизни и конечностей наибольший. Зачем проводить дискриминацию, когда можно устранить?

Жилье отражает еще одну возможность без шансов на победу. Владельцы недвижимости, зная о небольшой вероятности финансового взлома при покупке в пригороде, продвигают равенство и по-прежнему пытаются исключить негров. Кредитные и ипотечные учреждения ссылаются на недискриминационные стандарты, которым могут соответствовать немногие негры. Примерно 0,5 процента жилищных кредитов FHA выдаются семьям с доходом менее 4000 долларов, *ihscs*, исключая 60 процентов негров без следов расовой предвзятости. Страховые агентства проявляют значительное нежелание покрывать домовладельцев *Nemo* из-за предполагаемых высоких рисков. Можно утверждать, что все это вопрос экономики, а не расы. Зачем проводить дискриминацию, когда можно устранить?

Федеральные органы власти, органы власти штатов и местные органы власти принимают обширные законы о гражданских правах, исключая дискриминацию в сфере жилья, образования, общественных мест, транспортных баз, регистрации избирателей и так далее. Такие усилия стимулируют энтузиазм белых и встречают номинальное сопротивление южан, потому что изменение юридических прав с превосходства белых на равенство черных и белых может оказать незначительное влияние на расовые отношения. Поскольку экономические силы рынка играют важную роль в вытеснении негров из пригородов и экономические ресурсы столь важны для определения того, куда человек поедет (а не законы, предоставляющие возможность поехать), лишь небольшой процент меньшинства может тереться о большинство, питаясь вне дома, летая или выходя из дома в целом. Значительная исключительность белых может быть достигнута путем практики экономической исключительности без обращения к расовой дифференциации. Зачем проводить дискриминацию, когда можно устранить?

Огромные государственные субсидии поступают из казначейств различных правительственных подразделений для удовлетворения потребностей людей со средним и высоким уровнем дохода, гарантирующих превосходное образование, жилье, транспорт, госпитализацию и так далее. Нация в рамках программы Interstate I highway предприняла крупнейший проект общественных работ, когда-либо инициированный каким-либо правительством за всю историю. Скоростные автомагистрали стоимостью в миллионы долларов за милю расцветают в городах Америки, облегчая поездки из пригородных домов на работу в город, так что белым никогда не придется сталкиваться с черными изо дня в день или, возможно, из года в год. Поскольку выбор маршрута отражает стремление минимизировать затраты на строительство, скоростные автомагистрали появляются внутри негритянских гетто или на их границах, где земля стоит наименее дорого. “Федеральный окружной судья Фрэнк Грей-младший ... сказал,

что департамент автомобильных дорог, возможно, выбрал не самый лучший возможный маршрут или не провел достаточных общественных слушаний по нему. Но он сказал, что суд был бессилён заменить своим решением решение государственных чиновников, когда дело касалось прокладки шоссе".² И те же результаты справедливы для жилищного строительства: государственное финансирование домов способствует повышению уровня доходов, а не снижению, где негров больше. Расы разделяются "без" дискриминации. Зачем дискриминировать, когда можно устранить?

Более настойчиво, чем когда-либо, выступает в защиту микрорайона как единицы для выполнения школьных заданий в системе государственного образования. Белые не проявляют враждебности по отношению к черным; просто родители хотят, чтобы школы были рядом с домом для безопасности, здоровья и удобства школьников. Тот факт, что расовая однородность характеризует районы, является, конечно, "чисто случайным" в создании полностью или почти полностью белых или полностью черных классных комнат. Отправляя детей в частные школы, белые л*: "inivili rr nroiiinli"!..■» • 1" для их потомства и не может быть истолковано как фанатизм. Немногие негры обладают экономическими ресурсами для получения частного образования и, следовательно, редко посещают негосударственные учебные заведения. Зачем проводить дискриминацию, когда можно исключить?

В 1960 году на одного негра было получено чистое увеличение числа цветных подмастерьев по всей стране по сравнению с показателем 1950 года в 2190 человек. Профсоюзы хижин отрицают ответственность за дискриминацию; негры просто "не соответствуют" минимальным требованиям штата и федерального уровня для сертификации, выходящей за рамки ученичества. "Мы должны попытаться помочь, - заявляет Джордж Мини, президент AFE-CIO, в отношении приема групп меньшинств в строительные профсоюзы с целью обучения навыкам, "но ни при каких обстоятельствах мы не должны соглашаться на снижение стандартов для квалифицированных рабочих". Зачем проводить дискриминацию, когда можно устранить?

Работающий человек должен получать компенсацию на основе профессиональной подготовки, способностей, образования и интеллекта. Человек, обладающий большинством из этих черт, заслуживает самого щедрого вознаграждения, помимо цвета кожи. Однако, поскольку экономические соображения ограничивают негров отдельным жильем в худшем состоянии по сравнению с белыми, государственные чиновники отказываются вкладывать государственные средства в образование. Следует поощрять тех, кто обладает наибольшей квалификацией для достижения успеха. Следовательно, расходы на государственное образование в расчете на одного ребенка направляются в пригороды, а не в районы концентрации негров, нарушая квалификационные стандарты, негру не удается найти работу, если она доступна; в случае трудоустройства он получает довольно низкую компенсацию, соответствующую его скромному положению в жизни. Эта система вознаграждения, таким образом, предопределяет проживание в жилье с низким доходом, где возможности настолько невелики, что для подрастающего поколения нельзя ожидать ни продвижения, ни новых возможностей. Зачем проводить дискриминацию, когда можно устранить?

Поскольку безработица среди негров в большинстве мегаполисов превышает 20-процентный уровень, у белых есть достаточно "доказательств" никчемности негров. Быть безработным в обществе, выпрашивающем подаяния у искателей, по мнению большинства белых, является существенным свидетельством лени. Белые не могут представить себе никакой другой

причины, кроме того, что негр бессмысленно желает ничего не делать. Те, кто мало делает, мало и заслуживают! Таким образом, снижайте уровень социального обеспечения и сводите выплаты к минимуму — не для того, чтобы препятствовать негру, а для того, чтобы отбить охоту получать что-то даром, будь то белый или черный. Зачем проводить дискриминацию, когда можно устранить?

РАВЕНСТВО ПРОТИВ*. СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Примеры, подобные этим, столь многочисленны и столь разнообразны, указывающие на то, что логика избавления от бесполезного находится на одном уровне с равенством, побуждают

• • realrr, пока -i> - • • •' ■ • f. .в ilirv например, irm l h. • • i l • fn11 hr допускает притворство о достижении соглашения с другой расой в духе демократических идеалов, благоприятствующих братству и равенству всех людей перед Богом, когда, на самом деле, это вопрос реализации экономических устремлений, верных расовым намерениям. Иллюзия вызывает дополнительное искажение белых, заключающееся в предоставлении огромных уступок для обеспечения продвижения черных, в то время как негры постоянно терпят непоправимые неудачи огромных масштабов. Опросы общественного мнения, показывающие, что 75 процентов белых американцев считают, что быстрые темпы прогресса к настоящему времени поставили негров в один ряд с белыми, демонстрируют всю степень самовосхваления со стороны снисходительного белого населения. А многочисленные заявления многих ученых о фактическом “прибытии” негров в американское общество свидетельствуют о самообмане академического сообщества, придерживающегося скорее мифа о равенстве, чем фактов.

Но от этого утверждения никуда не деться: Америка, по словам католического монаха Томаса Мертона, “организована в первую очередь с целью ведения бизнеса, и где бы мы ни сталкивались с выбором между правами человека и преимуществами коммерческой организации, правам человека будет трудно добиться рассмотрения. Сначала физическая подготовка, потом люди”.³ Сегодня равенство следует за бизнесом, потому что следовать равенству - хороший бизнес; невыгодно нанимать неквалифицированных (негров), следовательно, выгодно быть равными в трудоустройстве. Никогда экономические мотивы Белой Америки, расизм и идеализм не были настолько совместимы, чтобы требования одного не выходили за пределы других в том смысле, в каком их понимают белые американцы. Белые могут прославлять освобождение негров на освященных путях равенства, ведущих, как они это делают, к открытым дверям экономического человека, куда могут войти только те, кто полностью подготовлен, и подняться до еще более великих свершений. Чтобы встретить последние протесты негров, связанные с тем, что машины заменяют чернокожую рабочую силу, белые отвечают принципом равенства, намереваясь вывести негров из общественного дискурса так же эффективно, как автоматические технологии устраняют цвет без дискриминации из рабочей силы. Новая тактика направлена на то, чтобы подавить, а не подчинить негра.

Негры, похоже, осознают происходящее, но им не удалось с уверенностью сформулировать природу своего бедственного положения в условиях агонии равенства. Все это время многие ведущие представители выступали за равенство как конечную цель негритянского протеста; выделяются заметные исключения, но эта доминирующая тема звучала в ритме криков о равенстве вне зависимости от расы. “Американский негр, - объясняет Кеннет К. Кларк, - просто просит разделить все, что существует в Америке сегодня, включая ее пустоту”.⁴ Ибо

“традиционно и даже сейчас, - пишут Фрэнсис Бродерик и Август Мейер, - центральное направление негритянского протеста всегда касалось дискриминации и сегрегации; центральное требование всегда было

Но все больше негров осознают разочарование в равенстве; продвигаясь по пути 011 наравне с белыми, они осознают "пустоту" этого предприятия. Их заявления не всегда будут последовательными, потому что неграм, по большей части, еще предстоит осознать все последствия своего опыта общения с "равной" Белой Америкой. Так, Джеймс Фармер пообещал “сделать свободу и равенство возможными посредством той внутренней эмансипации, которая приходит в результате прямых усилий”⁶, только для того, чтобы признать, как мало равенство может значить для негров, когда позже, в той же публикации, он признал, что “равные возможности не помогут большинству негров”.⁷ Типичный негр стоит в стороне от значимости равенства, потому что, по словам Фармера, “предлагать ему равные права, даже равные возможности, на таком позднем этапе, не придавая ему особого импульса, - это своего рода жестокая шутка, которую американский индивидуализм сыграл с бедными на протяжении всей американской истории”.⁸

Осознание равенства влечет за собой не возможности, а пренебрежение. Тот факт, что трудности сохраняются, несмотря на равенство, приводит историка Оскара И Ландлина к замечанию:

Равенство между расами не решит великих проблем американской жизни. Все остальные проблемы, с которыми связана эта, по-прежнему будут беспокоить нацию. Унаследованные политические методы по-прежнему будут нуждаться в адаптации к новым условиям; безработица по-прежнему будет эндемичной для экономики; система образования по-прежнему будет неадекватна предъявляемым к ней требованиям; а крупные города по-прежнему будут страдать от изнуряющих физических недугов. Равенство само по себе не позволит американцам жить долго и счастливо. Но равенство - важный первый шаг к позиции, с которой они смогут решать эти проблемы.⁹

Такие слова, хотя и выражают сожаление по поводу пагубного значения равенства, все же вселяют надежду на избавление через равенство. Равенство, однако, вряд ли может быть “первым шагом” к “атаке” на расовую проблему, когда оно приносит неграм большие трудности, которые, в свою очередь, делают более, а не менее трудным оспаривание судьбы негров в Белой Америке. Его защита напоминает комментарии врача из Южной Каролины, выражающего несогласие с коллегой по профессии, утверждающим, что негры “естественным образом” предпочитают рабство: “Предложить расе номинальную свободу, которой обладает свободный цветной человек на нашей земле, - это испытание, ни в коем случае не удовлетворительное”, - объяснил врач. “Примерно так же разумно было бы надеть намордник на нос свиньи, а затем пригласить ее на картофельную грядку. Конечно, он предпочел бы оставаться в своем загоне и пить пойло, которым вы, возможно, были бы рады его угостить”.¹⁰ Настаивать на том, что “наивысший и постоянный приоритет должен быть отдан цели национального единства с помощью метода ... равенства возможностей”, “гарантирует неграм равенство, но без трудоустройства и, следовательно, ностальгию по возможности работать, получать улучшенное образование, жилье, доход и более значимую социальную идентичность за счет отделения от белых; требования улучшения за счет разделения рас становятся все более многочисленными по мере того, как на негров “надевают намордник” за счет равенства. “Негру,

которому говорят, что "десегрегация" автовокзала в Джорджии каким-то образом представляет собой "прогресс", - прямо заявляет Лкрой Джонс, - определенно лгут".¹²

В то время как Белая Америка призывает к равенству в соответствии со своими последними технологическими достижениями, Черная Америка требует справедливости в соответствии с устремлениями негров. Предложения белых о равенстве в отношении погружения в воду теперь встречают чернокожих, настаивающих на справедливости для появления жизнеспособной расы.

Переход от равенства к справедливости как более типичной современной позиции очевиден повсюду. Мартин Лютер Кинг в своей поздней работе подчеркивал не равенство, а справедливость. 11с когда-то выступал за ненасильственные стратегии, позволяющие достичь уровня, равного белому, но в конце своей жизни ли стремился к справедливости: "Отдавая нашу абсолютную преданность империи справедливости, мы должны быть колонией инакомыслящих, стремящихся наполнить нашу нацию идеалами более высокого и благородного порядка".¹³ Джеймс Фармер как лидер пообещал "ЯДРО, поддерживающее бдительность и требующее справедливости", сдвиг, который, по его признанию, требует "новых методов и акцентов".⁴ На протяжении всей истории радикальные негры превыше всего отстаивали справедливость. . В самом радикальном заявлении негров, которое когда-либо было произнесено, Дэвид Уокер в 1829-1830 годах взывал к справедливости:

Я прошу каждого человека, у которого есть сердце и который благословлен привилегией верить

— Разве Бог не является Богом справедливости для всех своих созданий? Вы говорите, что это так? Тогда, если он дарует мир и успокоение тиранам и позволяет им держать наших отцов, наших матерей, нас самих и наших детей в вечном невежестве и нищете, чтобы поддерживать их и их семьи, будет ли он для нас Богом справедливости? Я спрашиваю,

О вы, христиане!!! которые держат нас и наших детей в самом ужасном невежестве и деградации, от которых когда—либо страдал народ с момента сотворения мира -

1 скажи, если Бог даст тебе покой и непринужденность и позволит тебе таким образом продолжать причинять страдания нам и нашим детям, которые никогда не давали тебе ни малейшего повода

— был бы он для нас Богом справедливости?¹⁵

Во время Гражданской войны один из самых радикальных чернокожих, Фредерик Дуглас, неустанно требовал справедливости:

Пусть американский народ, который до сих пор лишь заставлял цветную расу колебаться между частичной филантропией и жестокой силой, почувствует, какая добродетель есть в справедливости. Сначала чистый, а затем миролюбивый — сначала справедливый, затем великодушный.— Сумма неудач и катаклизмов чернокожего человека как раз здесь: к нему повсюду относятся как к исключению из всех общих правил, которые должны действовать в отношениях других людей. Он буквально изгнан за пределы благотельного диапазона истины и справедливости. — При всей очищающей и либерализующей силе христианской религии, учащей, как она утверждает, кротости, мягкости, братской доброте, те, кто исповедует ее, еще даже не приблизились к тому, чтобы относиться к чернокожему человеку как к равному

человеку и брату. Те немногие, кто до сих пор соответствовал этому требованию как разума, так и религии, заклеены как фанатики и энтузиасты.¹⁸

У Дугласа не было сомнений в том, что справедливость, а не равенство, должна быть первым соображением эмансипированного негра:

Что делать с негром в случае освобождения? Поступайте с ним справедливо. Он - человеческое существо, способное отличать добро от зла, правильное от неправильного, свободу от рабства, и является таким же субъектом закона, как и любой другой человек; поэтому поступайте с ним справедливо.¹⁷

В мрачные двадцатые годы единственный голос, звучавший от имени негритянских масс, Маркус Гарви, провозгласил в преамбуле Всемирной ассоциации улучшения положения негров: "Пусть справедливость восторжествует по отношению ко всему человечеству, понимая, что если сильный угнетает слабого, смятение и недовольство всегда будут отмечать путь человека ..."

Требование справедливости определяет более радикальную позицию негров в последнее время. Роберт Э. Уильямс, негр, отстраненный национальным офисом от должности главы местного отделения NAACP в Монро, Северная Каролина, за пропаганду самообороны насильственными средствами для противодействия насилию со стороны белых, объяснил свою позицию в рамках правосудия: "... кампания самообороны и выживания должна основываться на праведном деле правосудия. Это должно быть направлено не против белых, а против угнетения и несправедливости".¹⁹

Националистическое сепаратистское движение, примером которого являются чернокожие мусульмане, делает упор на справедливость. В одной из своих речей, произнесенных в середине 1964 года, Элайджа Мухаммад, лидер мусульман Америки, поставил свой призыв к справедливости выше своего требования равенства, сказав: "Мы хотим справедливости. Равное правосудие перед законом. Мы хотим, чтобы справедливость применялась в равной степени ко всем, независимо от вероисповедания, класса или цвета кожи".¹⁹

формулировка обид как несправедливости большинства по отношению к чернокожему меньшинству послужила основой для веры Малкольма Икса в расовое разделение. Когда ли был последователем черной мусульманской веры при Элайдже Мухаммеде, Малкольм Икс рассуждал так: "... поскольку у нас нет никакой надежды или уверенности в способности белого американца изменить существующую несправедливость, вместо того чтобы просить или стремиться интегрироваться в американское общество, мы хотим взглянуть фактам проблемы в лицо такими, какие они есть, и отделиться".²⁰

Когда в июле 1967 года вспыхнуло восстание, воинствующая негритянская группа в Детройте, Организационный комитет Внутреннего города, сослалась на несправедливость, а не на неравенство, отправив следующую телеграмму Генеральному прокурору США, Генеральному прокурору штата Мичиган и президенту коллегии адвокатов штата Мичиган:

Главной причиной восстания чернокожих в Детройте, как и везде, является несправедливость, которая практикуется здесь. ЭТО Я. люди. Дальнейшая несправедливость в судах только усилит отчуждение чернокожих людей и сделает продолжение насилия неизбежным. Для чернокожих людей справедливость становится все более важной, чем закон и порядок, и

должна гарантироваться всеми государственными органами, если мы хотим построить общество, в котором чернокожие и белые мужчины могли бы жить вместе.²¹

Установление справедливости на смену равенству означает совершенно новую перспективу. Люди, продвигающие дело негров по пути справедливости, должны не только установить более тесную связь с радикальными чернокожими лидерами, такими как Дэвид Уокер, Фредерик Дуглас, Роберт Э. Уильямс, Маркус Гарви и Малкольм Икс, но и выступить в защиту революции, а не реформ. В то время как среди негров бушует спор о роли насилия в борьбе за справедливое, а не равноправное дело, чернокожий лидер, тем не менее, переходит от роли простого критика к роли радикальной фигуры — от сторонника реформ к стороннику революции — в стремлении добиться справедливости. Там, где он когда-то рассматривал возможность паритета с белыми путем изменения Америки в угоду неграм, теперь он должен провозгласить неизбежную необходимость изменения самой структуры Белой Америки; там, где он когда-то добивался признания как равного, теперь он должен перевернуть всю Америку, чтобы завоевать свое чувство справедливости; там, где он мог бы довольствоваться интеграцией, теперь он должен выражать презрение; вместо того, чтобы быть субъектом перемен, он должен быть инициатором перемен.

Поскольку Белая Америка осуществляет экономическое отречение от негров, Черная Америка отвечает тем же, настаивая на новой Америке. Что-то не так с самой системой, а не с чем-то внутри системы. Вся система настолько коррумпирована во многих отношениях, что ее нельзя вылечить, а, скорее, от нее нужно отказаться. Негры - это “народ, который был угнетен системой,” увещевает Стокли Кармайл, “которые безуспешно пытались мирно сосуществовать в рамках этой системы в течение 400 лет. У нас нет другой альтернативы, кроме как взять оружие и бороться за наше полное освобождение и за тотальную революцию в Соединенных Штатах”. Далее он сообщает своей аудитории: “Мы хотим, чтобы вы знали, что наша борьба - это не борьба за мир, за закон и порядок. Наша борьба за справедливость, равенство и перераспределение богатства в США ...”²² Стремление к справедливости, возглавляющее список жалоб, вызывает призыв к революции, основанный, согласно Кармайклу, на насилии; мирный переворот не может отбросить то, что должно быть заменено, чтобы вернуть негру его собственное существование.

Мартин Лютер Кинг в конце концов выступил с революционным призывом установить справедливый порядок для всего человечества. “Настоящая революция ценностей,” утверждал он, “вскоре заставит нас усомниться в справедливости многих наших прошлых и нынешних политик. Мы призваны играть роль Добрых самаритян на обочине жизни, но это будет только начальный акт. Однажды вся Иерихонская дорога должна преобразиться, чтобы мужчин и женщин не избивали и не грабили на их жизненном пути”.²² Он призвал Америку как “самую богатую и могущественную нацию в мире” “возглавить эту революцию ценностей”.²⁴ Восстание, пересмотр основных ценностей, должно произойти, однако, путем ненасильственных социальных изменений. Разделяя революционную идеологию Кармайкла, Кинг питал отвращение к использованию насильственной тактики для установления нового общественного порядка; он поощрял радикальные перемены сегодня, точно так же, как вчера выступал за реформы для достижения равенства, за достижение справедливости путем мирного противостояния оппозиции.

Наблюдатели, не являющиеся неграми, демонстрируют близость между справедливостью и революцией; ряд белых авторов призывают к революции в установлении справедливости для решения расовой проблемы. "... новый порядок должен основываться на справедливости — и мы должны понимать, что справедливость - это не абстракция, не чувство, не отношения, а действие", - утверждает Чарльз Силберман. "Когда древние Пророки говорили о справедливости, их наставлением было не быть справедливыми, а творить правосудие; главное - это поступок". И чтобы добиться того, чтобы справедливость восторжествовала, утверждает Зильберман, "требуется не что иное, как радикальная реконструкция американского общества, если негр хочет иметь возможность занять свое законное место в американской жизни. И реконструкция, - продолжает он, - должна начаться не только в Оксфорде, штат Миссисипи, или Бирмингеме, штат Алабама, но и в Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго и других крупных городах Севера".²⁵

Среди негров растет разочарование в ценностях Белой Америки, возникает сомнение в целесообразности присоединения. Негр видит крах американской цивилизации в неспособности обеспечить справедливость для всех. Когда-то считалось возможным достичь "экономических прав, экономической свободы, экономического гражданства и государственной власти" путем "расширения перечня гражданских прав, включая основные свободы".²⁶ Такие концепции не отвечают насущным потребностям, поскольку в свете экономики автоматизации могут быть достигнуты значительные успехи в области гражданских прав без экономических возможностей. Следовательно, Фармер, придерживаясь идей справедливости, утверждает, что CORE "должен привнести активность негров в политическую жизнь сообщества. Он должен научить негров воздействовать на Америку в Америке в присутствии американцев. Это должно положить начало великой задаче переопределения национализма и интеграции, чтобы мы могли включить гордых чернокожих мужчин и самоуверждающиеся сообщества чернокожих в качестве законных партнеров в новой Америке".²⁷ И Кинг изобразил мрачную возможность колеблющейся Америки, четко заявив о необходимости восстановления:

Арнольд Тойнби Лайас сказал, что на лице земли возникло двадцать шесть цивилизаций *sonic*. Почти все они превратились в груды разрушенного хлама. Упадок этих цивилизаций, согласно Тойнби, был вызван не внешними вторжениями, а внутренним распадом. Они не смогли творчески отреагировать на вызовы, обрушившиеся на них. Если западная цивилизация сейчас конструктивно не отреагирует на вызов по искоренению расизма, какому-нибудь будущему историку придется сказать, что великая цивилизация погибла, потому что ей не хватило души и решимости сделать справедливость реальностью для всех людей".^{28*}

Как можно объяснить переход негра от знамени равенства к справедливости и его призывы к новой Америке, восстающей из пепла расизма благодаря творческим усилиям чернокожих?

Как мы видели, негры достигли новых высот процветания, хотя временами и несколько неустойчивого, во время Второй мировой войны и до конца Корейской войны. Но, несмотря на улучшение экономических условий, негры продолжали ощущать ограничения, связанные с тем, что они цветные в Белой Америке. Безусловно, негр в полной мере осознавал враждебность белых на протяжении всех веков своего существования на американской земле, однако десять лет, последовавшие за Второй мировой войной, еще полнее запечатлели в его памяти неспособность белых распространить привилегии на квалифицированных негров. Сейчас,

когда экономический успех был более очевиден, чем когда-либо в другое время, негры больше, чем когда-либо, настаивали на равенстве. Находясь в лучшем экономическом положении, негр рассудил, что ему нужна только возможность быть равным белым, независимо от цвета кожи, чтобы в полной мере воспользоваться благословениями Америки. Требования интеграции звучат из уст миллионов людей, как черных, так и белых, исходя из предположения, что устранение расовых барьеров, блокирующих пути к успеху, положит начало новой эре возможностей. По мере того как одно юридическое ограничение исчезало за другим в судах общей юрисдикции, по мере того как один законопроект о гражданских правах за другим передавался из залов Конгресса в Белый дом, и по мере того, как один негр за другим впервые регистрировались в списках избирателей, негры почувствовали уверенность в принятии в мейнстрим-Америку.

Но затем наступил конец пятидесятых и начало шестидесятых. Внезапно негр осознал свое ухудшение по сравнению с белыми. Оказавшись среди безработных, численность которых не сравнима с численностью белых, он узнал, что любые предоставленные права с таким же успехом могут оставаться отрицаемыми, если они не могут быть реализованы в полной мере. Тем не менее, его страстное желание быть принятым Белой Америкой заставило его вновь выступить с призывами к равенству, несмотря на новые экономические условия; он по-прежнему был убежден, что гражданские права гарантируют экономические права. Слова Ральфа Банча, сказанные в начале шестидесятых, выражают точку зрения большинства негров, находящихся в таком состоянии ума:

Я не сомневаюсь, что мои желания и чувства вполне репрезентируют желания и чувства большинства представителей моей расы. Я хочу быть мужчиной на той же основе и на том же уровне, что и любой белый гражданин — я хочу быть таким же свободным, как самый белый гражданин. Я хочу пользоваться теми же правами, что и белый американец, и в полном объеме. Я хочу иметь право на трудоустройство исключительно на основе моих навыков и возможностей трудоустройства, а на жилье - исключительно на основе моей платежеспособности. Я хочу иметь те же привилегии, то же обращение в общественных местах, что и любой другой человек. Но это не должно быть истолковано кем-либо как означающее, что я хочу быть белым; или что я "напористый", стремящийся попасть туда, где меня не хотят. Отнюдь. Я горжусь своим происхождением, предками и расой так, как никто другой. На самом деле, ничто так не возмущает меня, как расовое оскорбление или стигматизация. Я хочу идти и делать только то, куда и на что имеют право все американцы.^{2U}

Только в середине 1960-х негры всерьез задумались о своих мужских ценностях, выраженных Ральфом Банчем. И, поразмыслив, они обнаружили, что вся Америка выполняет их требования — "трудоустройство исключительно на основе ... навыков и возможности трудоустройства". Действительно! Чем больше белые распространяли равенство, к которому стремились негры, тем больше уверенности было в том, что цветные будут отставать. Став более похожими на белых, негры стали менее похожими на белых из-за условий, введенных в рамках равенства.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Затем негр осознал свое экономическое и расовое положение. Распространение автоматизации посеяло хаос в чернокожих общинах по всей стране, а появление механизации для производства сельскохозяйственных культур привело к потере рабочих мест для негров на фермах Юга. Равенство привело бы к полному забвению; нападки только на расизм при

пренебрежении экономическими мотивами белой Америки давали мало надежды на спасение негров. Ликвидация расизма не могла быть достигнута, пока экономическое положение негров ухудшалось. Таким образом, чтобы решить как расистские, так и экономические проблемы, негритянский активист теперь продвигает радикальную переформулировку расовых отношений и экономического порядка. Он берет на себя задачу определить, что значит быть человеком, ставшим ненужным не только по расовому признаку, но и по экономическому. Отсюда заметные сдвиги среди чернокожих. Если раньше Джеймс Болдуин насмехался над потребностью белых в “Неграх”, то теперь он отвергает ценность Белой Америки в том виде, в каком она сложилась в настоящее время. И Кинг отбросил мысли об экономическом бойкоте, чтобы добиться уступок от Белой Америки:

Как бы мы ни объединяли наши ресурсы и не “покупали черных”, это не может создать множество новых рабочих мест и обеспечить количество недорогих домов, которые выведут негров из экономической депрессии, вызванной веками лишений. Наши ресурсы также не могут обеспечить качественное интегрированное образование. На все это требуются миллиарды долларов... Короче говоря, проблема негров не может быть решена до тех пор, пока все американское общество не сделает новый поворот в сторону большей экономической справедливости.³⁰

В прошлом негр рассматривал свое выживание как вопрос приспособления к меняющимся экономическим условиям или принуждения Белой Америки предоставлять чернокожим привилегии исключительно для белых. Однако сегодня, негры стоят в авангарде, ища решение не только проблемы расизма, но и проблемы безработицы, которая следует за вторжением технологических изменений. Поскольку Nrcii жалуется на нежелание взять на себя задачу выплаты компенсаций обездоленным чернокожим рабочим, он приступает к более радикальной программе: все чаще он выступает за “экономическую справедливость” для восстановления всей Америки. Негры теперь превращаются в творческое меньшинство, стремящееся основать радикально иное общество как для белых, так и для черных. Кинг взмолился:

Давайте ... не будем думать о нашем движении как о том, которое стремится интегрировать негров во все существующие ценности американского общества. Давайте будем теми творческими диссидентами, которые призовут нашу любимую нацию к более высокому предназначению, к новому уровню сострадания, к более благородному проявлению человечности.

Мы (негры) великолепно подготовлены для этого. Мы были опалены пламенем страданий. Мы познали агонию быть аутсайдером. Из нашего статуса неимущих мы извлекли урок, что нации мало пользы от того, что она получает весь мир средств и теряет цель - свою собственную душу. У нас должна быть страсть к миру, порожденная нищетой войны. Присягая на верность империи справедливости, мы должны быть той колонией инакомыслящих, которая стремится наполнить нашу нацию идеями более высокого и благородного порядка. Поэтому, решая нашу конкретную дилемму, мы бросим вызов нации, чтобы она справилась со своей более масштабной дилеммой.

В этом и заключается вызов. Если мы осмелимся взглянуть на это честно, историкам в последующие годы придется сказать, что жил великий народ — чернокожий народ, — который

нес бремя угнетения в течение многих дней и который благодаря упорству и творческой самоотдаче вдохнул новый смысл в жизнь американцев.*¹

Кинг выдвинул конкретные предложения, которые наверняка приведут к качественным изменениям в самой природе американского общества. Его предложения отделяют то, что белая Америка считает неотделимым, а именно доход от занятости. Вознаграждение всегда было привязано к труду; люди, не склонные прилагать усилия, не имеют права претендовать на заработную плату. Но поскольку автоматизация подорвала саму основу зарабатывания на жизнь, Кинг разработал программу распределения покупательной способности между всеми людьми, независимо от статуса занятости; право на доход помимо работы, провозгласил он, должно стать еще одним “неотъемлемым” правом для всех американцев. Сумма будет увеличиваться по мере роста стоимости жизни. По мере роста доходов страны гарантированный доход должен будет расти аналогичным образом. Американскому обществу больше не нужно поддерживать систему распределения, основанную на предположении о дефиците товаров и рабочей силы. Автоматизация может обеспечить достаточное количество товаров и услуг для всей нации; нет оправдания тому, что какой-либо человек страдает от нужды. Программа Кинга предлагает экономичное решение, соответствующее возможностям новой технологии. И стоимость номинальная: Джон Кеннет Гэлбрейт оценил ее в 20 миллиардов долларов — сумму, составляющую лишь две трети стоимости войны во Вьетнаме 1967 года.

Негритянские лидеры, кроме Кинга, также утверждают, что негры, смилившиеся с меняющейся экономикой, являются творческой силой, которая, несомненно, принесет пользу всем американцам. И.Кронк Беннетт, р. объясняет

Даже если будут устранены расовые барьеры, негритянская рабочая сила вряд ли сможет догнать белую рабочую силу и преодолеть увеличивающийся разрыв в среднегодовой заработной плате между двумя группами. Автоматизация может означать, что негритянские работники в возрасте тридцати лет могут больше никогда не работать, особенно те, кто не имеет навыков, подготовки и образования. Организации по защите гражданских прав негров должны возглавить войну с бедностью в интересах развития социально-экономического порядка, который приведет к гуманизации революции автоматизации.³²

Бэннер разделяет взгляд на автоматизацию как на совершенно новое соображение, говоря: “В этот новый массовый век сверхтехнологий говорить о равных возможностях в индивидуалистических терминах - жестокая бессмыслица ...”, но при этом уточняет свое положение о негре в авангарде экономической революции:

Вопрос в том, должен ли негр, последним нанятый, первым уволенный, самый бедный и плохо подготовленный из любой группы населения Америки, быть в авангарде борьбы с дефицитом, или он должен стремиться к тому, чтобы получить все, чего он заслуживает из того, что есть? Очевидно, что ответ таков. И то, и другое. . . . Мы должны ожидать реализма от нуждающихся, и постоянный акцент на традиционных гражданских правах, я думаю, является единственно реалистичным.³³

Хотя Фармер и признает влияние совершенно новой экономической ситуации, охватившей негров, он проявляет нежелание отказываться от прошлого и выступать с призывом, основанным на будущем, как в случае с Кингом. поэтому ле определил CORE под своим

руководством как “движение за гражданские права”³⁴, а не более всеобъемлющую “правозащитную” организацию, которую проектировал Кинг.

Институт А. Филипа Рэндольфа предоставляет еще один выход для пропаганды экономических преобразований покупательной способности, соизмеримых с революционными изменениями в способе производства, связанными с автоматизацией. Он составил одну из самых подробных доступных программ для покрытия расходов на реализацию требуемых мер. Но какими бы достоинствами она ни обладала, руководство, связанное с Институтом, не обладает достаточной жизнеспособностью для доведения программы до конца. Больше, чем любая другая организация, ориентированная на негров, она выступает за революционные преобразования, идя на компромисс со своими политическими установками; она проектирует радикальную экономику, но стремится к реализации с помощью политики уступок. Следовательно, политический апломб Института не соответствует его экономическим амбициям. Негр не может участвовать в традиционной политике упреков и рассчитывать на поддержку со стороны существующих центров власти белых. Ибо речь идет о том, чтобы бросить вызов силе белых в самом ее истоке, чтобы добиться прогресса. Лица, связанные с Институтом, страдают иллюзией, что “осознанный личный интерес, здравый смысл и лучшая программа общественных отношений могут привести к расовому примирению и улучшению участи жителей гетто”.³⁵ Эта группа не может удовлетворить экономические потребности чернокожих переселенцев, умиротворяя тех самых людей, которые несут ответственность за поддержку технологического перемещения. Очевидное отсутствие справедливости с точки зрения Института существенно снижает шансы программы на успех в облегчении участи негров в американском обществе.

Поскольку негр выступает от имени национальных нужд, он должен поднимать вопрос о войне. Чернокожее меньшинство, страдающее от постоянной агрессии белых на протяжении более трех столетий, теперь ставит под сомнение право Америки брать на себя международные обязательства в качестве “мирового полицейского”. Негр становится все более радикальным, распространяя свой призыв к справедливости на насилие, совершаемое Белой Америкой не только дома против негров, но и за рубежом против других небелых, стремящихся к освобождению от архаичных правителей. “Настали революционные времена”, - объявил Кинг. “По всему земному шару люди восстают против старых систем эксплуатации и угнетения, и из недр хрупкого мира рождаются новые системы справедливости и равенства”.³⁶ Если бы негры стремились просто быть наравне с белыми, они тоже стали бы частью усилий Америки, направленных на то, чтобы мало что сделать с бедностью внутри страны и военным авантюризмом за рубежом. Необходимо обходиться без равенства, как технологическая изобретательность обходится без негров; негру необходимо обходиться без войны, чтобы война не обошлась без негров. “Равенство с белыми не решит проблем ни белых, ни негров, - заявил Кинг, - если это означает равенство в мировом обществе, пораженном бедностью, и во вселенной, обреченной на вымирание в результате войны”.³⁷

Поэтому неудивительно, что негры больше осуждают войну во Вьетнаме и расходы на оборону в целом: слава войны означает ожесточение искалеченных негров на полях сражений во Вьетнаме и удрученных негров дома, в гетто отчаяния, в то время как белые греются на солнышке процветания военного времени и подвергаются меньшему риску для жизни и конечностей при ведении заморского конфликта. Как новые технологии, так и война истощают экономические ресурсы негритянского меньшинства; потеря рабочих мест подрывает доступ

негров к доходам, а расходы на войну отвлекают основные средства от того, что в противном случае можно было бы вложить в гарантированный годовой доход для всех нуждающихся. Следовательно, “для того, чтобы исчезло такое зло, как расизм, бедность и милитаризм, - тройная угроза благосостоянию нации, по мнению Кинга, “ должен родиться новый набор ценностей. Наша экономика должна стать более ориентированной на личность, чем на собственность, и на прибыль [и | наше правительство должно больше полагаться на свою моральную силу, чем на военную мощь”].³⁸

Католический монах Томас Мертон предупреждал, что “любая форма социального протеста, предполагающая, что у негра есть готовое и ожидающее его место в американском обществе, просто неуместна, является мистификацией и мошенническим обманом”.³⁹ Следовательно, негр не может войти в американское общество в том виде, в каком оно существует в настоящее время; для него там нет места. Человек, не приспособленный к жизни, не может искать приспособления, возвращаясь в систему, поскольку именно сама система объявляет о дезадаптации индивида и создает ее. Следовательно, негритянское руководство отказывается от равенства ради справедливости в попытке создать новое общество в соответствии с новыми экономическими императивами. “... Негр (особенно негр-христианин героического склада доктора Кинга) предлагает белому человеку ‘послание спасения’, - замечает Мертон, - но белый человек настолько ослеплен своей самодостаточностью и самомнением, что не осознает опасности, которой он подвергает себя, игнорируя это предложение’”.⁴⁰ Поэтому негру подобает не обращаться к Белой Америке, а вместо этого развивать “послание спасения’ для всех американцев.

Существует традиционное негритянское духовное выражение черного настроения:

Моя душа чего-то хочет

Это ново, это ново.

Что потенциально будет новым для негра, так это сам Негр: он принимает совершенно иную идентичность, чем в прошлом. Негр теперь может заявить, как это сделал Фармер, что “безработица - это не позор; мы должны развивать ценности, соответствующие автоматизированному миру”.⁴¹ Поскольку новая технология отрывает его от способа производства, негр ищет ответ на вопрос, поставленный философом Ницше: “Не свободным от чего, но свободным для чего?” Зная о своем освобождении от традиционного порядка, негр теперь выступает с творческой решимостью в ответ на вопрос “свободен для чего?”.

Не стоит принижать приверженность негров исправлению гражданских ошибок, устранению неравенства, порожденного расистскими ценностями, или героическому характеру новых приключений. Но необходимо задать тон движению, вписать его в ритм самой жизни. Ибо опыт негра окажется абсолютно решающим для будущего Америки, поскольку в нем содержится ключ к решению проблемы технологического замещения. Современные негры - это пробуждающееся поколение, поднимающееся, чтобы бросить вызов существующему положению вещей, требуя новых экономических принципов. Омраченный в прошлом экономической эксплуатацией Белой Америки, он теперь инициирует новый социальный порядок для нового общества изобилия.

Путь, по которому идет негр, прослеживается более четко: негр должен быть помещен не только в историческую перспективу расы, но и в перспективу экономики. Ибо негр отражает общество

в большей степени, чем достижения, достигнутые негром в борьбе за гражданские права. Негр в Америке, более тесно связанный с экономической системой своего общества в целом, чем с расовыми отношениями, теперь становится авангардом нового социального порядка. Став жертвой технологического вытеснения, он страдает как первоначальный изгой, который стремится к самоориентации в решении проблем, гораздо более широких, чем гражданские права; его требования возникают в ответ на экономику разобщенности, неотъемлемый побочный продукт автоматизации. Пока доход остается привязанным к производству, нет никаких возможностей и мало надежды. Негритянские лидеры, предлагающие расширить рабочие места как для негров, так и для белых безработных, вызывают только горькое разочарование. Ибо если и есть какое-то предсказание, в котором мы можем быть уверены, то это неизбежный факт, что безработица будет преобладать на беспрецедентной основе, независимо от цвета кожи.

Весьма показательно принять к сведению тот факт, что, хотя и белая, и черная беднота сталкиваются с катастрофической безработицей, их реакции неодинаковы; негра легче вовлечь в социальный протест, чем его белого коллегу. Столетия дискриминации подготовили его к коллективным усилиям по борьбе с автоматизацией. Объединенные, негры теперь реагируют сообща. Как часто мы слышим, как негры жалуются на безработицу: “Нас нанимают последними, нас увольняют первыми!” Эта вспышка гнева, обычно принимаемая за выражение дискриминации, более уместно обозначает передачу коллективной идентификации. Крик “мы” устанавливает общую идентичность среди негров.

Сравните это с типичной реакцией праздного белого работника. Ситуация с безработицей для белых - это личное бедствие: “Что мне / делать?” - вот его причитания. Он отшатывается, испытывая значительную неуверенность в себе, в то время как негр всегда уверен в себе. Двусмысленность белого препятствует решительному противостоянию экономике перемещения в условиях автоматизации. Белый видит безработным только себя — “Что мне / делать?”; негр видит свою расу, свой народ — “Мы безработные!” Это тонкое, но всепроникающее и непреодолимое различие формирует социальное сознание чернокожих, в то время как белые безработные обездвиживают себя, крепко держась за индивидуалистические представления. Перемещенный белый, человек, изолированный от всех остальных, за исключением его ближайших родственников, ищет жилья в частном порядке. Для негра безработица - это социальное угнетение, направленное не против него самого как личности, а против его расы; он оскорблен не как индивидуум, а как коллектив. Полностью осознающий социальную реальность, негр с готовностью превращает свое разочарование в социальное презрение; парализованный представлениями об автономии, которые персонифицируют его судьбу, белый индивидуализирует свой опыт, тем самым исключая свое участие в социальных реформах и революционных мыслях.

Существуют не только безработные негры, но и суровая реальность нетрудоспособных негров. Именно потому, что негр постепенно видит себя новым бедняком, он теперь исследует новые возможности и не может довольствоваться просто равенством. Экономическая борьба с заработной платой негров не является борьбой с бедностью как таковой; решение проблемы не может принимать форму “войны с бедностью” как реформы, необходимой для удовлетворения потребностей

Негр. Безработные, необразованные обитатели трущоб - это не результат сиюминутного экономического спада; эти люди страдают не от временной экономической дезадаптации, а скорее от фундаментального сдвига во всей экономической системе. Когда негр отстраняется в пользу автоматизации, он превращается из расового меньшинства в расового изгоя; он быстро выходит из своего исторического состояния угнетения и становится бесполезным. Все чаще ли не столько эксплуатируется экономически, сколько становится экономически неуместным. Вопрос больше не в том, что можно сделать с экономическим порядком, чтобы стимулировать перераспределение товаров и услуг, таких как манипулирование налогами, корректировка процентных ставок, балансирование и разбалансировка бюджетов и так далее. Сегодня приходится иметь дело не только со способами создания экономики, но и с вопросом, что мы собираемся делать с людьми? Что будет с нетрудоспособными?

Негр вступает во взаимодействие не ради личного достоинства, а ради нового достоинства и самовыражения, достойных человека в экономике машин. Он больше не может позволить себе иллюзий относительно реформ через суды, Конгресс, Белый дом или бизнес. Он все чаще формулирует идеологию, характерную для его уникальной ситуации, которая требует новых экономических возможностей. Действительно, прогрессивное движение Америки в политике, отложенное на более чем десятилетие, не возродилось заново для продвижения равенства негров, но проявилось еще раз, потому что стремление негров к новым возможностям соответствует прогрессивным наклонностям. Негры не нуждаются в массовой помощи так сильно, как большая Америка нуждается в новой помощи. В области автоматизации у нас есть задатки для новой формы производства; Америке сейчас нужна, и американцы должны требовать, новая возможность пользоваться этим беспрецедентным изобилием. Дело больше не в американизации негра; негр теперь прокладывает путь к новым рубежам прикладной науки в области прав человека.

Расовая борьба нации на самом деле является первым столкновением, первоначальным намерением противостоять экономике автоматизации. Ни одна группа, кроме негритянской, еще не обладала потенциалом подняться до этого уровня. В настоящее время только негр может похвастаться квалификацией для отстаивания нового социального порядка, дополняющего экономику автоматизации.⁴²¹ . государство остается лояльным к занятым, а не к безработным; общество политиков возвышается над корыстными интересами и тщеславным консерватизмом общего общества; священнослужители не решаются бросить вызов экономической системе; адвокаты остаются в стороне от моральных проблем, твердо придерживаясь псевдо-“ценностного анализа”, запрещающего суждения; бизнесмены отвергают любую потребность в деньгах, кроме как в производстве, поскольку прибыль сохраняется и фактически является предпосылкой автоматизации.

Короче говоря, новые технологии устраняют рабочие места для неквалифицированных работников; по этой причине негры сталкиваются с чрезмерно высоким уровнем безработицы и, из-за расизма, с более высокими показателями по сравнению с белыми. Чтобы добиться экономических выгод, не будучи с пользой занятым в производственных процессах нашего общества, негр должен в конечном итоге разорвать свои обязательства перед традиционной экономикой в пользу новой экономики, одновременно настаивая на искоренении расовой вражды. Он вынужден прийти к выводу, что политический союз основывается на прогрессивных движениях, стремящихся изменить, а не утвердить наши социальные нравы в свете

распространения автоматизации по отношению к необразованной массе дискриминируемых человеческих душ.

Таким образом, мы видим Мартина Лютера Кинга, Джеймса Фармера, И.Каргу Беннетт, участников Института А. Филипа Рэндольфа и консерваторов, таких как Рой Уилкинс и Байярд Растин, выступающих за союз с белой беднотой, профсоюзами и либералами. Центральная проблема: безработица, в большей степени, чем расовая. Действительно, это разнородная коалиция, апеллирующая к личным интересам; по мере того, как все больше людей пожинаяют плоды автоматизации и оказываются в нужде и без работы, как утверждается, единство распространится на широкую базу с симпатией профсоюзов и либералов. Стратегия напоминает популизм, с заметным отличием, что этот второй раунд возглавляют негры, тогда как в первом случае наиболее ярыми сторонниками были белые, а негры играли второстепенные роли. Ранее это был белый Том Уотсон, возглавлявший популизм на рубеже веков, разъясняющий связь между расизмом и экономикой: “Вас заставляют ненавидеть друг друга, потому что на этой ненависти покоится краеугольный камень арки финансового деспотизма, который вас поработщает”.⁴¹ Сегодня Мартин Лютер Кинг проводит идентичную связь в популистской традиции: “Возможно, недалек тот момент, когда пробудившийся бедный и отсталый белый избиратель прислушается к подлинному экономическому либерализму и поддержит его ... Тогда с ростом числа негритянских полевок они | как белые, так и черные бедняки | создадут альянс, который вытеснит уоллесов, а вместе с ними и расизм как политическую проблему”.⁴⁴

Но корпоративные интересы обрекли первоначальную ставку популистов на провал, и, похоже, наиболее вероятно, что Белая Америка не допустит успеха нового популизма. Белые девятнадцатого века лишь неохотно терпели негра как подчиненного, жертву и важнейшего поставщика рабочей силы для эксплуатации — и представляется крайне маловероятным, что произойдут какие-либо изменения, позволяющие черному меньшинству взять на себя самопровозглашенную руководящую роль в восстановлении самой структуры Белой Америки. “Вполне вероятно ...” пишет Уолтер Липпман в колонке от 29 сентября 1963 года, — что, хотя негры одержат верх в отношении первой волны своих жалоб, отмены знаков рабства, существенного улучшения их общего экономического положения, вероятно, в ближайшее время не произойдет. Ибо для этого потребуются победить крайнюю нищету, а страна сейчас не готова к такому начинанию”. Но более того, белая Америка просто не готова уступить неграм из-за расового вопроса; потребуются практически непреодолимое усилие, чтобы подняться над растущим безразличием к неграм. Ибо Белая Америка видит шанс с помощью новой технологии избавиться от негров без экономических затрат для себя. Действительно, как следует отметить в следующей главе, чернокожий человек все чаще рассматривается как бремя Белого Человека, человек, требующий прав, которые “по праву” принадлежат только энергичному, приносящему доход человеку. “Расизм и капитализм (то есть экономическая эффективность) - это не исторические случайности, последствия которых следует предупреждать или психологизировать”, - утверждает Луи Кампф:

Я лежу на холме Ригл илок:, не существую в экономическом вакууме. Если жители Уоттс (негры в целом) хотят избавиться от своей вечной нищеты [и белого расизма], они не продвинулись далеко, апеллируя к своим законным правам или благородным словам Конституции: последние годы научили их, что у них нет иного выбора, кроме как рассматривать белую буржуазию как

своего классового врага, поскольку это ничего не даст: ни из моральных чувств, ни даже из личных интересов.⁴⁵

Тем не менее, оказывается, что одна из самых депрессивных групп общества первой сталкивается с экономикой автоматизации; негры как изгнанники Америки — всего лишь отходы автоматизированной экономики

— выдвигается на передний план новой эры. В таком случае негритянка — "шлюха" нашего общества — кажется связанной и решительной стать спасительницей нашего общества. Другими словами, негр должен сделать то, что остается сделать постороннему человеку в последней борьбе за то, чтобы остаться значимым человеческим существом: приложить творческие усилия, чтобы вывести заблудший народ из того, что кажется неминуемой гибелью.

"Бродяги, " пишет Филип О'Коннор в своей книге о бродяжничестве, " это сырье для будущего просвещения, или подопытные кролики, над которыми грядущее общество проводит некоторые из своих экспериментов. Их глупость

— а глупость, с интеллектуальной точки зрения, она, безусловно, такова, — с практической точки зрения мудрее, чем блеск адаптации, демонстрируемый нашими социальными столпами и звездами".⁴⁶ Однако само существование аутсайдера подрывает уверенность в себе признанных лучших классов, поскольку "он показывает нам нашу слабость и полную двусмысленность нашей морали [такую, что) мы не можем добросовестно сказать, что он такой, какой он есть, потому что он злой; потому что мы слишком хорошо знаем этическую бедность нашей собственной более успешной практики". Поэтому, вместо того чтобы воспринимать его — "бродягу", то есть изгоя, — всерьез, "наша самая безопасная ставка - называть его мэйл".⁴⁷ И это наиболее вероятный ответ белой Америки на любого негра, заявляющего об отчаянной необходимости социальной реконструкции во имя справедливости. Негр, выражающий революционные предложения и действия, будет рассматриваться не только как чернокожий человек, но и как оракул радикальной экономики и политический ниспровергатель (белого) американского образа жизни.

Негр прилагает все усилия к тому, чтобы следовать творческому пути, которым идут обездоленные. Но он преобладает, сейчас и в обозримом будущем, как сохраняющееся расовое меньшинство и как идеолог нового социального порядка. Неравный в прошлом, негр мужественно стремится продемонстрировать свою ценность на всеобщее обозрение, поскольку он стремится быть в союзе с будущим экономическим порядком; он стоит на новом пороге, призывая всю Америку следовать за ним. Несомненно, это его исторический момент, когда он провозглашает "весть о спасении" всем, но особенно белому человеку, — кто готов слушать. Он выступает в том, что, возможно, является его последней попыткой успокоиться, чтобы воспользоваться моментом, прежде чем столкнуться с перспективой превращения в отвергнутое меньшинство обществом, которое в настоящее время не может оценить продление изобильной материальной жизни для всех своих граждан.

Вполне естественно, что негр выходит на сцену в это время, чтобы творить, а не быть историей. Ибо это соответствует не только поведению изгоя, но и его своеобразной традиции. Он способен предложить понимание людям, столь враждебным и лживым по отношению к человечеству из-за своего "непуританского, немашинного, неэксплуататорского" прошлого. "Традиция (черных), - проницательно сообщает нам Лерон Беннетт, - совершенно определенно

немашинна, но она не антимашинна; она просто признает, что машины - это порождающая сила, а не душа, инструменты, а не цели".⁴⁴ Негр, в отличие от европейских луддитов, которые выступали против внедрения индустриализации, отказывается отвергать новую технологию; он стремится интегрировать новый способ производства в новую форму жизни в соответствии со стандартами справедливости, чтобы обеспечить справедливое распределение товаров и услуг и ликвидацию расизма.

Если когда-либо в истории существовал творческий неудачник, аутсайдер, то это, несомненно, негр по отношению к американскому обществу. Он стремится заменить экономические стимулы и расизм справедливостью, в то время как нация прибегает к экономическим стимулам и расизму, чтобы заменить негров; он ставит себя в авангарде с целью проведения реконструкции американского общества, в то время как нация внедряет реконструированную технологию с целью расширения прошлой цели накопления прибыли; он предлагает новую систему распределения богатства для обеспечения справедливого распределения среди всех граждан, в то время как нация предлагает новую систему производства товаров, сохраняя существующий баланс между работой и доходом; он фокусируется на благосостоянии человека, в то время как нация концентрируется на создании новой технологии; он создает ярко выраженные творческие усилия по подчинению технологического развития нетехнологическим устремлениям человека, в то время как нация предпочитает "подчеркивать технологические изменения как свой главный способ творческого самовыражения и (основу) экономического роста".⁴⁸

Борьба за "гражданские права" - это борьба с претензиями человека на существование, когда он сталкивается с перспективой вытеснения машинами; она провозглашает право человека на победу, в то время как технологический порядок диктует свое провозглашение "долгой человек!". В своей доиндустриальной и промышленной экономике человек обеспечивал себя необходимой энергией за счет мускульного роста и как источник управления машинами, их проектирования и внедрения. По этим причинам человек был объектом внимания из-за успеха в производстве товаров и услуг; его считали "вещью", обладающей или не обладающей мускулатурой, навыками, образованием и мыслями, подлежащими оценке по стандарту эффективности. Теперь, когда объекты, созданные человеком, демонстрируют свое превосходство над объектами, созданными человеком, практически нет необходимости заменять один тип объектов другим; в условиях автоматизации пап как вещь должна быть полностью заменена другой вещью, началом. Впервые человек сталкивается с перспективой убедить себя в собственной ценности, пытаясь доказать, что он является уникальной сущностью в самом процессе проектирования собственной замены, смоделированной в "маге человека". Но человек просто слишком неэффективен во многих отношениях, чтобы одержать победу над машинным производством. Это не личная болтовня, как люди привыкли говорить, потому что человек - всего лишь предмет, уступающий место более эффективному инструменту. По сути, с самого начала / Wan имеет ■ sen v / an, компонент технологических систем, участвующий в процессе производства. И теперь появляется Негр, угрожающий нарушить договоренность, имеющий наглость предложить, чтобы новая tcsh-логия была включена в более широкий спектр / Wan.

Таким образом, негр участвует в революции, но не является революцией; его права являются феноменом с самого начала Второй мировой войны. Настоящая революция, происходящая сейчас, - это качественный сдвиг от индустриализации к автоматизации, который способствует

- созданию фундаментального вызова экономическим предпосылкам, лежащим в основе передачи технологий. В силу исторических обстоятельств, характеризующихся ярко выраженной расовой дискриминацией, негры являются первой группой населения, пострадавшей от вытеснения человека из производственной среды. Он врывается на безмятежную сцену не только для того, чтобы покончить с расизмом, но и с экономическими мотивами Белой Америки; ему нравится отбрасывать, а не расширять подлинное наследие нации в области экономического расизма, поскольку он сам чувствует гнев раздачи, ставшей ощутимой благодаря новой технологии. В процессе негр пришел к выводу, что до тех пор, пока он продвигает идеи равенства, достижения гражданского блеска являются одновременно пародией и трагедией. “Пусть справедливость будет единой для всего человечества”, - раздаются крики живого негра точно так же, как эти приказы вышли из-под пера Маркуса Гарви более 40 лет назад. и, возможно, было бы неплохо вспомнить слова еще более раннего цветного радикала: “Давайте не забывать”, - предупреждал этот поборник человеческого достоинства Фредерик

Дуглас в словах, произнесенных перед скорбящими, собравшимися на траурный митинг в ночь убийства президента Линкольна, “справедливость по отношению к неграм - это безопасность для нации”.⁵⁰ И один из наиболее радикальных современных негров поддержал традицию, благородно заявив: “Ненасильственные прямые действия будут оставаться важным источником власти до тех пор, пока присутствие справедливости не сделает их неактуальными”.⁵¹ Если лавингу не удалось обеспечить себе законное место среди своих сограждан-американцев под знаменем равенства, негр возвращается к своей более почитаемой традиции, стремление к справедливости.

Негр выходит на первый план как поставщик информации о социальных последствиях автоматизации не только для и без того находящегося в депрессии чернокожего меньшинства, но и для белого большинства. Трудно представить себе более обременительную задачу для негра: общество навязывает ему отвратительное неприятие черного, сделанное терпимым для белых только в той мере, в какой это необходимо для чернокожего труда для удовлетворения технических потребностей производства, и негр теперь берет на себя общественную ответственность за основание социального, а не технологического порядка. Негр - неудачник на переднем крае грандиозных человеческих усилий, борющийся с огромными экономическими трудностями, а Белая Америка поражена расистскими традициями и напрасной приверженностью военным расходам. Вряд ли это завидное положение для любого человека, не говоря уже о том, кто просто может быть черным.

Задача создания социального порядка, способного превалировать над техническими соображениями, - это задача, от которой даже интеллектуалы и ученые отказываются в муках непонимания. “Профессиональные экономисты, ” утверждает Чарльз К. Киллингсворт, сам известный экономист, “ в общем и целом отвергают предположения о том, что технологические изменения ускорились и изменили направление. Экономической теории так и не удалось найти место даже для старомодных технологических изменений в своих "моделях", которые претендуют на объяснение экономики. Вывод о том, что этот неподатливый аспект экономической жизни приобретает все большее значение, подорвал бы важные части драгоценной структуры теорий. Следовательно, большинство экономистов считают "правдоподобными" — то есть достойными веры — только те статистические манипуляции,

тематические исследования, интерпретации и утверждения, которые не представляют угрозы интеллектуальному капиталу профессии".⁵²

То, что кажется верным конкретно для экономистов, справедливо и для социальной мысли в целом. В быстро меняющемся обществе интеллектуал, ориентированный на изучение истории, испытывает значительные трудности в том, чтобы идти в ногу с будущим. "Это моя диссертация", - объясняет Мерл Клинг,

что интеллектуал изолирован от основных течений социальных изменений и что он неспособен понять или интерпретировать нынешние направления изменений. Его предсказания в прошлом не всегда были верными, но они были правдоподобными. Сегодня, благодаря совершенно беспрецедентным преобразованиям, произведенным наукой и технологией, ему не хватает самых элементарных и необходимых предпосылок для того, чтобы вступить в "союз с будущим".⁵³

Интеллектуал безнадежен, когда имеет дело с возможными последствиями развития технологий, из-за своей неспособности справиться с будущим; он выведен из равновесия и неуверен в своей традиции, своей аудитории и своем предмете. И все же выносить суждения, чтобы преодолеть разрыв между системой ценностей, лежащей в основе способа производства, и этической системой, оправдывающей распределение вознаграждений, - прерогатива интеллектуала.

Дело не только в том, что интеллектуалам не хватает дальновидности, но и в том, что они порождают ошибочные видения, создавая теории, фактически оправдывающие социальные потрясения, хаос, проблемы. Сейчас модно обвинять город в порождении социальных явлений, при которых психические заболевания становятся своего рода хроническим городским психическим расстройством, трущобы представляют собой упадок городов, пробки на дорогах свидетельствуют об отсутствии городского планирования, расовые беспорядки - всего лишь проявления кризиса в городе. Самообман предполагаемой городской причины социальных сбоев подталкивает к объяснениям в терминах "распада" "городского" общества, хотя все это время верно как раз обратное: американское общество "процветает". Смотреть на трущобы, городской упадок, психические заболевания в городах и так далее — значит наблюдать результаты организованных усилий - реальность преднамеренного намерения, а не какие-то эксцентричные отклонения от того, что пошло не так.

"Город" не находится на грани краха или дезинтеграции; жители не являются аномальными из-за нарушения норм. Совсем наоборот. Именно из-за того, что определенные ценности находятся в полной силе, растет безработица, развиваются и расширяются трущобы, учащаются психические расстройства, продолжаются перелеты в пригород. Такие явления выступают как продукты существующей системы ценностей, подчеркивающей достоинства экономических выгод в ущерб человеческому достоинству. Если бы так называемый "город" нужно было поддерживать для функционирования национальной экономической системы, он, несомненно, был бы сохранен в свете фантастических экономических ресурсов частных и государственных казначейств. Но с экономической точки зрения она "устарела" и, следовательно, у неосведомленных людей создается впечатление о необоснованном вырождении. Пробки на дорогах "преследуют" горожан, потому что они востребованы, и здесь мало компенсирующей силы, способной изменить ситуацию.⁵⁴ Далее, безработица возникает не из-за автоматизации; не из-за "загрузки памяти" возникает социальная проблема. Вместо

этого выражение системы ценностей, благоприятствующей максимизации экономической отдачи за счет автоматизации для сокращения занятости, действует как исключение, а не как проблема.

Не имея видения будущего, неудивительно обнаружить энергичных последователей прошлых интеллектуальных кредо, даже несмотря на то, что автоматизированная экономика больше не может быть оправдана прошлыми кредо, если есть какое-либо намерение сохранить жизнеспособность Человека. Ни Адам Смит, ни кейнсианская экономика не обеспечивают разумной ориентации на новую производительность. Измерение благосостояния традиционными стандартами — показателями валового национального продукта и темпами роста — обещает создание богатого общества с бедными людьми, в то время как мысли о занятости предлагаются в качестве фундаментального, хотя и невыполнимого решения. Слишком много голосов настаивает на том, что “полная занятость и расширение возможностей трудоустройства за счет устойчивого экономического роста приобретают все большее значение”, при этом делается наивный вывод, что “если этого удастся достичь, рабочий, в конце концов, может стать хозяином, а не рабом производственной деятельности”.⁵⁵ То, что справедливо для промышленного порядка, по общему признанию, применимо и к автоматизированной экономике: “Полная, стабильная занятость не только политически целесообразна, но и социально желательна”. Автоматизация делает это экономически необходимым .. ,”^{5a}

В одном из последних аналитических работ Гуннара Мидрала “Вызов достатку” подчеркивается аргумент о структурной безработице, от которой страдают бедные, но в качестве решения предлагается трудоустройство. Недавняя публикация “Автоматизация и технологические изменения” Американской ассамблеи информирует нас:

Высокий уровень платежеспособного спроса является первым необходимым условием для быстрых преобразований, связанных с технологически развитой и динамичной экономикой. Наличие большего количества и более качественных рабочих мест стимулирует работников к высокой производительности при имеющихся навыках и приобретению новых навыков; это облегчает профессиональные и географические перемещения, когда это необходимо.⁵⁷

Наконец-то,

Профсоюзы настаивают на том, что политика федерального правительства по достижению полной занятости необходима для создания необходимых условий для упорядоченной технологической революции с минимальными сбоями.

Первоочередной потребностью являются возможности трудоустройства для безработных и миллионов новых участников рынка труда, а также для дополнительных миллионов тех, кто может оказаться вытесненным технологической революцией.⁵⁸

Все это звучит немного как “Алиса в Стране чудес”: полностью отдавая предпочтение максимизации прибыли за счет минимизации рабочих мест, предлагаемое решение заключается в увеличении занятости! Безработица, наступающая вслед за автоматизацией и предвещающая неизбежное технологическое вытеснение работников, по мнению большинства интеллектуалов, представителей правительства, глав профсоюзов и ученых, должна быть преодолена за счет трудоустройства. Это аналогично обливанию водой тонущего человека с одновременным настаиванием на том, что дополнительная вода гарантирует спасение в

загробном мире. Нам говорят, что нам нужно больше того, что намеренно устраняется как нежелательное, — человеческого труда и мысли. Логика изложения едва ли выходит за рамки очевидного: безработица существует; противоположностью безработицы является занятость — точно так же, как противоположностью зла является добро; следовательно, противоположностью безработицы должно быть

решение. Мысли о "незанятости" как возможном альтернативном выборе привлекают внимание.⁵⁰ Тем не менее, нетрудоустроенных много даже в настоящее время: > женщины, дети, студенты, пенсионеры, получатели социальных пособий, преступники, больные и так далее.

Таким образом, на данном этапе возникает очевидная потребность в интеллектуальном видении. . Роберт Хайльбронкер так лаконично восклицает:

Однако, к сожалению, наше невежество является не просто результатом очевидности проблем. Это также свидетельствует о неспособности предпринять смелую интеллектуальную атаку на саму проблему. Плывая по течению в бешеном потоке технологий, венчурные капиталисты позволяют увлечь себя вперед, доверяя действующим слепым силам, которые доставят нас в целостности и сохранности к какому-то неизвестному, но неоспоримому месту назначения. Вряд ли нужно указывать, что эта вера в благотворное социальное воздействие технологий, возможно, оказалась самой трагичной из всех современных религий. Следовательно, пока еще есть время, мы должны смело смотреть вперед, предпринимать смелые расчеты на нашем пути, стремиться сочетать эмпиризм и спекуляцию великими вычислениями. **

крайне важно сформулировать альтернативу существующему положению вещей, с тем чтобы оно могло превалировать как единственная забота превыше всего остального. Новая идеология, необходимая для того, чтобы справиться с новой технологией в соответствии с гуманными, а не техническими стандартами, по-видимому, включает следующие минимальные соображения:

Необходимо признать, что автоматизация — это преднамеренное применение

и радикальные изменения в производстве товаров и предоставлении услуг, снижающие потребность в человеческом труде и мышлении.

В связи с беспрецедентным распространением автоматизации необходимо отказаться от трудоустройства как от возможного решения проблемы безработицы. Безработица целенаправленно вызывается автоматизацией — это не простой и прискорбный результат; ее нельзя рассматривать как разрушительную силу, скорее как предполагаемый результат. Когда безработица растет, должно быть 10 жалоб, и, более того, безработицу можно было бы даже поощрять.

Из принятия двух вышеприведенных принципов следует, что традиционные экономические критерии установления экономического процветания больше не применяются. Как классические, так и кейнсианские предписания уделяют большое внимание труду и занятости. Однако в условиях автоматизации возникает новая ситуация: люди занимаются товарами, а не рынком труда. Труд человека превращается в ненужный продукт по мере развития новой технологии.

или впервые в истории человечества экономическое процветание разделяется

ii занятость для всего общества, а не только для элиты. Новый уровень жизни предполагает как производство, так и распределение товаров, однако с привлечением либо производителя, либо дистрибьютора через крупномасштабную занятость. Действительно, переменная занятости больше не является компонентом ни в одном уравнении изобилия в экономике автоматизации. В конечном итоге даже покупательная способность сама по себе может быть исключена из критериев благосостояния:

Адекватное распределение потенциального изобилия товаров и услуг будет достигнуто только тогда, когда будет понято, что основная экономическая проблема заключается не в том, как увеличить производство, а в том, как распределить изобилие, которое является огромным потенциалом кибернетизации. Существует настоятельная необходимость в фундаментальном изменении механизма, используемого для обеспечения прав потребителей”.¹

Короче говоря, обществу, полагающемуся на автоматизацию и заботящемуся о благополучии людей, необходимо принять новые экономические стандарты, а именно: услуги должны оказываться, товары производиться, распределяться и потребляться в соответствии с установленным уровнем жизни.

Изложенные здесь предложения являются лишь самыми общими. Реализация формулы требует доработки для ответа на такие жизненно важные вопросы, как: что должно быть произведено? Кто должен решать, что должно быть произведено? Кто должен решать, кто что получит, когда и как? Эти наводящие вопросы усложняют любую презентацию, но в конечном счете не могут быть проигнорированы без серьезных последствий.

Традиции неуместны, когда появляется уникальное; только создав новую этическую систему, интеллектual может надеяться добиться признанного понимания социальной жизни в автоматизированном обществе. Но в настоящее время нет устоявшегося, последовательного и значимого морального наследия, к которому можно было бы обратиться. Современная идеология, освящающая систему вознаграждения в индустриальной экономике, сохраняется как риторическое заявление. Интеллектуальное сообщество подводит нуждающуюся нацию, когда оно затягивает задачу создания и поддержки нового социального кредо, заменяющего экономическую философию бизнеса. Фредерик Л. Полак, однако, напоминает нам, что:

Вызов нашего будущего ждет, не слишком терпеливо, у самой нашей двери. Если мы не поспешим ответить на него, мы можем потерять как нашу свободу давать ответ, так и наше будущее. Будущее может быть враждебной матерью, пожирающей своих слабых и болезненных отпрысков. В этом случае как видения, так и будущее могут погибнуть.

... Если западный человек сейчас перестанет думать и мечтать о новых образах будущего и попытается замкнуться в настоящем из-за стремления к безопасности и страха перед будущим, его цивилизации придет конец. У него нет выбора, кроме как мечтать или умереть, обрекая все западное общество умереть вместе с ним.⁶²

Именно в эту интеллектуальную пустоту, а также в технологический прорыв сейчас вступает негр. Он стремится ступить туда, где боятся интеллектуалы и где Белая Америка запрещает. Моральная традиция не готовит интеллектуала к тому, чтобы противостоять социальным изменениям, связанным с новой технологией; ценности Белой Америки порождают натиск технологий, не сдерживаемый соображениями о судьбе человека. Негр, опасющийся потери идентичности как жизнеспособной социальной единицы и объединенный общим делом,

основанным на цвете кожи, выступает не столько как создатель нового социального порядка, основанного на абсолютной справедливости, *¹, сколько как пропагандист нового социального порядка, способный помериться умом со сторонниками технологического уклада. Для негров, борющихся за выживание против экономического расизма белой Америки, экономика стала сутью борьбы, расизм - объединяющей проблемой, а политическая агитация - реальностью, требующей достижения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сейчас мы являемся свидетелями того, как белая Америка демонстрирует готовность распространить равенство в максимально возможной степени в рамках своих экономических ценностей: нация предоставляет полное равенство любому негру, ставшему ненужным из-за конечного успеха ее экономических мотивов. Равенства с белыми предостаточно, когда негр достигает точки раздачи; негры могут наслаждаться равенством в той мере, в какой они сначала становятся экономически неуместными. Белая Америка больше всего стремится выполнить давно отложенное обещание судить без учета расовой принадлежности теперь, когда негр маячит на горизонте и становится никчемным объектом. Когда негра перестанет существовать в составе рабочей силы страны, как несуществующего человеческого существа, лишенного внутренней экономической полезности, ему будут предоставлены все мыслимые права на равенство, какие только возможны для Белой Америки, поскольку нет смысла облачать ничтожество в одежды равенства. Но везде, где негр остается экономически жизнеспособным — в качестве покупателя домов в полностью белых кварталах; способного претендента на лучшую вакансию; христианина в поисках религиозного утешения; квалифицированного кандидата для продвижения по службе, обучения работе, контролируемой профсоюзом, получения займов, страхования и так далее, — белые прибегают к дискриминации и / или избеганию по признаку расы. После провала экономических процессов, исключаящих чернокожих из владений белых, Белая Америка опирается на свой традиционный, вездесущий расизм, отвергая негров, которым каким-то образом удастся выживать, несмотря на экономические трудности, не смягчаемые равенством. Расизм - последнее средство белой Америки после экономического искоренения; это тонко, поскольку необходимо соблюдать надлежащий этикет, чтобы сделать расизм как можно более незаметным. Негр реагирует на насмешки нации над равенством, заново выдвигая свои требования к более глубокому наследию справедливости.

Негра ожидает самое скучное будущее; его возобновившаяся энергия в борьбе за справедливость еще больше редет в его рядах как белых, так и черных. Перспектива участия в торгах за реконструированное общество, основанное на

принцип справедливости для всех еще больше проверяет мужество негра и влуты оставаться на передовой не только в борьбе за гражданские права, но и в экономическом восстановлении. Одновременно призыв к действию путем издания революционных заявлений, призванных внушить драматизм грядущей эпохи, столь важный для укрепления самоотверженного массового движения, вселяет страх в сердца людей, находящихся на расстоянии слышимости. Революционный клич сразу же порождает решимость как у приверженцев, так и у главных героев. Именно по этой причине Мартин Лютер Кинг планировал революцию, чтобы расширить число своих последователей, но сразу же протянул руку мира, предложив ненасилие для умирения усилившегося беспокойства. Вторжение лозунгов “черной силы” нарушает хрупкое

равновесие, которое любой лидер движения “бессильных”, желающий избежать вооруженных столкновений, должен поддерживать, требуя революции.

Это двойное проклятие, наложенное Белой Америкой на негра, - судить о компетентности по работе машин и о человеке по цвету его кожи. Касаясь первого недуга, Рауль Гудман замечает, что “простая истина заключается в том, что в настоящее время очень многие из нас бесполезны, никому не нужны, рационально нетрудоспособны. Именно в этой парадоксальной атмосфере [когда ты работаешь, но на самом деле не нуждаешься | ... | многие] люди взрослеют. Это выглядит оживленным и обширным, но рационально находится в тупике”.⁸⁴ Но столь же очевидно, что многие негры не нужны и не работают. Таким образом, очевидно, что белая Америка избавляется от негров как из-за расовых, так и экономических стимулов. И все же мало кто понимает и ценит опыт чернокожих, а многие, кто осознает тяжелое экономическое положение, не в состоянии осознать реальность расы. Более того, негр, стремящийся к созданию широко продуманной коалиции, не в состоянии понять степень безразличия тех самых людей, которые, как он надеется, станут его сочувствующими союзниками. Большинство белых — и особенно влиятельная либеральная интеллектуальная группа — отрицают приход автоматизации, за исключением тех капитанов промышленности, которые возглавляют корпорации, наиболее ответственные за разработку и внедрение новой технологии. И последние чаще всего не могут себе представить, что значит быть черным в Белой Америке, изолированы от расовой проблемы и поэтому воздерживаются от активной роли.

Несмотря ни на что, Негр настойчиво объясняет свои намерения:

Чего, по сути, пытаются добиться негры (проекты Роуна Деннетта-младшего), так это вырвать образ негра из-под контроля белых Отказываясь быть связанными определениями белого человека, они утверждают, что негр - это не белый человек с черной кожей, а просто человек, неопределенный, непредсказуемый, свободный.⁶⁵

Однако, прежде чем негр приступит к такому начинанию, он должен сначала узнать, каково представление белого человека о черном человеке. Существует очень мало указаний на то, что негры осведомлены о новом взгляде белой Америки на

негр; будучи поглощен собственными поисками нового самообладания в соответствии с новой технологией, негр упускает из виду возможность его переформулировки в white eyes.

Намереваясь произвести революцию в стране, он лишь мимоходом обращает внимание на драматические изменения, которые претерпевает его имидж при переходе от экономической эксплуатации к бесполезности. Тем не менее, вопреки мнению некоторых, то, как белые воспринимают негров, повлияет, как это было в прошлом, на судьбу чернокожего человека.

Если то, что говорит Томас Мертон, правда — что самонадеянно предполагать, что в Америке есть место для негров, — тогда что Белая Америка планирует делать с неграми после отказа от экономики? Белые всегда “заботились” о “своих” видимых неграх с помощью различных дискриминационных тактик, но какова будет стратегия борьбы с неграми, ставшими невидимыми из-за изгнания из рабочей силы? Как будут жить негры в условиях нового экономического расизма с точки зрения белой Америки? В следующей главе представлены возможные ответы на эти наводящие вопросы.

Примечания к главе VII

1. "Отчеты о корпоративных действиях" в журнале The Negro Challenge to the Business Community, Eli Ginr.bcrgr, изд. Нью-Йорк: Макгроу-Хилл, 1964, стр. 84.
2. "Нью-Йорк таймс" (II ноября 1967 г.).
- Дж. Томас Мертон, "Семена разрушения". Нью-Йорк: Фаррар, Страус и Жиру, 1964, стр. 22.
4. Кеннет К. Кларк, "Негр в смятении", в книге "Негритянский вызов деловому сообществу", соч., стр. 64.
5. Фрэнсис Л. Бродерик и Август Мейер, "Введение" в негритянскую протестную мысль двадцатого века. Нью-Йорк: Боббс-Макрилл, 1965, стр. xvi.
6. Джеймс Фармер, Свобода — когда? Нью-Йорк: Random House, 1965, стр. 81.
7. Я спрятался., стр. 104.
8. Я спрятался., стр. 170.
9. Оскар Лландлин, First-Cell in the Night. Бостон: Литтл, Браун и Ко., 1964, стр. 90-91.
10. Кеннет М. Стэмпп, "Особое учреждение". Нью-Йорк: Альфред А. Кнопф, 1963, стр. 93.
11. Джозеф Х. Дуглас, "Некоторые значительные результаты эмансипации: 1863-1963", в "Риторике расового восстания", Рой Л. Хилл, изд. Денвер, Колорадо: Издательство "Голден Белл Пресс", 1964, стр. 332.
12. Лкрой Джонс, ДОМ. Нью-Йорк: Уильям Морроу и компания, 1966, стр. 78.
13. Мартин Лютер Кинг-младший, Куда мы идем дальше: хаос или сообщество? Нью-Йорк: Harper & Row, 1967, стр. 134.
14. Фармер, указ. соч., стр. 104.
15. Дэвид Уокер, "Обращение Уокера" в Otis Continental Cry, Герберт Аптхк-кчр, cd. Нью-Йорк: Humanities Press, 1965, стр. 68.
16. Фредерик Дуглас, Жизнь и труды Фредерика Дугласа, Филип С. Фонкр, компакт-диск. Нью-Йорк: Международные издательства, 1955, том. III, стр. 190. Выделено мной.
17. Там же. Выделено мной.
18. Роберт Ф. Уильямс, "США: потенциал революции меньшинств", в книге "Негритянская протестная мысль в двадцатом веке", соч. цит. по, стр. 332. Ударение поставлено.
19. Элайджа Мухаммад, "Основные моменты выступления Элайджи Мухаммеда, 28 марта 1964 года" в журнале "Негры со времен эмансипации", Харви Уиш, cd. Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Прентис-Холл, 1964, стр. 176.
20. Малкольм Икс и Джеймс Фэннер, "Малкольм Икс против Джеймса Фармера: Разлука против Интеграция", в книге "Негритянская протестная мысль в двадцатом веке", соч. цит. по, стр. 363. С акцентом.

21. Цитируется Грейс и Джеймсом Боггс, "Детройт: рождение нации", National Guardian (9 сентября 1967 г.), стр. 3.
22. "Кармайкл призывает к объединенной борьбе", National Guardian (9 сентября, 1967), стр. 3. Выделено мной.
23. Кинг, указ. соч., стр. 187.
24. Там же, с. 188.
25. Чарльз Э. Силбеннан, "Кризис в черном" и IVbitc. Нью-Йорк: Random House, 1964, стр. 14 и 10.
26. Лерон Беннетт-младший, Черно-белое противостояние. Чикаго: Издательство Johnson Publishing Co., 1965, стр. viii.
27. Фармер, указ. соч., стр. 106.
28. King, указ. соч., стр. 176. Прилагается рама вентилятора.
29. Ральф Джонсон Банчк, "Обращение к съезду NAACP" в журнале "Негры со времен эмансипации", соч., стр. 140. Для более убедительного анализа см. Сидни М. Уиллхельм, "Социологические перспективы и расизм", доклад, представленный на национальных собраниях Американской социологической ассоциации в сентябре 1969 года. Мимеографировано для личного распространения.
30. Кинг, указ. соч., стр. 50. Выделено мной.
31. Там же, стр. 1 33-134.
32. Беннетт, указ. соч., стр. ix. Выделено мной.
33. Фармер, указ. соч., с. 180-181.
34. Там же, с. 181.
35. Луи Кампф, "Беспорядки: школы революции?" (книжное обозрение) Nation, том 205 (14 августа 1967 г.), стр. 118.
36. Кинг, указ. соч., стр. 189.
37. Там же, с. 167.
38. Там же, с. 133.
39. Мертон, указ. соч., стр. 8.
40. Там же, с. 63.
41. Фармер, указ. соч., стр. 191.

42. 1 существует также вероятность того, что молодежь внесет свой вклад в том же направлении. См. Джона и Маргарет Раунтрук, "Молодежь как класс: Политическая экономия молодежи", Наше поколение, том 6 (май-июнь 1968), стр. 155-190.
43. Цитируется Оскаром Хэндлином, "Раса и национальность в американской жизни". Гарден-Сити, Нью-Йорк: Doubleday Anchor Books, 1957, стр. 39.
44. Кинг, указ. соч., стр. 153.
45. Кампф, указ. соч., стр. 118.
46. Филип О'Коннор, Британия шестидесятых: бродяжничество. Балтимор: Penguin Books, 1963, стр. 20.
47. Там же, с. 25.
48. Кроун Беннетт-младший, "Настроение негров" и другие эссе. Чикаго: Издательство Johnson Publishing Co., 1964, стр. 53.
49. Дональд Н. Майкл, следующее поколение. Нью-Йорк: Старинные книги, 1965, стр. 16.
50. Дуглас, указ. соч., том III, стр. Si.
51. Мартин Лютер Кинг, "Нью-Йорк Таймс" (11 июня 1967 г.).
52. Чарльз К. Киллингсворт, "Новая технология формирует новую рабочую силу", "Нью-Йорк Таймс" (24 апреля 1966 г.), стр. 8. Выделено мной.
51. Мерл Клинг, "Интеллектуал: Зачахнет ли он?" Новая Республика, том 116 (8 апреля 1957 г.), стр. 14-15.
54. В качестве превосходного обсуждения этого вопроса см. Эдварда Т. Чейза, "Нью-Йорк может умереть", Инакомыслие, Том 8 (лето 1961 г.), стр. 297-101.
55. Уолтер Бакингам, Автоматизация. Нью-Йорк: Харпер-Сент-Роу, 1961, стр. 107.
56. Там же, стр. 127.
57. Джон Т. Данлоп, ред. Автоматизация и технологические изменения. Энглвуд Клиффс, Нью-Джерси: Френтис-Холл, 1962, стр. 177.
58. Реклама, "Нью-Йорк таймс" (17 ноября 1961 г.).
59. Некоторые авторы отрицают необходимость занятости в связи с расширением автоматизации. См., например: Джеймс Боггс, Американская революция. НЬЮ-ЙОРК. Monthly Review Press, 1961; Роберт Теобальд, "Необходимо: новое определение работы", Новая университетская мысль, том 1, стр. 9-14.
60. Роберт Л. Хилхронкр, "Влияние технологий: исторические дебаты", в журнале Automation and Technology Change, указ. соч., стр. 25. Выделено мной.
61. Роберт Теобальд, "Изобилие", Нация, том 196 (11 мая 1961 г.), стр. 407.

62. Фредерик Л. Полак, Образ будущего. Нью-Йорк: Oceana Press, 1961. стр. 51. Библия сообщает своим читателям: “там, где нет видения, люди погибают”.

61. Современный человек, наиболее ответственный за выдвижение аргументов в пользу "автоматизированной" экономики в соответствии с переходом к автоматическим технологиям, - Роберт Теобальд, "Свободные люди и свободные рынки", соч. Очевидно, что Кинг очень сильно опирался на труды Теобальда.

64. Пол Гудман, "Взросление абсурда". Нью-Йорк: Старинные книги, 1956, стр. 10-11.

65. Беннетт, "Настроение негров и другие эссе", соч. цит. по, стр. 55. Выделено мной.

VIII. Американское обвинительное заключение

Сеяние семян беззакония отвечает в

кровавая жатва.

-11. Б. Уиппл

Американская история расовых меньшинств - это история неослабевающей страсти подчинять, эксплуатировать, игнорировать или ликвидировать — превратить в бурлящий мейнстрим, поглотить трудовой потенциал до степени порабощения, пренебрежения или истребления. Несмотря на то, что доминирующие белые публично приветствуют людей с различными языками, культурами и расами, они по-прежнему враждебно относятся к расовым отклонениям. По правде говоря, можно сказать, что Америка была расистским обществом с самого своего зарождения — принимающим, модифицирующим и отказывающимся от тактики, варьирующейся от полного принятия в форме аккультурации и объединения до ликвидации. Некоторым расам удастся завоевать полное одобрение, другие сталкиваются с неприятием в форме изоляции и / или уничтожения. Независимо от конкретного результата, расизм преобладает; его следует считать одним из фундаментальных атрибутов американского общества. Вместо того чтобы исчезнуть, расизм отвечает за побежденных; он процветает до тех пор, пока остаются жертвы.

РАСИЗМ: БОЖЕСТВЕННЫЙ, ЕСТЕСТВЕННЫЙ И СУДЕБНЫЙ

Мифы о расизме, сформулированные за последние 40 лет, являются обоснованиями, которые Белая Америка создает для укрепления расистских традиций. Чтобы освятить свое расистское наследие, Белая Америка прибегает к оправданиям, которые время от времени меняются в свете меняющихся условий. Мифы о расизме выступают как принципы, предписывающие обращение с особо презируемыми людьми. Расизм не только предписывает социальные отношения между разными людьми, но и обосновывает свою “необходимость”. Белая Америка может с готовностью признать свой расизм без каких-либо угрызений совести; она не испытывает никаких опасений, придерживаясь даже самой экстремистской пропаганды, а именно геноцида. Избавляясь от не предупрежденной расы, белые избегают угрызений совести, просто признаваясь в подчинении расизму в соответствии с абсолютами мифов о расизме.

Если в расовой истории Америки и есть какая-то аналогия по отношению к неграм, то это аналогия с индейцами, а не с иммигрантами. Как и во всех аналогиях, сравнение не идеально,

но контраст правдоподобен и, что более важно, показывает, что ждет американских негров в будущем. Ибо с появлением новой технологии расизм и дополняющие его мифы теперь охватывают негров точно так же, как они вытеснили вчерашних индейцев — и по тем же причинам: и то, и другое нежелательно с расовой точки зрения и экономически бесполезно.

Первоначально белые воспринимали индейца и негра в терминах христианского мифа о расизме; эти два народа были язычниками. И то, и другое вызывало отвращение у белых, и христианство узаконило это отвращение, так что на негров и индейцев в лучшем случае смотрели как на нелюдей, а в худшем - как на зверей. Как язычники, индейцы могли быть жестоко истреблены, негры - безжалостно обращены в рабство как вьючные животные. Истребление для первых и порабощение для вторых были актами цивилизации, прогрессирующей над бездушными существами. Белые смотрели на эти две расы как на ленивые, вялые, нищие, грязные, раскованные, нецивилизованные, неотесанные. Всякий раз, когда индейцы и негры существовали свободно от прямого командования белых, на них смотрели как на людей, находящихся на грани существования, балансирующих на грани голода и нищеты.

Между христианской верой и поведением белых по отношению к двум расам было мало противоречий; белые люди могли следовать духу и букве христианского богословия, не опасаясь противоречия. Расширение цивилизации, которое привело к истреблению индейцев и порабощению негров, было, по правде говоря, проявлением христианских добродетелей — избавлением от расы, не желающей заниматься тяжелой работой в случае с индейцами, и принуждением к труду ленивых людей по отношению к неграм. Богу Спасения, согласно представлениям белых, больше всего нравятся прилежные, трудолюбивые и энергичные люди. Те, кто не желает соответствовать этим заветным ожиданиям Всемогущего, вряд ли могут рассчитывать на одобрение белых христиан; если Бог не может восхищаться ленивыми индейцами и неграми, было бы слишком ожидать, что белые будут восхищаться тем, к чему призывал Сам Бог. Для белых было просто вопросом доброй христианской веры осуждать то, что Сам Бог не мог лелеять.

В конце концов, конечно, христианство превратило и негров, и индейцев из зверей в людей. Но, несмотря на обращение, белые — опять же без противоречий — все равно обрекли индейцев на истребление, а негров - на порабощение. Они пропагандировали расизм, продвигая теорию врожденного, естественного превосходства белых над всеми остальными; белые мужчины доминировали из-за естественного доминирования белых. Это был естественный порядок вещей (не для человека, а для вещей), когда темнокожие люди уступали белым, поскольку человеческие существа неизменно устраивали себя в соответствии с врожденными способностями. Таким образом, это был закон природы, а не человека, действовавший по мере того, как белые завоевывали континент, населенный низшей расой, и заставляли африканцев служить цивилизованному континенту за тысячи миль от земли их рождения. Действенность закона Природы стала самоочевидной благодаря успеху белых в победе над индейцами и удержании негров в рабстве. Если бы две расы не находились в естественном подчинении, белые не смогли бы одержать верх.

В представлениях первых белых американцев ни один белый человек никогда не командует, потому что он сам этого хочет; не по своему выбору, а по воле Бога или по воле Природы он выдвигается на первый план за счет низших рас. Править на самом деле означает подчиняться,

во-первых, как послушный сторонник Божьего повеления и, во-вторых, как беспомощная пешка, подчиняющаяся законам Природы, управляющим человеческими расами. Белые не могли избежать повеления Природы восторжествовать, как они не могли игнорировать волю Бога в общении с язычниками: если бы белые проигнорировали свою обязанность занимать верховное положение в соответствии с естественными и сверхъестественными законами, им пришлось бы смириться с возможностью превратиться в зверей, подобных индейцам и неграм. Это была Божья воля, благословляющая трудолюбивых белых за здравый смысл осуждения ленивых негров и индейцев; это была работа Природы, которая поставила белых на первое место, надсмотрщиком над низшими расами. Белый человек чувствовал себя практически беспомощным как перед Природой, так и перед Богом. Может ли какой-либо человек осмелиться бросить вызов Природе? Если это так, то его судьба была predetermined; если бы человек не следовал законам Природы, он сам стал бы объектом искоренения и порабощения. И мог ли какой-либо человек осмелиться бросить вызов собственному Божьему изречению о праведности? Если так, то ему предстояло вечно страдать в огне вечного проклятия.

Когда две “низшие” расы наконец вошли в сферу христианства через обращение, Природа вступила во владение, иногда за счет своих собственных ресурсов, а иногда как отражение Божьей воли. В 1878 году полковник Нельсон А. Майлз писал о приверженности человека естественным процессам при рассмотрении вопроса о расе в статье для North American Review: “Изменения [со стороны индейцев] должны быть постепенными, непрерывными и соответствовать законам природы. История почти каждой расы, которая продвинулась от варварства к цивилизации, прошла через стадии охотника, скотовода, земледельца и, наконец, достигла стадий коммерции, механики и высших искусств”.¹ Природа установила себя, требуя выживания наиболее приспособленных; будучи внутренне неполноценными, как индеец, так и негр должны подчиняться правлению белых. Соппротивление означало лишь более утомительную и прискорбную необходимость навязывать превосходство белых посредством физического возмездия, ведущего, при необходимости, к уничтожению сопротивляющихся небелых. “Причины, которые порождает Всемогуший, когда в назначенное время Он желает, чтобы одна раса людей — как и расы низших животных — исчезла с лица земли и уступила место другой расе, и так далее, в великом цикле, начертанном Им Самим, который можно увидеть”, - объяснял генерал Джеймс Х. Карлтон, когда служил командующим военным министерством Нью-Мексико в 1866 году, ‘но имеет причины слишком глубокие, чтобы быть понятыми нами. Расы мамонтов, мастодонтов и великих ленивцев пришли и ушли: красный человек Америки уходит!’² Такие рассказы обрекали небелых на агрессию в совершенной гармонии с мифами о расизме, выражающими обязательства латиноамериканцев перед первыми как высшую волю Бога и Природы. Белые расисты не испытывали угрызений совести, но вместо этого чувствовали себя совершенно свободными поступать так, как им заблагорассудится, вплоть до убийства небелых в качестве развлечения. Таким образом, они убивали индейцев ради “развлечения, которое оживляло воскресенья и праздники”,³ проявляя свое сострадание, стреляя из револьвера 38 калибра в детей, а не из обычного револьвера 56 калибра, который “так сильно терзал их | то есть индийских детей”⁴, что использование револьвера меньшего калибра было актом доброты.

Миф о расизме был изменен в соответствии с недавно созданным местом назначения для негров после Гражданской войны. Он претерпел изменения, чтобы оправдать экономическое крепостничество и сегрегацию чернокожего населения после Гражданской войны. Негр был наделен определенными “природными” качествами; природа создала его для работы в

сельском хозяйстве, особенно во влажном и жарком климате Юга. То, что белые думали о негре как о чем угодно, только не о человеке, предназначенном Природой для непосильного тяжелого труда, еще раз бросало вызов не склонности белых командовать, а собственному предназначению Природы. Сохранение чернокожих в подчиненном положении крепостничества было естественным ответом белых. “Всеобъемлющая расовая доктрина была необходима для оправдания развивающихся моделей сегрегации”, - согласно Оскару Хэндлину. “Негры были отдельным, отчетливым, биологически неполноценным видом, и это объясняло их деградацию, несмотря на тщетные попытки даровать им свободу и равенство законом”.⁵ Это была безнадежная ситуация, поскольку никакие усилия не могли компенсировать естественную неполноценность и склонности цветного рабочего. Белые могли — и, следовательно, должны — только способствовать появлению у негров возможностей делать то, что им дано от природы. Миссия Белой Америки заключалась в том, чтобы выполнять свои обязательства как превосходящего народа и править небелыми, будь то черные, красные или желтые:

к концу прошлого столетия модель расистских практик и идей, казалось, получила полное развитие: выходцы с востока должны были быть полностью исключены; негры должны были жить в изолированном анклав; индейцы должны были быть заключены в резервации в качестве постоянных подопечных нации; и все белые должны были как можно быстрее ассимилироваться в соответствии с общими стандартами.¹¹

Расизм диктовал истребление или создание резерваций для индейцев, которые с самого начала не могли быть “цивилизованными” в сельскохозяйственной экономике Белой Америки; непригодная для экономики враждебность белых к краснокожим исключала какую-либо степень ассимиляции индейцев. Экономические мотивы предопределяли эксплуатацию негров, а расизм предписывал формат сегрегации; разделение по расовому признаку обеспечивало полную меру возможного расизма, не ставя под угрозу эксплуататорский экономический спрос на дешевую рабочую силу. Выходцы с Востока, ставшие экономически ненужными к 1873 году, создали свои собственные сообщества, насколько это было возможно в рамках расизма; китайцам и японцам удалось избежать истребления после их увольнения с работы, обратившись внутрь себя в поисках утешения, и они обнаружили внутреннюю силу для поддержания своей идентичности, основав свои собственные анклавы. Отношение расового меньшинства к экономическим потребностям кавказцев обеспечивает единственное ограничение расовой враждебности белых; для темнокожих людей быть ненужными в экономике белых означает в лучшем случае подвергаться изоляции, а в худшем - истреблению.

Таким образом, проблема белого человека на протяжении большей части четырехсот лет заключалась в том, как сделать расизм приемлемым для себя. Какую социальную мысль можно было бы придумать, чтобы оправдать господство белых над всеми другими цветами кожи, не унижая белых в самом процессе принижения небелых? Ответ следовало искать в самой системе контроля, которая регулировала жизненные шансы белых, а именно во внешних силах.

До тех пор, пока белому американцу не хватало технологического развития, он будет до такой степени считать, что его судьба определяется какой-то внешней силой. Если его благополучие не было в его собственных руках, тогда белый человек доверял внешнему существу или силе. Он формулировал и достигал своих собственных целей в пределах технологических возможностей; в отсутствие инструментов он мог воспринимать себя только как находящегося на службе или

как простое отражение внешних сущностей. Находясь на стадии развития сельского хозяйства, Белая Америка понимала пределы своих сельскохозяйственных технологий: хотя инициатива человека могла обеспечить посадку и сбор урожая, полный успех зависел от природных стихий. А за пределами Природы был Бог. Таким образом, человек использовал свои сельскохозяйственные орудия в пределах полезности и, сталкиваясь с гневом Природы, например, во время засух или эпидемий, молился своему Создателю об улучшении условий ведения сельского хозяйства. Белые, в основном фермеры в доиндустриальную эпоху американской истории, взывали к Божьей справедливости, когда Природа, казалось, угрожала их средствам к существованию. Следовательно, Господь, который мог управлять Природой и, следовательно, так много заботился о собственном успехе белого человека, должен обладать контролем над всеми созданиями. Несомненно, тогда белые не могли бы поработить чернокожих и использовать их для расширения сельскохозяйственной экономики за счет товарных культур, таких как хлопок, табак и сахарный тростник, если бы на то не была воля Бога; если порабощение чернокожих белыми вообще оскорбляло Господа, от Хинта можно было бы ожидать немедленного вмешательства и исправления любой ошибки. Поскольку белые связывали свою собственную судьбу с капризами Природы и Божьим повелением, они, в свою очередь, расширили эту интерпретацию, чтобы объяснить подчинение негров. Формулировка предполагала ранговую точку зрения: Бог-Натурал-Белый Человек-черный человек.

Во время перехода от доиндустриальной технологии к индустриальной Белая Америка изменила не только свой способ производства, но и, как мы видели, структуру расовых отношений. Эти изменения, в свою очередь, потребовали переформулировки мифа о расизме, но лишь незначительно. Поскольку с появлением дарвиновской теории белые стали лучше понимать Природу, объяснение выживания наиболее приспособленного удобно послужило оправданием признания негров, освобожденных от рабства, без применения насилия к превосходству белых. Теория эволюции просто подтвердила то, что было известно с самого начала, а именно господство Природы над человеком. Природа не позволила бы белым эксплуатировать негров и истреблять индейцев, если бы такие действия не соответствовали ее эволюционному предписанию, непреложному закону, который не допускал исключений; превосходство над небелыми давало белым адекватное доказательство того, что они делают только то, что предписывает закон эволюции Природы. И белые не совершили никакого греха в глазах Бога, поскольку Он правил Природой. Лишь с незначительными изменениями, удовлетворяющими новым экономическим императивам Белой Америки в замене проиндустрии промышленными технологиями, первоначальная формулировка по-прежнему преобладала: Бог-Натурал-Белый человек-черный человек.

С расширением индустриализации социальная жизнь пришла на смену зависимости от Природы. Человек все больше и больше ориентировался на человека в соответствии с социальными отношениями, а не на Природу; Природа превращалась в плоскую, находящуюся под контролем человека, по мере развития промышленного производства. При уменьшении обязательств перед Природой неизбежно уменьшалась ответственность даже перед Богом. Все чаще человек стремился к своему благополучию в рамках параметров социальной жизни, а не живя жизнью, отражающей волю Бога и веления Природы. Такие радикальные изменения подрывали устоявшийся миф о расизме; освобождение негров казалось неизбежным. Белая Америка, переворачивая Природу и ослабляя свою веру во всемогущего Бога, столкнулась с перспективой устранения всех внешних причин для сдерживания негров, открыв для себя реальность своего расизма без каких-либо средств для снятия вины белых за судьбу негров.

“Американец [стал] бояться не Бога и не физической вселенной ... Поскольку он считает себя партнером одного и хозяином другого. Чего он действительно боится, так это своих братьев”.⁷ Если белые не смогут прийти к какому-то всемогущему обоснованию, столь же непреложному, какими на первый взгляд казались Природа и Бог, то власть белых над черными потеряет свою легитимность. Что могло бы послужить мифом белых о расизме? К кому белые могли бы обратиться, чтобы оправдать свое обращение с черными?

Поскольку Божья воля не в состоянии руководить, а закон природы рушится с приходом Афана, белые стремятся укрепить свое достоинство и пренебрегают неграми по своим собственным законам. Сначала Повеления Всемогущего и неоспоримые Законы Природы ставили черных ниже белых; сегодня высший закон, созданный человеком, поддерживает дурную славу негров. Конституционный закон предусматривает внешний мандат, которому все люди должны подчиняться. Он применяется в равной степени ко всем без фаворитизма или дискриминации. Его положения о равенстве должны применяться с той же властью, что и Божья воля и предписания Природы прошлых дней; отрицать равенство, гарантируемое конституционными гарантиями, - значит отрицать неоспоримое.

Чтобы освятить уход негров в неуместность, Белая Америка продвигает свой новейший абсолютизм в форме собственного закона человека, а не Бога и / или Природы. Точно так же, как белая формулировка справедливости при Боге даровала искоренение индейцев и порабощение негров, а белая формулировка праведности при Природе подтвердила истребление индейцев и сегрегацию негров, конституционное равенство подтверждает отчуждение белых от черных. Белые убеждают себя в правильности своего последнего мифа о расизме и прилагают значительные усилия, чтобы убедить чернокожих придерживаться этого принципа. В силу того, что человек есть Человек, рассуждают белые, все американцы должны проявить полную преданность требованиям Конституционного права, управляющего всей нацией.

“Незыблемые” представления о равенстве вырвались наружу с полной уверенностью в исправлении 350-летнего зла, совершенного против темнокожего меньшинства. Белые голоса с гордостью провозглашают, что новый миф оправдывает расизм, когда на самом деле негры искореняются из-за пристрастия к принципу “необратимого” равенства; многие негры исповедуют то же самое, не подозревая о социальных последствиях заявления белых. Многочисленные белые и чернокожие в унисон заявляют о национальной приверженности исчезновению расизма через равенство в искренней вере в приобщение негров к свободам, которыми пользуются белые. Тот факт, что новый абсолютизм оставляет негров в беспомощных условиях жизни, мало влияет на белых: белые сами чувствуют себя бессильными, поскольку они всего лишь выполняют конституционные предписания.

Вообще говоря, американские ученые исходят из принципа равенства и с этого момента продолжают свой анализ. “Американская практика пришла к выводу, что все люди равны, независимо от того, какие факторы разнообразия разделяют их. В этом смысле, - предполагает Оскар Хэндлин, - возможно, вообще больше неуместно ссылаться на ”меньшинства“”.⁸ Энергичная приверженность равенству независимо от других различий, по словам Хэндлина, предвещает лишение негров статуса “меньшинства”. Джеймс Тобин, Стерлинг, профессор экономики Йельского университета и член Президентского совета экономических консультантов в начале шестидесятых, afhrms:

1 замечание от tlu: предположение, что интеграция негров в американское общество и экономику может быть достигнута в рамках существующих политических и экономических институтов . . . Действительно, нынешнее положение негров является отклонением от принципов нашего общества, а не требованием его функционирования.¹¹

Если можно предположить, что Конституция Соединенных Штатов воплощает заветные американские принципы, то профессор Тобин вряд ли может иметь в виду "абerrацию" негров в американском обществе. С самого основания конституционных принципов положение негра было взвешенным; в принципе, раб составлял всего лишь процент от белого гражданина. Нужно ли напоминать профессору Тобину о многочисленных решениях Верховного суда, поддерживающих антигерманскую практику за последние несколько столетий? Более того, Верховный суд до сих пор выносит "негритянские" постановления, поддерживающие антигерманскую практику.¹⁰ Негр никогда не был отклонением от нормы, скорее, даже сегодня он отражает реализацию американских идеалов.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ОБЕЛЕНИЕ

1"ученый всегда придерживается точек зрения, которые, по большей части, обеспечивают реальное отношение белых к черным в соответствии с надлежащими идеалами. Когда американские университеты и колледжи существовали как религиозные учреждения, интеллектуальная мысль продвигала Божий суд, отдавая негров в человеческое рабство и приговаривая индейцев к истреблению; когда американские университеты и колледжи перешли к светской ориентации, интеллектуальная мысль выдвинула дарвиновское "выживание наиболее приспособленных" как справедливую прерогативу белых уничтожить индейцев и изолировать негров для экономической эксплуатации; и теперь американские университеты и колледжи предоставляют ученых, чье одобрение "непреложного" равенства перед законом человека помогает низвести негра до статуса индейца.

Социологи заявляют о подчеркнутой заботе белых о неграх, но, вообще говоря, поддерживают теории, якобы устраняющие необходимость расизма, но которые на самом деле усиливают миф белых о расизме. Полностью убежденные в отсутствии биологической неполноценности по признаку расы и проникнутые глубоким уважением ко всем людям, большинство социологов, тем не менее, обходятся без негров, вызывая в воображении неизбежные социальные реальности, присущие социальным силам, просто: r ;■ l ●●i-.c. |> ирвиин И. несмотря на врожденную неполноценность негров в силу эволюционных законов, современные социологические точки зрения обычно подчеркивают внутренние социальные законы как основные силы, определяющие судьбу негра. Выдвигаются различные точки зрения, дополняющие миф о расизме с точки зрения неустраняемых конституционных законов; поскольку нация переходит от естественных к социальным ограничениям при переходе от естественных к социальным законам, многие социологи продвигают социальные теории социальных законов, а не социальные мысли о естественных законах — и по той же причине: чтобы оправдать отношение белой Америки к черной Америке.

Все точки зрения, рассмотренные в предыдущих главах — тезис о нестабильной семье; урбанизация; индустриализация; миграция; относительная депривация; экономическая эксплуатация; экономическое процветание — возлагают вину на внешние факторы, действующие либо на белых, либо на черных; ответственность устанавливается в рамках определенных внешних социальных сил или процессов, несущих свои собственные расовые

императивы. Индустриализация и урбанизация являются внешними силами, неизбежно ведущими к равенству между всеми расами: "они требуют от них гарантий равенства людей, потому что они действуют, как сама Конституция, независимо от расы. О людях следует судить по тому, на что они способны, а не по расовым качествам, точно так же, как Верховный суд теперь постановил применять закон независимо от цвета кожи. Миграция, уверяет нас социолог Филип Хаузер, должна идти своим чередом, без вмешательства, пока в конечном итоге не приведет к равенству между расами: негр - это всего лишь еще один мигрант, который приезжает в город для ассимиляции, как и любое другое меньшинство, в основной поток Америки. Экономическая эксплуатация преобладает как внешний прием — простое отражение, как нам сказал специалист по классовому сознанию, расслоения капитализма, при котором низшие классы должны быть пропитаны расизмом, чтобы ополчиться друг на друга, а не на правящую элиту. Третьи с экономической ориентацией настаивают на том, что негры добиваются прогресса или отступают по сравнению с белыми, в зависимости от рыночных условий в любой момент времени: в периоды процветания при нехватке рабочей силы негры продвигаются к равенству; когда формула не материализуется, они отступают. Сторонники теории нестабильной семьи заявляют, что семейная жизнь среди негров является фундаментальным недостатком для окончательного принятия; распад семейной организации как внешнего условия жизни в чернокожем сообществе препятствует интеграции на основе равенства. А сторонники теории относительной депривации настаивают на том, что "объективный" факт улучшения побуждает негров раздевать Белую Америку, что реальность достижения равенства стимулирует стремление к еще большим достижениям.

Все эти подходы, хотя и опираются на различные факторы, решительно выступают за внешнее принуждение, действующее на негров, без какого-либо намека на расизм, за исключением утверждения об экономической эксплуатации; более того, расизм просто исчезнет как побочный продукт в соответствии с каждым ходом мыслей, а не останется основой отношения белой Америки к неграм. Каждое "объяснение" принимает как должное, что в конечном итоге равенство будет достигнуто как "естественный" и "неизбежный" результат его конкретного обоснования или, как в случае с тезисом о нестабильной семье, равенство будет достигнуто путем исправления "очевидной" ошибки в жизни негров. Действительно, как странно, что современные научные дискурсы "просто так" приводят к "равенству"! Это просто повторение христианской мысли, которая "просто случайно" привела к ликвидации индейцев и порабощению негров; эволюционной мысли, которая "просто случайно" привела к ликвидации индейцев и сегрегации негров. Новейшие научные формулировки представляют социальные идеи, неизменно ведущие к равенству негров как раз в тот момент, когда Белая Америка обрекает негров на равенство перед законом!

Многочисленные либералы также заявляют о своей приверженности равенству перед законом и осуждают "более чем равные" возможности для негров. Ни расизм, ни компенсационные меры не являются логичными утверждениями, поскольку и то, и другое противоречит понятиям равенства. В ошеломляющей редакционной статье "Нью-Йорк таймс" от 19 ноября 1967 года "обнаружила" "неотъемлемое" противоречие во взглядах негритянского руководства:

Что проявляется наиболее отчетливо, так это то, что негров раздирает естественная амбивалентность. Они хотят свободно перемещаться в обществе в целом и быть принятыми как личности независимо от их цвета кожи. Но, в то же время, они хотят признания и уважения не только к себе как личности, но и к неграм как расе, и они хотят особой помощи, которая

позволила бы им преодолеть особые трудности, с которыми они столкнулись как негры в обществе, контролируемом белыми. . . .

Но, вообще говоря, американское общество, вероятно, будет учитывать устремления негров только в том случае, если они выражаются в индивидуальных терминах. Иначе и быть не может в обществе, которое почитает личные усилия (то есть равенство) как высшую ценность и смотрит на интеграцию как на свою цель. Раса, в отличие от бедности или большого города, является культурным или психологическим понятием, которое не может стать всеобъемлющей основой закона или государственной политики.

Эта интерпретация ясно передает суждение о неграх так, как должны быть судимы белые: равенство перед законом. Точно так же, как незаконно проводить дискриминацию с помощью законодательства, также незаконно добиваться равенства с помощью “неравноправной” практики предоставления больших льгот небелым, чем белым.

Любое предложение или намек на отделение черных от белых вызывает немедленное осуждение на основе принципа равенства; страна, как громогласно утверждает, привержена интеграции рас. В редакционной статье от 27 ноября 1967 года либеральный журнал Nation упрекнул У. Х. Ферри, вице-президента Центра изучения демократических институтов, за то, что он посоветовал провести исследование с целью “обнаружить философию и механизм демократического правительства отдельной [черной] страны”. Нация возразила:

Апартеид никогда не является судьбой нации; он должен осуществляться с помощью противоестественного закона. Предполагать, что негры и белые американцы должны согласиться идти разными путями, - значит хвататься не за соломинку, а за хаос. Минутное размышление должно убедить любого, что это означало бы усиление эксплуатации и угнетения, результат, который действительно разрушил бы наше общество, если бы кто-то был настолько нечестив, чтобы попытаться это сделать. Мы {как нация} привержены интеграции, и мы больше не обсуждаем принципы, а только методы и симптомы. Процесс движется; он также изобилует волнениями, непониманием, преувеличениями, неводержанностью и трагедиями. Может ли кто-нибудь вспомнить большой шаг вперед в области человеческой порядочности, который не был бы так подорван?¹²

Автор статьи, опубликованной в том же номере, несет знамя равенства вперед:

После десятилетий кропотливого обучения и убеждения этот взгляд [на расовое разделение] теперь стал преобладать среди значительного меньшинства американского населения. Это ни в коем случае неточка зрения большинства, хотя, вероятно, будет правильным сказать, что расовая интеграция в настоящее время является формальным идеалом, которому все представители американского общества должны публично посвятить себя, независимо от того, насколько глубоки их личные сомнения.

Иллюзорно думать, что из-за того, что де-юре сегрегация была объявлена незаконной, борьба за интегрированные школы выиграна; что полная победа будет достигнута лишь вопросом времени. * 1. борьба только началась, и исход ее ни в коем случае не гарантирован. Только потому, что новый всадник, на этот раз с черным лицом, сел на коня Скарлатчи-но-л'пиала и требует, чтобы мы поехали с ним в стратегическом отступлении, это не причина, по которой мы должны обречь еще одно поколение американской молодежи на обучение в расовой изоляции.¹³

С общей точки зрения Нации, настаивать на двойной системе, основанной на расовой принадлежности, так же отвратительно, как и пропагандировать расизм в форме дискриминации. Намерения Рота не проходят проверку на равенство, критический тест для оценки любой идеи по разрешению расового кризиса в Америке. Страницы I's the Nation отражали представления о врожденной неполноценности черных во время основания сегрегации в качестве национальной политики;¹⁴ сегодняшняя публикация выступает за равенство, перекликаясь при этом с настроениями Белой Америки.

Абсолютизм равенства проявляется и в других социальных группах: врачах, инженерах, христианах, евреях, бизнесменах, профсоюзных активистах и военных. Даже бывший сторонник сегрегации приспособливает свой расизм к равенству. Джордж Уоллес и губернатор Рональд Рейган выступают перед местной и национальной аудиторией о достоинстве каждого человека в рамках закона и порядка, независимо от цвета кожи. Равенство стоит перед всеми людьми во имя сохранения мирного народа, соседства и нации. Таким образом, очевидно, что из многих источников исходит ожидание равенства в форме конституционных прав, которые не могут быть ограничены ни одним человеком.

Нация отказывается от одного мифа о расизме ради другого, чтобы отказаться от негров, как она отказалась от индейцев тремя четвертями века ранее. Внешнее качество мифа подтверждает для многих белых крайнюю необходимость подчиняться, независимо от того, что подчинение может означать для чернокожего меньшинства. Все это время, конечно, расизм процветает сам по себе; Белая Америка предпринимает то, что она намеревается сделать со своим черным меньшинством, на условиях, продиктованных расизмом, действующим в рамках экономической целесообразности. Ибо поддержка расизма в Америке - это сам расизм, который в максимально возможной степени подпитывается экономическими ресурсами, существующими в любой данный момент. Это внутреннее побуждение, а не внешнее обязательство.

В сочетании с экономическими мотивами расизм представляет собой систему ценностей, которая доминирует в стране над цветным населением. Модель расовых отношений вытекает из этой общей системы ценностей и не может рассматриваться как простое отражение или продолжение того или иного вида силы, predetermined сначала одним видом, а затем другой Высшей Сущностью. "Игра, в которую мы играем," прямо заявляет Лерон Беннетт, "это расизм. Негров в Америке осуждают не за то, что у них нет образования; их осуждают потому, что они негры. Истина заключается в том, что ни Иисус Христос, ни Ганди, ни Brooks Brothers, ни Йельский университет, ни General Motors не были достаточно убедительны в этике белого человека, чтобы заставить его относиться к неграм как к человеческим существам".^{1*} Достаточно верно — но именно расизм, ставший экономически возможным, определяет судьбу негров в Белой Америке; короче говоря, это экономический расизм.

На протяжении всей своей истории Белая Америка приводила свое выражение расизма в соответствие со своими экономическими императивами и модифицировала свои мифы о расизме с учетом меняющихся экономических обстоятельств. Иными словами, расизм остается устойчивым выражением ценностей, зависящим от экономических возможностей; Белая Америка порождает новую идеологию, санкционирующую любые фундаментальные изменения в расовых отношениях, вытекающие из базовых экономических изменений. Такова была судьба идеологов, по большей части, сочинять "анализы" в соответствии с мифами о расизме, а не

разоблачать расовую мотивацию белой Америки. Обращаясь к “объяснениям” представлений о расизме, а не разоблачая сам расизм, интеллектуальные традиции принимают тот самый расизм, который они якобы объясняют, и таким образом становятся интеллектуализированными оправданиями для Белой Америки.

В то время как белые создавали и развивали естественную основу расизма для принятия законодательства о разделении рас, Национальная ассоциация содействия улучшению положения цветных людей с момента своего основания в 1910 году подчеркивала политическую и правовую природу расизма. Оно инициировало юридические нападки на белый расизм еще до того, как сами белые развенчали миф о расизме посредством идеологических заявлений на основе конституционной законности. Безусловно, правовая система допускала закрепление сегрегации, поскольку законодатели штатов принимали одну дискриминационную меру за другой, поддерживаемую как судами штата, так и национальными судами вплоть до Верховного суда. Тем не менее, белые, по большей части, искали легитимности для различных юридических тактик с точки зрения врожденной неполноценности негров. Через NAACP негр инициировал контратаку, которая предвосхитила переход белых от естественного права к социальному. В этом смысле NAACP продемонстрировала замечательную близость к будущему, проявив по-настоящему радикальную точку зрения в первые десятилетия своего существования. Именно это смелое мировоззрение сделало организацию поистине революционной силой в американском обществе. Этот маневр подготовил негра к противостоянию будущей белой расовой догме Конституционного права.

В то время как конституционный подход ознаменовал радикальный отход на рубеже веков, продолжение этой традиции демонстрирует пренебрежение к меняющимся обстоятельствам. Сама Белая Америка пришла к принятию юридического принципа равенства, которым NAACP руководствовалась в своем сопротивлении дискриминационным законам с 1910 года; эти два принципа являются единым целым. NAACP укрепила приверженность Белой Америки конституционному равенству, подтвердив курс, взятый администрацией Джонсона в области гражданских прав, даже не задумываясь об экономических последствиях равенства и, одновременно, игнорируя войну во Вьетнаме. Не кто иной, как глава NAACP Рой Уилкинс, однажды приравнял противодействие войне во Вьетнаме со стороны белых или черных фактически к акту государственной измены — удару в спину американскому солдату. Следовательно, неудивительно, что негры проявляли значительное нежелание вступать в организацию, поддерживающую самый современный миф о расизме. Именно потому, что юридический подход противостоит только мифу и, по сути, воздерживается от прямого нападения на расизм и экономические императивы Белой Америки, NAACP предлагает лишь частичное решение расовой проблемы.

Когда NAACP утратила свою первоначальную радикальную ориентацию, возникла другая негритянская организация, взявшая на себя эту роль. Конференция христианских лидеров Юга под руководством Мартина Лютера Кинга провозгласила совершенно новый подход к революции не только в расовых отношениях, но и во всем американском обществе. Цель была двоякой: полная ликвидация расизма и ликвидация экономики как стандарта для определения ценности человека - и то, и другое должно быть заменено справедливостью, независимо от расы и статуса занятости. Впервые в истории межрасовых отношений организация обратилась конкретно к общей жизненной ситуации не только чернокожих, но и белых; ее пропаганда предусматривает восстановление Америки.

Нынешний расовый переход в чем-то похож на Реконструкцию, когда существенные изменения затронули людей обеих рас. В 60-х годах экономика низвела негров с бартерного обмена на наличные; политический статус чернокожих изменился с рабства на эмансипацию, в то время как национальная и региональная политическая власть бывших рабовладельцев ослабла; 13-я, 14-я и 15-я поправки были включены в Конституцию, чтобы предоставить неграм неоспоримые конституционные права; двери государственных школ впервые открылись для негров во многих районах Юга; и интеграция заменила сегрегацию во многих различных сферах жизни по всей стране. Сегодня замена промышленных технологий автоматическим оборудованием обеспечивает экономическую революцию; концентрация избирателей-негров для возможного включения в городскую политику указывает на квалифицированную политическую перестройку;¹⁶ Конституционные права превращают негров из сегрегации в равенство; и в настоящее время развивается движение за внесение поправок в Конституцию, чтобы включить некоторые аспекты экономической справедливости, которую сейчас исповедуют негры, предусматривающие гарантии годового дохода независимо от статуса занятости. Таким образом, негр сегодня сталкивается с теми же тревогами, что и вчера: может ли экономическая революция обеспечить осмысленную жизнь в условиях справедливости? Может ли переформулировка белой Америкой своего мифа о расизме обеспечить справедливость? Могут ли конституционные поправки, направленные на обеспечение полной справедливости независимо от расы и экономического положения, расширить незыблемые гарантии исполнения как на деле, так и в принципе? Могут ли негры испытывать справедливость в социальных и экономических отношениях с белыми в свете многочисленных изменений и несмотря на равенство? Белая Америка, после первой Реконструкции, дала решительные отрицательные ответы на все эти вопросы, тем самым подчинив негров экономической эксплуатации. Готова ли белая Америка повторить себя сейчас в этой второй “Реконструкции”, отвечая на эти вопросы твердыми отрицательными ответами, тем самым погружая негра в полную неуместность?

ИСЧЕЗАЮЩИЕ АМЕРИКАНСКИЕ МЕНЬШИНСТВА

С появлением автоматизированной экономики перед белыми встает вопрос, что делать со всеми ненужными и нежелательными черными. Все это время негр был уверен в экономической жизнеспособности и настойчиво добивался устранения “эксплуататорского” обоснования. Фредерик Дуглас не мог предвидеть наступления времени, когда негром можно будет экономически пренебречь, и поэтому призывал к справедливости в рамках капиталистической экономики, которая доминировала в стране его времени:

... когда вы, американский народ, однажды воздадите справедливость поработенным цветным люди, вам не захочется от них избавляться. Уберите | эксплуататорский | мотив

которое рабство обеспечивает избавление от свободного черного народа Юга, хотя нет ни одного штата, от Мэриленда до Техаса, который желал бы избавиться от своего черного народа ... Изгнать его (то есть негра) и таким образом лишить Юг его рабочей силы было бы так же абсурдно и чудовищно, как для человека отрезать себе правую руку, чтобы лучше работать.¹⁷

Для,

Это праздно — хуже, чем праздно, когда-либо думать о нашей экспатриации или переселении ... Мы здесь, и здесь, вероятно, будем и мы. Воображать, что мы когда-либо будем искоренены,

абсурдно и нелепо. Нас можно модифицировать, изменять и ассимилировать, но никогда не уничтожить. Поэтому мы повторяем, что мы здесь; и что это наша страна; и вопрос к философами государственным деятелям этой страны должен быть таким. Какие принципы должны диктовать политику действий по отношению к нам?¹⁸

Букер Т. Вашингтон прославлял рабство за то, что оно позволило негру стать экономически полезным для Белой Америки, тем самым избежав участи индейца, который сопротивлялся цивилизирующим достоинствам порабощения:

Дело в том, что, поскольку индеец отказывался стать рабом белого человека, он лишал себя единственного метода, существовавшего в то время для овладения знаниями белого человека и его цивилизацией. Мне кажется, что терпение негра, позволившее ему переносить тяготы рабства, и естественная человеческая симпатия негра, научившая его, в конце концов, любить белого человека и получать его ответную привязанность, были мудрее, если об этом можно говорить в таких терминах, чем мужество и независимость индейца, которые помешали ему сделать то же самое.

В конечном счете, это не те качества, которые делают расу живописной и интересной, а скорее те качества, которые делают эту расу полезной, которые позволяют ей выживать и извлекать выгоду из контакта с цивилизацией более высокой, чем ее собственная. Насколько я смог узнать, белый человек до сих пор так и не смог сделать индейца сколько-нибудь ценным в великой задаче цивилизации. В то время как численность негров, по крайней мере в этой стране, неуклонно увеличивалась, численность индейцев неуклонно сокращалась, пока в настоящее время в Соединенных Штатах не насчитывается почти десяти миллионов негров и менее трехсот тысяч индийцев. Мало того, что численность индейцев сократилась, но он стал ежегодным налогом для правительства на еду и одежду в размере примерно 110 000 000 долларов в год, не говоря уже о больших суммах, потраченных на его охрану. Было подсчитано, что вся сумма, израсходованная народом Соединенных Штатов, составляет нечто большее, чем миллиард долларов.¹⁹

Очевидно, что Вашингтон выдвинул предложение более фундаментальное, чем может быть реализовано, а именно. Белая Америка оценивает экономическую полезность нежелательного народа. Однако он упустил из виду фундаментальный расизм нации.

Историческая связь между неграми и индейцами упускалась из виду большинством ученых, поскольку она не могла быть замечена до тех пор, пока сам негр не испытал на себе то, что давным-давно испытали индейцы, а именно экономическую бесполезность. Только в двадцатые годы признанный представитель негритянства объявил похоронный звон по негру таким же похоронным звоном по индейцу. Маркус Гарви предупреждал:

У каждого негра должна быть своя страна и нация. Если вы (белые) смеетесь над этой идеей, значит, вы эгоистичны и порочны, потому что вы и ваши дети не хотите, чтобы негр мешал вам в вашей жизни. Если вы не хотите, чтобы у него была своя страна и нация; если вы не намерены предоставлять ему равные возможности в вашей, тогда ясно, что вы имеете в виду, что он должен умереть, как индеец, чтобы освободить место для ваших поколений.²⁰

Именно потому, что белые гарантируют равенство, негр обретает статус индейца, и этот переход стал возможным благодаря технологическим модификациям. Общая закономерность очевидна: экономические ценности породили необходимость отдать негров в рабство, привели в

движение кораблей, перевозящие тела чернокожих из Африки в Америку, потребовали отказа от рабства, но не от труда негров с целью эксплуатации в Америке середины девятнадцатого века, а теперь объявляют цветное население страны бесполезным и, следовательно, неуместным; расизм белой Америки поработил, изолировал и теперь затопляет цветное население страны с возможностью ликвидации. Лишенный своей экономической полезности, негр становится ничтожеством, о теле которого нужно “заботиться” — игнорировать в пределах резервации гетто или, в случае физического сопротивления, уничтожать. Увольняя чернокожего, белые просто уступают высшему порядку, стоящему над всеми людьми, — Конституционному равенству; негры, которые прибегают к физическому противодействию, просто нарушают другую высшую заповедь равенства, которой должны подчиняться все расы, — закон и порядок. Это соглашение наделяет белую Америку истинным чувством собственной правоты и позволяет отвергнуть призыв негров к экономической справедливости.

Следует напомнить, что индейцы не всегда были экономически неуместны для белого человека; время от времени наступали моменты подлинной нужды, даря дыхание жизни этой - первой нежелательной этнической группе на континенте. "Первое пришествие белых", - объясняет Гордон Макгрегор, имея в виду индейцев Дакоты,

принесло большое материальное процветание индейцам. Торговцы мехом — сначала французы, а позже американцы — привозили ружья, ножи, топоры и железные горшки, чтобы обменять их на шкуры. Эти предметы попали в руки сиу через торговлю с их восточными соседями, чиппева, а позже непосредственно от (белых) торговцев. Эти люди не были заинтересованы в том, чтобы нарушать жизнь индейцев; действительно, многие белые торговцы вошли в жизнь индейцев, женившись на женщинах из Дакоты, о чем свидетельствует преобладание французских имен в резервации сегодня. В интересах торговцев было поощрять экономическую активность Индии, чтобы процветали охота и отлов животных.²¹

Первоначально бартерная экономика торговли мехами требовала уважения к индейцу; для ведения экономической деятельности белыми необходимо было уважать целостность индейской жизни. Однако, когда экономика белых в корне перешла к сельскохозяйственному производству, индеец воспротивился; по большей части он отказывался изменить свой образ жизни и уступить порабощению белых. Индеец отказался от мотыги для себя, а также для того, чтобы служить другим. Британские колонисты пытались на короткое время заключить индейцев в человеческое рабство, но потерпели неудачу и вскоре после этого запретили порабощение индейцев.²² Но если индеец сражался на стороне белой группировки, с ним либо обращались как с товарищем по оружию, либо получали уступки. Война принесла некоторым индейцам передышку от гнева белых, но после восстановления мира, как и в случае с неграми,²³ белые снова прибегли к расовому фанатизму. Это было оскорбление, которое не всегда оставалось незамеченным проникательными индейцами. Великий вождь делаваров Пачгантчилиас произнес тот же похоронный звон для народа Айрис, что и Маркус Гарви для негров примерно два с лишним года спустя. “Я признаю”, - предупреждал Пачгантчилиас индейцев-христиан из Гнаденхиттена, штат Пенсильвания, в апреле 1787 года,

есть хорошие белые люди, но они несоизмеримы с плохими; (плохие, должно быть, самые сильные, ибо они правят. Они делают то, что (эй, пожалуйста. Они порабощают тех, кто не их цвета кожи, хотя и созданы тем же Великим Духом, который создал их. Они сделали бы из нас рабов, если бы могли; но поскольку они не могут этого сделать, они убивают нас. Их словам

нельзя верить. Они не похожи на индейцев, которые являются врагами только во время войны и друзьями в мирное время. Они скажут индейцу: "Мой друг, мой брат". Они возьмут его за руку и в тот же момент уничтожат. И поэтому вы [индейцы-христиане из Гнаденхиттена, Пенсильвания] тоже вскоре подвергнетесь их лечению. Помните, что сегодня я предупреждал вас остерегаться таких друзей, как эти. Я знаю Длинные ножи. Им нельзя доверять.²⁴

После краха бартерной экономики и прекращения крупных военных союзов между белыми и индейцами история зафиксировала, за исключением проблесков надежды и возможностей то тут, то там, непрерывный курс на геноцид. С поражением французов в Канаде от англичан наступил "... важный и мрачный кризис для индейской расы в Америке,

ибо никогда прежде они не подвергались такой неминуемой и неотложной опасности. С падением Канады племена сразу потеряли свое важное положение. До сих пор две соперничающие европейские нации держали друг друга в узде на американском континенте, и индейцы в какой-то мере поддерживали баланс сил между ними. Примирить их добрую волю и заручиться их союзом, чтобы не оскорблять их несправедливостью и посягательствами, было политикой как французов, так и англичан. Но теперь положение дел изменилось. Англичане завоевали неоспоримое господство, а с индейцами, которые больше не имели значения как союзники, обращались просто как с варварами, которых можно было безнаказанно топтать. Предоставленные своим собственным скудным ресурсам и разделенным силам, они должны быстро отступать и истощаться перед неуклонным прогрессом колониальной державы. Их лучшие охотничьи угодья уже были захвачены, и с восточных хребтов Аликанте они могли видеть издали и вблизи дым с полян поселенцев, высокими столбами поднимавшийся из темно-зеленой чащи леса ибэ. Гибель расы была масштабной, и никакая человеческая сила не могла ее предотвратить; но они.

в своем невежестве они верили в обратное и тщетно думали, что отчаянными усилиями они все же смогут вырвать с корнем и свергнуть растущую силу своих разрушителей.^{*5}

Жребий действительно был брошен, и полезность индейцев практически рассеялась, пока "к концу шестидесятых годов ассимиляция индейцев не стала императивной, и, по иронии судьбы, в девятнадцатом веке не было времени, когда это было более трудным".²⁶ Различные решения постепенно исчезали, пока не стало казаться, что белые не могут оказать индейцу по-настоящему достойного согласия как собрату-человеку. Белые препятствовали любому приспособлению или мере ассимиляции до тех пор, пока

... Время истекло. Все попытки последних сорока лет научить индейцев путям западноевропейской цивилизации были сведены на нет летаргией Конгресса и дезориентацией. Законодательство, направленное на осуществление образовательных программ и решение проблем, поднятых наступающим фронтиром, провалилось, несмотря на подталкивание Индийского бюро, потому что электорат не заботился о благополучии краснокожих. С завершением строительства континентальной железной дороги в 1869 году перемещение населения на обширные пространства дальнего Запада было в десять раз быстрее, чем когда-либо были темпы прогресса, предшествовавшие этому. Пограничные движения всегда расстраивали дела индейцев, и этот наплыв иммигрантов одним махом разрушил все основы, которые могли оставаться у старой политики. Не было никакой возможности поспешно изолировать свирепые племена равнин.^{*7}

Многие договоры с индейцами свидетельствуют о поиске мирного решения для изоляции индейцев от ассоциации белых путем создания резерваций. Тем не менее, по большей части юридические соглашения были отменены белыми, вторгшимися на земли индейцев для обработки плодородной почвы или добычи полезных ископаемых в изобилии. Военные действия неизбежно вспыхивали вплоть до конца девятнадцатого века; геноцид стал окончательным решением проблемы непокорного небелого населения, не желающего мириться с обнищанием белых в сокращающихся индейских резервациях. Хотя значительное сочувствие всегда исходило от верующих белых, искренне заботящихся о благополучии индейцев, преобладало мнение, что “единственный хороший индеец - это мертвый индеец”. Белая Америка очистила себя от неприятного и никчемного краснокожего меньшинства с помощью непоколебимой веры в самодовольство Божественного благословения и диктат Природы о расовом превосходстве.

Поэтому неудивительно, что негр связывал свое выживание с рабством, поскольку это соглашение вынуждало белых соглашаться. Отмена рабства, однако, не означала ухода негров, поскольку Юг все еще зависел от множества чернокожих рабочих, которые возделывали поля хлопка, табака, сахарного тростника, риса и других культур. Более того, войны двадцатого века достигли таких масштабов, что негры не только откликнулись на призыв в армию, но и откликнулись, чтобы облегчить трудовую нагрузку экономики военного времени. Гон так же, как завершение крупных войн, которые уладили

Европейские претензии на американский континент ознаменовали падение индейцев, отсутствие какого-либо нового масштабного конфликта между мировыми державами и приход автоматизации вполне могут сигнализировать о конце еще одной расы в исторических усилиях Америки по созданию единого народа с одним цветом кожи. “Член моей семьи, ” пишет Джеймс Болдуин, - сказал мне, когда мы узнали о взрыве бомбы над четырьмя маленькими девочками в воскресной школе Бирмингема: “Что ж, мы [белые] им [неграм] больше не нужны. Где они строят газовые печи?” Что именно приготовлено для необязательной черной мессы в Америке?

Отделение было решением белых для нежелательного красного меньшинства, и теперь кажется, что белые могли бы аналогичным образом избавиться от отвергнутого черного меньшинства. Безусловно, определенная степень расового разделения сохранялась, поскольку негр управлял собственным бизнесом, владел домами в своей общине, поклонялся отдельно от белых, основывал разного рода негритянские организации и так далее. Но до сих пор это было разделение в ответ на экономическую эксплуатацию и сегрегацию, навязанные доминирующими белыми. Сегодня как белые, так и черные выдвигают требования раздвоения в идеологической форме — *separat / rw* - и не для приспособления, а скорее для инициирования творческих усилий. Это та же самая автономия чернокожих, которую представлял Маркус Гарви: “Миссия Всемирной ассоциации улучшения положения негров состоит в том, чтобы пробудить спящее сознание негров повсюду до такой степени, что мы будем, как единое целое, действовать во имя сохранения нашего общества”.²⁸

Для многих расстаться с компанией белых, возможно, и не является “реалистичной” позицией, но нельзя отрицать, что белые пренебрегают черными. Даже негритянский интеграционист признает, что сталкивается с определенной перспективой расового разъединения. “Посредством этого процесса исключения различных возможностей!” - заключает Джеймс

Уэлдон Джонсон. “Мы сократили выбор выхода до двух. Остаются, с одной стороны, продолжение наших усилий по достижению интеграции, а с другой стороны, признание нашей изоляции и решимость принять ее и извлечь из нее максимум пользы”.²⁹ До презентации Джонсона У. Э. Б. Дюбуа порвал с NAACP в пылом убеждении, выраженном в разгар Великой депрессии, что негр должен создать для себя экономическую программу отдельных негритянских кооперативов в рамках полностью черной экономики. После Второй мировой войны чернокожие националисты начали требовать создания независимого, полностью чернокожего национального государства в пределах континентальных границ Соединенных Штатов. Малкольм Икс, ведущий оратор от имени чернокожих мусульман под руководством Элайджи Мухаммеда, снова и снова заявлял, что если белые не могут принять чернокожих, то они должны позволить черным основать свою собственную нацию.

К середине шестидесятых Флloyd II. Маккиссик из Конгресса по расовому равенству поддержал сепаратизм, настаивая перед аудиторией на чернокожем

Конференция власти в Ньюарке, штат Нью-Джерси: “Мы [негры] не можем искать помощи где-либо еще. Мы не можем опираться на костыль религии. Мы не можем зависеть от фальшивых ‘коалиций’. Мы должны выработать свои собственные методы. Мы должны сделать наши собственные выводы”.³⁰ В то же время негритянские студенты колледжей приступили к формированию исключительно чернокожих студенческих организаций от побережья до побережья. Лозунг “черная сила” выплескивает чувства и служит лозунгом сплочения сепаратистов во многом так же, как лозунг “Мы победим” объединил чернокожих и белых интеграционистов ненасильственной тактики в начале шестидесятых.

Недавние усилия по сплочению чернокожих вокруг стремления к сепаратизму предпринимаются в тот самый момент, когда негр раскрывается как потенциальный индеец. И, подобно индейцу, современный негритянский националист преследует ту же цель: создание объединенной нации, основанной на расовой принадлежности и свободной от белого расизма. Цель - выражение отчаяния негра, вынужденного выбирать между резервацией и физическим истреблением. Как и индейцы до него, Малкольм Икс спросил: “... если белый американец или американское белое правительство не хотят, чтобы мы уезжали [в Африку], и правительство доказало свою неспособность обеспечить интеграцию или дать нам свободу, справедливость и равенство на основе равного смешения с белыми людьми, тогда что мы [негры] собираемся делать?”³¹ Точно! И точно так же, как вождь делаваров Пачгантчилиас заявил в 1787 году, что “они | то есть белые | сделали бы из нас рабов, если бы могли; но поскольку они не могут этого сделать, они убивают нас”, так и “вождь” КОРА, Маккиссик, говорит своему негритянскому “племени”: “Мы знаем, что он | то есть белый человек | убьет нас, если сможет - одного за другим или всех сразу ...”,³² И, повторяя заявление индейца, другой чернокожий “вождь” сообщает “своему негритянскому племени”: “люди, которым присуща собственность чернокожих: ”Я не собираюсь начинать войну с ними [т. е. с белыми], чтобы отнять землю, — заявляет Элайджа Мухаммад, - потому что все это принадлежит нам ... Мы, мусульмане tltc, являемся истинными владельцами небес и земли“.³³ Получается, что белые не только лишают негров, но и завоевывают как негритянскую расу, так и территорию, подобно тому, как индейцы были уничтожены, а их земли захвачены белыми.

Быстрое расширение раздельного проживания является наиболее наглядным свидетельством изоляции черных от белых; количество черных гетто в стране увеличивается на 500 000 каждый

год. Еще в 1950 году негры составляли всего 17 процентов населения Ньюарка; к 1960 году этот процент увеличился до 40, а на октябрь 1967 года оценивался где-то между 50 и 60. Типично для большинства городов, негритянское население Детройта растет, в то время как общая численность населения сокращается; к середине 1967 года оно составляло более 525 000 человек из 1,5 миллионов — 33 процента от общего числа — тогда как в 1960 году на негритянское население в 487 000 человек приходилось 29 процентов из 1,67 миллиона человек, проживающих в городе. В середине пятидесятых годов негритянский состав общины Рузвельт на Лонг-Айленде, штат Нью-Йорк, составлял всего 20 процентов, но десять лет спустя этот показатель достиг 60 процентов. Гэри, штат Индиана, город с населением 186 000 человек в 1969 году, на 58 процентов состоял из чернокожих.

В отличие от сегрегации, которая предписывала неграм более низкий статус по сравнению с белыми, сепаратизм разделяет американское население по расовому признаку, чтобы препятствовать расовым контактам; белые установили сегрегацию, чтобы сдерживать и удерживать негров на месте, в то время как сегодня они хотят только изгнать негра с глаз долой и за пределы сочувствия или понимания. Размещение и удержание небелых в гетто порождает жизнь в резервации. “Быть негром в Америке - значит быть загнанным в гетто или резервации, - воскликнул Мартин Лютер Кинг, - тебя постоянно игнорируют и заставляют чувствовать себя невидимым”.³¹ Роберт Конот считает, что негритянские гетто стали настолько обширными, что превратились в “города внутри городов, где расы никогда не встречаются”. Белый человек не может понять чувство изоляции, которое испытывают жители гетто, пока он сам не войдет в них”.³³

Не только белые бегут из городов, которые, по-видимому, подвергаются “атаке” надвигающейся “черной чумы”, но и многие важные предприятия и отрасли промышленности покидают свои городские районы ради 96-процентного белого пригорода. За последние десять лет более половины новых промышленных зданий и магазинов страны было построено за пределами центрального города. Исследование разрешений на строительство за 1960-1965 годы показало, что половина расходов на строительство новых зданий была направлена на инвестиции в районы, прилегающие к таким городам, как Бостон, Чикаго, Дейтон, Детройт, Филадельфия и Вашингтон, округ Колумбия. Предприятия покидают город не только для того, чтобы последовать за белой, образованной рабочей силой, но и из-за совершенно новых технологий. Переход от промышленного оборудования к автоматическому часто означает, что промышленный концерн фактически начинается с нуля, поскольку переход предполагает полную реорганизацию персонала и производственных мощностей. Экономика новых технологий позволяет отрасли перейти от непродуктивной (черной) рабочей силы в городах к высокопродуктивной (белой) рабочей силе в пригородах.

Если появятся проростки на пригородных заводах, они останутся недоступными для негров, живущих в городах, из-за сочетания жилой изоляции и экономии: транспортные расходы на поездки до “резервации” фактически вытесняют многих негров из пригородов .рабочая сила. Например, стоимость проезда негра от Гарлема до места работы в Фармингдейле, Лонг—Айленд, составляет примерно 40 фунтов стерлингов в месяц по транзитному тарифу - туда и обратно около 120 миль. Излишне говорить, что мало кто из негров подает заявки даже на имеющиеся вакансии, связанные с поездками на работу, которые многие белые работники из пригородов считают рутинными.

Расовый дисбаланс в жилых районах неизменно приводит к расовому дисбалансу во многих других сферах. Одно из важнейших последствий жилой изоляции отражается в школьных классах страны. Принцип нерушимого равенства определяет соседство в качестве основного критерия для распределения детей в школы, поскольку в районе ко всем расам должно относиться одинаково. Белая Америка, придерживаясь стандарта равенства соседей, меняет образовательную максиму, взятую из предыдущей пропаганды “раздельных, но равных”, на “равных, но обособленных”. Указание слова “равный” до, а не после уточняющего “но” согласуется с нынешним мифом о расизме — конституционном равенстве — и гарантирует тот же результат, что и санкционированное судом до 1954 года раздельное образование: высылка негров. Сегодня исключение предназначено для полной изоляции, тогда как вчера разделение выражало неполноценность из уважения к белым. Распределение в школу в зависимости от места жительства настолько эффективно низводит негров до резервации, что “нынешнее поколение негритянской молодежи, выросшее в городских гетто, вероятно, имеет меньше личных контактов с белым миром, чем любое другое поколение в истории негритянских американцев”.³⁸ Поскольку три четверти негритянского населения в настоящее время проживает в городах, а 80 процентов городского чернокожего населения переселилось в гетто, изоляция из-за школьных систем, основанных на гетто, еще больше укрепляет сам образ жизни негров.

Требования, исходящие как от белых, так и от негров по улучшению школ, в которых учатся преимущественно чернокожие, отражают социализацию и, следовательно, отказ белых от негров. Даже если негры получают лучшее образование в самых передовых школах, статус резервации будет просто усилен за счет изоляции негров и белых друг от друга. На самом деле, такого улучшения ожидать не приходится. Тщательный анализ Комиссией Соединенных Штатов по гражданским правам различных компенсационных программ, действовавших в 1965-1966 годах, показывает, что практически все они были неэффективны в преодолении недостатков в образовании среди негритянских школьников.³⁷ С другой стороны, внедряя единые стандарты, нация поощряет систему образования с ярко выраженными расовыми последствиями: 75 процентов учащихся начальных негритянских школ и 83 процента всех белых учащихся посещают школы, состоящие преимущественно из представителей соответствующей расы.

Миф о конституционном равенстве служит для того, чтобы избавить белых от любого чувства несправедливости, которое оказывает изнуряющее воздействие на чернокожих. “Ни один негр, - заявляет на страницах передовицы беспристрастная газета для белых южан, - не обязан жить в трущобах любого американского города. Он | по закону | может свободно передвигаться, если захочет ... Давайте не будем путать факты”.³⁸ И в том же самодовольном ключе редакционный голос северной газеты выражает сожаление по поводу отсутствия негритянского руководства для предотвращения негритянских бунтов после того, как белое руководство обеспечило “защиту мощных законов о гражданских правах, которые ограничивают дискриминацию и указывают путь к лучшей жизни для сегмента нашего общества, который слишком долго испытывал на себе гнев и унижение от дискриминации и сегрегации”. Следовательно, “настало время для принятия на себя полной ответственности наряду с полноправным гражданством” для чернокожего меньшинства, поскольку “никогда в истории свободного народа не было сделано больше для обеспечения прав меньшинства и достоинства его личности”.³⁹

Негр, как и индеец до него, кочует с “охотничьих угодий на охотничьи угодья” в ответ на неблагоприятные обстоятельства, прежде чем поселиться в резервации. Он уехал с Юга,

спасаясь от жестокости белых, в ожидании лучшей территории на заводах и фабриках Севера военного времени. В случае с индейцами белые вторглись на всеиндейские земли, при необходимости уничтожая любое сопротивление и во многих случаях добиваясь согласия посредством многочисленных договоров, которыми, по большей части, было бы легко пренебречь. У выживших сначала был выбор: въехать в резервации, обозначенные белыми, или отступить в более западные районы, по крайней мере, временно вне досягаемости или интереса белых, а затем, в конце концов, они столкнулись со вторым набором альтернатив между заселением резерваций или уничтожением. Однако теперь белые ощущают вторжение черных и, подобно индейцам, бегут в глубинки пригородов, недоступные, по крайней мере временно. Они загоняют негров в резервации внутри города, образуя белую петлю вокруг черного гетто, которая в любой момент может затянуться, чтобы подавить черную угрозу.

Более того, белые обращаются к неграм с мирными предложениями скорее через неписанные, чем письменные договоры. В трудный момент во время двух мировых войн было достигнуто соглашение, позволив неграм до определенного момента входить в белое общество; в конце каждого конфликта белые нарушали “договор” и подчиняли негров. Сегодня белые выдвигают свои собственные условия Конституционного равенства и предотвращают появление беспокойных черных, погружаясь в резервацию гетто. Бегству негров приходит конец, как это случилось с индейцами; они больше не могут бродить по территории белых, поскольку белые проводят невидимые границы, такие же четкие, как политические границы индейской резервации. Негром движут экономические обстоятельства, независимые от политического назначения посредством официального законодательства, и его удерживают от насильственного возмездия белым, точно так же, как индейца приходилось сдерживать жестокостью полиции под прикрытием поддержания закона и порядка. Судебные фокусы защищают белых от нападения черных, а идеология конституционного равенства снимает с них вину за расистские мотивы.

Увеличение концентрации негров в городах происходит без массового захвата территории. В прошлом веке белые отводили очень мало места для индейских резерваций, а сейчас выделяют лишь незначительное количество места для негритянских резерваций. В 1960 году негры составляли обнаженной почти четверть населения Чикаго — 23 процента, — но 67 процентов проживали в негритянских кварталах, занимавших всего 4 процента общей площади города; они составляли 14 процентов жителей Лос—Анджелеса, но 69 процентов негритянского населения, проживающего в негритянских кварталах, занимали менее 0,05 процента площади города; чернокожие составляли почти четверть — 23 процента - жителей Манхэттена, но 59 процентов, проживающих в негритянских кварталах, могли занимать только 9 процентов площади района; и в Вашингтоне, 1).С., с 54 процентами населения, проживающего в негритянских кварталах. Негритянское большинство, половина негритянского населения распределена всего на 5 процентах территории города.⁴⁰

Негр, как и индеец до него, не может чувствовать себя в безопасности от вытеснения даже в своей собственной резервации. Белые могут заставить индейцев покинуть резервацию вопреки положениям договора, и точно так же тысячи чернокожих оказываются изгнанными из своих кварталов в результате программ обновления городов; строительства общественных объектов, таких как музеи, стадионы, оперные театры, офисные здания; и крупных транспортных артерий. С одной стороны, белые могут вытеснить чернокожее население за счет частных коммерческих операций и государственных инвестиций, а с другой - увеличить экономические расходы на

расселение негров в резервации за счет строительства жилья, школ и даже больниц, обслуживающих практически все негритянское сообщество.

На данный момент городские власти полагаются на осторожную тактику, чтобы побудить негров к переселению. Ньюарк, например, повысил налог на недвижимость на 31 процент, что вынудило многих домовладельцев продавать жилье, а арендаторов искать менее дорогие квартиры. Это, в свою очередь, привело к большей плотности населения, поскольку негры теснились в жилых помещениях, чтобы снизить расходы на жилье. В рамках проекта реконструкции Вест-Энда в Лиостоне было перемещено 3075 семей, в основном негритянских, которые платили среднюю арендную плату в размере 43 дж.а. в месяц; арендная плата за квартиры в рамках программы urban renewal варьировалась от 75 до 250 дж.а. в месяц. Чикаго объявил о 15-летней программе на сумму 6 миллиардов т по устранению “износа” в крупных районах города к 2000 году. Проект предназначен для возвращения в город жителей пригородов среднего класса. Хотя план предлагает политику, “гарантирующую” смешение рас, для любого значительного числа негров по сравнению с нынешним процентом, проживающим в настоящее время в указанном районе, будет экономически невозможно претендовать на принятие.

От такой тонкой тактики в какой-то момент в будущем могут отказаться в пользу прямого изгнания; может наступить момент, когда белые будут диктовать бессмысленное переселение из резервации черных, при этом все трудности, которые может повлечь за собой переселение, будут нести в первую очередь сами негры. Белые могут в конечном итоге убедить себя, что расходы на полицию, социальное обеспечение и другие услуги чрезмерны или что негры угрожают безопасности белых; новые кварталы были бы менее дорогими и больше подходили бы для охраны правопорядка от опасности “неспровоцированных” нападений чернокожих на “беззащитное” белое население. Эта возможность может вызвать опровержения. Однако следует помнить, что всего лишь немногим более 125 лет назад

, . . Федеральное правительство и штат Джорджия были вынуждены оказать большое давление, чтобы переселить чероки. Эта история является одной из худших в истории англоязычных стран. Американцы выволокли из их домов в основном цивилизованный народ; загнали их в концентрационные лагеря на острие штыка и бросили их жилища и имущество белым грабителям и ворам. С точки зрения белых, депортация была “полным успехом”. Из двенадцати тысяч индейцев “вероятно, четыре тысячи спали в безымянных могилах вокруг концентрационных лагерей или вдоль линии марша” на запад. Грузинский доброволец подытожил это зверство 183-го года в одной едкой фразе: “Я сражался на протяжении всей Гражданской войны и видел, как людей разрывали на куски и убивали тысячами, но изгнание чероки было самой жестокой работой, которую я когда-либо знал”.⁴¹

Еще в 1940-х годах Белая Америка перевезла, со значительным пренебрежением к личностям и имуществу, тысячи японцев для интернирования в наспех возведенных лагерях по соображениям “безопасности” — акт, получивший юридическую санкцию самого Верховного суда. И сегодня Белая Америка простирается на 10 000 миль от своих национальных границ, чтобы “умиротворить” вьетнамское крестьянство, поместив сотни тысяч людей за колючую проволоку; вооруженные силы Соединенных Штатов создали к концу 1967 года по меньшей мере два миллиона беженцев, так что каждый седьмой южновьетнамец подвергся перемещению, и примерно 50 000 новых беженцев перемещаются с течением каждого месяца.

Народ с историей расовых интернирований и самопровозглашенным моральным мандатом навязывать свою волю желтому народу за пределами страны не отступит от “окончательного” решения “неразрешимого” вопроса в отношении американских негров.

Негр, обреченный экономическим расизмом на пребывание в резервации гетто, не может считаться пригодным для эксплуатации в национальных интересах; поскольку новые технологии вытесняют чернокожую рабочую силу, корпоративные гиганты страны мало заботятся о судьбе негров. Однако это не означает полного отсутствия эксплуатации. Ибо, подобно индейцу из резервации, негр, находящийся в гетто, страдает от жестокого обращения внутри гетто; “Эксплуататоры приходят в гетто извне, обескровливают его и оставляют экономически зависимым от общества в целом”.^{41l} Эти экономические злоупотребления навязываются негру не за его труд, а скорее для того, чтобы дать темнокожим обитателям то небольшое, что может быть под рукой. Негры платят более высокую арендную плату за меньшее количество комнат и услуг, чем белые; цены на продукты питания в гетто выше, чем в торговых центрах белого среднего класса; процентные ставки превышают те, которые взимают с белых; рэкетиры охотятся за беспомощными. Короче говоря, эксплуатация, которая сохраняется после экономического отрыва от рабочей силы, существует в пределах резервации.

И точно так же, как виски продавалось в нарушение закона, чтобы вывести из строя индейца из резервации, запрещенные наркотики превращают негра из гетто практически в инвалида. Индийский агент либо сотрудничал, либо смотрел в другую сторону, либо у него не было достаточных ресурсов, чтобы противостоять широко распространенной продаже белыми одурманивающих веществ индийским подопечным; полиция гетто придерживается аналогичной практики в отношении продажи наркотиков белыми находящимся в гетто неграм. Утверждается, что в трех трущобных районах Центрального Гарлема, Южного Бронкса и Бедфорд-Стайвесанта в Нью-Йорке, где проживало примерно 802 000 человек, в 1968 году банкиры-политики и торговцы героином выкачали 223 миллиона долларов, 180 миллионов долларов на политические операции и 115 миллионов долларов для наркоманов. Согласно отчету, эта сумма эквивалентна 80 процентам от 272 миллионов долларов, выделенных на социальное обеспечение для тех же районов трущоб. “Присутствие организованной преступности ... отнимает многие миллионы [долларов] из рук граждан этих депрессивных районов”, - заявляет сенатор Джон И. Хьюз из Сиракуз, председатель Объединенного законодательного комитета Нью-Йорка по борьбе с преступностью, “и отдает их в руки рэкетилов, которые живут в других местах . . . Эта власть [организованной преступности] настолько крепка, что, пока она не будет сломлена, мало что можно ожидать в плане экономического улучшения, независимо от того, сколько денег и усилий государство тратит на улучшение этих районов”.⁴⁵ Тем не менее, общественность в целом вряд ли это волнует; изнуряющие симптомы лишь подтверждают уничижительное отношение белых к расам-изгоям, как красным, так и черным. Вот один из примеров отношения белых к индейцам:

“... у поселенцев было принято говорить об индейском мужчине как о самце; о женщине как о скво; пока, наконец, при всеобщем принятии этих терминов они не перестали признавать права человека за теми, к кому они применялись. В результате очень естественного и легкого перехода от того, что о них говорили как о животных, к тому, что о них стали думать как о дичи, которую нужно подстрелить, или как о паразитах, которых нужно уничтожить”. Одно из первых дебатов в законодательном собрании Колорадо было посвящено предложению о вознаграждении за “уничтожение индейцев и скунсов”.⁴⁴

В конце концов, с откровенным презрением белые низвели индейцев до ничтожества, либо путем прямого уничтожения в результате военных действий, либо косвенно через болезни и голод, так что к 1870 году население индейцев сократилось примерно до 25 000 человек. “В начальный период, ” резюмирует А. Гренфелл Прайс, “ белые нескольких наций уничтожали индейцев такими факторами, как болезни, массовые убийства и грабеж земель вдоль обширной и подвижной границы. В средний период они применяли к своим жертвам такие паллиативы, как небольшие оговорки, переезды и миссионерские усилия. В самое последнее время они пытались спасти часть человеческих обломков с помощью филантропических усилий, направленных в научном направлении”.⁴⁵ “Филантропические усилия” по освобождению от ненужных индейцев достигли десятков миллионов ежегодных ассигнований. Еще в 1902 году поддержка Конгресса составляла 10 049 584,86 долларов; с 4 июля 1776 года по 30 июня 1890 года гражданские расходы составили чуть более 250 000 000 долларов. Все это время многие белые голоса выражали глубокое негодование за поддержку “никчемного и ленивого” народа. Особенно во время продвижения на запад, когда белые сражались с краснокожими “дикарями”, нарастала горечь по поводу продолжения “старой политики кормления индейцев и выплаты им ежегодной премии за убийства и воровство”.⁴⁵ Среди поселенцев, предпочитавших убивать, а не финансировать индейцев, накалялись чувства. Ибо правительство просто выбросило хорошие деньги на поддержку краснокожего человека, который ничего не внес в цивилизацию, более того, чья поддержка обеспечила ему дикую жизнь, направленную на убийства и воровство. Согласно взглядам, выраженным американцами, было бы дешевле расстрелять всех индейцев. Но, на самом деле, расходы на политику убийств намного превысили средства, выделяемые на поддержку индейского прихода! “Индейские войны Соединенных Штатов”, согласно одному сообщению,

их было больше сорока. Подсчитано, что они унесли жизни примерно 19 000 белых мужчин, женщин и детей, а также более 10 (XX) индейцев. Военные расходы, несомненно, превысили гражданские более чем в четыре раза к одному. Невозможно получить полностью достоверную статистику, но подсчитано, что примерно две трети общих расходов армии Соединенных Штатов с 1789 по 1890 год, за исключением периодов иностранных и гражданских войн, прямо или косвенно относились на счет Индии. Исходя из этого, общая сумма составляет более 1800 000 000. Добавьте к этому гражданский список, и мы получим более миллиарда долларов, израсходованных на нужды индейцев за столетие с четвертью существования нашей страны. ... Сравнение военных и гражданских расходов, как указано выше, показало бы, что поддерживать индейца было намного дешевле, чем сражаться с ним.⁴⁷

За 90 лет войн белых против индейцев, предшествовавших 1865 году, по подсчетам индийского комиссара, затраты правительства на каждого убитого индейца составили не менее миллиона долларов!⁴⁸

Еще в 1946 году ни кто иной, как президент Соединенных Штатов, человек, лично гордящийся своими обширными знаниями американской истории, Гарри С. Трумэн, мог заявить о справедливости обращения белых с индейцами, подписав Закон о Комиссии по претензиям индейцев:

Этот законопроект совершенно ясно показывает то, чего мужчины и женщины здесь и за рубежом не смогли осознать, что в наших сделках с индейскими племенами мы, по крайней

мере, со времен Северо-Западного указа 1787 года, установили для себя стандарт честных отношений Вместо конфискации индейских земель мы приобрели у племен, которые когда-то владели этим континентом, более 90 процентов нашего общественного достояния, заплатив им при этом примерно 800 миллионов долларов. Было бы чудом, если бы в ходе этих сделок — крупнейшей сделки с недвижимостью в истории — мы не допустили некоторых ошибок и иногда не соблюдали точные условия наших договоров и соглашений примерно с 200 племенами. Но мы готовы ... исправить любые допущенные нами ошибки.^{41*}

Оглядываясь назад на исторические события, Феликс Коэн в статье в Minnesota Law Review за декабрь 1947 года предложил следующую невероятную точку зрения:

На земле нет нации, которая установила бы для себя столь высокие стандарты обращения с коренным населением, как Соединенные Штаты, и ни одна нация на земле не была более самокритичной в стремлении исправить свои выводы из этих высоких стандартов.*⁰

И, говоря словами социолога:

Приспособление группы меньшинства к более крупной доминирующей культурной группе связано с аккультурацией. Как таковая, это один из видов результирующего воздействия культуры. История культуры индейцев является примером аккультурации (а не геноцида! J.⁴¹

Создается впечатление, что белой жестокости по уничтожению индейцев никогда не было, поскольку и ученые, и президент Соединенных Штатов стирают практически все пятна из записей, подобно тому, как современные ученые рассматривают негров как "временное отклонение" от американских идеалов. Публикации, предположительно описывающие расовые отношения Америки с самого основания Нового Света, удобно упускают из виду подлинную историю геноцида белых при уничтожении нежелательного народа. Никогда не бывает недостатка в ученых с объяснениями, которые оправдывают любую неправоту, либо игнорируя акты геноцида, рассматривая такие случаи как незначительные отклонения от демократических аксиом, либо провозглашая теории демократического плюрализма при полном игнорировании доказательств обратного. Американцы, возможно, недостаточно горды, чтобы хвастаться своими традициями геноцида, но они, безусловно, не настолько стыдливы, чтобы увековечивать это наследие всякий раз, когда, дома или за границей, позволяют благоприятные обстоятельства.

Но теперь настала очередь чернокожих американцев столкнуться лицом к лицу с национальным наследием геноцида. Все чаще Белая Америка формулирует свое окончательное решение по избавлению от своего последнего "индейского дикаря", американского негра. Сходство начинается с названия, которое Белая Америка дает ненавистной расе. Краснокожим белые присвоили ярлык "американский индеец", чернокожим - "американский негр". Если бы существовало намерение объединить этих двух цветных людей, белые использовали бы "индоамериканец" и "негроамериканец" для обозначения базовой идентификации в рамках американской традиции принятия, а не расовой принадлежности "индейца" и "негра"; намерение ассимилироваться в плавильном котле устанавливается путем использования "американской" основы, например, при переносе слов "польско-американский", "итало-американский", "ирландско-американский", "канадско-американский", "англо-американский" и так далее. далее.

С появлением автоматизации негр дополняет резолюцию белых, распространенную на американских индейцев: цветные люди могут выбирать, после отказа от экономики, между статусом подопечного в резервации гетто или физическим сопротивлением интернированию с наказанием в виде геноцида — ситуация выбора, которую Жан-Поль Сатр называет “условным” геноцидом. ^{*2} И уже значительное число негров “выбрали” стать подопечными в гетто, поскольку многие негры сейчас числятся в списках различных агентств социального обеспечения. В 1967 году около пяти миллионов человек получили помощь детям-иждивенцам (ADC); более половины из них были небелыми. Стоимость этой программы составила 2,6 миллиарда долларов, из которых 1,5 миллиарда поступили из федерального казначейства. Если бы все негры, имеющие право на получение помощи ADC, были получателями, их количество было бы по крайней мере в два или даже в три раза больше, чем сейчас официально. Эдгар Мэй представляет национальную картину программы ADC за начало шестидесятых, в которой по большей части недооценивается степень охвата негров из-за отсутствия расового разделения по штатам:

В национальном масштабе доля негров, получающих ADC, в четыре раза превышает долю негров в общей численности населения. Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения подсчитало, что около 44 процентов всех получателей ADC - негры. Есть признаки того, что негры составляли бы большинство получателей ADC, если бы не ограничительная политика оказания помощи в некоторых южных штатах, которая помогает исключить их из списков. В крупных городах они чаще составляют большинство, чем нет. По крайней мере, в десяти городах негры составляют более четырех пятых участников программы ADC. В Вашингтоне этот показатель составляет почти 91 процент.⁴³

■ В Нью-Йорке более пятой части населения получают социальные пособия; 80 процентов из них - негры и пуэрториканцы. Различные программы социального обеспечения и борьбы с бедностью составляли 10,8 процента городского бюджета в 1963 году и расширились до 26,6 процента к 1969 году; больший процент тратится на социальное обеспечение, чем на государственное образование. Жилищное управление города регулирует значительную часть жилищного строительства для бедных; его решения влияют на жизненные шансы почти 600 000 человек, проживающих в его 150 000 квартирах. Негры проживают в 40 процентах жилья Администрации; примерно каждый пятый или шестой негр, проживающий в городе, является негром “проекта”. Каждый четвертый негр Чикаго получает ту или иную форму социальной поддержки; около трети чернокожего населения в Буффало получает ту или иную меру государственной помощи; при 40 процентах цветного населения 21 процент из 8800 человек в Каире, штат Иллинойс, находится на социальном обеспечении. По одним оценкам, число обнищавших людей в стране составляет 34 миллиона, и из них почти пятая часть является получателями социальных пособий. К 1969 году примерно 9 миллионов человек по всей стране получали социальное обеспечение - 4,5 процента от общей численности населения — и требовали более 9 миллиардов долларов государственных расходов. Таким образом, очевидно, что государственное “пособие по безработице” заботится о нуждах многих миллионов, и значительный процент негров является “подопечными” государства.

Как и в случае с вчерашними индейцами, белые выражают немалое негодование за то, что “поддерживают” “индийскую подачку” чернокожим людям, “не желающим” искать работу, зарабатывать себе на жизнь, как это приходится делать белым. Принимая законопроект о социальном обеспечении на своей сессии 1967 года, Палата представителей включила

положения, запрещающие получение социальных пособий любому лицу старше 16 лет, которое отклонило предложение о работе или возможность профессионального обучения без “уважительной причины”; Сенат одобрил это требование, и президент Джонсон подписал эту меру как закон. Тем не менее, согласно исследованию, опубликованному несколькими месяцами ранее, не более одного процента лиц, включенных в списки социального обеспечения, способны работать; в любое время всего 50 000 человек из 7,3 миллиона в списке социального обеспечения 1967 года можно считать “способными получить рабочие навыки и подготовку, которые сделают их самодостаточными”.⁵⁴ Аналогичным образом, комиссар штата Миссисипи по социальному обеспечению в выступлении перед государственной конференцией по социальному обеспечению 1962 года говорил от имени всей белой нации, когда сказал своей аудитории: “Возникает вопрос о том, как долго белое население Миссисипи будет соглашаться на налогообложение и растрачивается на благо расы и нации, которая не ценит их жертвы”.⁵⁵ Средний размер помощи детям-иждивенцам в Миссисипи составляет 9,35 доллара в месяц на ребенка. Во время пресс-конференции 8 мая 1967 года Сарджент Шриввер объявил, что Управление экономических возможностей, которым он руководил, и Министерство сельского хозяйства США кормят 20 процентов населения Миссисипи; он сделал убедительный вывод, что в отсутствие совместных усилий многие получатели помощи окажутся на грани голодной смерти. Большинство таких людей были, конечно, неграми — в штате, который потерял 40 процентов своих фермеров-арендаторов в период с 1959 по 1964 год, массовый исход белых из Миссисипи хотели бы ускорить, удерживая средства социального обеспечения, чтобы избавиться от избытка рабочей силы. В северном штате Огайо ребенку предоставляется зимнее пальто за 2,50 доллара; в Филадельфии семья, состоящая из мужа, жены и детей с cight, получает максимум 198 долларов в месяц. В 1969 году Массачусетс выплачивал самую высокую ежемесячную сумму пособия на человека - 67,85 доллара. Короче говоря, только семнадцать штатов соблюдают свои собственные минимальные стандарты оказания помощи детям; остальные не в состоянии предоставить сумму, которую сам штат считает наименьшей для выделения.

Вся белая нация стонала под “напряжением” “войны с бедностью” 1966 года стоимостью 2,2 миллиарда долларов, что равнялось прибыли корпорации General Motors после уплаты налогов, и в то же время оказывала лишь символическое сопротивление 300 000 долларам, потраченным на убийство одного вьетnamца на поле боя. Также нет признания того, что доля национального бюджета, выделяемая на все проявления благотворительности, оставалась менее шести процентов в течение многих лет, в то время как процентные ассигнования на все формы милитаризма в национальном бюджете выросли с 40 всего несколько лет назад до почти 80 в 1967 году. К концу 1967 года военно-воздушные силы США сбросили на несчастное население Вьетнама эквивалент 100 тонн взрывчатки на человека; представьте себе, на мгновение, возмущение нации, если бы федеральное правительство выделило всего одну тонну еды, одежды и других предметов невоенного назначения нуждающемуся чернокожему человеку в Америке. Более того, военные хвастаются запасами ядерного оружия, превышающими эквивалент 15 тонн TN I' на каждого человека во всем мире, однако нация не допустит выделения запасов продовольствия голодающим чернокожим и белым людям в пределах своих собственных границ. Типичный белый гражданин выступает за политику излишеств, не проявляя при этом никаких угрызений совести за действительно скромные суммы, выделяемые на социальное обеспечение. Но в отличие от чрезмерного военного насилия, которое остается неэффективным для слома воли вьетнамского народа, чрезмерная самодовольная

скудость белых, несомненно, переполнила чашу терпения, по крайней мере, угнетенных чернокожих, вынужденных все меньше и меньше жить в резервации гетто, в то время как белые усиливают свои военные действия. “Темное гетто - это институционализированная патология; это хроническая, самовоспроизводящаяся патология; и это тщетная попытка, - предупреждает Кеннет Кларк, - тех, у кого есть власть, ограничить эту патологию, чтобы предотвратить распространение ее инфекции на ”более широкое сообщество“ ”.⁵⁶

Белая Америка намерена ограничить расходы на борьбу с бедностью, чтобы поддержать, а не рассеять резервацию гетто. “Цель действий администрации, ” утверждает один критик, - до сих пор заключалась в умеренном улучшении обстановки в трущобах, а не в фундаментальной программе по разрушению стен гетто. Нет; разрушение гетто и создание новых интегрированных сообществ не являются целями Администрации. Правительственные меры, в лучшем случае, ограничиваются улучшением условий жизни негров в пределах гетто”.⁵⁷ Более того, правительственные “подачки” неграм фактически субсидируют не столько негров, сколько эксплуататоров жизни в гетто — хозяев трущоб, преступных синдикатов, местных лавочников, ломбардных брокеров, ростовщиков. А безработный негр, вдобавок, должен терпеть не только номинальные подачки программ социального обеспечения белых, но и армию социальных работников, вторгающихся в ту малую частную жизнь, которая каким-то образом остается. “Американцы, — пишет Чарльз Силберман, - использовали программы социального обеспечения и агентства социальной работы так же, как римляне использовали хлеб и зрелища - чтобы бедные были счастливы и не представляли угрозы”.⁵⁸ Более того, растущая армия работников социального обеспечения, управляющих программами умиротворения внутри страны, составляют авангард, обеспечивающий жизнь в резервациях для отвергнутого негритянского народа; это буфер для поглощения огромного количества враждебности со стороны чернокожих, которым он служит, и козел отпущения за ожесточенные атаки белых против “безвозмездного” социального обеспечения. Это соглашение удобно затушевывает проблемы, чтобы сами белые и их правительство могли избежать ответственности.

Американское обвинительное заключение 241

Но в конце концов наступит день, возможно, после периода расовых войн, когда выжившие чернокожие смирятся со своей участью быть подопечными государства на грани существования. Точно так же, как существует индейское бюро, состоящее из 22 000 государственных служащих — по одному на каждые семнадцать индейцев резервации — для надзора за остальными индейскими подопечными, мы вполне можем ожидать создания “негритянского” бюро, дублирующего соотношение 17 к 1, чтобы сохранить бюрократизацию гетто. Именно имея это в виду, Маркус Гарви тщетно искал и призывал к созданию земли обетованной для негров полностью за пределами Америки, где творческие усилия чернокожих могли бы процветать, не опасаясь репрессий белых. “Лучшие представители расы живут не за счет покровительства и филантропии других, - сообщал Гарви своим цветным последователям 20-х годов, - а прилагают усилия, чтобы заработать самим. Лучшие представители великой белой расы не пресмыкаются и не выпрашивают милостыню у черных, коричневых или желтых мужчин; они выходят на улицу, творят для себя и таким образом демонстрируют способность расы к выживанию ...”⁵⁸

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

Негры, проживающие в резервациях, сами находятся в тисках полной бесполезности. “Негритянские трущобы сегодня - это гетто отчаяния”; ⁸⁰ чувство того, что “терять нечего” поселяется среди этого отвергнутого меньшинства, которому намеренно дают понять и прочувствовать обреченность на то, чтобы быть отбросом, и неохотно поддерживают за счет “индийской подачи” — и ожидают, что белый благодетель будет чрезвычайно признателен за дарование благодати, осуществляемое различными программами социального обеспечения. Ибо “белый человек, который остается в матрице белого мира, никогда не узнает, как этот страх [негров гетто] сравнивается с чувством истребления и медленной смерти, если только он не перережет пуповину контакта с белым миром и не окружит себя исключительно черными лицами на месяц или около того”. ⁸¹ Изолированные и отвергнутые, негры из трущоб питают презрение: “Я добуду себе немного денег лучшим из возможных способов. Я сыт по горло равенством и всей этой ложью о возможностях”, - увещевал двадцатичетырехлетний отец-негр, которому не хватало работы. ⁸² Негр под инициалами СМ.А. выразил свое отчаяние в письме редактору колонки лос-анджелесской газеты после бунта в Уоттсе летом 1965 года:

Как человек, которому удавалось существовать на задворках вашего (белого) общества, содержать свою семью, давать образование двум своим сыновьям и соблюдать установленные вами правила, в создании которых я принимал незначительное участие, если вообще принимал какое—либо участие, — я становлюсь ответственным.

Я всегда считал себя американцем, хотя было совершенно очевидно, что я американский негр — этого никогда нельзя полностью забывать, — но если нынешние нападки на мою расу в целом продолжатся, мне придется стать негром, почти не отождествляя себя со всем американским сообществом.

Если нынешняя тенденция сохранится, те из нас, кто считает, что мы положили начало, но теперь оказываемся частью изолированной, осужденной группы, должны приспособиться к отношению группы, к которой нас произвольно причислили. Нам это не понравится, но все мы будем вынуждены защищать действия любого из нас. ⁸³

Абсолютное отчуждение и необходимость подчиняться отвергнутой судьбе, навязанной извне, оставляет людей не только с утраченной надеждой, но и без надежды, с безудержным желанием улучшения, но без надежды на лучшее завтра. Отвергнутая и не принимаемая во внимание черная масса одержима “преступным фатализмом” — “ощущением отсутствия шансов в прошлом, перспективы на будущее, возможности прибегнуть к помощи в настоящем; отсюда стремление к катастрофе”. ⁸⁴ Люди, которые сами по себе не нужны, реагируют способами, которые кажутся бессмысленными актами “ненужного” насилия. Точно так же, как подростки чувствуют себя бесполезными и реагируют на это беспорядочным уничтожением собственности, так и удрученные негры должны реагировать беспорядками и уничтожением собственности, служащими свидетельством страдающего народа. Быть - значит быть нужным; все меньшее требует крайнего презрения со стороны нежелательных по отношению к собственности и, в конечном счете, к людям.

Когда бесполезный народ предпринимает ответные действия, Белая Америка и многие признанные представители негритянства выступают с резким осуждением и выражением бесполезности. Сочувствующий белым помощник по борьбе с бедностью, например,

воспринял лишь бесцельное поведение негров в течение трех ночей расовых беспорядков в Маунт-Верноне, штат Нью-Йорк. “Никто из тех, с кем я разговаривал, не понимает этого”, - воскликнул сбитый с толку социальный работник. “Мы могли бы понять это, если бы они боролись за что-то, но они не просят ничего, что мы можем видеть”.^{8*} Раздаются критические голоса, отрицающие какие-либо положительные выгоды от открытого восстания негров, находящихся в гетто. . революция, хотя и порожденная отчаянием”, - объясняет Мартин Лютер Кинг,

нельзя долго пребывать в отчаянии. Это крайнее противоречие движения "Черная сила". Оно утверждает, что является самым революционным крылом социальной революции, происходящей в Соединенных Штатах. И все же оно отвергает единственное, что поддерживает пламя революции: вездесущую даму Любви. Когда умирает надежда, революция вырождается в безжалостный повод для мимолетных и бесполезных жестов. Негр не может доверить свою судьбу философии, основанной исключительно на отчаянии, лозунгу, который не может быть воплощен в программу.⁸⁸

Критикам обоих цветов трудно понять полезное поведение никчемных людей. Беспристрастным наблюдателям кажется, что бесполезные люди не могут заниматься достойной деятельностью. Ситуация для мятежного негра настолько невыносима, что даже вспышки насилия приобретают видимость бесполезности, отражая сам фундаментальный характер негра из резервации! Как чернокожему населению удастся прийти к соглашению способами, значимыми для белых людей, стремящихся вынести приговор бесполезности, и для негритянского критика, который не в состоянии осознать изнуряющее интернирование своих собратьев? Когда люди бесполезны, как другие могут видеть, что они делают что—либо в конструктивном смысле - даже когда предпринимают нападение на само общество? Вердикт яснее, чем мы когда-либо осознавали: бесполезный народ не может надеяться на перемены; бесполезный народ, прибегающий к насилию, может продемонстрировать только тщетность, а не возможность изменить свою судьбу своими собственными инициативами.

Более того, белая Америка не только возмущается никчемными неграми, прибегающими к насилию, но и не питает снисхождения к спокойному черному народу; теперь, когда она низводит некоторых до статуса американских индейцев, она таит в себе только недоброжелательность ко всем неграм. Хотя переход осуществляется скромными темпами, будет лишь вопросом логики перевести "этих черных" в “эти черные ублюдки и суки”, подобно тому, как индейские “самец” и “скво” превратились в “паразитов, подлежащих уничтожению”. “Когда имеешь дело с дикими людьми, как с дикими зверями, - увещевал генерал Фрэнсис Уокер, занимая пост комиссара по делам индейцев в 1871 году, “ не может возникнуть вопроса о национальной чести. Сражаться, прибегнуть к хитрости или бежать - это исключительно вопрос целесообразности”.⁶⁷ Вчерашние белые обрекли всех индейцев: “... Запад не испытывал сострадания к миролюбивым индейцам.... В лучшем случае на индейцев смотрели как на помеху, как на представителей примитивной расы и как на препятствие прогрессу. Поколение сменяло поколение, прежде чем многие жители Запада признали бы, что по отношению к краснокожим была допущена несправедливость ”.⁶⁸ Но когда прошло время, президент Трумэн обелил “незначительные” проступки белых по отношению к краснокожим племенам — не то чтобы это имело какое-то реальное значение в свете того факта, что геноцид увенчался успехом, и поэтому даже признание неправоты очень мало помогло бы исправить расистскую природу белой Америки. На сегодняшний день белые обрекают чернокожих: “Они должны объявить

военное положение, окружить всех негров и увезти их на расстрел”, - утверждает wbitc, даже не утруждая себя проведением различия между “мирными” и “буйными” чернокожими. Расовые бури в стране, возражает губернатор Калифорнии Рональд Рейган, - это всего лишь “бунты нарушителей закона и бешеных собак против народа”. Эта “индейская” характеристика губернатора, наряду с упоминанием начальником полиции Лос-Анджелеса Уильямом Паркером взбунтовавшихся негров Уотта как “обезьян”, указывает на курс действий со стороны белых: “бешеные собаки” должны быть истреблены, а “обезьяны” посажены в клетки вне досягаемости.⁶⁹ Народ Южного Вьетнама начинал как получатель американской демократии, когда президент Джонсон принял решение о масштабных военных решениях для “спасения” этих осиротевших людей; в течение нескольких лет многие американские солдаты во Вьетнаме дают показания о том, что описывают всех вьетнамцев терминами, произнесенными капитаном Эдди Рикенбеком, высоко награжденным и провозглашенным героем Второй мировой войны и президентом Eastern Airlines в отставке: “Вы (то есть американские солдаты) сражаетесь там не с людьми — вы сражаетесь с двуногими животными”.

Вспышки так называемых “бунтов” в негритянском гетто в 1960-х годах эквивалентны вчерашним индийским восстаниям. И точно так же, как белые поселенцы жили в страхе перед буйством ничего не подозревающих индейцев, так и беспокойство толая преследует белые пригороды, размышляя о “восстании” черных, жаждущих мести. Точно так же, как звуки военных танцев предшествовали многим нападениям индейцев, точно так же грохот “долгого жаркого лета” воспринимается как определенные признаки предстоящего восстания чернокожих в гетто. Но самое важное сходство заключается в том, что обе отверженные расы неохотно прибегли к физическим нападениям на белых только после того, как все другие альтернативы были отрезаны самими белыми. Когда тебе говорят, что ты никчем и, следовательно, неспособен сделать что-либо конструктивное, остается только перспектива нежелательного обращения к насилию, сначала для выражения крайнего разочарования, а затем для инициирования свержения белого угнетателя.

Негр не устраивает ни бунтов, ни нападений; вместо этого он участвует в восстаниях — восстаниях отчаяния. Вспышки в гетто, в настоящее время ограниченные резервациями, представляют собой вспышки непреодолимого человеческого горя, вызванного распростертыми неграми, которым, как и их индийским предшественникам, отказано во всех перспективах осмысленной жизни. Белое население настолько безразлично к этим восстаниям, что неграм не хватает сосредоточенности, чтобы нападать на белых, и вместо этого они обрушивают свою ярость на самих себя. В настоящее время негры воздерживаются от развязывания войны, а скорее принимают пафос фаталистического саморазрушения резервации.

Однако состояние приостановки не может длиться вечно; восстания отчаявшихся негров являются прелюдией к надвигающейся расовой войне, как раз в тот момент, когда индейцы наконец вступили на тропу войны, чтобы защитить себя от враждебности белых. Чувствуя мучения, зная природу мучений и будучи уверенными в мучителе, но в равной степени осознавая свой страх навлечь на себя карательный ответ враждебного белого большинства, негры наносят удар, в настоящее время, в пределах своей досягаемости, по гетто. Будущее становится все более мрачным, и то небольшое, что еще остается для мирной жизни, испаряется по мере того, как белые еще больше ужесточают изоляцию интернированных в гетто. Ибо, применяя общее утверждение, изложенное Дэвидом Рисманом, негры “не осмеливаются

столкнуться лицом к лицу не с полным вымиранием, а с полной бессмысленностью”.

Столкнувшись с реальностью геноцида, негр прибегнет к насилию против белых не столько для того, чтобы избежать полной гибели своей расы, сколько для того, чтобы предотвратить свою смерть без причины для смерти; он достигнет точки, когда он больше не сможет выносить сознательного осознания своей бесполезности в ожидании напрасной смерти. Возможно, для людей, находящихся в депрессии, более важно иметь причины для смерти, если слова Райзмана справедливы, чем для того, чтобы жить. “Ребята, - объяснил газетный репортер, покидая место восстания в июле 1967 года в Плейнфилде, штат Нью-Джерси, - говорили, что лучше умрут здесь, чем получают это во Вьетнаме.” Они чувствуют, что выиграют больше, умерев здесь“.

Не имея ничего, что можно было бы потерять, кроме оправданной смерти в свержении угнетателя с неумолимой враждебностью, негр мог бы обратиться к партизанской войне, чтобы, умирая, обрести то, чего у него нет в резервации: чувство собственного достоинства.

Партизанская война процветает, когда:

- 1) народ угнетен до такой степени, что теряет жизнеспособную социальную идентичность;
 - 2) угнетенные убеждены в физической ликвидации, если бы они предприняли мирные усилия по облегчению условий, ответственных за их угнетение; 3) угнетение вызывает крайнее чувство безнадежности; и 4) обездоленные, не веря в будущее, бессмысленно ожидают смерти.
- “Партизанская война, - по чрезвычайно проницательному пониманию Роберта Г. Холодного, - это высшее проявление политики отчаяния”.¹⁰

Даже будучи лишенным значимой социальной идентичности и изолированным, крайне маловероятно, что негру позволят достичь той точки инертности, которой в конечном итоге достигнет подопечный государства; белые станут озлобленными перспективами непрекращающихся издержек из-за зависимости от негров и будут искать возможности лишить поддержки нежелательную черную расу, неспособную сделать что-либо, чтобы оправдать расходы. Белые будут продолжать выступать за сокращение социальных ассигнований безработным неграм в резервации, тем самым отказывая в какой-либо безопасности интернированной черной расе. Лишенный надежды, лишенный смысла, обреченный на крайнюю нищету и буквальный голод, ведущий к широко распространенным заболеваниям и психическому расстройству, отчаявшийся негр, одержимый ненавистью, созревает для партизанской войны. Если бы негр, обреченный быть всего лишь подопечным в резервации, был каким-то образом способен добывать средства к существованию даже на грани существования, свободного от надвигающейся уверенности в том, что белое большинство превратит черное меньшинство в никчемный народ, не прибегающий даже к скудному, мучительному пропитанию, он, по всей вероятности, не был бы втянут в партизанский конфликт.

Следовательно, не вера, а презрение порождает воина-партизана; вера воодушевляет революционного деятеля, чья надежда на лучшее завтра создает близость к массовым движениям и революции. “Пока есть надежда, - указывает Стокли Кармайкл относительно ситуации с неграми, - [черные] люди не собираются сражаться, поэтому вы должны уничтожить всякую надежду ...”¹¹ Партизанское движение - это “политика отчаяния”; это искусство возможного для организации людей с утраченной верой, а не с надеждой, чтобы бросить вызов угнетателю как коллективу. Само движение обязано обратить неверующего человека в живое

убеждение, приверженца новой веры, подкрепленной кредо, истинность которого выдержит испытание историей и в конечном итоге восторжествует над угнетателем:

Народу, создающему национальное (партизанское) движение (пишут Грейс и Джеймс Боггс), нужна уверенность в том, что история на их стороне и окончательная победа неизбежна, потому что как народу им присуще достоинство, которое не могут разрушить никакая жестокость и деградация. Людей уничтожает не угнетение. Это принятие угнетения.

Людам, создающим национальное (партизанское) движение, также необходимо убеждение в том, что они создают новые социальные ценности среди самих себя. Когда человек присоединяется к движению, он должен знать, что делает это не только ради своих эгоистичных целей, но что он оставил индивидуализм позади, чтобы присоединиться к новому братству, призванному изменить мир.⁷²

Негр, верящий в преодоление всех трудностей искоренения в резервации и в превращение всех ошибок в добро, отвернется от сторонников партизанской войны и осудит их. Таковы были доводы, изложенные в совместном заявлении с осуждением негритянских повстанцев летом 1967 года, подписанном Мартином Лютером Кингом, А. Филипом Рэндольфом, Роем Уилкинсом и Уитни М. Янгом:

Мы призываем негритянских граждан по всей стране отказаться от искушения пренебречь законом. Это не означает, что мы должны покорно смиряться с безработицей, неадекватным жильем, плохим школьным образованием, оскорблениями, унижениями и нападками. Это действительно требует удвоения усилий с помощью законных средств, чтобы положить конец этим несправедливостям и ограничениям.⁷³

Сам кинг однажды заявил: . Я думаю, что работа здесь заключается в том, чтобы творческое меньшинство работало с этой большой группой [то есть с негритянскими массами], потому что я думаю, что эти люди уступчивы к законным и справедливым требованиям негров. И я не выбираю идти по пути отчаяния, потому что я думаю, что выход есть...”⁷⁴ Однако перед своей трагической смертью в 1968 году Кинг признал, что “подавленные, казалось бы, потерявшие надежду, простые люди не организовали жизнеспособных протестов”. Другой подписавший совместное заявление А. Филип Рэндольф признал отсутствие надежды и, кроме того, обвинил самого негра в участии в “разрушительном бунте против устоев общества”.

Но хотя у них (негритянских масс) нет надежды, они не безнадежны и не беспомощны. Их можно искупить и вернуть в лоно общества.

Однако этого можно добиться, только устранив чувство самобичевания и внутреннего отвержения, которые составят основу и мотивацию для появления лидерства, позволяющего вести себя в новую жизнь, самопомощи и заботы о своих собратьях, черных и белых.⁷⁵

И Кинг, и Рэндольф сначала признают отсутствие надежды, а затем, без объяснений, подтверждают ее наличие. Но так или иначе, это должно произойти. И лучшие имеющиеся доказательства показывают, что мятежный негр из гетто не верит в то, что лучшие возможности будут реализованы благодаря согласованным усилиям в рамках правовых ограничений Белой Америки. Если национальное негритянское руководство пришло к такому выводу, уже подтвержденному многими неграми, то оно могло бы признать то, чего не было готово признать

в 1967 году, а именно банкротство любой позитивной альтернативы развязыванию расовой войны.

Только один известный негр, представитель черных масс, Малкольм Икс, смог вынести самооценку, которая неизбежно ведет к нигилизму. Человек, никогда не боявшийся исследовать свои самые сокровенные мысли, поскольку одним из жизненных заветов его было постоянное стремление к истине, подлежащей строгому подтверждению, и никогда не стесняющийся пересматривать или отбрасывать свою систему истины в свете несовместимых фактов, Малкольм Икс Каррик внезапно осознал себя во время одной из своих нескольких поездок в Африку всего за девять месяцев до своего убийства:

Раньше я определял черный национализм как идею о том, что черный человек должен контролировать экономику своего сообщества, политику своего сообщества и так далее.⁷⁸

Но, когда я был в мае в Африке, в Гане, я разговаривал с послом Алжира, который чрезвычайно воинственен и является революционером в истинном смысле этого слова (и имеет верительные грамоты как таковые за успешное проведение революции против угнетения в своей стране). Когда я сказал ему, что моей политической, социальной и экономической философией был черный национализм, он спросил меня очень откровенно, ну и к чему это его привело? Потому что он был белым. Он был африканцем, но он был алжирец, и, судя по всему, он был белым человеком. И он сказал, что если я определяю свою цель как победу черного национализма, что это оставляет ему? Что тогда остается делать революционерам в Марокко, Египте, Ираке, Мавритании? Итак, он показал мне, где я отталкивал людей, которые были настоящими революционерами, посвятившими себя свержению существующей на этой земле системы эксплуатации любыми необходимыми средствами.

Итак, мне пришлось много подумать и переоценить свое определение черного национализма. Можем ли мы обобщить решение проблем, стоящих перед нашим народом, как черный национализм? И если вы заметили, я не использовал это выражение в течение нескольких месяцев Но я все еще (он завершил интервью) был бы затруднен дать точное определение общей философии, которая, я думаю, необходима для освобождения черного населения в этой стране.⁷⁷

С убийством Малкольма Икса и признанным на национальном уровне негритянским руководством, неспособным установить взаимопонимание с помощью программ, адресованных отчаявшемуся и угнетенному черному народу, негритянская масса в гетто остается "lacadrlcss". Лишенные выдающихся лидеров, охваченные тяжелой депрессией и убежденные в том, что белая Америка не сулит достойных перспектив никчемному меньшинству, негритянская масса замыкается в себе в поисках утешения. В аналогичной ситуации 1920-х годов Маркус Гарви откликнулся на мучительный призыв к чернокожей идентичности. После смещения Гарви Белой Америкой чернокожая масса lacadrlcss двадцатых годов обратилась за утешением к религиозным культам: Божественный Отец оказался на высоте положения, чтобы удовлетворить духовные потребности покинутого и lacadrlcss негритянского народа. Но сегодня негры не проявляют никаких признаков религиозности в то время, когда они нуждаются в собственных выразителях. В результате массы сами берут на себя руководство в форме трясины, столь очевидной в Уоттсе, Детройте, Ньюарке и других восстаниях. Отчасти именно отсутствие координации "сверху вниз" заставляет восстания принимать вид бесформенных, спонтанных и бессвязных протестов.

Чтобы уменьшить угрозу жизни и имуществу в результате нападений на белых со стороны ответных действий индейцев, frontier America заключила “мирные” договоры для умиротворения недовольных среди индейцев до тех пор, пока экономические инвестиции не смогут быть защищены военным решением. Белая Америка теперь распространяет паллиативы в виде мер социального обеспечения, и частные предприятия нанимают негров из трущоб, чтобы уменьшить враждебность черных, угрожающую экономическими потерями во время восстаний негров, до тех пор, пока Белая Америка не мобилизует достаточную военную силу, чтобы превратить беспокойного негра в вялого негра. Белые истолкуют эту первоначальную сдержанность как “подлинное” выражение сострадания, а не как тактику задержать негров до тех пор, пока не будет организована мобилизация. Но после периода “справедливости” наступит царство белого террора против негров, точно так же, как белые оправдывали подавление восстаний индейцев: “Наши руки, которые раньше были связаны мягкостью и справедливым обращением, теперь развязаны вероломным насилием дикарей ... завоевать их гораздо легче, чем цивилизовать”.^{7*}

Перспектива применения насилия белыми для подавления насилия чернокожих получила подтверждение от президента Джонсона, который на обычной церемонии приведения к присяге государственного чиновника в ноябре 1967 года внезапно предсказал, что американский народ “восстанет против нарушителя закона в этой стране”. Во время радиоинтервью, проведенного в середине ноября 1968 года, Дж. Эдгар Гувер, многолетний директор Федерального бюро расследований, недвусмысленно настаивал на “энергичных правоохранительных органах” для борьбы с сопротивлением чернокожих.

В: Чувствуете ли вы, что нация в беде? О: Я думаю, что это определено так.

Вопрос: В каком отношении? Ответ: В отношении того, что существуют эти условия — эти беспорядки, эти грабежи, поджоги зданий, магазинов в различных частях страны, которым нельзя позволить восторжествовать.

Вопрос: Каков ответ? Ответ: Мой ответ - энергичное применение законов.

В: Это единственный ответ? О: Это единственный ответ сг.^{7u}

Узы, удерживавшие нацию, рухнули в середине девяностых в Америке, когда экономические и расовые императивы продиктовали переход негров из рабства в крепостную зависимость; единство, похоже, распадается сейчас, в середине двадцатого века, поскольку экономический и расовый кризис вынуждают негров к невидимому существованию в геттоизированной резервации. Новейшая технологическая конфигурация Белой Америки предусматривает переформулированное “явное предназначение” — следить за тем, чтобы экономическая эффективность получила полное выражение в форме автоматического производства. Негр предстает в сознании белых во многом как индеец, который стал одноразовым раздражителем в безжалостном движении на запад, направленном на реализацию явного предназначения нации девятнадцатого века. “Индейцы, - замечает один писатель по поводу обращения белых с краснокожими, - были бесполезным препятствием на пути к ”явленному предначертанию“ и были представителями низшей расы, обреченной на вымирание; ассимиляция ”дикарей“ была совершенно неприемлемой идеей”.⁸⁰

Нация с мощными традициями насилия прибегает к полицейскому государству, во-первых, чтобы изолировать чернокожих людей от контактов с белыми и, во-вторых, чтобы удержать

любого негра от побега из резервации в случае насилия. Жестокость полиции становится, в лучшем случае, вторичным злоупотреблением для угнетенных негров гетто; полицейские силы, назначенные для поддержания "закона и порядка", остаются в основе своей расистскими даже при полном отсутствии жестокости, потому что на них возложена ответственность за поддержание разделения всех американцев по расовому признаку. Ибо "... даже если бы каждый полицейский в каждом черном гетто вел себя как ангел и обучался в самых прогрессивных полицейских академиях,

политический конфликт все равно бы существовал. Это так, потому что гетто; *s a p|ace*, где негры не хотят быть и борются за то, чтобы выбраться. Когда кто-то с дубинкой и пистолетом говорит вам вести себя прилично в этих ужасных обстоятельствах, он становится зрителем зоопарка, требуя от вас, как от одного из "этих обезьян" (используя фразу шефа полиции Лос-Анджелеса Паркера, произнесенную им во время восстания Уоттса), чтобы вы приняли отвратительные условия. Он жестоко обращается с вами, настаивая на том, чтобы вы терпели то, чего вы не можете и не должны терпеть.⁸¹

Обеспечение конституционного равенства неизбежно означает укоренение расизма в результате расового разделения, которое следует за ним. Таким образом, никакое соблюдение надлежащего этикета со стороны полиции не сводит на нет основной расистский механизм, который устанавливает "закон и порядок" в соответствии с конституционным равенством. Сам закон вызывает сомнения у негров, с жестокостью полиции, сопровождающей правоприменение, или без нее. "Нет смысла призывать негров подчиняться закону", - объяснял бывший сенатор Роберт Ф. Кеннеди после беспорядков в Уоттсе, поскольку у многих негров есть основания настаивать на том, что "закон - это враг". Ибо "бунтовщики не принадлежат ни к какому миру, кроме своего собственного. Это мир, где полиция может прибыть за пять минут, но могут потребоваться месяцы, чтобы вызвать инспектора по строительным нормам".

Благоразумие белой Америки прибегать к истреблению как способу восстановления "закона и порядка" над мятежным чернокожим сообществом получает достаточное подтверждение. Из 34 смертей, официально подтвержденных расследованием восстания Маккоуна в Уоттсе, только 3 были белыми; *Detriot Free Press* установила 43 убийства во время беспорядков в Детройте и пришла к выводу, что "(Национальная) гвардия была причастна в общей сложности к одиннадцати смертям, в которых погибло девять невинных людей"; из 26 человек, убитых в Ньюарке, только трое были белыми.^{*2} Во время и после каждого инцидента официальные заявления и новостные репортажи сообщали о нападении черных на белых, хотя на самом деле более точным было бы обратное. Полиция и военные, стремясь отомстить и восстанавливая "закон и порядок", убили и ранили чернокожих людей и уничтожили собственность негров. "Сила, примененная полицией (Ньюарк), была применена не в ответ на снайперов, мародерство и поджоги, а в отместку за успешное восстание".^{*2} Одной из наиболее заметных репрессий стала стрельба полиции по витринам магазинов с надписью "soul brother" и разбивание их при систематическом наступлении в уже подавленные негритянские кварталы. **

То, что члены федерализованной Национальной гвардии не только несли смерть, стреляя по неграм без разбора, но и намеренно не подчинялись официальным приказам, подтверждается показаниями генерал-лейтенанта Джона Л. Трокмортон перед подкомитетом Палаты представителей вскоре после инцидента в Детройте. Генерал Трокмортон, командующий войсками в Детройте, назвал свои войска "боевыми, нервными солдатами" и показал, что около

90 процентов умышленно не подчинились его личному приказу не входить в зону беспорядков с заряженными винтовками в первые дни восстания, поскольку он не видел ничего, “что оправдывало бы вывод солдат на улицу с заряженным оружием”. Этот отказ подчиниться прямому приказу командира произошел вопреки фактам:

Официальные лица Детройта широко распространено мнение, что менее дюжины снайперов — белых и негров - когда-либо стреляли из оружия в Детройте во время беспорядков. Хотя полицейские репортеры часто упоминают о снайперском огне в районе нескольких погибших во время беспорядков, даже ежедневный отчет, публикуемый полицией во время беспорядков, приписывает только две смерти снайперскому огню. Для сравнения, 22 смертельных случая были связаны со стрельбой со стороны полиции, солдат, частных охранников и владельцев магазинов. Из них 14 были убиты полицией Детройта.^{8*}

В то время как тысячи негров были арестованы по различным обвинениям, а сотни признаны виновными и наказаны, ни одному гвардейцу, несмотря на показания командира, не было предъявлено обвинение и он не предстал перед судом. Действительно, во время беспорядков в Ньюарке ополченцы получили практически безоговорочную похвалу от губернатора Хьюза, который был “в восторге” от их образцового поведения и назвал случаи жестокости полиции “стандартной оперативной процедурой”.^{8*} Лишь горстка полицейских предстала перед судом за предполагаемые правонарушения — и каждый был оправдан. Такая реакция белых типична для реакции на несправедливости, совершенные против американских индейцев: относительно небольшое количество белых когда-либо привлекалось к суду за такие тяжкие преступления, как убийство; еще меньше было признано виновным; и большинство вынесенных приговоров были легкими наказаниями, что, по сути, сводилось к поверхностному отправлению “правосудия”. И это несмотря на то, что,

Войны [с индейцами], за исключением тех, что велись между индейцами Ближнего Востока, в большинстве случаев были вызваны агрессией незаконных белых людей ... Смерть от голода была следствием присвоения белыми охотничьих угодий, рыболовства и других источников существования индейцев. Обезумев от голода, многие племена стали досаждают соседним поселениям, требуя и забирая еду везде, где она была доступна. Это, вместе с дополнением к пьяным оргиям, заставило западные сообщества потребовать их удаления или, по крайней мере, заключения под стражу [принимая другие меры].⁸⁷

Я

Вместо того, чтобы вершить правосудие за признанное ненадлежащим поведение во время восстания в Детройте, Национальная гвардия попыталась исправить свой пошатнувшийся имидж, наняв фирму по связям с общественностью. Рекламные ролики по радио начали информировать белых о преданной, выращенной дома, легкодоступной и, прежде всего, мирной Национальной гвардии, служащей народу в случае любого чрезвычайного положения в стране, требующего сохранения “закона и порядка”; Ассоциация национальной гвардии Соединенных Штатов финансировала полностраничную газетную рекламу, составленную агентством на Мэдисон-авеню, превозносящую достоинства “вашей” гвардии. Как местная полиция, так и подразделения Национальной гвардии запустили программу по вербовке большего числа негров, подобно тому как правительство организовало всеиндийские отряды для охраны индейской резервации. А Министерство обороны при содействии Комитета юристов

за гражданские права в соответствии с законом продвигало программу с целью набора и подготовки негритянских военнослужащих для гражданской работы в качестве полицейских.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Америка - белая нация, топчущаяся на месте ради чернокожего народа. После столетий жестокого обращения белое большинство отвергает черное меньшинство за те самые условия, в которых оно само виновато: бедность, невежество, распад семьи, грязь, преступность, болезни, некачественное жилье, некомпетентность, отсутствие инициативы. Обеспечивая величественные перспективы принятия, нация лишает себя основных возможностей для достижений; теперь, когда негры устраивают восстания, белые отвечают им более массовым насилием, пока сопротивляющиеся негры не будут полностью подавлены. Стратегия белых отражает более ранний период, когда “возник гениальный план сначала довести индейцев до безумия, а затем обрушиться на них с уничтожающим наказанием”, при этом обвиняя последних в агрессии.⁸⁸ Аналогичным образом, нация при президенте Эйзенхауэре гарантировала

предшествовали Женевским соглашениям об объединении всего Вьетнама путем национальных выборов после поражения Франции от Вьетминя, только для создания правительства Южного Вьетнама в абсолютное нарушение Соглашений; когда в Южном Вьетнаме вспыхнуло восстание против помазанного ЦРУ Нго Динь Дьема, президент Джонсон объявил “агрессию” с Севера и, в соответствии с положениями резолюции по Тонкинскому заливу, принятой Конгрессом, развязал войну Северному Вьетнаму.

Отказав в легитимности всем трем этим небелым людям, Америка развязала войну на истощение, чтобы добиться “Мира”, что означает полное подчинение воле белой страны. Таким образом, как сегодня во Вьетнаме и как это вполне может случиться с неграми завтра, только вчера генерал Энтони Уэйн написал своему военному министру относительно индейцев: “Безопасность западных границ, репутация легиона, достоинство и интересы нации — все это запрещает маневр отступления или уступку хотя бы пяди земли, которой мы сейчас владеем, до тех пор, пока враг не будет вынужден просить мира”.⁸⁹ Во всех трех случаях белые проявляют свою волю к навязыванию “мира” и даже назначают представителей противника для участия в переговорах: вожди племен были вынуждены отказаться от участия в переговорах, подписывают договоры, хотя у них нет полномочий говорить от имени своих племен; известными на национальном уровне негритянами манипулируют, добиваясь соглашений, хотя у них нет разногласий с негритянской массой; и правительство Северного Вьетнама, а не коренные вьетконговцы, объявляются агрессорами в Южном Вьетнаме и, следовательно, единственными представителями для достижения любого соглашения.

Обман белых, совершенный по отношению к каждому из этих небелых людей, в конечном итоге подорвал всю веру последних в первого: вождь делаваров Пачгантчилиас призвал другие племена: “Помните, что сегодня я предупреждал вас остерегаться таких друзей, как эти. Я знаю этих длинноножек. Им нельзя доверять”; Джеймс Фармер, ранее возглавлявший CORE, инструктирует: “Вы можете сказать, что негры больше не будут подвержены предательству, поскольку они быстро отбрасывают все свои иллюзии относительно доброй воли белого человека. Но чтобы однозначно застраховать себя от предательства, нужно отбросить нечто большее, чем иллюзии; нужно также отказаться от любой надежды на доверие к белому человеку”.⁹⁰ И новостные ленты передают сообщения о том, что Северный Вьетнам все более

настороженно относится к любым мирным инициативам, выдвигаемым американским правительством.

Все эти сравнения приводят к выводу, что отверженное меньшинство, стремясь отомстить за обиды, понесенные от рук Белой Америки, мстит насилием. Таким образом ,

... в обязанности индейских вождей входило воздействовать на страсти своего народа и поддерживать их раздражение; разжигать их врожденную жажду крови и славы и подбадривать их к атаке; остерегаться всего, что могло бы утолить их пыл или охладить их ярость; избегать ожесточенных сражений; никогда не зажигать, кроме как при выгодном положении; и пользоваться любой помощью, которую могли предоставить хитрость и предательство. Те самые обстоятельства, которые не позволяли индейцам продолжать и концентрировать атаки, были, с другой точки зрения, чрезвычайно выгодными, поскольку не позволяли врагу атаковать их с жизненно важным эффектом. Было нелегкой задачей бродить по густым лесам в поисках врага, бдительного и активного, как рысь, который редко вставал и дрался, чей смертоносный выстрел и торжествующий клич были первыми, а часто и последними признаками его присутствия, и который при приближении вражеской силы исчезал в черных глубинах лесов и сосновых болот только для того, чтобы возобновить свои атаки с неослабевающим пылом. Не было фортов, которые нужно было захватить, 110 складов, которые нужно было уничтожить, и мало имущества, на которое можно было бы наложить арест. Никакая война не может быть более опасной и изматывающей по своему ведению или менее удовлетворительной по своим результатам.^{1*1}

Его описательный отчет о партизанской войне белых индейцев по-прежнему точен в отношении военных операций страны против вьетнамских партизан; он может стать применимым, если негры прибегнут к партизанской войне в городах Америки. И независимо от высокой цены как в жизнях, так и в деньгах, белым удалось с помощью передовых технологий подчинить индейцев; остается продемонстрировать, что очевидное технологическое превосходство страны подчинит вьетнамцев. И все больше черных голосов можно услышать в защиту партизанской войны в ожидании тактики, достаточной для нейтрализации технологий белых.

Примечания к главе VIII

1. Цитируется Генри Юджином Фрицем, Движение за ассимиляцию индейцев. Филадельфия: Издательство Пенсильванского университета, 1961, стр. 124.

2. Там же, стр. 121-124.

1. (дарк Висслер, Индийская кавалькада. Нью-Йорк: Дом Шеридана, 1918, стр. 22.

4. А. Гренфелл Прайс, Белые поселенцы и коренные народы. Лондон: Издательство Кембриджского университета, 1950, стр. 17.

5. Оскар Хэндлин, Раса и национальность в американской жизни. Гарден-Сити, Нью-Йорк: Doubleday Anchor Books, 1957, стр. 16. Выделено мной.

6. Там же, стр. 18. Выделено мной.

7. Фрэнсис Л. К. Хан, цитируемый Сельмой К. Хирш, "Люди живут в страхе". Нью-Йорк: Харпер и Братъа, 1955, стр. 1.

8. Хэндлин, указ. соч., стр. 145. Выделено мной.

9. Джеймс Тобин, "Об улучшении экономического положения негров", Дедал, том 94 (осень 1965 г.), стр. 878. Выделено.

10. "Тщательный анализ расовых претензий Суда (включая послевоенные), " правильно заключает Льюис М. Стил, - ... показывает, что защитников вынудили поддержать учреждение, которое не отошло от американской традиции относиться к неграм как к гражданам второго сорта". Несмотря на ошибку, настаивая на приверженности "обществу, основанному на принципах абсолютного равенства", поскольку именно принцип равенства увековечивает "негров как граждан второго сорта", критика Стилоситуации с гражданскими правами Верховного суда во время правления Главного судьи Уоррена является наиболее проникательным и уместным анализом, который когда-либо был представлен. Министр финансов Льюис М. Стил,

"Девять людей в черном, которые думают белым", журнал "Нью-Йорк Таймс" (11 октября 1968 г.), стр. 56-Е

У. Талкотт Парсонс, один из самых известных социологов Америки, утверждает: "Настало время для крупного прогресса. Широкая тенденция современного общества, в котором Америка играла довольно важную роль, была эгалитарной в смысле институционализации прав гражданства ..." Талкотт Парсонс, "Полное гражданство для американца-негра? Социологическая проблема", Дедал, том 94 (Осень, 1965), стр. 1018-1019.

12. Нация, том 205 (27 ноября 1967 г.), стр. 548. Выделено мной.

1). Айвор Крафт, "Другая война: отступление к разделению, но равному", Nation, том 205 (27 ноября 1967 г.), стр. 555.

14. См. К. Ванн Вудворд, "Странная карьера им Кроу". Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1966, стр. 70 и 72.

15. Лерон Беннетт-младший, Черно-белое противостояние. Чикаго: Издательство Johnson Publishing Co., 1965, стр. 298.

16. Более подробное обсуждение этого аспекта см. выше, стр. 22-29.

17. Фредерик Дуглас, Жизнь и труды Фредерика Дугласа, Филип С. Фонер, изд. Нью-Йорк: Международные издательства, 1955, том. III, стр. 191. Выделено мной.

18. Там же, т. I, стр. 417.

19. Букер Т. Вашингтон, История негра. Нью-Йорк: Питер Смит, 1940. Том. I, стр. 116-137. Выделено.

20. Маркус Гарви, "Обращение к душе белой Америки", "Социальная и политическая мысль негров", ISSB-1920, Говард Бротц, изд. Нью-Йорк: Основные книги, 1966, стр. 558.

21. Гордон Макгрегор, "Воины без оружия". Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1946, стр. 10-11. Выделено мной.

22. Эли Гинзберг, "Американская демократия и негры", в книге "Негритянский вызов деловому сообществу", Эли Гинзберг, изд. Нью-Йорк: Макгроу-Хилл, 1964, стр. 3.
23. Выше, глава IV.
24. Цитируется Хелен Хант Джексон, "Столетие бесчестия". Бостон: Братья Робертс, 1885, новый и дополненный компакт-диск, стр. 12-33.
25. Фрэнсис Паркман, "Заговор Понтиака". Нью-Йорк: Collier, 1962, стр. 184-185.
26. Фриц, указ. соч., стр. 32.
27. Там же.
28. Маркус Гарви, "Место негра в переустройстве мира", в книге "Философия и мнения Маркуса Гарви". Эми Жак Гарви, составитель. Лондон: Frank Cass & Co. Ltd., 1967, 2-е изд., часть II, стр. 34.
29. Джеймс Уэлдон Джонсон, "Американцы-негры, что теперь?" в книге "Мысль протеста негров в двадцатом веке", Фрэнсис Л. Бродерик и Август Мейер, ред. Нью-Йорк: Боббс-Меррилл, 1965, стр. 152.
30. "Нью-Йорк таймс" (30 июля 1967 г.).
31. Цитируется в книге "Негритянская протестная мысль в двадцатом веке", соч. цит. по, стр. 366.
32. "Нью-Йорк таймс" (30 июля 1967 г.).
33. Элайджа Мухаммад, "Основные моменты выступления Элайджи Мухаммеда, 28 марта 1964 г.", в журнале "Негры со времен эмансипации", Харви Уиш, изд. Энглвуд-Клиффс, Нью-Джерси: Prentice-Hall, 1964, стр. 172.
14. Мартин Лютер Кинг-младший, К чему мы идем дальше: к хаосу или к сообществу? Нью-Йорк: Harper A Row, 1967, стр. 110.
35. Роберт Конор, "Реки крови", "Годы тьмы". Нью-Йорк: Bantam Books, 1967, стр. ix.
36. Министерство труда США, семья негров. Вашингтон, Округ Колумбия: U5. Государственная типография, 1965, стр. 44.
37. Комиссия США по гражданским правам, расовая изоляция в государственных школах. Вашингтон, Округ Колумбия: Типография правительства США, 1967, том I.
38. "Эль-Пасо Таймс" (21 августа 1967 г.).
39. Buffalo Courier-Экспресс (23августа 1967).
40. Министерство труда США, негры в Соединенных Штатах. Бюллетень № 1511. Вашингтон, Округ Колумбия: Типография правительства США, июнь 1966 г., стр. Iff.
41. Прайс, указ. соч., стр. 16.

42. Стокли Кармайл и Чарльз В. Гамильтон, "Власть черных". Нью-Йорк: Random House, 1967, стр. 17.
43. "Нью-Йорк таймс" (22 мая 1969 г.).
44. Цитируется Рональдом Сигалом, The Race fPar. Нью-Йорк: Viking Press, 1967, стр. 204.
45. Прайс, указ. соч., стр. 5.
46. Фриц, указ. соч., стр. 115.
47. Цитируется по Washington, op. cit., Vol. I, ft. nt., стр. 137.
48. Джон Кольер, "Индейцы Соединенных Штатов", в книге "Понимание групп меньшинств", Джозеф Б. Гитлер, cd. Нью-Йорк: Джон Уайли и сыновья, 1956, стр. 39.
49. Цитируется Уильямом А. Брофи и Софи Аберлок, составителями. Индеец. Норман, Оклахома: Издательство Университета Оклахомы, 1966, стр. 28.
50. Там же, стр. 29.
51. Кларк Висслер, "Американский индеец", в "Единой Америке", Фрэнсис Дж. Браун и Джозеф Рукк, ред. Энглвуд, Нью-Джерси: Prcnticc-Hall, 1945, стр. 23.
52. Жан-Поль Сартр, О геноциде. Бостон: Beacon Press, 1968.
53. Эдгар Мэй, "Растраченные американцы". Нью-Йорк: Печатная книга, 1964, стр. 23.
54. "Нью-Йорк таймс" (20 апреля 1967 г.).
55. Цитируется по Мау, указ. соч., стр. 24.
56. Кеннет Б. Кларк, "Темное гетто". Нью-Йорк: Harper & Row, 1965, стр. 81.
57. Пол Фельдман, "Как начался крик о "Черной силе"", Инакомыслие, том 12 (Scp)-октябрь 1966 г.), стр. 472.
58. Чарльз Э. Силберман, Кризис в черно-белом. Нью-Йорк: Random House, 1964, стр. 312.
59. Гарви, "Обращение к совести черной расы, чтобы она увидела саму себя", в "Социальной и политической мысли негров", 1810-1920, соч., стр. 565.
60. Байярд Растин, "Манифест Уоттса" и отчет Маккоуна", Комментарий, том 41 (март 1966 г.), стр. 35.
61. Сэмюэл Проктор, молодой негр в Америке, 1960-1980 годы. Нью-Йорк: Association Press, 1966, стр. 52. И Джон Гриффин действительно перерезал "пуповину контакта с белым миром" и окружил "себя черными лицами", чтобы дать нам наглядный отчет о том, что значит для белого человека стать "черным" в Белой Америке. Сек Джон Гриффин, Черный, как я. Бостон: Хоутон Миффлин, 1961.
62. Цитируется Джерри Козном и Уильямом С. Мерфи "Задница, детка, Ожог". Нью-Йорк: Эйвон, 1966, с. 185.

63. Цитируется по Коноту, указ. соч., стр. 456-457.
64. Пол Гудман, "Взросление абсурда". Нью-Йорк: Старинные книги, 1956, стр. 211.
65. "Нью-Йорк таймс" (28 июля 1967 г.).
66. Кинг, указ. соч., стр. 45-46.
67. Цитируется в "Понимании групп меньшинств", Джозеф 11. Гиттлер, cd. Нью-Йорк, Джон Уайли и сыновья, 1956, стр. 40.
68. Фриц, указ. соч., стр. 119. Выделено мной.
69. По иронии судьбы, 23-летний негр, осужденный в 1965 году за удушение водителя, проиграл апелляцию к губернатору Рональду Рейгану с просьбой отсрочить исполнение приговора по обвинению в том, что в момент совершения убийства он был взбешен безумием против всех белых и просто убил одного из них при первой возможности.
70. Роберт Г. Холодный, "В поисках альтернатив", Национальная гвардия (J10, 1965), стр. 7. Выделено мной.
71. Национальная гвардия (16 декабря 1967 г.), стр. 14.
72. Грейс и Джеймс Боггс, "Детройт: рождение нации", National Guardian (7 октября 1967 г.), стр. 9.
73. "Нью-Йорк таймс" (27 июля 1967 г.).
74. Кеннет Кларк и др. "Управление борьбой за гражданские права", "Свобода сейчас". Алан Ф. Вцстин, cd. Нью-Йорк: Основные книги, 1964, стр. 39-^0.
75. Письмо редактору "Нью-Йорк таймс" (22 августа 1965 г.).
76. Это основная точка зрения, выдвинутая Стокли Кармайклом и Чарльзом V. Я ламил в их книге "Черная сила", соч.
77. Джордж Брситтнан, cd., выступает Малкольм Икс. Нью-Йорк: Grove Press, 1965, стр. 212-213.
78. Цитируется Томасом Ф. Госсеттом, "Раса: история идеи в Америке", Нью-Йорк: издательство Schocken Books, 1965, стр. 20.
79. Вечерние новости Буффало (16 ноября 1968 г.). Выделено мной.
80. Фриц, указ. соч., стр. 114.
81. Рустин, указ. соч., стр. 32.
82. Цифры варьируются от одного отчета к другому для каждого случая, но чрезвычайно небольшое число смертей белых остается постоянным, несмотря на различия. Представленные здесь факты отражают меняющиеся оценки.
83. Том Ллайден, Восстание в Ньюарке. Нью-Йорк: Винтаж, 1967, стр. 53.
84. Там же, стр. 49.

85. Том Пармезан, “Нарушение закона и порядка”, Trans-Action, Том 4 (сентябрь 1967 г.), стр. 15.
86. Хейден, указ. соч., стр. 58.
87. Фриц, указ. соч., стр. 30. Выделено мной.
88. Джексон, указ. соч., стр. 40.
89. Цитируется Джексоном, указ. соч., стр. 43. Выделено мной.
90. Джеймс Фаннер, Свобода — когда? Нью-Йорк: Random House, 1965, стр. 19
91. Паркман, указ. соч., стр. 194.

Джей Джей

J

IX. Подведение итогов

... Дайте мне свободу или дайте мне смерть!

— Патрик Генри

Вопреки мнению, столь распространенному среди образованных непрофессионалов, публицистов, ученых, представителей негритянского населения и других, жизненное положение чернокожих американцев ухудшается с каждым годом. Предполагаемый прогресс в конечном итоге оказывается скорее иллюзией, чем реальностью;¹

... физическое разделение рас сейчас едва ли менее существенно, чем было бы, если бы правительство Соединенных Штатов, подобно правительству Южной Африки, официально придерживалось политики постоянной сегрегации. Стены гетто высоки не только на земле; они поднимаются неприступно для всех, за исключением очень немногих, в самом сознании. Белые в Соединенных Штатах, во многом как и их англоговорящие коллеги в Южной Африке, рассматривают негра не как личность, а как проблему. *

Изменения, влияющие на положение негров в Америке после Второй мировой войны, происходят не из-за какого-либо уменьшения белого расизма, а потому, что более высокая технологическая эффективность делает возможной полную реализацию анти-негритянских убеждений нации. Приход автоматизации устраняет необходимость в чернокожей рабочей силе, а расистские ценности требуют удаления негров с американской сцены. Нынешняя ситуация является лишь окончательной кульминацией того, что всегда было сутью отношений между черными и белыми; расизм распространяется до пределов, установленных экономическими ценностями.

Видимость прогресса негров возникает из фактического дарования равенства, и факт больших шагов к равенству служит оправданием миража белой Америки об улучшении отношений с черным меньшинством. Точно так же, как христианская вера использовалась для освящения порабощения, а теория эволюции Дарвина была искажена для подтверждения неполноценности негров, сегодня обеспечение равенства посредством конституционных гарантий оправдывает отказ от негров. По словам редакционной статьи Wall Street Journal от 1

марта 1968 года, в которой резко осуждались выводы Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам (отчет Кернера),

Что политические лидеры должны сказать городским неграм, так это следующее: ритуальные двери возможностей ни для кого не были закрыты (что гораздо ближе к истине, чем обратное). Статистика показывает, что огромное количество негров ежегодно выбираются из нищеты. Нет причин, по которым другие не могут поступить так же. Хотя правительство может оказать помощь несколькими способами, это требует в основном индивидуальных усилий. Все зависит от тебя, детка.

Это не жестоко; это просто правда. И какими бы неэффективными ни были такие трезвые разговоры для завоевания голосов либеральных политиков, это лучшее противоядие от того общественного настроения, которое оказалось столь благоприятным для беспорядков за последние четыре года.

Утверждение равенства белыми устраняет любое чувство неправоты; действительно, праведность подтверждает белый расизм — при равных шансах на саморазвитие негр отказывается упорствовать в условиях высококонкурентной экономики, чтобы войти в двери манящей и щедрой нации. То, что успешный человек просто оказался белым, является чисто “совпадением”, поскольку талант не знает цвета, а вознаграждение пропорционально индивидуальным усилиям, независимо от оттенка кожи человека. Следовательно, согласно типичному взгляду белых, богатый негр заслуживает того, чтобы его игнорировали; современные трудности — бедность, жизнь в гетто, низкое образование, ветхое жилье и так далее — демонстрируют отсутствие у негра личной инициативы.

Возведение белых на престол благодаря добродетельной приверженности равенству не могло бы быть успешным без развития экономики, которая делает рабочую силу все менее и менее необходимой для производства. Белый расизм и лишение постоянной работы приводят американского негра к той же конечной участи, что и американского индейца. По мере того, как расы разделяются на более полярные стили жизни, черное гетто превращается в эквивалент индейской резервации. И поведение его обитателей дублирует реакцию индейцев на жизнь в навязанной изоляции. Ибо “одним из естественных и неизбежных результатов усилий белого человека выделить негров как отдельную расу,

это пробуждает в нем новое сознание — язву расового сознания, которая объединяет негров для защиты и нападения. Многие способные негры, некоторые в основном белой крови, лишены всякой возможности добиться успеха в великой жизни белого человека, по необходимости становятся лидерами своего собственного народа. И одно из их главных усилий состоит в том, чтобы призвать негров работать сообща и держаться вместе. В этом они лишь развивают инстинкт защиты от белого человека, который всегда был скрытым в расе*

Именно потому, что негры более решительно движутся в направлении того, чтобы стать в лучшем случае похожими на индейцев подопечных, великое отчаяние распространяется по всему черному гетто. Бунт в гетто в карнавальном настроении веселья - это выразительное поведение коллектива на начальной стадии обреченности на нежелательное существование; со временем это вполне может перерасти, как это было с американскими индейцами, в согласованные усилия по ведению войны против Белой Америки. “Дом, который разделился сам против себя сто лет назад, - утверждает политолог Ханс Дж. Моргентау, - разделен до сих

пор. Он все еще стоит, но начал шататься. Если бы взрывоопасная смесь расового недовольства и экономических лишений когда-либо прочно укоренилась в его фундаменте, его можно было бы ненадежно скрепить только цементом насилия”.⁴

После долгих отсрочек из-за экономической зависимости от чернокожей рабочей силы в течение последних 350 лет негритянский вопрос, наконец, трансформируется в индийский. Какой смысл, требует Белая Америка, терпеть нежелательное расовое меньшинство, когда нет экономической необходимости в принятии? Сейчас, когда машины заменяют человеческий труд, кому нужны негры?

Примечания к главе IX

1. Сек. Чарльз Э. Фагкр, Белые размышления о силе черных. Гранд-Рапидс, Мичиган: Уильям Б. Экрдманс, 1967. Фагсг демонстрирует незначительность законодательства о гражданских правах, особенно Закона 1964 года, как для Юга, так и для Севера. Наивно думать, что такое законодательство когда-либо действительно предназначалось для того, чтобы принести пользу неграм каким-либо убедительным образом; меры по защите гражданских прав после Второй мировой войны равносильны программам умиротворения, направленным на подавление сопротивления негров намерениям Белой Америки. См., в частности, выше, главы IV, V и VI.
2. Рональд Сигал, Расовая война. Нью-Йорк: Viking Press, 1967, стр. 26}.
3. Рэй Станнард Бейкер, Следуя Цветовой линии. Нью-Йорк: Harper & Row, 1964, стр. 38. Первоначально опубликовано Doubleday, Page and Co., 1908.
4. Ханс Дж. Моргентау, “Грядущее испытание американской демократии”, Комментарий, том 7 (январь 1964 г.), стр. 61.

Благодарность

За разрешение процитировать соответствующие отрывки автор благодарен издателям следующих материалов, защищенных авторским правом:

"Неприятное присутствие" Эли Гинзберга и Альфреда С. Эйхнта (ред.), Авторское право © 1964, Свободная пресса.

Негр в Соединенных Штатах (2-й диск) Э. Франклина Фразика Авторское право © 1957, Macmillan Co.

"Заговор Поттицака" Фрэнсиса Паркинана, Авторское право © 19 (h от Collier Books.

"Говорит Малкольм Икс" Джорджа Брситмана (ред.), Авторское право © 1965 b¹ Merit Publishers и Бетти Шабазз.

Раса и национальность в американской жизни, Оскар И Ландлин, Copyright © 1962, издательство Collins-Knowlton-Wing, Inc.†

"Жизнь и труды Фредерика Дугласа" Филипа С. Фонка (ред.), Авторское право © 1955, International Publishers Co., Inc.

"Профиль американца-негра" Томаса Ф. Петтигрю, Copyright © 1964, издательство Litton Educational Publishing, Inc., с разрешения Va Nostrand Kcinhold Company. *

"Красный Человек, Черный Человек и Белый. Америка: конституционный подход к геноциду", автор Сидни М. Уиллхельм, Авторское право © 1969, Калифорния, talyst.

Развитие аболиционистских обществ, 39 во время гражданской войны, 48 После гражданской войны, 41 Академическое сообщество о прогрессе негров, 81 Статистика распределения помощи детям-иждивенцам, 238 Отчет Мойнихана, 7 и получатели-негры, 8, 237 Сравнение американских индейцев с неграми, 210-13, 223-4, 227, 228, 231-2, 243, 231-2 гибель, 225-6, 227 экономическая значимость, 224 неспособность ассимилироваться, 226 фонды для поддержки, 23 тактика партизанской войны, 1-2 военных союза с белыми, 225 расизм по отношению, 48-9, 212 переселение, 233 разделение, 227 договоры, 226 войны, 235, 250, 257-8 отношение белых к, 234, 235-6, 242, 249-50 подавление белых, 26 Равенство вооруженных сил в, 70, 178 негров в, 69-71 Сегрегация в, 57, 66 Автоматизация, 135-150 приложений, 145-8 и черный труд, 142, 161-73, 194, 256 перемещение человека, 136, 137 издержки перемещения, 166-7 гибель негров, 227 ликвидация негров, 142, 162-73, 196 и занятость в правительстве, 156-7 и промышленность, 229 и безработица, 201 и правосудие, 197 и избыток рабочей силы, 148 и природа, 135 6, 138

1

В центре Торонто действует автоматическая система управления дорожным движением, регулирующая поток автомобилей и светофоры таким образом, что движение в час пик ускорилося на 33 процента и уровень аварийности снизился.

- Элмер У. Энгстрон из Американской радиокорпорации сообщает: "Одна из причин, по которой мы наслаждались долгим периодом процветания, заключается в том, что нам удалось избежать переизбытка товарных запасов! Раньше General Electric получала операционные отчеты от каждого из своих подразделений примерно через неделю после окончания каждого месяца; теперь они приходят через два-три дня после окончания каждой недели. К чему движется отрасль